

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ

КАУРАЙ

**ОТ ЗАКАТА
ДО РАССВЕТА**

Его часто видели на полях сражений, но не в составе армий, проливающих кровь во славу Спасителя. Он одинок, холоден и носит повязку на правом глазу, однако во тьме от него не укроется ни одна душа. К седлу его кобылы приторочена летучая метла, магический череп и могущественный меч, который нельзя вынимать из ножен.

Он преследует Дикий Гон — скопище ведьм, виновниц гибели его друзей и исчезновения любимой женщины. Он — Каурай, выросший в зарослях мор-травы. Ее вкус до сих пор горчит его обветренные губы.

Но чтобы воплотить задуманное, ему позарез нужно умереть. И сделать это придется с огоньком.

Каурай. От заката до рассвета
Александр Артемов

“Нет опаснее врага, свято уверовавшего в идеалы Добра и Справедливости. Такие не сомневаются”.

Неизвестный болтун

Когда всадник добрался до деревни, ветер уже сдувал пепел. Зарево полыхало всю ночь, к утру глазу предстали лишь тлеющие головешки.

Ближе к центру селения показались они — длинные колья, следы князя Крустника. Всадник насчитал с десятков жердей, вкопанных в землю. Любимое развлечение феборского владыки, которое он поставил на поток. Бедолаги еще дергались, словно гусеницы, насаженные на спичку, что не укрылось от единственного глаза, который оставили всаднику справедливые боги. На всякий случай он свесился с седла и пощупал собачий череп при седле. Его бледный друг мирно постукивал кобылку по боку, оставаясь все таким же холодным и молчаливым — слава святым и смелым.

Князь прошелся здесь огнем и мечом, почище ведьминой упряжки. Но и та забрала с собой немало жизней. Ночью никто не ушел обиженным, когда люди Крустника с ведьмами рвали друг другу глотки. Пройдет не так много времени, прежде чем в разоренную деревню пожалуют мародеры, дабы поживиться тем, что не успел пожрать огонь. Или еще кто похуже.

Очень не хотелось рисковать. Одноглазый и так потерял достаточно сил, которые могли бы пригодиться в дороге, конец которой пропадал во мгле.

Времени было в обрез, и всадник заставил кобылку бодрее переступать копытами. Порыв ветра принес за собой запах, от которого все живое предпочло бы умчаться вскачь. Кобылка недовольно чихнула и повела в сторону, сияясь миновать косую дорожку вглубь деревушки, словно корабль-призрак, выплывающей из белесого смога, но хозяин оказался упрямее.

Иной даже не подумал бы направлять лошадь в сторону этих руин — пристанища мародеров и одичавших собак, где путник не найдет ничего кроме пыли и неприятностей. Но всадник туда и стремился. Он не смыкал глаз уже несколько дней и Сеншес знает сколько недель не вылезал из доспехов. Под грудью мрачных туч, из которых за ночь не пролилось ни капли, пожарище служило ему путеводной звездой.

Хаты провожали гостя грозным видом почерневших окошек, выеденных пламенем. Соседние дома выдыхали бледный дымок, готовые вспыхнуть в любой момент. Дворы устилал девственно чистый ковер серого цвета, не тронутый ни единым отпечатком стопы. Кому посчастливилось выбраться наружу, нашли покой прямо посреди дороги. Лошадь сама обходила эти грустные холмики, почти не отличимые от общего пейзажа разорения и смерти.

На майдане посаженных на кол было еще больше — от воронья и стай жирных мух было не продохнуть. Сторонясь обгоревших тел, всадник спешил. Каблуки подняли целый столб теплившегося пепла, под которым смутно угадывался какой-то продолговатый предмет. Одноглазый поддел его сапогом, подхватил и задумчиво повертел находку в руках — пушистая метла на толстом черенке закружилась в пыльном воздухе. Он быстро, до хруста сжал черенок и треснул им оземь раз-другой. Снова пепел накрыл его едва ли не с головой.

Кобылка с неодобрением покосилась на его чудачества и взволнованно зафыркала.

Одноглазый похлопал ее по шее и быстро привязал метлу к переметным сумкам. Рядом с арбалетом и здоровенным двуручным мечом, еле намеченная гарда которого была намертво скреплена с ножами.

Отряхнувшись, одноглазый огляделся по сторонам — тихо, ни души. Живой, по крайней мере. Мертвым болтать не пристало, если не знаешь как развязать им языки.

Ночная сеча щедро раскидала тела с краснеющим на груди гербом Феборского княжества. Солдат с черным змеем, недобро скалившимся с алого как кровь поля, не жалели — рвали на части, ломали, жгли и рубили, словно тряпичных кукол. Иного исхода ожидать было глупо, ведьмам незачем баловать вполсилы. Уж если дамочки вышли на охоту, то урожай обещался знатный.

Воронье уже успело вдоволь полакомиться свежей плотью и добраться до самого сладкого — до глаз, но таких всадник обходил вниманием. Однако у тех, кто еще мог похвастаться хотя бы одним, он опускался на колени, стирал слой пепла с лица, с которого еще не сошел белый грим и разухабистая улыбка, начертанная углем, и поднимал мертвецу веки. Пару ударов сердца он не двигался, и, приподняв повязку, внимательно вглядывался в навечно затухший зрачок. Затем шагал к следующему мертвецу, чтобы проделать тот же ритуал. Видел он лишь смерть. Глаза мертвецов всегда открывали ему страшные картины, полные боли и страданий, но эта была особенно безумна. Ужасы ночной схватки заволокли его взор, который на мгновение стал взором солдата, жизнь которого снесло росчерком бритвенно острой косы. Сердце отсчитало десять ударов и за этот десяток, он успел увидеть многое. Полчища ведьм в небе. Огонь, кровь, крики. А потом быстрая, бесславная смерть. Так всегда, без ошибок и иллюзий.

Досмотрев жуткую сцену, одноглазый обратился к следующему ухмыляющемуся лицу, чтобы увидеть в потухших глазах ту же картину. Бедолагу подхватили крюком и уволокли под небо. Умер он от удара о землю.

Мертвецы скалились ему в лицо. Потешное войско князя Крустника, с которым они нянчились еще в бытность его мелким и злобным княжичем. Скоморошья банда, как прозвали их в народе. Немногие имели честь подобраться к ним так близко, когда лица феборцев покрывал слой белой пудры, а руки сжимали металл, и уйти невредимыми.

К посаженным на кол одноглазый не стал соваться. И так все было предельно ясно. Тут поработали с ведома Крустника. Когда-то и его отец любил баловаться чем-то подобным. Но старый князь Владислав не чета молодому. В плохом смысле. Молва приписывала почившему старику разные мерзости, но и подвигов было не счесть. Его сын, похоже, запомнится совсем другим.

Для отчаявшихся жителей деревни оставался один исход — храм Спасителя, чья под корешок срубленная Пылающая Длань и опаленные огнем белые стены высилась неподалеку. Начисто снесенные ворота единственного каменного строения в деревне встретили гостя тишиной и запахом гнили. За ними стояла горячая тьма и ни души. Только кучная цепочка следов уводила прочь из церкви и пропадала где-то за околицей.

Одноглазый сделал лишь шаг за порог и сразу же направился обратно, позвякивая шпорами. Уже на полпути к обеспокоенной кобыле ушей коснулся надоедливый звук.

Магия... — поприветствовала всадника собственная лошадь, оглушительно зевнув. Вернее, собачий череп у нее на боку, глаза которого светились легким розоватым светом. — Я чувствую магию. Много магии...

— С добрым утром, Щелкун, — мрачно проговорил одноглазый, поморщившись. Легок

на помине. Но тут он прав — магией поработали изрядно. Каждый камень, наверное, наелся ею до отвала. Скоро сюда начнут стягиваться все, кому не лень, чтобы слизать ее со стен.

Только не говори, что не рад снова услышать мой голос? — продолжал действовать ему на нервы Щелкун.

— Не скажу, — проворчал всадник. Череп мерзко расхохотался. Словно ржавой пилой черканули по стеклу.

Хорошо они поработали, да? — завел свою обычную болтовню Щелкун. — Упряжка Адэ свое дело знает. Жду не дождусь, когда мы сможешь поболтать с ней как в старые времена. На языке мечей и огня. Я так давно не пробовал женской плоти... Так давно. Это все ты виноват! Плохо работаешь, опричник! Я уже который месяц в отключке, голодный! Где это видано?!

— Заткнись...

И не подумаю! — злился Щелкун. — Где это видно? МЕНЯ? Голодным держать?..

— Заткнись, сказал... — процедил одноглазый и насторожился — ушей коснулся посторонний звук — крик? Голос? — Пожрешь, куда не денешься...

Он повел глазом вдоль разоренных домиков. Послышалось... или нервы, и так натянутые до предела бесконечной скачкой и болтовней этого черта, играют с ним в игры?

Но звук повторился — словно сквозь сон подвывал побитый пес, тихонько, но настойчиво. Значит, не слышалось. Одноглазый прислушался. Звук шел словно из-под земли, единственного места, которое огонь и железо миновали стороной. От колодца, откуда же еще?

Небольшая башенка с покатою крышей примостилась неподалеку; ткни такую, сама развалится. С каждым шагом звук становился все отчетливей, и прежде чем отбросить крышку и глянуть вниз, одноглазый если и мешкал, то лишь мгновение.

Эхо прокатилось до самого дна, где еле слышно плескалась и поблескивала черная вода.

— Эй, ты! Живой?

Мальчишка не ответил — только мигнули снизу две перепуганные звездочки.

Ух, надо же! — восхищенно проговорил Щелкун. — Живчик! Повезло ему. Пойдем отсюда, а?

— Подними меня! — в отчаянии принялся голосить бедолага охрипшим голосом. — Пожалуйста, ради всех Святых и Смелых!

— Не реви! — бросил одноглазый, пока срезал веревку и мастерил петлю — едва ли у колодца скоро объявятся новые хозяева.

Ты чего реально собрался спасти этого засранца? Да он поди заразный. Не глупи, слышишь?

Одноглазый не слушал этого болтуна — занимался веревкой. Другой конец удалось привязать к седлу. Кобылке сегодня еще придется потрудиться.

А мальчишка все надрывался:

— Дяденька! Все отдам, ничего не пожалею, только вытащи меня отсюда!

Череп не отставал:

Как же, не пожалеет он! Поди у тебя карманы камнями набиты? Или ты дашь нам водички попить из своего колодца? Ахахах, дуралей.

— Подмышками пропускай, слышишь! — крикнул одноглазый, когда петля шлепнула мальчишку по лбу.

— Стены слишком скользкие, дяденька!

Очко у тебя слишком скользкое, — хмыкнул череп.

Одноглазый сплюнул и ударил сапогом черепушку. Щелкун взвизгнул — то ли со смеху, то ли от обиды.

Когда веревка натянулась, он ударил кобылу по крупу. Веревка затрещала, натянутая до предела, но вопреки его опасениям выдержала. Вскоре у крив колодца показалось мертвецки бледное лицо с налипшими на него рыжими прядями. Одноглазый бросился помогать, и только когда податливое и ледяное тело в рваном платье безвольно распласталось на земле, он заглянул в стеклянные глаза и с отвращением осознал, что вытащил наружу окоченевшее женское тело.

— Сеншес тебя побери!

Мясо! — заверещал Щелкун. — Дай ее мне!

— Теперь меня, дяденька! — кричали из колодца.

Не терпится стать следующим, а, малец?

— Что за шутки? — зарычал одноглазый, заглядывая в колодец. — Тебе самому жить не хочется?!

— Хочется... Но я не мог оставить ее. Здесь.

Ругаясь себе под нос, одноглазый распутал петлю и вновь бросил ее в темноту. Веревка натянулась, и снова кобылке пришлось поднапрячься, прежде чем наружу не сунулись две дрожащие пятерни. Одноглазый сграбастал рыжеволосого мальчишку за шиворот и рывком вытащил наружу. Тот кубарем покатился по земле и сразу же бросился к телу, хватая мертвую за щиколотки, прижимаясь лбом к ее ногам и поливая слезами:

— Спасибо... спасибо, дяденька, что не бросил... — душили его горькие рыдания.

За спасибо сыт не будешь... А она походу уже протухла. Нет уж, ешь ее сам.

— Не реви, — бросил одноглазый мальчугану, запрыгивая в седло. — В живых еще кто-нибудь остался?

— Что?..

— В живых, говорю, есть кто-нибудь? Куда полетели ведьмы, знаешь? Ну!

Конопатое лицо, истерзанное слезами, непонимающе уставилось на грозного всадника. Мальчику на вид было годков двенадцать — тот возраст, когда еще сложно назвать его малышом, но и взрослым он станет нескоро. Почему-то он показался одноглазому смутно знакомым, хотя он и не мог взять в толк, где их пути могли пересекаться.

Да ничего он не знает. Ты только посмотри на него? Он там по-любому умишком тронулся. Ой, как нехорошо, ой, бедненький! Брось его, ему не до тебя...

— А, Чума! — вслед за Щелкуном выругался одноглазый, когда мальчика начало выворачивать. Зрелище родной деревни, засыпанной пеплом, заваленной истерзанными телами, половина которых была насажена на массивные колья, повергло его в настоящий ужас.

Да, зрелище было не из приятных. Из огня да в полымя.

— Давай руку!

— Куда?..

Куда?!

— Подальше отсюда, — сквозь зубы процедил одноглазый, сдерживая горячее желание дать лошади по бокам и умчаться прочь. И так слишком много времени потерял здесь... И ни на шаг не приблизился к цели.

— А она?.. — пацан как был, так и остался стоять на коленях, весь мокрый,

оборванный, дрожащий и покрытый пеплом. — Как же Маришка?!

Маришка с нами не поедет, — хихикнул Щелкун. Одноглазый только покачал головой.

— Нет... Нет! Мы должны забрать ее, нельзя ее так оставлять! — кричал мальчик уже на ногах, хватаясь за сбрую, глаза горели упрямством. — Нельзя, слышишь?! Это...

— А как насчет этих? Их тоже предлагаешь спасти? — кивнул одноглазый на тела людей, засыпанных пылью и грязью, замученных людьми Крустника, дожеванных ведьминой пляской. Он давно сбился со счета скольких из них забрала прошлая ночь, полная криков, огня и крови. Всем им суждено лежать здесь неприбранными еще множество дней, пока их будет терзать погода и клевать воронье. Или кто похуже...

Не успели глаза мальчишки снова пробежаться по следам скоморошьей ватаги Крустника, как он сложился пополам и принялся блевать по второму разу. Кажись, еще чуть-чуть и из него душа выпрыгнет.

Бедный мальчик... — проскрипел Щелкун. — Был бы я его отцом, я бы его пожалел. Но я всего лишь череп. Какой с меня спрос?

— Забери хотя бы ее... — выдавил наконец мальчуган.

Одноглазый хмыкнул и дернул поводья, но мальчик только сильнее вцепился в седло:

— Я могу бежать за лошадью! Только возьмите ее, похороните ее, пожалуйста. Я же обещал... Я... Я все, все сделаю для вас, дяденька. Обещаю!

— В самом деле? — ухмыльнулся одноглазый и навис над мальчиком, словно массивная черная гора, уставившись на него единственным глазом. — Сделаешь все?

Тот резко побледнел, словно его водой окатили. На глаза ему сразу попала дюжина длинных штыков, которые свисали с портупей по обе стороны пластинчатого нагрудника. И череп со светящимися глазами, и метла, покрытая пеплом, и тот страшный, огромный меч, который придется впору только палачу.

Он походу сейчас обоссется от страха! — возопил Щелкун. — Если что, я тебя предупредил.

Вооруженный до зубов всадник схватил мальчика за шкуру и чуть дернул. Через мгновение у бедолаги был такой вид, словно он бы с удовольствием откусил себе язык — лишь бы взять свои слова обратно.

Но парень только кивнул, едва протолкнув вязкий комок в горло.

— Хороший мальчик, — кивнул одноглазый и отпустил мальчугана, вновь отчего-то сомневаясь. Где он мог его видеть...

Вдвоем они не без труда, но уложили несчастную Маришку кобыле на круп. Скакунья рассерженно заржала, крайне расстроенная не только тем, что ее притащили на тлеющее пепелище, заваленное трупами, но и пытаются пристроить один из них ей на спину. Одноглазый оставил ее ворчание без внимания. На скорую руку привязал тело к седлу и тяжело взгромоздился на лошадь. Та недовольно фыркнула, но подчинилась. Пошла рысью.

Мальчишка, смахивая слезы, засеменял следом.

Станный ты... И зачем тебе лишние сложности? Какой сейчас месяц на дворе? Август, или уже сентябрь? Помогая каждому встречному-поперечному кмету, ты до зимы не увидишь даже хвоста упряжки. Будешь ползать по сугробам, околеешь, бестолочь! Я тебя выкапывать не буду!

До околицы было рукой подать, когда мальчик неожиданно вскрикнул и побежал в противоположном направлении, поднимая вал пепла в воздух.

— Подожди, я сейчас! — воскликнул он, обернувшись, и едва не растянулся на земле.

Ну наконец-то, — обрадовался череп. — Туда ему и дорога. Давай, бросай эту девку и поехали отсюда...

Одноглазый проигнорировал слова этого болтуна и, выругавшись, придержал лошадь: — Ты куда собрался, засранец?!

Но мальчик уже скрылся за поворотом. Несся он с такой скоростью, как будто за ним увязалась вся ведьмина упряжка и Сеншес за компанию. Одноглазый злобно сплюнул, но развернул кобылу, что ей вдвойне не понравилось — снова на это кладбище?

Босоногие следы мальчишки тянулись к небольшой хатенке, которой повезло пострадать чуть меньше прочих, и пропадали за порогом. Крыша дома, пусть и пострадала от огня, но еще держалась, исходя легким дымком. Одноглазый задержал лошадь у плетня, выждал немного и кликнул мальчишку, помянув пару раз его по матери за нерасторопность. Хатенка ответила ему гробовым молчанием.

Может быть, он забыл суп на печи?

Тогда одноглазый, разрываемый горячим желанием послушаться своего спутника — бросить труп на землю и умчаться подальше от этого трижды проклятого места, спешил и пересек двор. В спину ему полетели проклятья и увещевания.

Но одноглазый и сам не понимал, какой Сеншес держит его здесь, ведь это ни на шаг не приблизит его к неуловимому Гону. Но нечто не давало ему просто так бросить мальчишку на произвол судьбы. В его глазах он уловил нечто смутно знакомое...

Когда одноглазый сунулся под крышу, в голове созрела жажда выпороть мальчику до комариного писка — дай только выбраться отсюда. Не успел он оказаться в сенях, как из комнат раздался грохот. Одноглазый раскрыл дверь и оказался в жилой половине. Навстречу ему с веселым металлическим звоном вылетел тусклый медяк — не спеша монетка прокатилась по полу и звякнула о сапог одноглазого.

Найти засранца труда не составило. Он стоял в углу мрачной, обгоревшей комнатушки, дрожал и не мог вздохнуть. Крупные капли слез катились по его подбородку. К шее был приставлен огромный мясницкий нож. По полу была рассыпана горка монет.

Одноглазый молча поглядел на бородатое лицо, покрытое шрамами, как паутиной, сплюнул и бросил взгляд в окно.

Самый смелый крутился у лошади и силился схватить ее за уздцы, пока его дружки перелезали через плетень, поблескивая ржавым железом ножей, топоров и набивок на дубинках. Человек десять, не меньше. Мародеры, или еще какая сволочь, которая орудует в тылах.

А ведь одноглазый до последнего надеялся, что ему сегодня повезет и не придется обнажать сталь. Ошибся.

Мародеры шли на него совершенно безмолвно. Они никогда не задавали вопросов, и них бессмысленно было вымаливать пощады. Всем и так было понятно, что эти отчаянные ребята пойдут на все, чтобы выживать. И убивать, чтобы не убили их.

— Не бросай меня... — пробормотал мальчик с глухой мольбой в голосе. Кровь струйка за струйкой катилась по его шее и смешивались со слезами.

Договорить он не успел, как одноглазый бросил руку к португее. В следующее мгновение мародера отбросило назад и припечатало к стене. Он дернулся и обмяк. Из глазного яблока у него торчал штык длинной в локоть — лезвие пробило мародеру череп и глубоко ушло в деревянную стену.

Оставив мальчика на полу забирать ртом воздух, одноглазый вернулся в темноту сеней

— в руках танцевали два длинных штыка, острые и хищные как когти гарпии. Первого мародера он встретил на пороге. Наткнувшись в полумраке на горбатую тень, тот замахнулся бердышом, но по глупости задел им о низкую притолоку, это его и сгубило. Штыки прошили ему брюхо, глубоко закопавшись во внутренностях. Мародер булькнул, раскинул руки и застрял в дверях, пока кровь заливала ему сапоги. Когда одноглазый вырвал штыки, он покачнулся и рухнул на пол как подкошенный.

Следом в сени ломанулись сразу двое, подпираемые сзади еще парочкой. Чертыхаясь на чем свет стоит, они перешагнули через своего горе товарища и, поскальзываясь на натекшей крови, начали кричать и один за другим валиться на пол.

Одноглазый оцетинился штыками и методично вспарывал им животы, резал щиколотки, прошивал глотки и выбивал испуганные глаза. Трое мародеров расстались с жизнями за какие-то десять ударов сердца. Еще один бросился бежать, но, не успев сделать и пары шагов, рухнул навзничь со штыком, торчащем из спины. Одноглазый прижал его к полу, вырвал клинок и одним ударом прервал поток запоздалой мольбы о пощаде. Слишком поздно.

Их поделники столпились во дворе и не спешили соваться в дом, откуда доносились страшные, захлебывающиеся крики. Все затихло, а они все ждали, окликивая мертвецов по именам.

Когда он вышел к ним, двое попятились. Еще парочка, обгоняя свои тени, пустилась наутек при виде того, как из темноты вылезает здоровенная, горбатая глыба, поблескивающая металлом. Забрызганная кровью, злая и страшная, как сам Сеншес, она шагала на них, сверкая острой сталью. И лишь один, дюжий бородатый боров, с воинственным рыком замахнулся на врага бердышом. Одноглазый ушел в сторону, разминувшись с разящим обухом, но не остановился — поднырнул медлительному мародеру под руку и сунул локоть стали под ребро. Тот крякнул и скривился, а штык уже выходил из него, щедро пуская алую кровушку. Подскачивший сбоку мародер думал огреть одноглазого дубинкой, но свалился от незатейливого тычка в лицо. Не успел он подняться, как и ему вспороли брюхо.

Последний оставшийся дурень дергался, сопел и стонал от страшной боли в руке, которую ему прокусила разозленная кобыла. В отчаянии он силился обнажить двуручный меч у ее седла, но тот не давался, словно приросший к родным ножнам. Череп качался на седле как маятник, осыпая недотепу последними словами и призывая кобылу куснуть его за яйца.

— Что, силенок не хватает? — ухмыльнулся одноглазый, не спеша вмешиваться.

Лошадь изловчилась и изо всех сил сомкнула зубы на предплечье мародера. Тот завопил, упал на колени и в отчаянии принялся отдирать лошадиную морду от своей израненной руки. Кобыла только выгнула спину и сильнее сжала челюсти, рассчитывая вырвать кусок мяса посочнее. Мародер истошно выл, упирался, взрыхляя землю сапогами, пытался попасть кулаком ей по морде. Все без толку.

— Дай помогу, — отозвался одноглазый, поднял с земли бердыш и разнял их одним ударом.

Мародер кубарем покатился по земле, а его отрубленная по локоть рука осталась в зубах кобылы. Та встряхнула мордой раз-другой, довольно всхрапнула и отбросила руку, слово гнилое яблоко.

— Не благодари, — похлопал ладонями одноглазый и вернулся в хату.

Мальчишку он нашел забившимся в угол. В трясущихся руках он держал мясницкий нож, острие которого еще недавно готовилось рассечь ему сонную артерию. Глаза его были широко раскрыты.

И тут одноглазый узнал этот взгляд. Смерть. Он видел ее в зеркале.

После недолгих церемоний они завернули Маришку в плащ. Как ни жаль одноглазому было с ним расставаться, ничего лучше под рукой не нашлось. Этот потрепанный кусок ткани отходил с ним не одну сотню лиг, побывал во множестве переделок, а теперь готовился подарить покой незнакомой особе. Могилу устроили подальше от селения — в глубине неприметной рощицы, куда редко проникал солнечный свет и где бедняжку едва ли найдут любители полакомиться свежей мертвечиной.

— Погоди... — остановил мальчик одноглазого, уже готового забросать яму землей, соскочил вниз и отвернул полу плаща.

Прекрасная мишень! — не замолкал Щелкун. От греха подальше одноглазый сунул его в сумку, но и оттуда черепушка голосила, как заведенная. — Просто ударь пацана лопатой и наскоро забросай трупы землей. Этим все и кончится. Неужели ты хочешь взять его с собой?.. Зачем? Тебе чего меня одного мало? Так заведи себе собаку!

Проказа! — сплюнул одноглазый. От его неумемной болтовни уже пухла голова, да и еще этот парень, от одного вида которого хотелось провалиться под землю. Он до последнего не желал верить, что этот мальчик — умело расставленная для него ловушка.

— Прощаться надо было раньше, — проворчал одноглазый, вонзил лопату в землю и выпрямился — насколько ему было позволено природой. Чума! — вновь скривился он, пытаясь унять резкую боль в пояснице. Там что-то основательно хрустнуло, стало только хуже...

Старый уж, — хихикнул его спутник из сумки. — Седина в бороду — бес в ребро!

Сложно было припомнить, сколько дней он скакал без передыху, без нормального сна, не снимая доспехов, почти загнав свою лошаденку на тот свет. Один Спаситель ведает, да сама кобыла, которая понуро щипала травку неподалеку.

Смог забрал весь пейзаж насколько хватало глаз — повсюду горели деревни, а с ними занимались леса. И как под таким покрывалом углядишь, в какую сторону направился Гон? Тупик. Тупик, как он есть. Столько ночей потрачено зря.

Тучи по-прежнему низко висели над иглами деревьев и не отдавали земле ни капли. Казалось, еще чуть-чуть и эта серая масса коснется шпиля сгоревшего храма и оглушительно лопнет, щедро обдав окрестности вождеденной влагой и гремучими молниями. Где-то вдалеке прокатились раскаты, поднялся ветер, зашелестела трава.

Надо было быстрее кончать с этим делом и поторапливаться. Если поймать упряжку за хвост ему не удастся, то стоило хотя бы осмотреть окрестный лес, куда уводила длинная цепочка из сотен следов, пропадающих глубоко в чаще. Возможно кто-то из выживших и сможет подсказать ему, куда полетела ведьмина упряжка...

У крестьян Пхеи всегда был богатый опыт общения с местными князьями, прятаться в лесах для них дело привычное. Старый князь сменяется наследником, охочим до боевых подвигов, и не пройдет и десятка лет, как старые распри между княжествами разгорятся с новой силой. Не успеет крестьянин восстановить хату после последней сечи, как снова на дороге виднеются стяги одной из воюющих армий. А значит, пора пускаться под защиту родных крон.

Тут из могилы показалась растрепанная мальчишечья шевелюра. В кулачке парнишка сжимал шнурок с какой-то безделушкой на конце, другой рукой он смазывал вновь

проступившие слезы.

Еще один шанс, — шептал Щелкун. — Пока он не видит... Так и быть, прощу тебе этот грех, сын мой. Он станет ангелочком с крылышками и маленькой пипкой. Будет играть в стекляшки на коленях Спасителя! Выкладывать ими слово — “мудак”.

— Как там, говоришь, ее звали?.. — отогнав постыдную мысль, подал ему руку одноглазый. Зараза, зачем он и вправду продолжает никому не нужный диалог? Еще пока они везли умершую в лес, не раз и не два он спрашивал себя, почему? Послушался бы Щелкуна хоть раз в жизни, и раскроил бы мальчишке череп. Еще один грех к коллекции — одним больше, одним меньше. Лопата так и жгла ему пальцы.

— Маришка... — выдавил мальчуган и крикнул, вылезая из могилы. — Я обещал защищать ее. Жениху ее обещал и... Вот.

— Это что же сестра твоя что ли?

— Ага.

подавив в себе всю рассудительность, он вбил острие лопаты не мальчишке в лоб, а в горку земли. Закапывать могилу было куда легче, чем ковырять эту грубую, заросшую корнями почву.

Набросав небольшой холмик, одноглазый бросил лопату. Да пошло оно все.

— Проказа... — выдохнул он, разминая позвонки, но не успел он сделать и пару шагов к лошади, как едва не упал — головокружение накрыло его, чуть не прихлопнув о землю.

Эй! Ты не помри у меня тут! Слышишь?

Ругаясь, он все же смог добраться до стремени и сделать неуклюжую попытку сунуть туда ногу, но так и остался стоять, навалившись на седло. Силы на то, чтобы забраться кобыле на спину, куда-то испарились.

Он не помнил, приходилось ли ему выматываться сильнее. Наверное, никогда.

Кобыла понимающе заржала — она тоже была на последнем издыхании.

Вот она глупость. Во всей красе. Правду говорят — мудрость приходит рука об руку со старостью. Но чаще всего старость приходит одна.

Мысленно послав его к Сеншесу, одноглазый сделал усилие. И рухнул в траву пластом. Ловушка захлопнулась.

— Дяденька, тебе плохо!

Не стой столбом, дурак! Сделай что-нибудь! Плесни ему в лицо водой! У тебя же в том колодце было много воды, ну и где она вся? Эй, не вздумай тут у меня умирать, слышишь! Тебе еще столько нужно убить!

— Без тебя знаю... — отмахнулся одноглазый не в силах противиться нахлынувшей усталости. Откинул голову и прикрыл уставший глаз. Короткая передышка не помешает... А потом...

А потом он может не проснуться.

* * *

...разбудил его запах мертвечины.

Он дернулся и открыл глаза — и без того мрачную рощу затопила непроницаемая тьма. Лишь местами ее разгонял скупой свет, ручейком льющийся с неба. В этом потустороннем сиянии гуляли тени, раздавались голоса и выл ветер, пронизывающий до костей.

— Гвин...

Он хотел подняться, но боль помешала ему — тело сковала железная колючка.

— Гвин... — шептали бескровные губы.

Она появилась так тихо и внезапно, что казалась призраком. Ее стройные ноги ступали по траве так мягко и плавно, словно их хозяйка была невесомой. С каждым ее шагом смрад все усиливался, а зубья вгрызались в мясо, словно пила, лишая его разума и превращая в животное, которое просто хочет жить.

Когда луч света коснулся ее кожи, обнажилась и чудовищная рана, пересекавшая ей грудь с животом — от шеи до пупка.

Он затрепетал от одного вида этой черной отметины. Он знал, кто оставил эту рану.

— Гвин... ведь это сделал ты, — раскрылись ее губы в страшном оскале. — И сделаешь еще много-много раз.

Теперь смрад стал непереносим, а зубья пилили и пилили его несчастную плоть.

Он не хотел этого, но рука сама потянулась к рукояти гигантского меча. Пальцы сомкнулись и потащили его из проклятых ножен. Меч не сопротивлялся.

Она подошла вплотную — ее зубы сомкнулись на его кричащих губах, а меч все глубже и глубже вонзался ей в грудь...

* * *

Он проснулся, дрожа словно в горячке — все в той же роще, у того же дерева, но никакого небесного света не было и в помине. Как и колючки. Как и ее.

Тьма стояла стеной, мрак разгонял лишь дрожащий свет от костра. Спасенный им мальчуган сидел перед горящими поленьями и помешивал в котелке что-то вкусное. Закипало.

— Проснулся?

— Что?.. — одноглазый помотал головой, сияясь сбросить печать кошмарного сна. Боясь услышать тяжелые шаги из темноты. В голове все шумело, тело ломало так, что любое движение тут же отзывалось в каждой косточке.

Уже ночь? Отключился, стоило только прилечь...

— Я спал?..

— Почти сразу вырубился. Уж и сильно ты умотался, дяденька!

— Да уж... — нахмурился одноглазый и потер затекшую шею. Он впустую проспал целый день, бестолочь, словно и нет у него за спиной плаща из забот. Теперь лишь Сеншес ведает, в какую сторону направила свои метла ведьмина упряжка. Значит, эта бешенная скачка пропала зря, и ему снова придется искать иголку в луже с дерьмом.

Вдобавок он и пальцем пошевелить не может, чтобы не скривиться от боли. Прекрасно. К тому же, мальчишка все еще жив. И он тоже.

Чума, Проказа, Тиф и прочие Сеншесовы жены. Ловушки не было?.. Он слишком хорошо знал ведьмино коварство, чтобы просто так отбросить эту мысль. Но вот он сидит у костра — целый и невредимый, пусть и помятый, как старый бурдюк.

— Я накормил твою кобылу и чуть ослабил ей подпругу, — глянул на него из-под непослушной челки мальчуган, облизывая ложку. — Но вот распрягать не решился.

— Зря, — устало ухмыльнулся одноглазый и сощурился в ту сторону, где действительно угадывались черты его скакуньи. Тоже живой, пусть и страшно вымотанной. Щелкун все еще лежал в сумке и помалкивал. Они были далеко от деревни, и здесь магия вся вышла — слава святым и смелым.

— Красотка очень не любит, когда ее боятся.

— Ух, и злющая она! Ты ей походу спуску не давал.

— Как тебя звать-то?

— Игриш, но ты можешь звать меня Гриш, если хочешь. Это я должен тебя благодарить. Если бы не ты... даже подумать страшно.

— Ты просидел там всю ночь?

— Похоже на то... — поджал губы паренек. — Думал, что еще чуть-чуть и точно душа выскочит — так холодно было. Все надеялся, что кто-нибудь из солдат все-таки вспомнит обо мне и сжалится. Но нет. И как я не простыл...

— Что они забыли в вашей деревне? — спросил одноглазый, подсаживаясь поближе к огню. Глупый вопрос — сам же видел мертвых вояк, которых смерть застала со спущенными портками. Отчего-то глаз у них не было.

— Пришли на постой, — горько ухмыльнулся Гриш. — Ну, как они это называют. Маришку долго мучили и бросили в колодец, когда натешились. Я пытался ее вытащить, но она уже была... — он хлюпнул носом. — Наверное, сильно ударилась, когда падала, и наглоталась воды. Потом и я отправился вслед за ней. Мне повезло больше.

— Это как сказать, — хмыкнул одноглазый. — А дальше?

— Дальше? Ничего, — пожал мальчик плечами. — Я сидел внизу и держал Маришку — не хотел, чтобы она потерялась. Приходилось слушать, как «веселятся» наверху. А потом... Не знаю, но произошло что-то еще. Что-то нехорошее. Запели рога, начали кричать и кричали долго. А потом все оборвалось в один момент, и начался пожар.

— Иными словами — к ним наведалься Дикий Гон.

— Шутишь?..

— Если бы, — сплюнул одноглазый в костер. — Полчища ведьм всегда летят в места, где бушует война. Поля битв и разоренные селения их вотчина. Смерть и огонь везде, а сильные мира сего слишком заняты войной и грабежом, чтобы обращать внимание на тылы. Никто не помешает ведьмам забрать любого, чтобы бросить в пасть к своим темным божкам. Или набрать послушников — оставшиеся без крова крестьяне сами слетаются к ним, как мотыльки на огонь.

— Наши из храма, про которых ты спрашивал... Думаешь их забрали!?

— Кто знает... Возможно, им удалось сбежать и укрыться в лесу. В храме все вверх дном, море крови и запах... гнили, — одноглазый снова сплюнул. — Хорошо бы порыскать и поискать выживших, но думаю скоро они сами найдут нас. После заката бегать по лесу — гиблое дело. Знаешь, что находится там, дальше?

— Болота, — поежился мальчик. — Если зайти совсем далеко.

— А что на болотах?

— Об этом только деды знали. Но мы туда не ходим. Гиблое место.

— Ведьмы любят глухие и гиблые места. Иногда там можно откопать... всякое. Древние курганы, массовые захоронения — много подарков досталось людям еще со времен Эпохи цветов.

— ...и откуда ты все это знаешь?

— Мне положено об этом знать. Я иду у ведьм по пятам.

Мальчик сглотнул:

— Ты опричник?! — задал он вопрос, от которого его пробил дрожь. Бедный мальчик. Шустрика при седле не заметил бы только слепой. Вон он — устало покачивался у бока его кобылки и прорезал тьму пустыми глазами.

— Да, — не стал врать одноглазый. — И, похоже, я сбился со следа. Теперь едва ли смогу нагнать ведьм, когда они соберутся на шабаш.

Он осекся и бросил взгляд в сторону могилы. На ее месте высился целый холм полевых цветов.

— Ты это сам?.. — поднял бровь одноглазый, но мальчик не успел ответить.

— Я помог чуток, — вместо него донеслось из темноты.

Одноглазый повернулся на голос, но не смог разглядеть ничего, кроме неясных очертаний. Костер разгорелся вволю и мешал разглядеть в темноте хоть что-то.

— Не рыпайся, одноглазый. А то хуже будет.

— Кто там гавкает? Выйди на свет!

— Сначала хочу понять, что ты за птица такая — из какого балагана сбежал. Знай, что выбить тебе второй глаз — раз плюнуть. Только дернись, и я с удовольствием...

— Богдан... — начал мальчик, но человек в тених оборвал его:

— Тихо! Сам-то слышал, что тебе плетет этот опричник?

— Богдан, он спас меня...

— Тихо, я сказал! На поле брани под Мышарой я видел черного всадника — с мечом и собачьей черепушкой при седле. Решил уже не свихнулся ли я от боли? А это был именно ты, готов об заклад биться! Уж не знаю, что ты там забыл среди воронья и моих павших товарищей...

— И ты там тоже был?

— Да. Истекал кровью. Подними руки!

Одноглазый медленно сделал, как он велел, но при этом как бы невзначай сдвинул повязку с правого глаза. На мгновение тьма из непробиваемой черноты обернулась бледно-голубым и раскрыла все свои секреты. Он увидел перед собой юношу, закованного в кольчугу. И если бы не оборванные шаровары, наскоро перевязанная голова и затравленный взгляд, парня можно было бы назвать даже угрожающим — шириной плеч и ростом он мог похвастаться знатным. Но не это беспокоило одноглазого больше всего. На сгибе локтя парень держал заряженный арбалет, направленный ему прямо в переносицу. Очень знакомый арбалет.

Проказа.

— Еще большой вопрос, что он собрался сделать с тобой после того, как ты уснешь, Гриш, — проговорил Богдан, не опуская оружие. — Видал я его вещички — метла, собачий череп да связка штыков! Добрые люди с такими вещами не ходят. Не так ли, колдун? Что, отстал от своих?

После этих слов глаза Гриша округлились: он испуганно глянул на одноглазого, точно увидел того впервые в жизни, и юркнул поближе к своему защитнику.

— Тут ты прав, меня сложно назвать добрым малым, — ухмыльнулся одноглазый. — И спас я его не по доброте душевной — просто надеялся, что отыщу в развалинах хоть кого-нибудь, кто подскажет, куда полетела ведьмина упряжка. Но, увы, не срослось. Однако все, что я сказал мальчугану — чистая правда.

— Ты даже не назвал своего имени, — заметил Гриш.

— И вправду. Можешь называть меня Каурай,

Парень с арбалетом заметно напрягся, что не укрылось от Гриша:

— Ты знаешь его?

— Слышал об одном негодяе, которого так звали, — сообщил Богдан, крепче сжимая оружие. — Говорят даже, что на самом имени этого человека лежит проклятье, и произносить его не к добру. Этот черный-черный человек постоянно бродит по полям

сражений, держась у войска в тылу, накликаая на него неудачи и болезни. И в бою он, словно дьявол. А еще я слышал, что любого дурака, который решит покрасоваться этим имечком, немедля ждет хорошая взбучка. Ты же не из таких?

— Увы, нет, — хохотнул одноглазый. — Но я бы предпочел, чтобы меня хорошенько проучили, чем действительно быть, кем я есть. Однако, я — Каурай, опричник, и нет на этом имени никакого проклятья, уверяю тебя. Если не считать проклятьем кучу золота, которую обещает за мою голову Крустник, князь Феборский. Но не думаю, что ты с ним в большом ладу.

— Смелые слова!

— Может, опустишь уже эту штуку? Она все-таки тяжелая, а у тебя уже пот со лба градом течет. Поди нелегко целиться одной рукой?

— Что?.. — удивленно моргнул Богдан и покачнулся. — Ты видишь меня в такой темноте?

— А еще я вижу, что этот арбалет раньше висел на моей лошади. Как и меч, который ты также взял без спросу. Я, конечно, уважаю ремесло верных сынов Пхеи, но уверен, что фуражировка это немного про другое.

— Шутки шутишь? — скривился парень. — А мне вот не до шуток. Твое добро пока побудет у меня, а попробуешь выкинуть какой-нибудь фокус, колдун, я не посмотрю, что ты безоружен — долго в ножнах твой меч не пролежит.

— Вот это делать не советую. Порежешься еще. Лучше давай ты опустишь арбалет, и мы оба присядем у костра, чтобы наконец поужинать не как враги, а как просто случайные попутчики, которых свела бурная ночь. А то котелок уже начинает выкипать.

Каурай был прав — котелок уже давно требовал, чтобы его сняли с огня.

— Там лежит твоя невеста? — решил сменить тему одноглазый, кивнув на могилу в цветах.

— ...да, — чуть помешкав, вымолвил Богдан почти неслышно. — Его сестра, — он кивнул на Гриша, который занимался котелком. Тень легла на его глаза:

— Гриш говорил, ты похоронил?..

— Ну, хоть одно доброе дело на моем счету, — выдохнул Каурай, когда заметил, как опускается арбалет. Только тут он осознал насколько проголодался.

Они сгрудились у котелка и принялись молчаливо пережевывать пищу. Каурай чувствовал себя ужасно глупо.

Богдан сидел, отложив меч подальше, и не сводил с одноглазого подозрительного взгляда. При свете костра выглядел парень не очень: под покрасневшими глазами залегли тяжелые мешки, нездорового цвета лицо покрывала грубая щетина. Это еще не говоря о больной руке на перевязи, да и ходил он неважно — сильно подволакивал ногу. Полный набор болячек, с такими заснуть будет ой как нелегко.

— Я ценю, что ты спас Гриша от смерти, пусть и преследуя какие-то свои цели, — нарушил затянувшееся молчание Богдан, не успели они вычистить котелок. — И... — он опустил глаза и, кажется, покраснел, — ...и все остальное.

— Но?.. — поднял бровь Каурай.

— Но, — кивнул Богдан. — Тебе придется рассказать, что ты забыл в этих землях. Сначала скажи честно, ты — колдун?

— Нет, — мотнул головой одноглазый. — Будь я колдуном, то не болтал бы тут с вами, а, как и все колдуны в округе, резвился бы да упаду среди другой нечисти. Дикий Гон идет

полным ходом.

— Если ты не колдун, то зачем тебе метла?! — воскликнул Гриш.

— Мусор убирать. Мусор, который оставляют за собой ведьмы из Дикого Гона, этим я здесь и занимаюсь. Таково мое опричное ремесло, — ухмыльнулся Каурай и потянулся к мечу. — Это все, что вам пока следует знать, друзья мои. А теперь я попрошу назад мое барахло.

Богдан же вцепился в ножны мертвой хваткой, словно и вовсе не собирался уступить его хозяину.

— Понимаю, наивно ожидать ясности от такого пройдохи как ты. Но, только удостоверившись, что не помогаю демонопоклоннику, я верну тебе оружие, — сказав это, он встал на ноги и оперся на меч, словно на шест.

— Какие же доказательства тебе нужны? Хочешь, чтобы я достал раскаленную подкову из огня или сел на метлу? Не смейся, у тебя сейчас и своих забот полон рот: не вырытые могилы, клятвы, долги перед страной...

— Клятвы и долг — это мое дело, колдун. Едва ли такой бродяга как ты вообще понимает, о чем завел разговор!

— Я не колдун, — сверкнул глазом Каурай, эти расспросы его уже порядком достали. — Я лишь скромный опричник. А мои дела с нечистой силой большинство людей вообще касаться не должны. Если слухи обо мне в чем-то и правдивы, то только в одном: преградишь мне путь — хапнешь лиха. Так что слушай сюда, — он поднялся и ткнул того пальцем в грудь. — Давай не станем впустую тратить время друг друга, и, как рассветет, разойдемся в разные стороны. Я тебе ничего не должен. Как раз наоборот.

— Тут ты ошибаешься, — решительно проговорил Богдан, заглядывая Каураю прямо в широко открытый бледно-серый глаз. — Теперь твои дела с нечистой силой — это мои дела с нечистой силой. Если ты и вправду чистишь землю от этой погани, то я собираюсь отправиться вместе с тобой!

— Что?! — воскликнул Гриш. — Зачем?!

— Ради мести, — не поворачивая головы, бросил Богдан. — Ты покажешь дорогу, колдун, остальное сделаю я.

Каурай презрительно хмыкнул:

— Ради мести? Святые и смелые, кому же?! Дикому Гону? Нет, это гиблое дело, парень. Однако какими злобными стервами не были бы эти ведьмы, не они виновны в смерти твоей любимой. Скорее ты должен быть им благодарен — ведьмы позаботились, чтобы ее убийцы умерли медленно и в мучениях. Посему, чтобы наказать виновных, тебе придется сунуться к самому Сеншесу, в стольный град Пандемониум. Туда ты можешь отправиться и сам, без моей помощи.

— А разве то, что они сделали с моей родной деревней, не достойно мести?! — воскликнул Богдан, крепче сжимая меч Каурая. — Они сожгли деревню дотла и ушли безнаказанными! Это ли не достойно мести?!

Вслед его словам поднялось ветрище — взметнув над их головами целый ворох пожелтевших листьев, в воздухе запахло чем-то изрядно подгнившим. Гриш поежился и обернулся к кобыле Каурая, разбуженной перепалкой двух полуночников. Стреноженная Красотка плясала на месте и рвалась на волю.

— Послушай, — спокойнее проговорил Каурай, замечая, как в глазах Богдана кипит с трудом сдерживаемая ярость. — Месть — штука сладкая, но отравленная. Некому тебе там

мстить. Люди, которые зашли в деревню жечь и грабить, погибли страшной смертью еще прошлой ночью. А Гон — это моя забота, которая не принесет мне ни тени славы. Только мучительную гибель, или возможность оказаться в рабстве у существ, жестокость которых не идет ни в какое сравнение с жестокостью людей.

— Не боюсь я ничего. И не нужна мне никакая слава! Единственное, что интересовало меня в жизни сейчас закопано глубоко в земле, и больше никогда не поднимется. Ты либо поможешь мне добраться до тех, кто в этом виноват, либо прочь с дороги, колдун! — выплюнул ему прямо в лицо парень и попытался обнажить клинок. Напрасно — рукоять так и не сдвинулась с места, как он не пыжился.

— Каши мало ел, а? — ухмыльнулся Каруай в озадаченное лицо Богдана, пока тот дергал неуступчивую рукоять, поднял каблук и вдарил парню в живот. Богдан с оханьем повалился на землю, и не успел он понять, что произошло, как Каурай прижал его к траве коленом.

— Большая ошибка! — прошипел одноглазый, вырвал у него из рук клинок, который так и остался упрямо сидеть в ножнах, и с жуткой усмешкой схватил парня за лицо. Тот попытался вырваться, но одноглазый был беспощаден — приподнял повязку и взгляделся в его раскрытые от ужаса глаза.

В них было небо. Забранное тучами, темное и мрачное. И неоглядный простор, как будто Богдан забрался на башню и готовился вот-вот сигануть вниз. Там был и Гриш, верхом на метле, но правила ею рыжеволосая прелестница. Это бледное лицо одноглазый хорошо помнил. Ее могилу он сооружал еще утром...

Проказа!

Все произошло настолько быстро, что Гриш не успел даже ахнуть. Красотка испуганно заржала и взбрыкнула, пятясь назад, но веревки мешали ей.

Пока Гриш помогал Богдану, Каурай пытался унять лошадь, но в нее словно бес вселился. Она металась из стороны в сторону и пару раз едва не укусила хозяина. Казалось, была уже готова отгрызть себе ногу, лишь бы убраться отсюда.

— Стой! — крикнул Богдан в отчаянии, решив, что одноглазый уезжает. — Прости! Прости меня, умоляю! Что ты хочешь? Денег, драгоценностей, золота? У меня ничего нет! Ничего, кроме мести! И я все равно сяду тебе на хвост, так и знай!

— Тихо! — шикнул на него Каурай, вытаскивая Щелкуна на свет божий. Выругался — Щелкун просыпался. На месте темных глазных впадин собачьего черепа мерцали две алые точки... Цвета крови.

А вокруг все сильнее сгущался тяжелый запах гнили.

Гниль. Проказа...

Ага, они приближаются! — торжествовал Щелкун. — Что я тебе говорил?!

— Гриш! — кликнул Каурай мальчугана и схватился за арбалет. — Помнишь, ты обещал, что сделаешь для меня все?

— Ага, — испуганно отозвался тот, с замиранием сердца глядя как Каурай натягивает тетиву.

Услышав это, Богдан снова чуть не упал:

— Что ты обещал ему?..

— Втаскивай этого героя в седло! И уезжайте отсюда, быстро!

— Что?.. — вопрос повис в воздухе, когда за их спинами зашелестела трава и к их костру нагрянули неожиданные гости.

Гриш не сразу заметил ее.

Когда страшная, изломанная тень вошла в круг света, разнося вокруг себя зловоние, он чуть не умер от ужаса.

Почерневшая, сторбленная фигура утробно заворчала, булькнула, сложилась пополам и выблевала в их костер какую-то черную жижу. Последний источник света потух, и тьма заволочла рощицу.

Щелкнула тетива, и свистнувший болт разнес умертвию голову, глубоко войдя в череп. Свернутая набок волосатая башка хрустнула, заваливаясь за спину, но чудовище только упало на четвереньки и, заходясь ревом, поперла на первого, до кого могла дотянуться — а им был Гриш, скованный паникой и темнотой. По счастью, Богдан оттолкнул мальчика в сторону и навалился на тварь всем весом, однако быстро осознал свою смертельную ошибку. Короткая борьба привела лишь к тому, что он сам взвыл и попытался безуспешно отодрать когтистое чудовище от себя. Зубы клацнули почти у самого его носа, когда Гриш изо всех сил замахнулся лопатой и вскрыл твари башку. Умертвие на мгновение разжало когти, и Богдан отбросил его ударом ноги. Оно рухнуло на спину, но тут же вскочило, вороша землю когтями. Навстречу полетел второй болт — со свистом прошил грудную клетку и прибил барахтающееся тело к стволу дерева.

— Вставай, вставай быстро! — зарычал Каурай, пока Богдан извивался на земле, сясь подняться.

К нему поспешил перепуганный Гриш. Он подхватил парня под локоть и попытался оттащить от чудовища как можно дальше — туда, где отчаянно бесновалась Красотка, единственный путь к спасению. Умертвие бросило бесплодные попытки отодраться от дерева и, изрыгая из себя остатки внутренностей, заревело на всю округу.

Ей ответил еще десяток ревущих глоток.

— Уезжайте, уезжайте, чума вас поберет! — кричал Каурай, отбрасывая бесполезный арбалет, и хватаясь за штыки. Но тут зов твари подхватили сотни ее сородичей, и во мгновение ока вся роща обернулась крошечным адом, заполненным множеством блестящих огней.

Богдан сидел в седле и пытался помочь Гришу вскарабкаться следом, но стреноженная кобыла не могла сделать и шагу. Чудовищный рык приближался, заставляя бедное животное отчаянно брыкаться и зубами рвать путы на ногах, мешающие ей спасти свою лошадиную

жизнь. Пришлось Гришу скатываться на землю и, рискуя получить удар копытом, рубить веревки лопатой.

— А как же ты?! — тонким голосом заверещал он, когда лошадь освободилась.

Каурай сорвал повязку и посмотрел ему прямо в глаза. Сердце мальчика учащенно отбивало дробь, но когда Игриша взгляд столкнулся с правым глазом Каурая, оно на мгновение пропустило один удар и подпрыгнуло. Каурай ясно видел бледное, вытянувшееся лицо Игриша, залитое бледно-голубым сиянием. Мысль о том, чтобы пнуть мальчонку в лапы умертвий, бытовала в его голове лишь мгновение. Он отбросил ее.

Прикусив язык, Игриш взгромоздился на спину Красотке, и та, взрыхля травянистую землю, бросилась прочь.

Одноглазому оставалось лишь надеяться, что сослепу они не врежутся в дерево. Неважно. Это уже их беда, и жизни обоих только в их руках. Он сделал все, что мог. Как обычно. А сейчас пришло время взяться за штыки.

Горячий Щелкун висел у Каурая на поясе, пробивал мрак рубинами пылающих глаз и выхватывал из темноты то одну, то другую оскаленную морду. Посеребренные лезвия штыков обливались гнилой кровью, закапывались во внутренности, рвали умертвий на части, разрезали плоть как масло. Твари не сдавались — водили вокруг смертельный хоровод, рычали на все голоса и пытались достать упрямого человечка когтями. Каурай укладывал их одного за другим, но на месте одной безумной твари неизменно вырастали две новых.

Путь Каурая уже устилал ворох отрубленных конечностей, вспоротых животов и отсеченных голов, когда верхом на метле появилась она. Мягко и плавно сошла с неба, словно спускалась по ступеням босыми ногами. Легкая и грациозная, лепесток на спокойном ветру. Из одежды на ней была только остроконечная широкополая шляпа.

Щелкун присвистнул и довольно защелкал челюстями:

Вот эту плоть я с удовольствием вкушу. Ради такого стоило поголодать месяцок!

— Зверь... — разошлись черные губы ведьмы, приветствуя одноглазого. — Безумный, безумный, безумный зверь. Почему ты не можешь просто пропустить один удар и закрыть глаза? Эта жалкая комедия закончится очень быстро. Я обещаю. Они не будут мучить тебя, если я не прикажу.

Каурай угрюмо поднял глаза и швырнул штык, целясь в сердце. Знал, что промахнется, но не мог не попробовать.

— Отойди, одноглазый, — наклонила голову ведьма, усевшись на плечи двух умертвий, словно на два стула. Метлу она положила себе на плечи. — Не мешай. Ты только оттягиваешь неизбежное.

— Как обычно, — выдохнул Каурай, пятясь в сторону могилы, усыпанной цветами. Земля гудела под его ногами. Приближалась орда.

— Эта несчастная душонка того не стоит. Она уже нарушила ваш треклятый Договор.

— Это не тебе решать, ведьма... — пробурчал одноглазый, всматриваясь в морды чудовищ, которые обступали его цепь за цепью.

— Прошу, зови меня Варва, — сладко потянулась ведьма, которую умертвия бережно поддерживали с четырех сторон, словно она была их богиней.

Человеческого в них осталось немного, но не признать под слоем тины и грязи вчерашних крестьян было невозможно. За остатки одежды держались твари поменьше, пыря в Каурая безжизненные глаза, скаля молочные зубы. Или пытались скалить то, что больше

никогда не вырастет.

— Напрасно рискуешь, опричник, — закатила глаза ведьма. — Эта девушка уже сделала свой выбор. К чему это геройство? Уже слишком поздно — ритуал завершен. Теперь все окрестные болота свободны от тех, кто столетиями лежал на дне. Скоро здесь будут сотни мертвых, и они поднимут еще тысячи, которыми устилает себе путь армия Крустника.

— Зачем? — спросил Каурай. — Их вал накроет половину Пхеи. Они пожрут тут все, не пожалеют даже тех, кто долгие годы верно служил вам. Неужели вы настолько безумны?

— Люди Хлебны решили свою судьбу, — покачала головой Варва и погладила макушки двух мертвых, которые служили ей тронem. — Предпочли стать острием копья, направленного чудовищу прямо в сердце. И не тебе винить их в этом. Это меньшее из зол, по сравнению с тем горем, что несет с собой Крустник.

— Замечательно, — сплюнул одноглазый. — Раньше вы убивали ради своих темных божков, а нынче к этому добавились размышления о меньшем из зол. Это вы что ли меньшее зло?

— Конечно. Ведь в каждом селении живет зло, позволяющее людям сводить концы с концами, растить детей и собирать урожай. Ни князь пхейский, ни князь феборский, ни сам Спаситель с высоты своего Престола даже не подумал бы о судьбе этих бедолаг. И они вынуждены думать о себе сами, привечать зло, приносить ему жертвы и возвращать в себе решимость пойти на жертву, чтобы отомстить за свое вековое унижение.

— С вашей помощью, конечно?

— Тебе ли этого не знать, опричник? Сколько подобных селений ты видел на своем пути? Дикий Гон полнится теми, кто знает, что такое милосердие королей и сколь мало оно стоит. Все эти люди лишь жертвы ненасытной жадности, подлости и деяний зла истинного. Не было бы этой войны, не было бы и почвы для нашего Гона, за которым ты так упорно охотишься, не понимая главного, прикрываясь пустыми фразами из никому не нужного Договора. Ты встал на пути у этих людей, которых якобы защищаешь от зла, а мы действительно поможем им погибнуть не напрасно. Заставим Следы Крустника подняться и стать его погибелью. Закончим войну одним ударом. Знаешь, как долго мы все ждали этой возможности?

Она помолчала немного, прислушиваясь к топоту ног, который раздавался все ближе.

— Я слышала о тебе, одноглазый опричник, прозванный Каураем, — снова начала говорить ведьма. — И у тебя самого не меньше причин ненавидеть Крустника, чем у этих оборванных крестьян, которым не повезло оказаться на пути у скоморошьего войска Крустника. И ты прекрасно знаешь почему это происходит, но продолжаешь упрямяться. Я не приглашаю тебя присоединиться к нам, я предлагаю лишь отойти и не мешать тому, что уже идет полным ходом. Слишком много невинных и так погибли ради желаний феборского деспота, а затянувшаяся война лишь удесетерит эти смерти. Слишком много простых людей, населяющих эти земли, уже добровольно пожертвовали собой, чтобы дать этому свершиться. Уваж их выбор. Это единственное, что ты еще можешь сделать полезного.

— Да в рот е... я их выбор, — сплюнул одноглазый. — Я подозревал, что вы настолько безумны, чтобы предпринять нечто подобное. Впутать кучу людей в свои ритуалы, а потом превратить пылающие земли в безжизненную пустыню, населенную нежитью. Ведь этого хочет Яма, не так ли? И это меньшее из зол?

— Не думала, что ты решишь встать на сторону того, кто виновен в уничтожении тебе подобных. Однако поздно думать над тем, как остановить камнепад, когда он уже несется

тебе на голову, — сладко улыбнулась она и щелкнула черными пальцами.

Умертвия зарычали и сделали шаг вперед.

— Умертвия не чувствуют боли, они яростные и бесстрашные орудия чистой злобы. Их цель — добраться до войска Крустника и покончить с ним. Что до остального, то не мне тебе рассказывать, что не пройдет и нескольких дней, как солнце и зной прикончат умертвий быстрее, чем это сделают твои железяки. Пхеи будут спасены, пусть и большой ценой, но люди княжества готовы к жертвам ради будущего, а вот ты похоже выступаешь на стороне большего зла, и поэтому будешь уничтожен. Лучше брось все и спасай свою жизнь. Рога поют — Гон вышел на охоту! Хочешь, я даже сжалюсь над тобой, и дам тебе фору? Адэ не узнает.

— Где она?..

— У тебя сейчас есть дела поважнее, чем гоняться за призраками...

Рев сотни истлевших плотов приближался. Через пару ударов сердца вся армия мертвых заполонила рощу — их могильно-синие глаза сомкнулись на одном единственном человеке, который имел наглость выйти один на один с посланниками самой гнусной силы, которую носила земля.

— Слишком поздно, — вздохнула ведьма, взмывая в воздух верхом на метле. — Если от тебя останется хоть что-то, то ты тоже присоединишься к нашей пляске. Надеюсь тебе понравится.

Иъеденные червями руки потянулись к нему, готовые разорвать наглеца на клочки, вбить в землю, а потом пожрать его теплую плоть. А за его спиной земля под цветочным покрывалом начала трещать и расползаться...

Каурай сделал глубокий вдох, впуская в себя запах гниения и неопикуемой злобы. И сомкнул пальцы на рукояти меча. Оплетка встретила его легким покалыванием на коже — от нетерпения меч наэлектризовался и дрожал, сгорая от желания напиться кровью до отвала.

Одним махом Каурай обнажил взвизгнувший клинок. Он не вернулся в ножны до самого утра.

* * *

Они гнали Красотку всю ночь, пока не решили, что погони за ними нет. К этому времени утро уже разогнало мрак.

Пока лошадь с Богданом на спине устало переставляла копыта, Игриш разгребал росистую траву босыми ногами и до боли в глазах вглядывался в белую пелену, затопившую лес. Даже рассвет не смог побороть тягучий смог — дальше нескольких шагов путники были практически слепы.

И куда их занесла эта безумная скачка? После того, как солнце перешагнуло горизонт, прошло уже изрядно времени, а Игриш так и не смог узнать ни одного деревца, камешка или холмика, чтобы понять, куда им двигаться. Мальчик чувствовал себя парусником в неизведанных водах, хотя он с малолетства бегал по этим буеракам и должен найти дорогу с закрытыми глазами.

Заблудиться он не боялся — нет, гораздо страшнее было вновь наткнуться на тех чудовищных тварей, которые заставили их в такой спешке рвать когти в полной темноте. Ни он, ни Богдан и намеком не поминали минувшую ночь — и так было понятно, что, прикоснувшись к чему-то запретному, они чудом остались живы. Однако Игриш за последние несколько дней на собственной шкуре осознал, что чудеса случаются только в

сказках, и за спасение благодарить следует лишь одного человека, которого наверняка больше нет в живых.

От этой мысли мальчик оцепенел — он обернулся и поглядел на затихший лес за своей спиной, но тот как был, так и оставался пустым и темным.

— Может быть, вернуться?.. — проговорил Игриш себе под нос, но Богдан все равно услышал.

— Спятил? Его наверняка разорвали на части.

— Как будто мы его бросили... — говорил мальчик самому себе. — А он спас меня... уже третий раз.

— Он сам сказал «уезжайте», — подъехал к нему Богдан и толкнул ногой в плечо. — Да и что мы могли сделать? Только погибнуть вместе с ним. Не глупи! Нам нужно сваливать отсюда как можно быстрее, пока эта гадость еще и сюда не нагрянула.

Мальчик продолжил идти, но еще долго, до белых костяшек, сжимал медальон Маришки и оглядывался себе за спину. Лишь страх того, что вместо одноглазого из-за деревьев вылезет та самая страшная морда, которую вытошнило в их костер прошлой ночью, заставил его упереть взгляд себе под ноги.

Что-то в глубине сознания упрямо противилось воспаленному рассудку, растравленному той бесконечной ночью, которую ему пришлось провести в объятьях мертвой Маришки. Солнечный свет рука об руку с мирным пением птиц гнали дурные образы. Словно дурной сон, кошмары растворялись в теплых утренних лучах, и вскоре в голове все окончательно спуталось. Единственной метой, не дающей замести ужасы подальше, оставался длинный след когтистой лапы, который пересекал круп кобылы до самого хвоста. Каждый раз при виде этих трех страшных кровоточащих полос в ушах у мальчишки вновь и вновь прокатывался тот чудовищный рев, которому место лишь в кошмарах.

“Дикий Гон, ведьмина упряжка”, — подсказал ему какой-то закоулок сознания. Страшное слово, слетевшее с уст Каурая, было единственным объяснением. Когда-то и Маришка произносила это страшное слово, но Игришу было невдомек, что их путям суждено когда-либо пересечься. Он думал это что-то сродни легендам о далеких странах, басням о Дикой Тайге — гигантскому непролазному лесу, шапки которого срезают облака с неба.

Они шли и шли, а смог все держался. Мальчик на своем коротком веку не мог припомнить такой стойкой поволоки, как эта. Беда не приходит одна... Солнце уже наверняка поднималось к зениту, а перед глазами все белым бело и ни следа дороги.

...дороги куда? — грызла Игриша мысль, пока ноги шелестели в высокой траве. Он безуспешно силился понять, как выбраться на большак. Единственное, что в чем парнишка не сомневался — путь предстоял долгий. Однако ни сколько он продлится, ни в какую сторону им двигаться, ни Игриш, ни Богдан, ни тем более их уставшая кляча, не ведали.

Оставалось признать очевидное — они заплутали в этом тумане, и пройдет еще немало времени, прежде чем оба наткнутся на что-то, что поможет им найти людей, а следом и крышу над головой.

Богдан угрюмо молчал и морщился каким-то своим мыслям. Глупо было гадать каким именно.

— Богдан... — нарушил молчание Игриш.

— Чего? — буркнул парень, не поднимая глаз.

— Ты это серьезно сказал тогда? Когда напрашивался к нему в попутчики?

Богдан ответил не сразу.

— Сам не знаю... — проговорил он. — Просто хотелось что-то сделать. Для Маришки... И всех остальных. Но теперь уже все равно. Эта ниточка уже оборвалась. Буду искать другую.

— Зачем?..

— Зачем-зачем... Мстить. Зачем же еще?..

— Кому?

Этот вопрос повис в воздухе.

Они преодолели еще пару сотен шагов и неожиданно деревья разошлись перед ними. Путники ступили на хорошо утоптанную, широкую дорогу, которая змейкой тянулась влево и вправо и пропадала в белесом мареве.

— Ну, уже кое-что, — облегченно вздохнул Богдан, оглядываясь по сторонам. Теперь оставалось решить, куда им направить стопы и копыта. — Это южный тракт, зуб даю.

Игриш и не думал, что они забрались так далеко. Должно быть, сделали гигантский крюк, пока неслись через ревушую ночь, а потом еще и брели почти вслепую, не разбирая дороги. Теперь они могли надеяться, что вот-вот за поворотом покажется постоянный двор... а не конный разъезд, у которого руки чешутся обвинить кого-нибудь в мародерстве.

А еще жутко хотелось есть...

— Стой.

— Чего опять?

— У тебя это... кольчуга твоя.

— А чего с ней не так?

— Ну, она... кольчуга. В ней ты выглядишь чересчур воинственно.

— Хмм... — смутился Богдан, осматривая кольчужные рукава. — Ну, а без нее, я что буду похож на невинного кролика?

— Все же лучше, чем в ней, — кивнул Игриш.

— Дороговато это... — сжал зубы Богдан, но не стал спорить. Ему пришлось спешиться, чтобы Игриш помог ему стянуть кольчугу. Это оказалось непросто: израненная рука протестовала, а ткань стеганки постоянно цеплялась за кольца. Без помощи Игриша парню пришлось бы потрудиться, чтобы содрать кольчугу с плеч.

Наконец, они справились. Жалко было выбрасывать такую ценность — слишком хорошо оба помнили, сколько дворов собирали деньги, чтобы отправить Богдана на службу, когда к ним в деревню заявили люди князя, и на него пал жребий. Кольчуга, шлем, копье, сапоги... и лошадь, пусть и похуже Красотки, но в резвости ей не откажешь. Снаряжение обошлось деревне недешево — целое стадо можно было купить на эти деньги и еще заполнить амбар хлебом. И такое — под куст?

“Да, под куст”, — вздохнул Игриш, отправляя кольчугу по назначению.

Проводы Богдана случились, кажется, года три назад? Игриш оглядел своего спутника. Богдан с этого времени сильно изменился — окреп, возмужал... стал другим, что немного пугало Игриша, привыкшего к лучезарной улыбке юного парня, от которой, кажется, не осталось и следа. И сколько дорог ему пришлось пройти за минувшие три года? И где эта дорога в итоге оборвалась — в разоренной родной деревне, которую такие как Богдан поклялись защищать, но потерпели сокрушительное поражение при Мышарах.

Несмотря ни на что в одной потертой стеганке Богдан выглядел как солдат, решивший податься подальше от войны, о чем мальчик и сообщил ему.

— Ну не голым же мне шагать! — всплеснул парень руками. — Пусть лучше так... А мы постараемся не попадаться на глаза кому не следует. Главное не упускать дорогу из виду, и ежели что — в кусты! Да и лошадь придется бросить.

— Ее? — захлопал глазами мальчик, испуганно косясь на кобылку. — Она же нас спасла.

— А теперь может отправить на виселицу. — Богдан был непреклонен. — Слишком уж приметная лошадь, как бы в конокрадстве не обвинили. Так она наверняка и краденная. Как думаешь, откуда у этого проходимца такая добрая коняга? Ее бы впору рыцарю какому-нибудь, если не взять выше.

С этим Игриш не мог не согласиться: у них в деревне о такой вороной красавице можно было только мечтать.

— Нет, — помотал головой мальчик. — Ее надо вернуть хозяину.

— Выбрось уже эти глупые мысли из головы, — махнул рукой Богдан. — Нет у нее хозяина, бесхозная она.

Игриш попытался возразить, но Богдан ничего не желал слушать — отвел кобылу в сторону и со всего маху шлепнул по крупу. Лошадь взвилась и бросилась прочь, ломая подлесок, и скоро скрылась с глаз.

Так они потопали дальше, стараясь держаться дороги, но не вылезать из цепи деревьев. Богдан опирался на какую-то корягу и шел мелкими шажками, сильно припадая на левую ногу, постоянно морщился и ругался, но стойко переносил все тяготы.

— О, нет... — прошипел Богдан, когда за их спинами хрустнуло.

— Что такое? — обернулся Игриш и обомлел.

За ними, временами останавливаясь пощипать травку, трусила Красотка.

— Я тебе чего сказал?! — подошел к ней Богдан, но лошадь только недовольно всхрапнула и отбежала подальше, на прощание одарив парня хвостом по носу.

— Вот дрянь! — скривился Богдан. — Чего ржешь?!

— Ничего... — смутился Игриш, но хихикать не перестал. — Это она тебе мстит за то, что ударил!

— Эй, ты чего делаешь?! — возмутился парень, когда Игриш свободно подошел к лошади и погладил ее по морде. Та и не думала убегать от него, а только клюнула ноздрями в щеку. Но на подошедшего Богдана Красотка выставила зубы и недовольно заржала.

— Заткнись, ну! — замахнулся на нее Богдан, но кобыла только всхрапнула.

— Ты ее пугаешь!

— Если и так, то избавься от нее! Не понимаешь, что эта лошадь нам еще аукнется!

Обольщаться и вправду было глупо — такая кобылка просто подарок для мародеров, с которыми их неизбежно столкнет кривая дорожка. Игриш обреченно вздохнул, погладил Красотку по холке на прощание и отвел в сторону. Потом махнул ей и вернулся к Богдану.

Далеко они не ушли.

— Бесполезно, — сплюнул Богдан. Не успел мальчик раскрыть рот, как он подхватил корягу, напустил на себя угрожающий вид и пошел на кобылу.

— Богдан... — поджал губы Игриш, но тот даже не обернулся. Решил покончить с проблемой радикальными методами.

...что произошло, и как она не раскроила ему череп своими копытами, Игриш так и не понял. Но Богдан одним махом оказался на земле, а разозленная лошадь гарцевала вокруг него, размахивая подковами у парня прямо перед носом.

— Уйми ее, проклятую! — кричал он, сиюсь отползти подальше от разозленного животного.

Игриш бросился кобыле на шею и оттолкнул ее от Богдана. На него только махнули гривой — не более.

— Ты что с ней уже успел подружиться, а? — прошипел Богдан, когда поднялся на ноги

— чуть ли не за десять шагов от взбешенной лошади.

— Ага, — растянулся в виноватой улыбке мальчик, поглаживая кобылу по носу. Она озлобленно раздувала ноздри, но исключительно в сторону Богдана.

— Ты чего лыбишься? Не понимаешь, что от нее надо избавиться?

— Как? — задал резонный вопрос мальчуган.

— Не знаю! Шепни ей на ушко, чтобы убиралась, раз вы такие большие друзья, — сплюнул Богдан себе под ноги и нагнулся за корягой — под пристальным взглядом Красотки, готовой снова атаковать обидчика. Но парень лишь оперся на палку и побрел прочь, ворча себе под нос.

Мальчик пару раз пытался отвести кобылку подальше в заросли, но все тщетно. Он попробовал шикать на нее и напугать, но та лишь недовольно стригла ушами и носилась по туманной округе, то исчезая, то вновь появляясь из молочных клубов, но не оставляла Игриша с Богданом слишком надолго. Стоило лишь Богдану облегченно вздохнуть и решить, что надоедливая лошадь наконец-то пропала с потрохами, как позади шелестела трава, и снова Краснока встречала их наглым ржанием. Богдан на это только ругался и раз в отчаянии замахивался на нее палкой, но уже без прежней лихости. Кобыла только презрительно фыркала на него и пыталась укусить за плечо.

Их неравную борьбу внезапно прервал грохот и перестук копыт.

Забыв про лошадь, оба быстро закопались в заросли. Немного погодя на дорогу выехала крытая телега, запряженная двойкой лошадей. При виде ее скрипучих колес Игриш с Богданом переглянулись:

— Рискнем?..

Не хотелось впутываться в очередную историю, но телега выглядела вполне мирно.

— Давай, — кивнул Богдан. Впрочем, его глаза не покидала тень сомнения.

Мальчика не нужно было просить дважды: он вылетел из кустов и со всех ног помчался к телеге, размахивая руками.

— Дяденька! Дяденька!

* * *

Кобылку удалось привязать к телеге, а сами они устроились под пологом, где сидела женщина в обнимку со своей крошкой-дочерью. Богдан смог впервые за долгое время устроиться в лежачем положении, насколько ему позволяли сундуки с мешками, и вскоре задремал.

— наших соседей тоже, сволочи, не пожалели, — говорил возница, когда выслушал рассказ мальчика. — Плохая война это, за такое Спаситель по головке не погладит. Одно дело фураж собрать, ну припугнуть кого, побаловать или девок попортить... Дело известное, хоть и не шибко доброе. Но жечь и резать на чем свет стоит... Мы-то думали, что до вас войско не докатится, и решили у родственников переждать, но вовремя свернули, когда увидели столб дыма. Марта с мужем и детишками, не знаешь их?.. Мельница у них.

Игриш кивнул, но об их судьбе он ничего не ведал — только помнил, что разграбление деревни началось именно с мельницы.

— Ох, только и молюсь Спасителю, чтобы они успели уехать! — всплакнула женщина, прижимая к себе дочурку.

— На это особо не надейся, — вздохнул ее муж. — Молись, не молись, а ватага Крустника пленных не берет.

— Куда же их бес-то гонит, нечистых?!

— Оно ясно куда — столицу им надо брать до зимы. Кровь из носу, вот и лютуют. Думают, что князя этим напужают, и он сам им ворота отопрет.

— И отопрет, куда он денется, — донесся голос Богдана из телеги. Игриш вздрогнул — он-то решил, что тот давно спит. — На поле брани биться, это не вино по лавкам хлестать. У князя Жирки всегда жира было больше, чем мозгов.

— Оно-то конечно, куда без этого, — скривился на козлах возница. — Часто говаривали, что Жирка на престоле оказался случаем. Пронесли боги старому Харнек наследников, вот и остался один Жирка, которого Крустнику срезать — раз плюнуть. Слушай, а может, оно и к лучшему? Ведь когда-то с феборцами мы жили душа в душу. Глядишь, война закончится, скинут непутевого Жирку, и снова будет все по старому? Моя бабка оттуда, да и много кто еще. Сейчас, конечно, не в чести это, но зря это люди себя обманывают. И язык у нас один, и обычаи...

— Врешь, отец! — хохотнул Богдан, приподнимаясь на локте и кривясь то ли от боли, то ли от смеха. — Когда-то и я так думал. Нет у нас с феборцами более ничего общего, кроме взаимной ненависти. После Мышар и Хлебны уж точно, помяни мое слово.

— Эх, — вздохнул возница. — Сейчас ненависти вокруг разлито, ложкой черпай — не вычерпаешь. Ты сам-то, гляжу, в бою успел свои раны получить?

— Ну, а ежели и так?

— Сын у меня пару месяцев назад с войском ушел. И нет его. Не видал, такой кудрявенький? Кмышем кличут?

— Нет, — мотнул головой Богдан, переворачиваясь на другой бок. — Под Мышарой много людей было. Всех не упомнить.

Вскоре по тракту загрохотали и другие телеги, десятки телег. Их упряжка влилась в общий поток, запрудивший всю дорогу. Под усыпляющий шум колес Игриша скоро сморило, и он провалился в сон.

* * *

Оглушающая тишина и ледяной холод. Он давно не чувствует свои ноги, глаза давно отвыкли от света в этом темном царстве, где он боится даже пикнуть, чтобы не потревожить того, что таится под водой.

Главное не плакать, и тогда оно тебя не услышит. Ты же не дашь меня в обиду, братик?

Сестренка здесь, он не видит ее кукольного личика, раздувшегося, словно пузырь. Пальцы скользят по ее скользкой коже, когда он пытается удержать ее на плаву. Ему так не хочется, чтобы сестренка уплыла и потерялась. И что еще хуже, досталась тому, что таится под водой.

Главное не двигаться, и тогда оно тебя не почувствует. Ты же не отпустишь меня, братик?

Он не знает, сколько времени прошло с того момента, когда их бросили сюда. Когда захлопнулась крышка, отрезав солнечный свет. Когда он сорвал голос в попытках позвать на помощь. Когда он наконец нащупал свою сестру на самом дне холодного колодца — казалось, прошла почти вечность. Но сердце, которое упрямо отсчитывает мгновения, упирается — нет, вечность еще впереди. Тихая, гнетущая и ужасная вечность. Когда то, что таится под водой, решит поприветствовать дорогих гостей.

Братик, не двигайся! Братик не плачь! Ты еще не устал плакать?

Братик не устанет. Когда он слышит, как тишину разрывает шелест воды. Когда с глубины начинают подниматься пузыри, он осознает, что вечность уже близко. Он крепче

прижимает к сестру к своей груди — такую маленькую и хрупкую, почти стеклянную игрушку — и опирается спиной о холодную стену колодца. Запрокидывает голову и, наверное, в тысячный раз смотрит вверх. Слишком, слишком далеко.

А то, что таится под водой, уже близко.

Когда вода начинает бурлить, а ног касается что-то липкое, он до боли зажмуривается и пытается закрыть сестру собой. Он очень не хочет умирать, но еще больше ему не хочется, чтобы то, что таится под водой, утатило его сестру. И оставило его одного в этом промерзшем колодце.

Он чувствует, что как оно поднимается над поверхностью, но все еще выжидает, отсчитывая последние удары уставшего сердца. Молчит и ждет, вперив в них свой пустой и озлобленный взгляд. Ведь когда-то оно тоже было тем напуганным мальчиком, которого забыли в черном колодце. Но у него не было маленькой, мертвой сестры, чтобы было к кому прижиматься. У него не было никого, с кем коротать вечность в этой ледяной и мокрой могиле.

И поэтому оно было жутко зло. А еще оно было жутко голодно.

Не смотри, братик! Не смотри на него!

Но братик не выдерживает. Открывает глаза и видит.

* * *

Рассвет встретил его на ногах. Слава святым и смелым. По колено в крови, с обнаженным мечом, с лезвия которого одна за другой скатывались серебристые слезы. Они удабривали вспаханную землю как капли дождя.

Его меч, Куроук, знатно потрудился минувшей ночью. Но умертвия не отступали. Их вал отхлынул, на время, чтобы зализать раны... и дожидаться братьев и сестер, которых рождали следы Крустника.

Каураю было плевать. Он не задержится здесь надолго, не рискнет жизнью напрасно ради никому не нужной стычки со смертью. Его последний бой еще впереди.

Клинок вошел в ножны — не без труда, но Каурай справился, хоть ему и пришлось пролить немного лишнего пота. Замок щелкнул, фиксируя гарду. Куроуку на сегодня хватит.

Пришла пора Щелкуна. Он и так не мог дождаться своего выхода на сцену.

Он снял череп с пояса и положил на землю. Отошел подальше и стал ждать. Он умел ждать.

— Кто ты... — простонала Варва, сглатывая слезы. От нее немного осталось. — Кто ты такой... Каурай? О, нет! — взвигнула она, когда увидела как трансформируется Щелкун. — Пощади! Я расскажу тебе, где найти Адэ! Приведу тебя к ней... Пожалуйста...

— Нет, — дрогнули его губы. Он не пошевелил и пальцем, чтобы помочь ей избежать наказания. Каурай знал, что ведьма лжет — Адэ из Коха живет в полете. Она, как и Дикий Гон, сейчас везде и нигде. И только сам Сеншес сейчас способен поймать ее за хвост. Одноглазый понял это слишком поздно.

Глаза Варвы округлились, когда ее взгляд столкнулся с алым сиянием, лившимся из глубин черепа. Этот холодный свет мигом обрызгал всесильную ведьму, обращая ее обычной испуганной девчонкой, которой она когда-то была. Которыми они были все до того, как связать себя с Ямой.

— Значит это правда?.. — она закусила губы до крови и застонала: — Опричник... Пощади!

— Нет, — снова дрогнули его губы. Никакой пощады. Никаких компромиссов с теми,

кто спутался с Ямой. Кто перешел грань дозволенного и присоединился к Дикому Гоню. Нарушил Договор, написанный кровью.

Ведьма попыталась уползти, но без ног у нее не было шансов. Она начала умолять, увещевать, просить снисхождения, сулить золота, драгоценностей, предлагать себя, боготворить...

Она вспомнила Лиллит. Его Лиллит. Да, они когда-то знали друг друга. Возможно, Варва говорила правду, и они с Лиллит и впрямь были подругами. Ведьма плакала, обещала ему...

— ...ключи от Лимба!

Но Каурай не слушал. Он знал, что ключ от Лимба покоится у него в ножнах.

Когда Щелкун встал на лапы и с радостным воем бросился на беспомощную ведьму, ее визг затопил уши. Нынче он знатно позавтракает.

Игриш долго не мог заставить себя подняться. Ни крики, ни угрозы, ни горячий шепот Богдана, пробирающий до самого сердца, долго не могли унять тот ужас, который он испытал, когда открыл глаза во сне.

Телега прочно стояла на месте, не двигая ни единой щепочкой. Козлы пустовали, сам хозяин куда-то подевался. Рядом с Игришем тряслась его жена, прижимая к себе зареванную дочку, беззвучно нашептывала молитву. День давно дотлел, глубокие сумерки постепенно уступали место ночи. Вокруг что-то постоянно двигалось, топало и барабанило взволнованными голосами, звякало металлом и вскрикивало от страха.

— Слава Спасителю, — выдохнул Богдан, сверкая глазами в полумраке. — Я-то уж решил, что ты умер!

Не успел он договорить, как полог сам собой прыгнул вверх. Женщина пискнула и сильнее прижала к себе девочку, ревущую уже в голос. Телегу затопил гнилостно-желтый свет, заставив Игриша зажмуриться.

— Ты про этих говорил?

— Ага...

Игриш различил бледное, потное лицо возницы, в морщины которого залегли глубокие тени. Рядом застыл человек в низко надвинутом, начищенном шлеме. Из-под широких полей на них смотрели внимательные глаза, подведенные жирным слоем угля. Лицо было еще блее, чем у возницы — пудры феборцы не жалели. В руках он держал крюк с качающимся фонарем. Тени гуляли по этому страшному, скалившемуся лицу, придавая ему облик отродья Сеншеса. Когда Игриш увидел широкую скоморошечью ухмылку, грубо начерченную углем от уха до уха, ему захотелось провалиться под землю.

— Вылезайте. Оба! — ткнул дьявол большим пальцем себе за спину.

Спорить с ним Игришу не хотелось. За плечами дьявола держалась еще парочка размалеванных ребят в кольчугах — те нервно поглаживали наверх боевые топоры.

Богдан вылез наружу первым. Игриш с замиранием сердца юркнул следом и больно ударился головой о верхнюю перекладину телеги — уж шибко сильно светили в лицо фонарем.

— Тише ты! — сграбастали его за шкуру и помогли встать на ноги. — Ты тут не помри у меня.

От телег и белых полотнищ было не продохнуть. Все куда-то катилось, гремело, хлюпало, ругалось и отдавало команды. Темные напуганные цепочки струились по узким улочкам этого бурлящего палаточного городка, туда-сюда бесконечным потоком въезжали и выезжали повозки, выдавливая копытами застывшую грязь. Стучали топоры, ревели пилы, сапоги маршировали по наскоро сооруженным деревянным настилам. Огромные костры разгоняли сгущающуюся тьму, выхаркивали дым в объятая низко висящих грозных туч.

Игриш засеменял следом за Богданом, стараясь не упускать из виду его сгорбленную спину и не попасть под колеса. Во рту было хоть шаром покати, голова страшно болела, вдобавок его мучил переполненный мочевой пузырь. Дьявол с фонарем возглавлял их процессию, еще двое замыкали шествие и подпирали Игриша со спины рукоятями топоров. Шли они быстро, и вскоре мальчик потерялся в этом шумном и дурно пахнущем лабиринте.

— Куда мы?.. — шепнул он Богдану, дергая того за рукав. Кроме него Игриш не видел

ничего — все смешалось, стучащее и воющее, словно от боли.

— А то сам не понял? — пробурчал он, не поднимая глаз. — Влипли мы в историю.

Они кружились в этой четко выверенной суматохе, пока не остановились перед высоким, бордовым шатром, вокруг которого было намного просторней.

По обе стороны от входа дежурили рынды, облаченные в сверкающую чешую, с длинными бердышами и кинжалами. В воздухе колыхалось алое полотнище со здоровенным черным змеем, в зубах он сжимал стебель спас-цветка — с алым как кровь бутонем, символом жертвы Спасителя. Из точно таких же цветков был сделан веноч, который святая дева Микка положила на Его чело перед самым восхождением на костер, который должен был уничтожить даже память о Великом Возвращении. Но пламя так и не смогло причинить вреда Его неопалимой коже. Спаситель сошел с костра невредимым и стал повелителем мира. Это было первое из Чудес.

Игришу всегда нравилась эта история. Но в зубах коварного змея этот символ жертвенности, преданности и любви выглядел святотатством. Один только взгляд на грозное полотнище заставил мальчика содрогнуться. Они действительно попали.

— Это что за оборванцы?! — рында с сомнением поглядел на Игриша с Богданом. Его припорошенное пудрой лицо походило на маску грустного клоуна — две черные дорожки спустились от век к подбородку.

— Приказали привести. Приказ есть приказ.

— Сюда?!

— А куда еще? Давай-давай, он ждать не любит.

Рында задумчиво почесал кольчужной перчаткой подбородок, хмыкнул и скрылся за пологом. Довольно быстро вернулся с лысым мужчиной в бригантине с латными наплечниками. На его лице не было ни следа пудры — глубоко посаженные, жестокие глаза и длинная козлиная бородка показались Игришу смутно знакомыми.

— Деревенщина сказал эти, — кивнул на Игриша с Богданом их провожатый и уступил место лысому. Тот наградил обоих презрительным взглядом, как если бы ему приходилось разговаривать с парочкой гусаков. Сердце в груди Игриша выделявало замысловатые кульбиты. От подступившей тошноты внезапно захотелось сложиться пополам и всласть проблеваться.

— Ну и запашок от них! — скривился один из стражей. — Мелкий сейчас походу обоссется от страха.

— А этот чего немой? — хихикнули за спиной, толкнув Богдана в спину. — Небось, когда коня крали, болтал без умолку?

После этих слов, Игриш едва не грохнулся в обморок, но смог кое-как устоять на подкашивающихся ногах. Лысый сплюнул и шагнул обратно к шатру, но вместо того, чтобы скрыться внутри, приказав повесить конокрадов, задрал полог.

— А ну ка... — поманил их лысый. — По одному.

Мальчик замешкался, за что получил больной тычок в спину. Собрав всю волю в кулак, он, словно игрушка на веревочках, перешагнул порог и окунулся в душный полумрак. В нос сразу полез запах каких-то ядреных трав — да так, что Игриш в очередной раз чуть не перепутал ноги и споткнулся о пушистый ковер.

Внутри шатер оказался куда просторней, чем выглядел снаружи. Под потолок уходил дым от пары полукруглых курительниц, отсвечивающих золотом по углам. У дальней стены возвышалось массивное потемневшее зеркало, надтреснутое по краям. Отражение скрывала

какая-то серая дымка, но, подойдя ближе, Игришу удалось разглядеть в нем и себя, дрожащего и бледного как мел, и Богдана, с надутыми желваками и глубоко запавшими глазами. Посередине комнаты гостей встретил широкий стол на толстых ножках в форме обнаженных женщин. На нем лежала потертая карта и куча порожних кубков, из столешницы торчал богато изукрашенный кинжал. Но главным украшением стола были грязные ботфорты человека развалившегося в высоком кресле. На мгновение он убрал ладонь с распухших век, чтобы оглядеть новые лица. Игриш моргнул — и рука вновь легла на уставшие глаза. Мальчику почему-то показалось, что на него глядела женщина, которая зачем-то вырядилась в мужской парчовый костюм, расшитый серебром. Он не произнес ни слова, чтобы узнать — какого-такого Сеншеса тревожат его покой? За него это сделал второй человек — седой, но крепкий мужик при мече в богатом, но более практичном одеянии. В руках он вертел латную перчатку.

— Явились! — поднялся он со стула и глянул на вошедших. — Из Хлебны? Хорошо. Рассказывай как дело было.

— А... — сглотнул Игриш и забежал глазами по шатру. — Я?..

— Кто же еще? Или ты? — перевел седой глаза на Богдана. — Ты вообще слышишь меня, парень? Как умудрились вырваться из ведьминых лап?

— Плетей ему всыпать, тогда заговорит, — поддакнул лысый и ухмыльнулся он, козыряя выбитым зубом. — И повесить как мародера!

— Я... я в колодце спрятался, — тихим голосом забормотал мальчик. — А потом Богдан меня вытащил. Он... он в лесу был... Лесник он.

— Да что ты говоришь? — хмыкнул старик, присаживаясь на краешек стола, и хлопнул перчаткой себе по колену. — Лесник значит, да?

Богдан молча поднял на него глаза и смерил того свирепым взглядом. Но старик только рассмеялся.

— Видишь, нитки так и торчат, — толкнул лысый Богдана в плечо. — А это что у нас на шее?! Неужто нашенский!

Игриш всмотрелся Богдану в лицо и обомлел. На шее осталось еле заметное бледное пятнышко. От пудры.

Старик молча подошел к Богдану, выдавил широкую улыбку добродушного дедушки, потом повернулся и со всего маха врезал парню латной перчаткой по лицу. У Богдана чуть шея не треснула — силы в старике оказалось с лихвой. Парень рухнул как подкошенный — за что получил еще один удар по ребра, на этот раз от лысого.

Игриш словно прирос к месту, безмолвно наблюдая как его друга избивают, и трясся от страха.

— Отвечать надо, когда тебя спрашивают, пес! — крикнул лысый, хватая Богдана за шкуру. — Дезертир, да?

— Нет! — пискнул Игриш и, испугавшись собственной смелости, упал и закрылся руками. Одного свирепого взгляда лысого оказалось достаточно, чтобы заставить мальчика потерять всякую волю.

— Чего вы тут устроили? — вздохнул человек, который так и сидел с ногами на столе. — Герник, подними пацана! Дай взгляну на него.

Он наконец убрал сапоги со стола и устало приподнялся. Игриша уже тащили за воротник, и вновь он почувствовал на себе взгляд, который пришелся бы впору женщине. Нет, это определенно был мужчина: молодой, высокий и широкоплечий. Тонкие, красивые,

будто выточенные черты, большие, подведенные глаза и белая кожа пленяли взгляд. В ушах играли изумрудные серьги, а на пальцах левой руки покоились четыре драгоценных перстня, оканчивающихся длинным и острым когтем. Он был божественно красив и молод, пусть и уже не мог считаться юношей.

— Насчет лесника не надо врать, — его тонкие губы тронула легкая полуулыбка. — Дураку понятно, что никакой он не лесник, а обычный дезертир. Врать князю нехорошо. Понял, мальчик?

Игриш закивал словно заведенный. У него и в мыслях не было возражать этому человеку.

— Хорошо, — кивнул красавчик. — А теперь, ты расскажешь мне...

Он не успел закончить, как на него упала тень.

Богдан с диким криком растолкал рынд, пнул лысого и вскочил на стол. Кинжал, торчащий из столешницы, уже сжимали его пальцы, а острие целилось красавчику в шею. Тот никак не изменился в лице. На его полуопущенные веки легла тень смертельной скуки.

Не успел Богдан ударить его ножом, как парня мигом дернули за ноги и он впечатался лицом в стол. Пошла свалка, которая оборвалась так же быстро, как и началась.

— Не говори им ничего, Гриш! — кричал и хрипел Богдан что было мочи, когда рынды повалили его на пол и начали оттаскивать прочь. — Это псы Крустника! Это они убили всех...

Его оборвал сапог лысого — он бил Богдана по зубам, пока тот не захлебнулся криком. Рынды помогали.

Пока они вязали его по рукам и ногам, глаз красавчика дергался, и он рассеянно провел ладонью по лицу, как бы закрываясь от этой мерзкой сцены.

— Гляди, еще сопротивляется! Отчаянный какой!

— Что ж, это ненадолго, — проворчал лысый, схватил Богдана за волосы и впечатал свой бычий кулачище тому в челюсть.

— Держите его!

— Нет, нет, не надо! — все кричал Богдан, когда его прижали коленом к полу и вставили лезвие кинжала меж зубов. — А... Аaaa!

— Не смотри на него, мальчик, — под крики и ругань проговорил красавчик, обращаясь к Игришу, который едва не превратился в соляной столб от страха. — Его здесь больше нет. Смотри только на меня.

Игриш вынужден был подчиниться. Его уже било крупной дрожью — он вжал голову в плечи и изо всех сил старался не зарыдать в голос и не обоссаться. Красавчик поднялся и подошел к мальчику.

— Ну! — прикрикнул старик на лысого с друзьями. Все это время он стоял в углу и пытался налить себе вина. — Долго вы там еще возиться собираетесь? Унесите это говно нахер из шатра!

— Я с ним покумекаю, — кивнул лысый. Он дрожал от предвкушения грядущей расправы. — И выясню, кто заплатил этому “леснику” за вашу голову, князь. Зуб даю, что это проделки негодяя Жирки.

— Хорошо, только не возись, — отмахнулся тот. — Кол ждать не будет.

Лысый кивнул, поклонился и схватил Богдана за щиколотку. Игриш успел выхватить из-за спин уходящих лишь нечто красное, с дрожащим окровавленным ртом.

— Видишь как бывает, — очаровательно улыбнулся молодой князь, когда вместе со

стариком в шатре их осталось только трое. — Только не говори, мол, не знал, что твой дружок готовил покушение?

Игриш до хруста сжал зубы и замотал головой.

— Как всегда... Ну-ка, а, может быть, ты знаешь откуда у вас лошадь моего старого друга? Только не врать. За ложь я наказываю.

Игриш открыл рот, но далеко не сразу смог выдавить из себя хоть что-то.

— Ее нам дал один человек, — наконец вымолвил он. — Одноглазый, сутулый, в черном плаще и с огромным мечом.

— Дай угадаю, — склонил голову молодой князь, его зеленые глаза как-то странно блеснули. — Откликается на прозвище Каурай?

— Ага.

— Ха, как же тесен мир, — ухмыльнулся старик, наливая себе еще вина.

— И? — князь выжидающе смотрел Игришу прямо в глаза. — И где он сейчас?

— Не знаю... — еле слышно произнес мальчуган и весь внутренне сжался, ожидая, что сейчас старик подойдет и прихлопнет его своей латной перчаткой. Но тот только стоял и потягивал из кубка.

— Это плохо, что не знаешь, — в свою очередь помрачнел молодой князь. — Очень плохо. Где ты видел его в последний раз?

— В роще, рядом с Хлебнами, — проговорил Игриш. — На нас напали... И он сказал нам уезжать, а сам остался прикрывать нас. Возможно... — он сплотнул, прежде чем закончить. — Возможно, его убили.

На эту его реплику старикан громко хмыкнул и поставил кубок на стол.

— Хотелось бы верить, — сказал князь и посмотрел на себя в зеркало, но в том отразились только смутные тени. — Однако я слишком хорошо знаю этого человека...

— Не убивайте Богдана, пожалуйста, — промычал Игриш, от своей смелости его бросало то в жар, то в холод. — Я сказал вам все, что знаю... Богдан совершил ошибку... Он виноват, но он...

— Именно, и он заплатит с лихвой за свою “ошибку”, — отмахнулся тот, словно от назойливой мухи. — К тому же, судьба дезертира не стоит даже ломаного пятака.

— Богдан не дезертир. Он солдат. Он отважно сражался при Мышарах!

— Каждый дезертир мнит себя отважным воителем, — улыбнулся старик. — А на деле, он больше заботится о собственной шкуре, чем о судьбе княжества. Или о судьбе своей бл... и, под юбку к которой он несется как ветер. Видел я «грозное» воинство Пхеи при Мышарах, — хмыкнул он. — И часа не прошло, как они побросали оружие и дали стрекача. Ничего другого от выкорышей Жирки я не ожидал.

— Нет, Богдан не такой...

— Хочешь на него поглядеть? — молодой князь сжал его плечо. — Увидеть то, что он представляет собой на самом деле?

Игриш не мог взять в толк, что он имеет в виду, но быстро кивнул. Это единственное, что ему оставалось сделать. Еще не хватало, чтобы этот парень разозлился.

— Пойдем, — приглашающим жестом князь повел Игриша вон из шатра. — Они наверняка уже начали. Не будем заставлять наших друзей ждать своей очереди.

Полог снова поднялся над головой мальчика, и они рука об руку с князем вышли на воздух. К этому времени тьма уже полностью затопила лагерь, небо все еще было затянуто мороком туч, сквозь которые призраком проступала полная луна.

Пока они шагали по лагерю, Игриш старался смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Солдаты при виде молодого князя замирали в почтительном поклоне. «Ваша милость... ваша милость... ваша милость», — складывались их губы, а глаза скромно опускались к земле. Князь рассеянно кивал, но не сбавлял шага.

Словно спешил на представление и очень боялся задержаться хоть на мгновение.

Поначалу Игриш не понял, что видит перед собой. Но вот они подошли ближе, и от запаха стружки сразу захотелось чихнуть. Жаровни разгорелись как-то особенно сильно, и глазу показались с десяток длинных жердей, вкопанных в землю. Их концы уходили высоко вверх и терялись во тьме. С высоты до зрителей доносились приглушенные стоны и бессвязные бормотания. Блестящая жидкость покрывала жерди до основания. Они чем-то напоминали гигантские, затухшие свечи — только вместо прозрачного воска, они обливались темно-алым. Неподалеку всюю работали лопатами, выкапывая все новые и новые ямы, к которым подкладывали свежеструганные колья.

— Молчуна уже оприходовали? — спросил молодой князь подскочившего человека с закатанными рукавами.

— Нет, ваша милость, — тот склонился чуть ли не до земли. — Герник с ним возится.

— Скажи Гернику, что его время вышло. Не надо заставлять нашего друга ждать! — ухмыльнулся князь и слегка махнул рукой. — Пусть присаживается вне очереди!

— Как ваша милость пожелает, — еще раз поклонился тот и убежал.

Игриш старался не смотреть вверх — он знал, что увидит, если поднимет глаза. Он слышал, как стонали наверху. Стонали неистово и самозабвенно, захлебываясь нечленораздельным бормотанием, словно умоляя мальчика почтить их муки своим вниманием.

Пахло стружкой и дерьмом. Топоры не умолкали. Жар стоял лютый... Потом он увидел Богдана — слезы и капли пота заставили его зажмуриться.

— Ей, что такое? — князь ткнул его в плечо полным бокалом вина. — Ты чего не хочешь посмотреть на своего дружка? Вот он — уже готовый!

Игриш, изо всех сил стараясь не зарыдать, стер соленую влагу с лица, но она предательски выступила снова. Раздетый Богдан лежал на животе, руки связаны за спиной, ноги широко расставлены. Окровавленные губы юноши беззвучно шевелились, глаза слепо уперлись куда-то в пространство. Игриша в десяти шагах от себя он не видел — он вообще ничего не видел, точно ослеп. Не видел он и остро наточенную жердь, обильно смазанную маслом, которую подносили сзади.

Внезапно парень дернулся, и один из палачей навалился ему на спину. Двое других вцепились в ноги и раздвинули их как можно шире. Богдан вздохнул, сплюнул кровью и застонал, силясь сбросить с себя тяжкий груз, но палачи свое дело знали. Четвертый поплевал на руки, подхватил жердь и...

Игриш не смог смотреть, что было дальше. Это было настолько противно всему, что ему приходилось видеть за всю свою короткую жизнь, что он зажмурился и под поднявшийся вой, мало похожий на человеческий, рухнул на колени и попытался уползти. Перед глазами снова появилось то жуткое существо из леса, в ушах раздался рык, леденящий душу. Но не успело его сердце сделать и десятка ударов, как чья-то сильная рука дернула Игриша за шиворот и бросила к ногам князя. Следом его схватили за мокрые волосы и заставили поднять голову.

— Открой глаза, мальчик, — шепнули в самое ухо властным голосом, которому невозможно не подчиниться.

Он открыл глаза — все было смазано, нечетко и мутно. Шевелились какие-то тени,

поднимали что-то большое и вкапывали в землю. Мальчик держался, стонал и мычал за Богдана, хоть ему и было понятно, что обратной дороги уже нет.

Богдан уже был наверху, далеко от мира живых. Но пройдет еще немало времени, прежде чем он сможет ступить в мир мертвых.

— Зачем?.. Зачем вы так? — спросил Игриш, сам не зная кого.

— Чтобы проучить, — ударило ему в голову, словно эхом колодца, и он вздрогнул от неожиданности.

— Кого... проучить?

— Всех и каждого, кто еще сомневается, — холодная и властная рука опустилась на его макушку. — Ты же не сомневаешься?

— Нет.

— Хороший мальчик. Вытри слезы. И поменяй штаны.

* * *

К небу подняли еще два десятка человек.

Сердце отзывалось набатом на каждый удар молота, руки предательски дрожали. Игриш приноровился отводить взгляд и думать о том, как не расплескать вино, пока очередному бедолаге методично вбивали кол. Потом жердь поднимали и принимались за следующего. Отлаженная работа шла споро.

— Бедняги не могут даже накричаться вволю, — прокомментировал происходящее молодой князь, потягивая вино. — Вон как уселся, проклятый. Не сбросишь!

— Ваша милость, — проговорил Игриш, подливая ему еще темной жидкости в кубок. Князь решил, что из него выйдет неплохой чашник. Прошлого, разбрызгавшего вино на дорогой ковер, приказали выпороть, и тот пока не мог выполнять свои прямые обязанности. — Отпустите меня, пожалуйста. Я уже все осознал.

— Зачем? — изогнул тонкую бровь князь. — Ты куда-то спешишь? Все еще только начинается.

Под вопросительный взгляд Игриша он только рассмеялся.

— Пока наши гости не объявятся, глупо сворачивать балаган.

— Вы кого-то ждете?

— Ага. Мы ждем, когда появится бесовская упряжка.

— Сюда летят ведьмы?! — округлил глаза мальчик и чуть не выронил кувшин.

— Они любят подобные представления, — пожал плечами молодой князь, и так обыденно, словно речь шла о повседневных заботах. — Страх, боль, похоть, мучения — их это тянет, как мотылька на огонь. А неоспоримое преимущество сажания на кол — все эти чувства в одном флаконе. Говорят, что когда острое входит в задницу, человек испытывает и адскую боль, и адское наслаждение от самого процесса. Никогда не пробовал?

Игриш сглотнул, на мгновение представив себя на месте одного из казненных.

— А ведьмы всегда возятся неподалеку, где массово страдает народ. Как мухи вокруг кучи с навозом. Они кормятся с этого.

— Да, но... Зачем вы их ждете?

— Мне они нужны только в качестве смазки для колов, — сверкнул глазами князь и до дна осушил кубок. — Слишком долго они летали вокруг огня, пора бы мотылькам сгореть! Говорят в далекой Альбии, где правят бал кровососущие абели, ведьм истребили еще столетия назад. В моих владениях ведьм тоже не будет. Ни в Феборе, ни в Пхеи.

На мгновение он помолчал, глядя на дно кубка, а потом сунул его Игришу.

— Видишь, — он кивнул на груду жердей в стороне, — эти подготовили загодя. Специально для каждой тупой ведьмы, которая решит прийти на подмогу своей сестренке. Вооон там!

С этими словами он наставил палец на кол в центре — самый высокий из всех. Игриш не хотел поднимать глаза, но все же разглядел очередную дрожащую фигуру, нанизанную на острие. Женщину. Ее темные волосы спускались ниже бедер, и их постоянно подхватывало усиливающимся ветром.

— За ней придут. Очень скоро. А после наверняка объявится наш общий знакомый.

Игриш подумал, что ослышался:

— Каурай?

— Он самый, — кивнул князь. — А ведь знаешь? Когда-то мы с ним были как братья. Имели общую цель, любили одну женщину. Но всех нас развел Дикий Гон и общая глупость... Он ни капли не поумнел, и бегаёт за ним в надежде отомстить. Почти отчаялся, бедняга. Но мы ему немного поможем.

Вслед его словам по полю пробежался сильный порыв ветра. Зашелестели деревья, взметнулось пламя костров, на мгновение высветив лица истязаемых бедолаг, искаженных неземной мукой. В том числе и лицо женщины на самой вершине — она беззвучно шевелила искусанными губами, но слов с такого расстояния расслышать было невозможно.

— Глядь, — присвистнул князь, указывая на нее пальцем. — Своих темных божков призывает, проклятая!

— Она еще жива?! — захлопал глазами Игриш.

— Еще как! Ведьму убить довольно сложно, я ее в таком положении уже вторые сутки везу. Такая мелочь как палка в жопе ее точно не убьет, но помучает знатно. Хотя, кто их, бесов, знает — может ей это и нравится.

Игриша всего пробрало, стоило ему только представить, что может испытывать человек после суток сидения на колу. Пусть она и ведьма, ему было страшно глядеть на ее муки.

— Ты что ее жалеешь? — искренне удивился молодой князь. — Очень зря. Такие как она никого не жалеют и творят вещи поистине жуткие. Ты когда-нибудь слышал про Тропу Ведьмы?

— Нет, — сглотнул Игриш. Слушать истории из уст этого человека ему хотелось меньше всего.

— Это путь перерождения, который проходит любая ведьма. Чтобы заплатить за силу, ей нужно пожертвовать самым дорогим в жизни. Собой, своим домом, теми людьми, которых она любит, к которым привязана и не может допустить и мысли расстаться с ними. Но каждая ведьма делает такой выбор — сознательно, ради удовлетворения своих грязных желаний. Да, ведьмы как никто другой знакомы со смертью. Как правило, самой страшной. Так что пусть наслаждается. Поверь мне, я это знаю, как никто другой.

— Зачем вы мне все это рассказываете, господин?

— Чтобы ты понимал, что первое впечатление всегда обманчиво. Женщина там, наверху — преступница самих земных законов, установленных Спасителем! И она несет заслуженную кару. Вскоре тут появятся ее подружки, и их ждет та же судьба. Ни одна не уйдет с этого поля. В Хлебнах все пошло не по плану, да и людей у Герника было мало. Но сейчас я намерен поймать в ловушку всех, включая и нашего общего друга. Если, конечно, он все еще жив.

— Господин! — послышался взволнованный голос за их спинами. — Господин!

— Да что такое? — обернулся князь, рассерженный такой бесцеремонностью. Игриш заметил лысого Герника, который мчался к ним со всех ног.

— Он здесь, господин! — его лицо было мокрым от пота, но в глубоко посаженных глазах прыгали азартные угольки.

И тут Игриша наконец-то осенило, где он мог видеть этого человека. В голове смутно проступили, казалось бы, давно забытые образы, которые его память затолкала поглубже с намерением никогда больше не доставать. Да, он знал Герника, видел его в Хлебнах.

Это он бросил Маришку в колодец. А следом и его тоже. Но тогда его лицо скрывал плотный слой грима.

— Кто? — кипятился князь. — Говори яснее, дурак!

Тут до ушей Игриша донесся возрастающий ропот, воздух переменялся, стал натянутым как струна, которая готовится оборваться. Все головы разом повернулись в одну сторону — за спину Гернику. Тот тоже обернулся и обнажил меч — метал звякнул о металл с каким-то изуверским предвкушением схватки.

Окруженный огненным маревом от ревуших жаровен, он приближался. Такой же здоровый, грозный и уставший, как и сутки назад. С повязкой на правом глазу и с громадным мечом за плечами он неторопливо вышагивал к ним, ведя свою оседланную кобылу под уздцы. На ее боку все так же чернел пустыми глазницами собачий череп, а рядом торчала та самая неуместная и нелепая метла. Игришу почему-то показалось, что черепушка выглядела ужасно довольной.

— На ловца и зверь бежит, — захохотал молодой князь, раскинув руки в стороны. — Гвин! Сколько лет, сколько зим?!

Одноглазый остановился. Его сразу окружили со всех сторон, выставив копья и арбалеты, но нападать не решались — на лицах каждого солдата застыла печать страха. Пусть и сотня на одного, но они страшно боялись даже тени этого человека. И судя по всему, одноглазый знал об этом.

— Здравствуй, Владислав, — высоко подняв подбородок, отозвался Каурай. — Или мне теперь величать тебя Крустником?

Князь еле заметно вздрогнул и сжал кулаки. Но не остался в долгу.

— Каурай, наглеешь, так значит? — его губы тронула презрительная ухмылка. — А ведь сегодня уже один молодой дурачок сторицей заплатил за свою прыть.

— Ну, надеюсь, ты не сильно осерчал на него? Молодость, она весьма нескромна, — ответил на его ухмылку Каурай и сделал еще пару шагов, пока не остановился против Герника, который встречал его с мечом наперевес.

— Ни шагу дальше, колдун! — взвизгнул один из арбалетчиков. Его руки с оружием ходили ходуном — одно неверное движение, и он с испугу спустит тетиву.

— Мне же ничего не надо, — понурил голову Каурай в притворной скромности. — Я всего лишь пришел за своей Красоткой. Спасибо, что присмотрели за ней, пока я был занят.

— А мы тут, с твоим мальчонкой, — князь схватил Игриша за плечи и по-дружески приобнял его. — Болтали, пили вино, ели конфеты! Присоединяйся.

— Нет, благодарю, — кивнул Каурай. — У меня в желудке и так ни росинки, не хотелось бы забивать его какими-то конфетами. Но надеюсь, мальчик не скучал? Ему, кстати, пора. Мы и так уж слишком задержались, пора и честь знать.

— Что же, ты и не представление не останешься? — сказал князь, прозванный Крустником. — Гости уже на полпути сюда!

— Нет, едва ли, — покачал головой Каурай и посмотрел вверх — туда, где корчились истязаемые. — Ведьмы, скорее всего, опоздают. Гораздо быстрее здесь будут те, кто задержал меня прошлой ночью. Все окрестные болота кишмя кишат всякой древней, неуспокоенной дрянью, которую топили в этих местах еще столетия назад. И всех призвал Дикий Гон на свою кровавую пляску.

— Ты чего несешь?.. — опустил меч Герник. Тут на его затылке заблестели капли пота.

Щетинистое лицо Каурая не расставалось с мерзкой улыбочкой, но сейчас она приобрела вид маски смерти. Холодной и неотвратимой. Она говорила:

— Очень скоро здесь будет слишкомлюдно, а я не большой любитель шумных вечеров. Мои ноги так и гудят — пришлось бежать без отдыха целый день. Болотным умертвиям, конечно, плевать на усталость, они идут у меня по пятам еще с прошлой ночи. И скоро будут здесь, а значит, нам с мальчиком пора.

В подтверждение его слов где-то вдали раздался дикий рев, от которого у Игриша задрожали колени.

Тот самый страшный рев. Тот самый! — возопила его душа, переполненная неистовым желанием спрятаться. Куда угодно! — хоть и залезть на один из кольев, лишь бы не слышать. Не видеть того, что выйдет из темноты.

Заревели снова. Потом еще и еще, пока ночь не окрасилась замогильным ревом. И следом вопли, звон металла, проклятья и... топот ног. Сотен и сотен ног, словно к ним приближался взбешенный табун лошадей, готовых смести все на своем пути.

— Не разбежаться, трусы! — кричал Крустник, оскалившись, когда несколько человек побросали копыя и ринулись наутек. — Всех дезертиров я лично суну в печь! Стоять, кому говорят!

Но все больше людей впадали в панику, а дьявольский топот и рев приближался. Сама земля стонала под натиском когтей. Из темноты замерцали огни, ветер принес запах болотной гнили, запах страха и смерти.

Кто-то — Каурай так и не понял кто — нажал на спуск, и арбалет с глухим стуком выбросил болт. В следующее мгновение наконечник уже торчал у другого солдата из правого глаза, тонко звякнув о внутреннюю стенку его шлема. Заваливаясь на бок, он успел спустить тетиву, и еще один болт нашел свою цель. Мигом все затопила лавина стрел и мечей.

С одной ногой в стремя Каурай больно засадил Красотке в бок, и кобыла, испустив крик боли, рванулась вперед, раскидывая солдат налево и направо. Одна из стрел просвистела у нее прямо над ухом, вторая черкнула по боку, третья засела в крупе, заставив бедняжку позабыть обо всем на свете. Кобыла неслась к мальчику, который со страху не смел даже вздохнуть — одинокий болт пролетел недалеко от его шеи, обдав прохладным ветерком и заставив покрыться мурашками. Крустник закрылся мальчишкой и прыгнул в сторону, — тогда Каурай дернул уздечку, перекинул ногу Красотке через спину, свесился и протянул руку, рассчитывая подхватить упавшего мальчика. Но не успел.

Вихрь, который стрелой промчался через все поле и задул половину костров, поймал пацаненка первым. И подняв целый ворох пепла, с диким хохотом утонул в ночном небе.

Каурай выругался и рывком забрался в седло. Дело принимало паршивый оборот.

Он сшиб еще нескольких особо рьяных копейщиков, которые пытались преградить ему путь, и предоставил кобыле самой нестись во весь опор. Она покинула круг света, и последние болты впустую прожужжали в воздухе. Тьма накрыла всадника с головой, он выпрямился в седле, сорвал повязку и обратил оба глаза к небу.

Две крошечные фигурки верхом на метле он заметил сразу же — большую в черном ободранном плаще, который Каурай узнал бы из тысячи, и поменьше, потерявшую себя от ужаса.

В небе, рядом с одним из кольев.

Каурай присмотрелся, и ему показалось, что он знает человека, который дрожал от холода и боли на самом конце исполинской жерди. Да, этим несчастным определенно был бедняга Богдан.

Метла подлетела ближе, ведьма склонилась над ним — погладила по голове и поцеловала в окровавленные губы. Миг, он дернулся и безвольно склонил голову, мертвецкого. Тогда ведьма смахнула подступившие слезы, подняла метлу и долетела до самой высокой жерди, но не снизила скорости, а лишь выпростала руку с расставленными пальцами, словно собираясь поймать мяч.

Хлоп! — с отвратительным хрустом треснули позвонки, и метла бросилась прочь. В сомкнутых пальцах ведьмы на длинных-длинных волосах раскачивалась оторванная голова

ее подруги. Ведьма взмахнула этой головой в воздухе и по широкой дуге облетела кровавое поле, где люди умирали в бесплодных попытках совладать с мертвыми. Хрустели кости, рвалось мясо, ломались мечи и зверски кричали на все голоса — от озверевших попыток командовать, до бессильного вопля умирающих. Умертвия пронеслись через лагерь, точно нож сквозь масло. Бой толком и не начался, как ряды Фебора дрогнули, и началось паническое бегство, почти сразу обернувшееся бойней.

Каураю не было дела до них — перед глазами маячила метла в темном небе, которое пухло от сдерживаемой влаги и уже вот-вот готовилось разразиться ливнем, взорваться молниями и грохотом. Неуловимая метла поднималась все выше, уже почти соприкоснувшись с небесной твердью, унося на себе ведьму и полуживого от страха мальчика.

Оставалось последнее средство, которое, как надеялся Каурай, ему применять не придется. Но все пошло наперекосяк. Как обычно.

Бросив поводья, он нагнулся и вытащил метлу. Древко подрагивало в его руках, силясь вырваться и пуститься наутек, вслед за своей сестрой, окунуться в небесную мглу, налившуюся предчувствием грозы. Каурай осторожно приподнялся на стременах и пропустил черенок у себя между ног, всем телом ощутив горячее желание метлы взвиться в воздух. Он до хруста сжал зубы, коря себя за такое мальчишество, но иного выхода не было. Зачем, Сеншес его дерит, он делает это? Ведь это ни на шаг не приблизит его к цели...

Он подпрыгнул в седле и навалился на метлу всем телом. Она задрожала в его руках, и Каурая подбросило в воздух — ноги едва не запутались в стременах, а он уже поднялся выше холки Красотки. Ветер резко ударил его со всего маха, а всадник лишь сильнее вцепился в черенок и сжал его со всей силы бедрами. Ветер сносил его куда-то вбок, прочь от места сражения, в сторону темной массы леса. Метла недолго сопротивлялась, силясь скинуть надоедливое человечка. Каурай поджал ноги и потянул норовистую гадину выше — хотела она или нет, но она исполнила приказание.

Он был уже выше самого высокого кола, на котором восседало мертвое тело без головы, но ему надо было подняться выше. Туда, куда улетала ведьма с мальчиком в охапке.

Ветер выл в ушах и хлестал по глазам — пришлось ненадолго зажмуриться, но он ничуть не снизил скорости, пусть и каждое потерянное мгновение на этом проклятом инструменте делало полет только опаснее. Каурай чуть приподнял веки и увидел перед собой цель — метлу, ведьму и Гриша на ней. Уже ближе.

Он ударил метлу пятками, словно лошадь, и та охотно ответила, прибавила еще ходу. Теперь Каурай едва держался на ней, до последнего цеплялся пальцами за черенок, перебирал в голове всех святых и проклятых, лишь бы не соскользнуть.

До беглецов рукой подать...

Ведьма давно заметила погоню и безуспешно понукала метлу, но тщетно — ее тщедушная метла с трудом могла вытянуть двоих.

Еще чуть-чуть!

Каурай потянулся за мечом...

Сверкнула молния, и Каурай на мгновение ослеп, едва не наворачнувшись вниз. Проморгавшись, с замиранием сердца он осознал, что ведьма на метле одна. Бросив взгляд вниз, сразу заметил мальчика, куколкой завернутого в черный плащ, — он камнем несся в объятья земли.

Каурай раздумывал лишь мгновение и напярғ все оставшиеся силы, поднял метлу выше

— и еще, и еще, пока не перевернулся вниз головой. И ударил инструмент пятками. Она ответила и, лихо вращаясь вокруг своей оси, змейкой кинулась к земле.

Воздух снова заискрился росчерком молнии, по горизонту прокатился бой грома, а Каурай, ослепший и оглохший, вытянул вперед руку, когда до мальчишки оставалось всего ничего. Он опережал капли долгожданного дождя, которые разбивались о его пальцы, он видел перед собой бессильно открытый рот и зажмуренные глаза на смертельно бледном лице. Тут метла завибрировала и принялась отклоняться с заданного пути. Каурай сжал зубы в последнем усилии, встряхнул проклятую и, рискуя всем на свете свесился вперед.

И едва не промахнулся. Но все же схватил пацана в охапку и крепко прижал к себе, рискуя переломать тому все ребра. Метлу завертело волчком — верх и низ перепутались. Ветер хлестанул его плетью дождевых капель. Но Каурай выдохнул. Метла проложила падать, вращаясь как бешенная.

Оставалось последнее, самое сложное — замирить эту пляску.

Сжимая древко одной рукой, он приложил усилие, которое забрало все его силы, но вывел метлу из опасного виража, когда до земли осталось всего ничего. Метлу подбросило и вновь закрутило, но она вышла из вертикального положения и креном пошла в сторону, постепенно выравнивая полет, пусть и нисколько не сбавила скорости. Каурай уже с трудом держался верхом и не представлял, как ему остановить эту неумную дуру. Далеко ли было до армии Крустника? Куда повернул вал умертвий? И где его кобыла? — все выдуло из головы. Он мечтал лишь об одном — наконец-то ступить на твердую землю. Живым.

Краем глаза заметил в отдалении нечто темное, смутно похожее на крышу деревенского дома, и направил непослушную метелку в ту сторону. Она всячески пыталась озорничать, дергаться, менять высоту, но Каурай как мог держал ее в узде.

Под ногами потянулось темное поле, а за ним несколько приземистых домиков с соломенными крышами. Это был шанс. Либо они сейчас спрыгнут на всем ходу и им повезет, либо проклятая метла-таки добьется своего.

Каурай решил рискнуть, навалился на метлу, заставив ее снизиться, и, как только соломенная подушка оказалась впереди, сжал зубы и сиганул вниз, рассчитывая попасть на опережение. Он зажмурился и отдался на милость Спасителя.

* * *

Он не знал, сколько пролежал без движения, забирая ртом воздух и размышляя над тем, какой бес надоумил его взобраться на неукротимую метлу. Они проломили крышу насквозь и рухнули прямо посреди комнаты, каким-то чудом не уткнувшись в печь. Повезло несказанно.

Он взял себя в руки, мысленно досчитал до десяти, а потом сделал попытку сесть — тело выступало против. Хотело покоя. Каурай понимал его, но все же сел, хоть и страшно пожалел об этом. Выбирался из обломков широкого стола, который под его весом треснул напополам. Хорошо. Для стола — не очень. Вокруг ни души. Похоже, хозяева уже далеко.

Мальчик! — пришла следующая мысль. Он протер оба свои уставшие глаза и осмотрелся. Пацана отбросило на пол, он не двигался. Каурай, шипя от боли во всем теле, протянул руку и тронул его за плечо. Никакой реакции. Эхх... цыкнул он языком, перевернул мальчика на спину и приложил ухо к груди. Закрыв глаза и прислушался — почти сразу ему ответили.

Не теряя времени, одноглазый поднялся на ноги, кривясь и ругаясь себе под нос, — надо было убираться, и как можно скорее. Он подхватил безвольное тело мальчишки,

перекинул через плечо и, неловко переступая с ноги на ногу, двинулся к выходу. Дверь была заколочена снаружи, и одноглазому пришлось немного попотеть, прежде чем он выбил трухлявую деревяшку ударом ноги.

Но выходить он не торопился. Было поздно.

Стоило только двери раскрыться навстречу дождливому ненастью, как одноглазый ощутил запах гнили, который не была способна перебить даже свежесть долгожданной влаги. Следом он заметил силуэт исполинского существа, которое не торопясь пересекало поле, направляясь прямо к избе. Звук тяжелых шагов перешибал шепот дождя и отдавался в каждой деревяшке.

Одноглазый выругался, вернулся в избу и положил мальчишку на одну из лавок. Бросил на него прощальный взгляд и вышел под дождь, спуская со спины меч. Даже через кожаную оплетку и перчатки легко было ощутить насколько горячим он был.

Стоило только каплям коснуться темного грубого металла, как они с шипением обратились паром — клинок раскалялся с каждым ударом сердца, пока расстояние между одноглазым и гигантом, шагающим на него сквозь бурю, неумолимо сокращалось.

Все ближе. У гиганта в руках не было оружия, однако Каурай не обольщался. Эти руки, способные порвать человека на части, и были оружием.

Ближе. Теперь Каурай мог разглядеть лицо. Черное, сморщенное, скошенное на бок, словно маска, наскоро пришитая к черепу грубой нитью. По центру лба горел единственный глаз, который за все время ни разу не моргнул. Брони враг не носил, но отчего-то капли дождя отбивали по его блестящей коже металлическую дробь.

За двадцать шагов Каурай остановился, не торопясь более сокращать расстояние. Взялся за обжигающую рукоять обеими руками, выставил клинок вперед и набрал полную грудь воздуха.

Еще раз. Снова биться с этим. Каждый раз, стоило ему только обнажить Куроук и пролить немного крови, как приходилось с замиранием сердца ждать гостей. Рано или поздно звучала тяжелая поступь, и из темноты показывался он. Безымянный Циклоп, один вид которого был способен повергнуть в ужас любого. Неумолимый, бессердечный и молчаливый. Каурай уже сбился со счета, сколько раз ему приходилось сражаться с этой тупой машиной, даже имени которой он не знал.

Одноглазый встретил гиганта взмахом меча, но тот не стал ставить блок. Ударил в ответ — резко, яростно и чудовищно быстро для такой махины. Гигантская мощная рука толщиной с древесный ствол взорвала тучи брызг, когда обрушилась на его голову. Каурай знал, что враг и не подумает защищаться — отскочил в сторону. В последнее мгновение решив, что не вернется.

Увернулся. И немедленно бросился в атаку — прошел гиганту колено. Но за первым ударом сразу же последовал второй. Жуткий, резкий и неожиданный удар для того, кто лишь кажется смертным. Каурай принял его на меч, едва не сломавшись под весом противника. Отскочил за мгновение до того, когда Циклоп с разворота снова вспорол воздух кулаком, пытаясь одним ударом раскроить одноглазому череп. Удар раскатом прошелся по клинку, словно росчерк молнии. Еще один удар прошел мимо, совсем ненамного разминувшись с плечом одноглазого. Каурай контратаковал и рассек гиганту живот одним широким взмахом — не размыкая плотно сжатых губ, гигант попытался схватить противника за ногу. Одноглазый отмахнулся мечом, отсекая Циклопу пальцы на правой руке.

Бесполезная удача. Противник не дрогнул.

Они бились, металлический звон разносился под грохотание ненастья. Из ран гиганта хлестала черная кровь, но ему было плевать. Боли он не чувствовал.

Циклоп силился поймать одноглазого, задавить массой и порвать на части. И ему почти удалось настичнуть увертливого противника, если бы Каураю снова не повезло — перерубленная нога дала о себе знать. Гигант поскользнулся на мокрой траве, израненное колено подломилось, лишая его драгоценного мига. Клинок одноглазого ударился об его скулу и снес половину черепа.

Но гигантские черные руки, раздувшиеся от мышц чудовищной мощи, не опустились.

Взмах меча — и одноглазый отсек одну кисть. Потом другую. Фонтаном хлестала кровь, однако глыба так и не сломалась. Каурай отскочил чудовищу за спину и рубил, не помня себя. Ошметки мяса летели влево и вправо.

Гигантское тело рухнуло только, обратившись грудой шевелящегося мяса. Но и тогда не перестало двигаться.

Одноглазый отошел подальше от поверженного гиганта, перевел дух. В висках шумело, пот заливал глаза и катился градом, смешиваясь с каплями дождя, которые непрерывающимся потоком лупили его по лицу.

Пошатываясь и поскользываясь, задыхаясь как одержимый, он ввалился в дом и нашел Гриша — мальчик оставался без сознания, счастливцев. Взвалив его на плечо, Каурай вышел во двор и быстро пошел прочь, надеясь, что успеет выиграть достаточно времени.

Когда вспышка молнии пронзила небеса, он краем глаза заметил, как куски разрубленной плоти барахтаются в грязи, стараясь собраться воедино.

* * *

— Каурай?

— А?..

— Ты живой? Правда?

— Даже я иногда себе удивляюсь.

— А где тот... Крустник?

— У него явно проблем и без нас полно. Если он и сможет выжить, то я ему не завидую. Умертвия еще долго не успокоятся, носясь по округе, — пока сами не развалятся на части или не нажмутся до отвала, потом закопаются под землю. Может быть.

— Куда ты меня несешь?!

— Хмм... Туда, где есть кровать, пиво и женская грудь. И ни одного вооруженного феборца. Подальше отсюда. Но сначала найдем мою лошадь.

— Зачем ты меня спас?.. Опять.

— Помнишь, ты обещал мне, мол, сделаешь все, что я ни попрошу?

— Ну да...

— Так вот и делай. Помалкивай, или лучше еще поспи. Потом тебе придется мне кое-что разъяснить.

— Я не могу. Спать... Боюсь.

— Чего?

— Открывать глаза. Каждый раз, когда я открываю глаза во сне — я вижу Маришку. И она обещала вернуться за мной.

А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся.

А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать.

Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей, то и ничего не будет. Я знаю уже все это.

Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы.

Николай Гоголь «Вий»

Дорожка петляет под его стопами, норовит оплести ноги вездесущей мор-травой. Горячие слезы катятся по щекам, а грудь стонет от саднящей боли. Игриш знает, что ожидает его впереди — там за деревьями, острыми как колья. Мальчик шагал по этой тропе не единожды, так было уже десятки раз, и этот не будет исключением. Мимо обезображенных лиц, выплывающих из полумрака, мимо гигантских, заточенных жердей, вросших в землю. Шаг за шагом через бурелом, припорошенный пеплом, вдоль едва заметной тропинки. Дальше и дальше — пока окровавленные острия не скроются во тьме, пока заросли не поспешат разойтись, пока мальчишку не окутает животный страх и жажда бежать без оглядки.

Но он все равно пойдет дальше, ведь он знает, что этим же путем когда-то прошла и его сестра. Навстречу своему потаенному ужасу. Преследуемый зверем, который неотступно идет у него по пятам.

Стук за стуком отдает в его висках, мокрых от пота, дрожащих от страха. Деревья истончаются и отступают, обнажая небольшую поляну, сдавленную тишиной, засыпанную белесым пеплом — в свете полной луны он сверкает подобно серебру. Из полумрака на мальчишку черным зевом глядит деревянный колодец, невесть откуда взявшийся в этой гибельной чаше.

Игриш, с трудом переставляя ноги, ступает на пепельный ковер. Подходит к колодцу. Заглядывает вниз.

Колодец глубок и темен. Неровные стенки образуют спираль, каменистыми кольцами спускающуюся к водной глади, холодной и твердой словно сталь. Из глубины на Игриша кто-то смотрит. И выглядит он по-настоящему жутко.

Повинуясь некому приказу зверя, Игриш трясущимися руками тянется к ведру, которое он замечает в траве, и сбрасывает вниз. Он с замиранием сердца ждет, что ведро треснет от столкновения со стальной гладью, но то с громким всплеском идет на дно, пока не тяжелеет и не просится обратно.

Снова звучит безмолвный приказ, и Игриш, глотая слезы, хватается за ворот негнушимися пальцами и вращает рукоять. Медленно, методично, почти бесшумно ведро плывет вверх, теряя тяжелые капли. Внизу, в пучине, уже ничего кроме воды, — Игриш знает это. Ведро слишком тяжелое.

Наконец оно бьется о край колодца, мальчик перехватывает днище свободной рукой. От тяжести ведро едва не летит обратно, но из последних сил он вытаскивает ведро, полное черной водой, и ставит у своих ног. Капли пота бегут по лбу, разбиваясь о ледяную гладь. Сердце заходится набатом, пока Игриш обхватывает стенки и подносит край ведра к помертвевшим губам. Безропотно повинуясь приказу зверя, он смыкает губы на шершавом краю, зажмуривается и начинает пить.

Ледяная, вязкая жидкость неторопливо вползает в его рот и обжигает зубы, заставляя мальчишку давиться и глухо всхлипывать, но не отнять губ. Она проходится по небу и скатывается в глотку, заполняя внутренности подобно жидкому металлу. Игриш пытается кричать, когда склизкое тело зверя соскальзывает в его широко открытый рот и тонет в желудке, но только опирается о твердый сырой камень, сильнее раскрывает рот... и сам не свой от боли плотает и плотает, захлебываясь, обливаясь с головой до тех пор, пока у него не немеет челюсть. пытка продолжается, вода с огромной высоты обрушивается водопадом, внутренности трещат от натуги, грозясь разорваться на части. Но ни колодец, ни зверь не знают пощады.

Прежде чем навеки уйти, Игриш сквозь бушующую водную твердь видит свет, который в тот же миг тускнеет, сворачиваясь вечной тенью. Круглая дыра закрывается, обрубая водопад и робкие попытки лунного света пробиться до дна.

Серебристый полумесяц — последнее, что видят его глаза. Он тоже сливается с мраком, вечным молчанием и давящим хохотом могилы.

* * *

Кто-то тряс его за плечо и настойчиво повторял:

— Эй, Гриш! Проснись! Проснись!

Только приподняв веки, Игриш зажмурился от яркого света — тот полоснул его по глазам и заставил вернуться в колодец, чтобы снова хлебнуть ледяной водицы. Но его спутник был настойчив:

— Кошмары? Лезь ближе к костру, а то ты весь продрог.

Игриш шмыгнул забитым носом, вытер мокрый лоб и вылез из шалаша — к огню, надеясь отогреть руки и сопли. Трескучий костер больше дымил с сырого валежника и совсем не давал тепла: бесполезный, коптящий огонек в горниле затаившейся темноты, годящийся лишь на то, чтобы отгонять мошкору. С тусклого неба неудержимо накрапывало, угрожая вновь разразиться ливнем и загнать путников поглубже в укрытие.

Днем в седле, ночью на голой земле да под открытым небом — и так до самого рассвета лишь затем, чтобы вновь забраться на спину Красотке и отправляться в путь. Пока солнце освещает путь, а дождь размывает следы. Таков был их удел, и Игриш давно сбился со счета, сколько дней, а иногда и ночей они провели в дороге, силясь удрать от длинных лап Крустника. За прошедшее время он и думать забыл о том, что такое мягкая постель и закрытые окна, которые не пускают ветер под одеяло. Одеяло? Смех, да и только.

Но и с приходом темноты не всегда удавалось забыться — Каурой ориентировался в темноте, как крыса, и иной раз оба вылезали из седел уже затемно, когда одноглазый решал, что погони нет. Но и это скоротечное время сложно было назвать передышкой: стоило только Игришу завернуться в плащ и сомкнуть веки, как он вновь с головой падал в колодец, где его уже ждали...

Каурой мастерски заметал следы, так что преследователей Игриш так и не увидел. Но оно и к лучшему — после того, что ему пришлось натерпеться в лагере Крустника, мальчику очень не улыбалось вновь встречаться с этим типом лицом к лицу. Пусть уж лучше так, чем разделить участь тех, кого забрали следы Крустника.

Еще бы ему знать, куда его тащит этот одноглазый... Но каждый раз, когда Игриш пытался вызнать, что у того в голове, спутник загадочно улыбался и выдавал свое обычное — «в безопасное место», и более ничего. Мальчику ничего не оставалось, как отложить расспросы — до следующего раза, когда ему станет совсем не вмоготу. Как сейчас.

Пальцы. Он все еще не чувствовал своих пальцев, когда пытался вытереть лицо. Мокрое то ли от пота, то ли от дождя, бушевавшего несколько суток кряду, и лишь недавно унявшего свой пыл. Каурай сидел у костра, скрестив ноги и подставив лицо холодному, мокрому ветру, который не давал пламени разгореться вволю. Одноглазому, кажется, вся эта непогода, сырость и голая земля ничуть не мешала, только распалила его внутренний огонь. О доспехах и говорить было нечего: вороненый, выдавший виды пластинчатый панцирь навеки прирос к его телу. Игриш не раз ловил себя на мысли, что за все время ни разу не застал своего спутника спящим: стоило только мальчику отодрать голову от «подушки», а тот уже на ногах — седлает лошадь или помешивает что-то в котелке.

Вот и нынче сна у того не было ни в одном глазу. Вернее, в том глазу, который не прятался под черной повязкой. На коленях, как и все предыдущие ночи, мирно покоился громадный двуручный меч, с которым у одноглазого были какие-то особые отношения. Он всегда ревностно носил оружие при себе и не разрешал Игришу касаться его даже пальцем. При этом Каурай никогда не обнажал его даже для того, чтобы пройтись по лезвию пару раз оселком — клинок всегда скрывали ножны, скрепленные с рукоятью замком. Каурай не думал, посвящать Игриша в его устройство, но из расположения запора было очевидно, что достаточно надавить на рычажок в основании устья и ларчик откроется. Игришу иногда казалось, что эти хитрые ножны, окованные металлом, старые и затертые в бесконечных походах, внутри и вовсе пустовали. Зачем одноглазому понадобился замок, оставалось только гадать.

Не мог он понять, и на кой ляд Каурай постоянно таскает с собой собачий череп, привязанный к седлу. Иногда казалось, что со стороны этой жуткой штуки раздается мерзкое хихиканье, а поворачиваться к нему спиной Игриш и вовсе опасался — постоянно казалось, что эти пустые глазницы следят за ним.

— Снова видел сестру? — нарушил молчание Каурай. Он редко начинал разговор первым, но отчего-то именно сегодня ему захотелось поговорить.

Игриш не хотел заговаривать о сестре. Последнее время она обходила его сны стороной. И это было горькой правдой. С каждым днем в душе Игриша крепло ощущение, что чем больше они отдаляются от его родной деревни, уничтоженной Диким Гоном и размалеванной бандой Крустника, тем реже во снах ему является сестра, бедненькая и несчастная Маришка, которая обещала однажды вернуться за ним. Игриш вздохнул, вспомнив, как оба они пересекали небо верхом на летучей метле, — под ними гремела схватка живых и мертвых, в небе тяжелели тучи, а на хвосте висел Каурай. Он помнил, как сестра дрожала от страха, как целовала его на прощание, прежде чем завернуть в истрепанный плащ и сбросить вниз. Помнил последнюю слезинку на ее бескровной щеке и торопливую фразу «Я вернусь», брошенную прежде, чем ветер взвыл в его ушах, и он провалился обратно в темноту колодца, который так и не отпустил его. Воспоминания и лица хороводом вертелись в голове, не отступая ни на мгновение, пока глаза были открыты. Не вспоминал он лишь одного — колодца, где они с Маришкой провели роковую ночь. Колодец появлялся позднее, с приходом темноты, стоило мальчику сомкнуть уставшие веки и откинуть голову на свернутый плащ. И не сестра держала его, а он не мог разжать пальцы, чтобы не потерять ее холодное тельце в опустошающей глубине. И там он видел...

— ...я видел другого, — все же отозвался он. — Шел по тропе и думал, что найду свою сестру. Но каждый раз на ее месте оказывается кто-то другой. И я должен был убить его.

— И кто же?

Зверь. Злобный и алчный. Который приказывал ему, а Игриш подчинялся. А Игриш все равно убивал его, думая, что с его смертью этот кошмар закончится, но колодец все равно поглощал его.

— Хотел бы я знать, — шмыгнул Игриш носом и громко чихнул. Детали кошмара все стремительнее уносились прочь, и он уже мало что мог припомнить, кроме ощущения гнетущего ужаса и давящей темноты колодца. Колодца, который с каждой ночью становился все глубже, и все сильнее утягивал его в свое нутро, полное боли и отчаяния. С каждым разом Игришу становилось все сложнее просыпаться по утрам, и возможно вскоре Каураю придется обливать его водой, чтобы вырвать из лап хваткого кошмара и возвращать в реальность, которая была ничуть не лучше.

— Интересно, что прикончит меня быстрее, — обреченно пробормотал Игриш, пытаясь укрыться от мрачных мыслей плащом и отвлеченной беседой. — Этот насморк или ночные кошмары?

— От кошмаров еще никто не умирал. По крайней мере, от обычных.

— Умеешь же ты обрадовать...

— Хм, чем богат. Но у меня есть две новости. Хорошая и плохая. С какой начать?

Игриш с подозрением поглядел на него. Шутит он что ли?

— С хорошей.

— Хорошая — скоро у тебя будет возможность вылечить насморк и избавиться от кошмаров.

— Мы наконец-то?..

— Оторвались. Топота копыт я более не слышу. Так что, почему бы не дать Красотке немного пройтись без седока и не поискать, где переночевать? Думаю даже с пивом.

— Ура! Обещаешь?

— Пива?

— Теплую постель!

Хотя и от пива Игриш бы не отказался. И еще от чего-нибудь горячего. А то от сухарей желудок мальчика уже сворачивался трубочкой, и ему начинало казаться, что эта бесконечная скачка не отпустит их никогда.

— Почему бы и нет, — хмыкнул одноглазый. — Но на твоем месте я бы не стал загадывать. Пограничье. Места тут глухие, люди подозрительные. Стог сена в сарае — уже удача.

— Жду не дождусь... — вздохнул Игриш, но заметно оживился. Камень наконец-то свалился с его плеч. По крайней мере, самая напряженная часть дороги уже позади, и их преследователи — если они и были — наконец-то потеряли след.

Не успел Игриш нарадоваться предстоящему отдыху, как рядом взволнованно заржали лошади, привязанные неподалеку. Следом что-то зашуршало в кустах, перепугав их еще сильнее.

— Что?..

— Тсс... — Каурой приложил палец к губам и загадочно улыбнулся, не обращая внимания на вспылчивых кобыл. — Не хочешь же ты спугнуть нашего друга?..

— Друга? — пискнул Игриш, мигом обливаясь волной мурашек. — Какой еще друг?..

Прежде чем ответить, одноглазый склонил голову почти до его уха. Шепнул еле слышно:

— Тот, который прячется в темноте и не смыкает глаз, дожидаясь пока мы оба не

услышим. Это плохая новость.

Рядом с ногой Каурая Игриш заметил арбалет, от лишних глаз прикрытый полою плаща. Он взволнованно заерзал на месте, и хотел уже осыпать одноглазого вопросами, но тот развеял его сомнения:

— Нет. Это кто-то другой. Гончие Владислава уже давно отстали. Но я всегда предпочитаю держать ухо востро. Как я уже говорил — места тут глухие.

Мальчик сглотнул и с опаской поглядел на молчаливые деревья с неммым вопросом: «Кто?»

— Скоро узнаем, — проговорил Каурай и поднял глаз навстречу мраку. Игриш чуть в голос не застонал, когда заметил глазные впадины черепа — они вновь горели алыми огнями. Как в тот раз, когда из темноты вышло...

Чудовище! — взбрыкнуло сердце Игриша, стоило только ему осознать, что шумы ночного леса издают не только мелкие лесные зверьки, и не ворчун-ветер, раздувающий шапки деревьев. А кто-то другой...

Еще не осознавая, что именно коснулось его ушей, Игриш повернул голову и столкнулся с густой тьмой, внутри которой жило нечто невидимое. Оно выгнуло спину, приосанилось, медленно сбрасывая с себя темноту, с шумом выдохнуло из себя раскаленный воздух и принялось мягко и осторожно подходить к месту стоянки, где отсветы пламени мелкими бусинками заиграли на угольно-черной шерсти, стоявшей дыбом.

— Эта игрушка ничего мне не сделает, странник, — донесся из темноты глубокий трескучий голос. — Мою шкуру не пробить каким-то мечом. Даже таким здоровенным.

Игриша как водой окатили — он буквально врос в землю, не смея пошевелить даже пальцем. Перед ними сидела нечто большое, с огромной рогатой башкой.

— У меня найдутся игрушки на любой случай, — ухмыльнулся Каурай, поглаживая рукоять меча — рычажок откинут, клинок легонько вибрирует, словно не может дождаться, когда сможет покинуть родные ножны. — Но подходить ближе я бы тебе не советовал.

Существо рассмеялось — словно пилой черкнули по трухлявому стволу.

— Ты едва ли успеешь вытащить из ножен свою зубочистку, как я разорву в клочья твои доспехи.

— Не притворяйся, что не узнал Куроук, — слегка качнул головой одноглазый, не выпуская монстра из виду. — Сколько бы лет тебе ни было, его блеск узнает каждый, кто помнит Эпоху цветов. Но я пушу его в ход только, если сочту, что ты достаточно глуп, чтобы попытаться преодолеть барьер Эсселума.

Существо не стало спешить с ответом. Сощурило оба своих гигантских глаза, пылающих как звезды.

— Ты слишком дерзок, странник. Ты совсем не боишься меня, старого фавна, давнего хранителя этих лесов?

— Глупо бояться того, кто сперва чешет языком, а потом решает напасть. Такой охотник либо слишком глуп, либо у него иные цели.

— Верно, — склонилась рогатая голова. — Я вправду подумывал сожрать вас, но, похоже, мой план провалился... Ты сразу заметил меня, в моем собственном лесу, в котором я живу с тех пор, как твои предки прыгали по веткам. Кто же ты?

— Я опричник.

— Это имя мне ничего не говорит.

— Значит, ты счастливый старый фавн, которому нет дела до склок людей. По моему

опыту, большей части твоей братии было бы лучше, чтобы так и оставалось.

— Но все меняется. Все всегда менялось, и все будет меняться, — нахмурился фавн. — Время словно песок, просачивающийся сквозь сито — большую часть песчинок уже не вернуть...

— И то верно. Долго ты спал?

— Не знаю... Лес постоянно меняется, но одновременно всегда остается неизменным. Однако и этот закон не вечен. Рано или поздно приходят люди с пилами и топорами. Который нынче год?

— От Эпохи цветов? Никто того не ведает. Твой дом навеки затерялся в прошлом. Говорят, что миновали тысячи лет, но я не верю в это. Истинно одно — тот лес, который ты помнишь, уже давно история.

— Вокруг действительно одни незнакомцы, проходимцы и воры... Жаль. Тогда нам осталось разрешить одно дело.

— Какое? Только не тяни, мы уже собрались сниматься.

— Хмм, хорошо. — Существо шумно втянуло воздух. — Поскольку ты лишь проездом в моих заповедных владениях и не собираешься валить деревья, я попрошу плату за проезд. Незначительный пустячок. Отдай мне эту пугливую душонку, и разойдемся как друзья.

Игриш сжал зубы, попытавшись подавить крик отчаяния. Голодные, алчущие глаза, казалось, прошили его насквозь и прокручивали, словно в мясорубке. Зверь! Зверь, который привиделся ему во сне! Мгновение, а перед глазами Игриша бурным потоком пронеслась вереница его снов, и в каждом из них было оно. Существо, которое придет и заберет его обратно в колодец.

— Увы, он не продается, — расстроил одноглазый порождение тьмы. — Мальчик со мной. И тебе лучше забыть про него, кто бы ты ни был. Дружище.

— Жаль, — вполне по-человечески вздохнул монстр. — Но старый обычай требует оставить в лесу нечто ценное. Он настолько ценен для тебя?

— Еще бы.

— Тогда я возьму лошадь.

— Нет, Красотка — моя верная спутница. Прости, нам совсем нечего тебе предложить, кроме слов взаимного уважения.

— Кажется, ты совсем не уважаешь древний закон. Любой, кто ступает под кроны Рыжего леса, должен задружиться со мной, и тогда ему всегда будет сопутствовать удача.

— У нас свои законы. А твои остались глубоко в прошлом.

Фавн только обиженно заурчал в ответ на такое неуважение к древним обычаям, но так и не посмел переступить черту.

— Все же позволь мне подойти поближе и понюхать его, — не сдавался хозяин леса. — Дюже схож он с моим другом, которого я потерял в чаще... Он украл у меня кое-что, и теперь я с ног сбился в попытках вернуть мою собственность.

— Поищи где-нибудь в другом месте своего друга, — гнул свое Каурай, бегая пальцами по рукояти меча. — Ближе ты не подойдешь.

— Это почему же, позволь спросить? — сверкнула глазами адская тварь.

— Потому что ты очевидно не так глуп, чтобы принять меня за простого торговца, которому не повезло заблудиться в лесу.

— Твоя правда, на торговца ты не тянешь...

— Посему убирайся с миром. И мой Куроук останется в ножнах.

Существо еще немного постояло на месте, высверливая в упрямом человечке дырку взглядом, но не посмело делать роковой прыжок. Лишь глубоко вздохнуло и почти бесшумно пропало в темноте. В ушах Игриша остался треск когтей, скребущих по коре, когда огромное тело в несколько прыжков забралось на дерево, и пара тяжелых ухов, с которыми оно прыгало с ветки на ветку.

— Быстро хватай завтрак и в седло, — вырвал Игриша из оцепенения голос Каурая. — К вечеру будут хутора, а тут нам засиживаться нет резона.

Рассвет робко перемигивался между ветками — словно утро с великой осторожностью выходило из укрытия, стоило только этому порождению седой древности убраться восвояси.

Игриш дожевывал завтрак уже в седле, когда они выводили Красотку на дорогу, которой придерживались весь минувший день. Каурай пришпорил кобылу и понесся торопливой рысью, так что мальчику пришлось вцепиться той в гриву. Но не успели они отъехать от лагеря и на пару сотен шагов, как услышали топот копыт. Следом с диким ржанием к ним навстречу вылетела взмыленная пегая лошаденка без седока. Стоило им поравняться, как она запуталась в кустарнике и чуть не рухнула наземь. На ее боку краснела глубокая рана от когтей.

Каурай резко натянул поводья и со словами “еб...л я в рот эти древние обычаи!” бросил их Игришу.

— Езжай вдоль дороги и не останавливайся, пока не найдешь крышу, — произнес он через плечо и, подхватив арбалет со своей драгоценной черепушкой, на ходу выскользнул из седла и скрылся в кустах. Затрещал валежник, зашуршали ветки, всхрапнула встревоженная Красотка, попытавшаяся зубами схватить хозяина за плащ.

— Эй... Куда ты? — задал он вопрос в пустоту, сглотнул и натолкнулся на глаза Красотки, которая была ошарашена не меньше ее маленького седока.

Напрасно — шаги стихли, сменившись угрюмым молчанием лесной чащи.

* * *

Каурай шелестел по лесу, уже не скрываясь, почти бежал. Арбалет он заряжал на ходу, пробуя запасной болт на зубах, сердце грохотало в груди и в ушах, сопровождая ударом каждый его шаг, все быстрее, чем дальше одноглазый удалялся от дороги. За плечами покачивался Куроук, предусмотрительно снятый с запора и готовый проливать горячую кровь.

Однако одноглазый до последнего надеялся, что ему не придется обнажать его. Так близко к постели и к пиву, и снова придется сидеть в полудреме, выгадывая, не по его душу нечто грохочет в темноте... Нет уж, увольте.

Там такие рога — всем рога рога! Эх, надо было стрелять сразу, а не ляды с ним точить! Ты их легко продаешь на ярмарке. Там-то дураков много, а фавновых рогов поди мало! — вновь проснувшийся Щелкун болтал как заведенный, раскачиваясь у него на поясе и поблескивая розовыми глазками. Все ярче с каждым шагом.

Каурай то срывался на бег, то наоборот замедлялся, прислушиваясь и меняя направление, чтобы снова пуститься со всех ног. На пути попадались следы гигантских когтей, которыми были изодрана кора — один ствол сменялся другим. Больше одноглазый не остановился, он явственно слышал рев и грохот, а потом заметил за деревьями ярко блестящую шкуру существа, отдаленно напоминающего здорового черного кота, которому недавно довелось выкапываться из земли.

Под его лапами захлебывался кровью древний фавн — походил он на человекообразного лося, рогатого и с копытами, заросшего бурой шкурой. Котище вгрызалось в плотку реликтовому существу, вырывало куски мяса и слизывала шкуру с черепа гигантским алым языком.

Судя по клочкам шерсти, развороченным кустам и каплям крови на траве, им обоим

пришлось немного поскокать вокруг раскидистого дерева, прежде чем одно чудовище разорвало другое. Кот выгнул мощную спину, облизал окровавленную морду и довольно заурчал, празднуя победу над одним из последних представителей Эпохи цветов.

Кажется мы опоздали... — вздохнул Щелкун. — Они уже закончили веселиться. Но ты не унывай. Давай-ка мы отойдем в сторонку и дождемся, пока он не наестся, а потом свалит. И тут мы...

На одной из веток наверху Каурай мельком заметил крохотную, вусмерть перепуганную фигурку, до которой у твари пока не дошли когти. Ну, Проказа...

Одноглазый перевел дыхание, опустил на колени и поднял арбалет.

Эй, ты чего делаешь?! — воскликнул Щелкун. — Я ж тебе говорю: отойди в кусты и жди, пока тварь пузо не набьет. Сумасшедший!

У него был один выстрел — максимум два, прежде чем чудовище поймет, откуда летят стрелы. За столь короткое время, равное нескольким торопливым ударам сердца, ему предстоит сделать очень многое: ранить чудовище, отвлечь и дать шанс человеку уйти, и наконец — выжить самому. На победу рассчитывать было глупо — чтобы одержать верх над существом, втрое превышающим взрослого медведя, нужно нечто большее, чем смелость и быстрые руки.

Удачей в воздухе совсем не пахло. Здесь витал скорее спертый дух могилы и особенно ясно Каурай ощутил его присутствие, когда оскаленная морда начала поворачиваться в его сторону.

Одноглазый нажал на спуск: болт с яростным свистом пронзил воздух и врезался котищу прямо в шею. Тот дернулся скорее от неожиданности, чем от боли, быстрые глаза мгновенно определили направление и нашли новую жертву. Мышцы под лоснящейся шкурой раздулись, готовясь порваться от натуги, и, словно туго натянутая тетива, с диким рыком бросили монстра на Каурая, который уже зарядил второй болт и поднимал оружие, запоздало раздумывая, стоило ли рисковать ради спасения лишь тени несчастного.

Второй болт вырвался на свободу, бесполезный арбалет летел на землю, а руки тянулись к ножнам за штыками. Стрела взвизгнула, впустую просвистела у кота над правым ухом и обиженным пением унеслась прочь. Торжествующий монстр же до предела раскрыл зубастую пасть, огромными прыжками преодолевая то небольшое расстояние, разделяющее охотника с его жертвой, и готовясь заключить ее в кровавые объятия.

«Холера, Чума и Мор... — пронеслось в голове у одноглазого в тот момент, когда все его существо заполнил облик обнаженных когтей и зубов. — Нет, это определенно пахло могилой».

В последний момент он бросился в сторону, когти росчерком молнии вспороли воздух у его головы и прочертили на коре сосны четыре глубокие полосы. Два штыка уже летели в бок твари, а одноглазый катился по склону, считая кости и гадая, сколько мгновений ему понадобится, чтобы сомкнуть пальцы на рукоятках двух оставшихся у него клинков. Забрать с собой связку он не додумался — связка острых как бритва штыков осталась болтаться на спине у Красотки, и теперь ему это обязательно аукнется.

Пока кот пытался справиться с крайне болезненными для него железками, плотно усевшимися в его шкуру, одноглазый выхватил новую пару штыков, но не спешил приближаться. Едва ли ему удастся убить эту тварь, но хотя бы смертельно напугать — такие твари как эта кошка тоже хотят жить. Иногда.

Кот рывкнул и сиганул на врага еще раз, но на этот раз не так резво. Каурай поднырнул

ему под лапу, полоснул обоими клинками по морде и крайне болезненно пнул монстра в нос, чем вызвал жуткий рев негодования. Котище взвился, попытался прыгнуть и в третий раз, но блеск стали в руках одноглазого, покрытого алой кровью ушастого, резко остудил его пыл.

После двух неудачных прыжков он только раскрывал свою пасть, шипел и впустую выпускал когти, но не смел пытаться удачи. Шкуру ему уже успел потрепать тот рогатый, который к этому моменту перестал барахтаться и испустил дух, а одноглазый добавил еще пару шрамов, из которых обильно струилась черная кровь, доставляя ушастому массу проблем. В изумрудных глазах ярость охотника постепенно сменялась нотками страха. На чудовищное порождение мрака он больше не походил — скорее это был нашкодивший котенок, которого как следует попинали ногами по двору.

Одноглазый помог ему решиться — запалил фитилек Чертова порошка и запустил коту прямо в физиономию. Бомбочка шарахнула на весь лес. Тот испуганно прижал уши к голове, завизжал и помчался наутек, оглашая окрестности болезненным воем.

Победа! — торжествовал Щелкун, его ярко алые глаза бледнели по мере того, как магическая зверушка убегала все дальше. — Я ни на мгновение не сомневался, что ты справишься. Ну, может быть немного...

Каурай не сходил с места, пока пушистый хвост не скрылся за деревьями. Выдохнул и убрал штыки на место. Один клинок даже удалось быстро отыскать в траве неподалеку от арбалета, но увы, второй кошак походу забрал с собой. Вот Чума... А ведь дорогие, сволочи.

— Эй, ты, — крикнул одноглазый, подступая к дереву. — Слезай, он сбежал. А этот... спекся.

Как он и предполагал, фавн благополучно испустил дух. Оно и не удивительно — кошак почти отгрыз рогатому голову и основательно поломал ребра в попытках добраться до сердца. Гигантское, мохнатое чудище с двумя ветвистыми рогами, за которые любой аптекарь душу продаст, лежало в луже собственной крови и вывороченных кишок с языком наружу. Душа одноглазому без надобности, а вот от пары золотых он точно не откажется — тут он был с Щелкуном солидарен.

Осталось только дотащить эту тушу до пухлой мошны, и не надорваться по пути, конечно.

— Ты слышишь меня? Эй, на дереве!

— Этот рогатый подох? — показалась испуганная грязная мордочка в ветвях, и, когда одноглазый кивнул, начала осторожно спускаться.

Что там опять? — застонал Щелкун. — Мало нам одного выкормыша, который даже палец о палец не ударит, чтобы почистить твои ботинки, так ты другого решил на его место взять? И правильно! Того в зашей, а этого — в стойло. Пусть полирует мне лоб.

Вскоре к подножью дерева приземлился жилистый курносый парнишка со смолянисто черными, спутанными волосами и миндалевидными глазами. Каурая он осмотрел с головы до ног с таким выражением, словно тот был ходячим слизнем.

— Что это за черт? — поморщился мальчонка, с опаской и отвращением поглядывая на тело лесного хранителя.

А ну, повежливей! — обиделся Щелкун. — Я может быть и черт, но тебя, сопляка, в гробу видал.

— Фавн, — ответил Каурай на вопрос парня. — Наверное последний. Бедняга...

— Бедняга?! — аж позеленел от негодования мальчуган. — Так он меня чуть живьем не

сожрал, сволочь эта! Всю ночь меня по лесу гонял! Бедняга, ишь!

С этими словами он подошел к трупку поближе и сочно харкнул ему прямо в окровавленную морду.

Ишь какой! — хихикнул Щелкун. Его голос постепенно заглужал, пока не сошел на нет. — Вижу, резвости ему не занимать. Дай ему уже штык, пусть поработает. А то...

Краснота покинула глазные впадины. Щелкун заткнулся, слава святым и смелым.

— Так-то! — утерся мальчишка. — Ты вообще кто, служивый?

— Каурай. И я тебе не служивый.

— Имечко то еще... — скосил глаза парень и огляделся. — Видел мою лошадь?

— Ее должно быть забрал мой спутник, — ответил одноглазый, присаживаясь на колени рядом с фавном и доставая штык.

Работы тут было на целую артель, если он хочет спустить с этого красавца шкуру и выварить кости. А для этого придется как-то подвесить тушу на дерево и спустить кровь, на что нет ни времени, ни сил — весит такая образина вдвое больше самого здорового лося, и в одиночку ему не справиться. Так что пока придется ограничиться лишь черепом.

Сначала предстоит вспороть шкуру, потом ковырять кость, а она обещает доставить хлопот даже после всех стараний их мохнатого друга. Эх, был бы под рукой был топор, но где его достанешь в эдакой глуши?..

— Мы еще сумеем его догнать, если быстро разберемся с этой тушей. — С этими словами Каурай схватил фавна за рог и начал надрезать шкуру вокруг шеи там, где это не успели сотворить кошачьи клыки.

— Мы? — хмыкнул мальчуган. — Думаешь, у меня есть время тут с тобой в этом дерьме ковыряться?!

— Ха, я уж думал, ты мне благодарен...

— За что?!

— Тебе что с дерева было плохо видно?

— Тот кот мне не угрожал!

— Хорошо, значит голову заберу я, а тебе достанутся копыта, — хохотнул одноглазый. — Держи его за рога, мне тут одному не управиться. Кость придется ломать...

— Замечательно, — всплеснул руками мальчишка, проигнорировав его просьбу. — У меня лошадь сперли, а этот издевается...

— Все с твоей лошадью будет в порядке. Мой спутник будет ждать меня на ближайшем хуторе. Там мы и отыщем твою лошаденку. А пока...

— Еще чего! Ноги моей там не будет!

— Чего нелады с местными? — спросил одноглазый, подметив, как у мальчика вспыхнули уши. — Видать ты набедокурил чего, и теперь удираешь?

— Нет... И какая тебе разница? Ты мне кто, тятка?

— Кстати, про тятку...

— Нет у меня тятки! Понял?

— Понятней некуда, я вот тоже сирота. А звать тебя как?

В ответ мальчик только поджал губы.

— Хм, у тебя и имени нет? Ну, не переживай. Это у меня тоже псевдоним.

— Есть у меня имя! Только зачем тебе оно? У нас разные дороги.

— Да? И куда ж ты теперь без лошади?.. — продолжал допытываться Каурай. — Это же была твоя лошадь?

— Не твоё дело, — резко отвернулся мальчик и, бранясь себе под нос, быстрым шагом потопал прочь.

— А ну-ка стой! — поднялся Каурай. — Куда направился? Тебе чего копыта его не нужны? Эй?!

— Засунь эти копыта себе в зад! — бросил тот, даже не повернув головы, спешно устремляясь к зарослям.

Штык влетел в сосну прямо у него перед носом, мальчик застыл как вкопанный. Медленно повернулся, жвав голову в плечи, и затравленно глянул на одноглазого. Лицо парня было белее мела.

— Никуда ты не пойдешь, малец, — ухмыльнулся Каурай, укладывая стрелу на ложе арбалета. — Хватай железку. Сначала мы обезглавим вот этого черта. Потом прогуляемся до хуторов. И выясним, какого такого лешего из-за тебя даже тысячелетний фавн вылез из спячки.

* * *

Предутренняя синева так и не покинула лес, пока Игриш уводил лошадей подальше от угодий коварного фавна, проглатывая не заданные вопросы и проклятия. Мысль, что спутник убежал навстречу верной смерти и бросил мальчика посреди леса с двумя здоровенными клячами, не давала Игришу покоя и грызла изнутри.

Пусть он и помнил, какими проблемами обернулось для них с беднягой Богданом знакомство с чужой лошадьёю, мальчик не мог просто так бросить напуганную кобылку в лесной чаще. Не без труда вытянув ее из бурелома, он успокоил ее и привязал к седлу Красотки. Втроем они быстро покинули опасное место.

Чаща молчала, не оставляя иного выбора — слушаться приказа и поскорее найти пристанище. Солнце пряталось за серой поволокой, заволокшей небо. У мальчика уже голова кружилась от бесконечной скачки, не говоря уже о вечно гудящих ляжках. Он бы и душу продал за то, чтобы развалиться в кровати и выкинуть из головы те страшные глаза, которые бросались на него из каждой тени.

Еще одной проблемой была их извечная “игра” с Красоткой. Кусать мальчонку было любимой игрой вороной кобылы, которой он почему-то особо пришелся по душе, и она не оставляла попыток схватить его в самый неожиданный момент. Каурай постоянно ухмылялся, когда Красотка порывалась снова «поцеловать» Игриша. Но на все жалобы говорил, мол, если бы она хотела укусить как следует, просто отгрызла бы руку — а она такое умела. Игриша это мало успокаивало, и ему постоянно приходилось держать ухо востро, чтобы не заработать хороший отпечаток зубов на предплечье.

День устало перевалил за середину, и ни единого признака близкого жилья им не повстречалось. Сколько Игриш не крутил головой по сторонам, деревья прятались за другими деревьями, открывая глазу все новые зеленые горизонты, которые постепенно забирались все выше. Над ветвями носились стаи воронья, перекрикивая друг друга, гнусбивался в тучи, атакуя кобыл и заставляя их громко фыркать.

Игришу было нелегко поддерживать темп, но он старался не давать лошадям сбавлять шаг. Однако чем дальше они отъезжали от места, где его покинул Каурай, тем нерешительней мальчик понукал Красотку, оглядываясь на каждом шагу и стараясь высмотреть в полумраке знакомый силуэт с мечом за плечами. Но тщетно — лес словно проглотил его спутника, а теперь мало-помалу приглядывался и к самому Игришу.

Из мрачных раздумий его вырвал шум воды. Игриш подстегнул кобылку и вывел

лошадей на опушку, на краю которой текла быстрая речушка, берега которой заросли осокой и камышом. Мальчик в последний раз оглянулся и, не углядев позади ничего, кроме шелестящих теней, спешил и подвел лошадей к потоку, дав им немного смочить губы. Пахло тут так сочно, что Игриш аж чихнул от умиления. Красотка со своей подругой только довольно похрапывали, вдоволь напиваясь студеной водицей.

Дальше по берегу реку пересекал вогнутый деревянный мосток, куда мальчик вскоре и направил лошадей. Мостик явно видал лучшие дни, уже изрядно подгнивший и скошенный набок, но иной переправы Игриш едва ли отыщет. С кобылами на поводу он осторожно поднялся на деревянный настил. Копыта звонко застучали по доскам, заставив старые гнилушки вскрикнуть точно от боли. Игриш закусил губу и засомневался — не поискать ли ему брод где-нибудь неподалеку? Но ржание Красотки все-таки заставило его сделать еще шаг.

Середина моста осталась позади, когда некто заступил им дорогу:

— А ну ни с места! — выкрикнул невысокий усач басистым голосом, которым легко можно было свалить быка. — Кто таков будешь, мил человек?

Сердце екнуло в груди Игриша, когда на глаза ему попала кривая разукрашенная сабля. Она низко свисала на ремешках, небрежно ударяясь о мягкие сапожки с лихо загнутыми носами, словно ее носили не всерьез, а лишь шутки ради. Но Игриш отчего-то был уверен, что хваткой руке незнакомца ничего не стоит метнуться к рукояти и обнажить все полтора аршина остро наточенного железа, чтобы располосовать Игриш в один миг. Ее подруга примостилась с другого боку — чуть короче, но не менее смертоносная, она выглядывала из алого кушака, которым был обмотан пухлый живот усача.

Сапожки бодро простучали по доскам скрипучего мостка и остановились прямо перед Игришем, замершим точно столб.

— Чего молчишь? Немой что ли? — ударило его в спину, и Игриш затравлено обернулся. К мосту подходила тройка усатых громил с копьями и явно недобрыми намерениями.

— Нет... — выдал он сквозь намертво стиснутые зубы, сотню раз пожалев, что мечтал наткнуться на кого-нибудь из местных.

Не успел он оглянуться, как теперь его окружали уже семеро — трое до зубов вооруженных мужиков подпирали лошадей сзади, четверо встали спереди. А из-за деревьев все выходили новые лица с копьями и пищалями на круглых плечах.

Засада...

Красотка угрожающе заржала, взмахнула гривой и чуть было не вырвала повод из вспотевших рук мальчика.

— Добрые кони! — покачал головой статный чернобровый казак, козырявший парой расписных сабель.

— И откель у такого мелкого босяка такие добрые кони?.. — ухмыльнулись в рыжие усы, с интересом поглядывая на Игриша. Мужиков было уже не сосчитать. Вся ватага ожидающе уставилась на Игриша, а тот не знал, что ответить. Сердце его металось в груди раненой птицей, перед глазами снова всплыла роковая история в лагере Крустника...

Ох, и будьте вы прокляты со своими лошадьми! — закусил губу он, наспех сочиняя историю поправдоподобней. В голове его мельтешили разные мысли, одна глупее другой, мешая раскрыть рот и...

Сказать правду?..

— Это мои кобылы!

Красотка фыркнула, то ли подтверждая его слова, то ли насмехаясь. Мужички переглянулись, покивали чубами, пожевали усы, сбили шапки на лбы да дружно разразились хохотом.

— Ишь какой смешной! — затряс песочными усами пузатый казак с пугающе огромной пищалью на плече. — А позволь узнать, зачем такому мальчонке не одна, а целых две кобылы?! Да еще и такие, какие и самому пану воеводе придутся впору — факт! Уж не украл ли ты их?

— Нет, — выпалил Игриш, сиюсь удержат Красотку, которая все больше распалялась и рассерженно переступала копытами, стоило только казакам развеселиться. — Это кобыла моего друга.

— И где же твой друг? — не отставал толстяк, упирая свою пищаль прикладом в землю и положив на нее здоровые локти, каждый размером с талию Игриша.

— Он... он отошел... — буркнул Игриш и тут же покраснел до ушей.

— По нужде, я надеюсь?

Снова казаки похватались за животы и чуть не попадали со смеху в речку. Один лишь предводитель ватаги, тот самый усач-атаман, первым вышедший из леса, оставался почти невозмутим — губы его смеялись вместе со всеми, но этот острый, ястребиный взгляд ни на мгновение не сходил с физиономии Игриша. Он стоял, прямее палки, и все поглаживал свои холеные усищи, которые едва не доставали до ключиц. Облачен он был, как и его товарищи, в поношенный синий зипун, поверх которого была накинута кольчуга с короткими рукавами. В ухе этого казака сверкала золотая серьга.

— Ишь какой панский инструмент приторочен к седлу этой вороной кобылки! — указал казак с всклоченной поседевшей бородачкой на шестопер Каурая, который покоился на боку у Красотки. — Да таким чертом не грех этого мальчика в землю с одного удара вогнать. Что же, и это тоже твой шестопер?

— Мой...

— Иль твоего друга?

— Моего друга!

— Так твой или друга твоего? Али вы оба за один шестопер держитесь?

Игриш скрипнул зубами, когда казаки снова начали хохотать, все больше волнуя Красотку.

— Какой интересный у тебя друг. Как звать его?

— Каурай, — сквозь зубы выговорил Игриш.

— Ка...гурай? — переспросил престарелый казак из-за спин своих товарищей, сосредоточенно сведя редкие брови и почесав затылок. — За какие же нынче подвиги такие клички дают?

— А мне почем знать?.. Имя как имя, — отвел глаза Игриш, но тут же натолкнулся на взгляд предводителя, не менее неприятный.

— А ну, Горюн, признавайся, — с легкой улыбкой повернулся мужичок с всклокоченной бородой к одному из своих товарищей. — Не точно ли такая же пегая кобылка третьего дня паслась за твоим плетнем?

— Точно такая же, пан Рогожа, — мотнул рыжим чубом здоровенный детина и вышел вперед. Он уже довольно давно приглядывался к кобыле, недобро сжимая кулаки и хмурясь, когда остальные помирали со смеху.

— Ишь, как совпало, — развел руками бородатый, которого называли Рогожей.

— Моя это кобыла, по глазам вижу! С жеребенка ее растил!

— Вон оно как! — притворно ахнули и оскалились с боков.

С каждой фразой Игриша бросало то в жар, то в холод. Он уже готов был даром отдать им эту злосчастную кобылу, взгромоздиться на Красотку и дать стрекача. Пусть сварливая лошадь кусает его, когда ей вздумается... Но отчего-то он упрямо продолжал сжимать поводья, краснеть и отбрехиваться.

А казаки все не унимались:

— Ага! Ну, малец. Горюн гутарит, что твоя кобыла есть его кобыла, которую увели у него из-под носу лихие люди. Не встречал ли ты часом лихих людей на дороге?

— Нет, — мрачно буркнул Игриш.

— Раз не встречал, так может ты и сам из лихого люда?

— Из баюновой банды он, как пить дать! — крикнули из-за спин.

— Вы-то сами чего, не разбойнички? — глянул на них исподлобья мальчик.

— Э, нет, брат, не обижай, — покачал головой бородатый мужичок, что звался Рогожей. — Мы честной народ, трудом своим живем. По дорогам с чужими лошадьми не ползаем! Вот скажи, дорогой, прав ли Горюн, когда гутарил, что признал в твоей лошаденке свою кобылку? Иль брешит?

— Ага... Еще бы.

— Слыхал, Горюн? Брехун, гутарит, ты. Неправду гутаришь.

— Брешу, значит! — взревел здоровяк Горюн и под общий хохот выхватил поводья у Игриша. — Ну, погоди у меня, негодник! Поплескаешься ты у меня в речке Смородинке!

— Ты чего делаешь, эй?! — воскликнул мальчик, повисая у него на руке, толстой как бревно, но двое казачков тут же напрыгнули на него с обеих сторон, схватили за шиворот и оттащили, одарив крепким подзатыльником:

— Не балуй!

Вдруг Красотка с ржанием взвилась на дыбы и едва не прибила Горюна копытами. Подлетевшие было казаки вцепились ей в сбрую и попытались удержать, но та, ударив одного из них лбом, цапнула зубами другого за плечо и бросилась в сторону. Парочка казаков с жалобным вскриком полетели-таки под копыта, и только случай уберег их чубатые

головы. Игриш сам с трудом увернулся и едва не слетел с моста в воду. Свистнула нагайка, намереваясь огреть кобылу по морде, но Красотка быстро развернулась на месте, раскидывая казаков в разные стороны, кинулась на передние ноги, от души лягнула воздух, снова по случаю никого не убив, и, яростно раздувая ноздри, бросилась в открывшуюся позади себя брешь.

Мост, не выдержав отчаянного столпотворения, крикнул и принялся разваливаться, а бедные казаки с криками и проклятиями посыпались в воду как яблоки.

Игриша удалось остаться целым и не угодить под мост только каким-то чудом — мальчик вовремя обнял столбик, и по счастью именно он и устоял. Больше всех не повезло тем, кто оказался близко к пегой кобылке — она с испуганным ржанием завалилась на бок и со страшным всплеском рухнула прямо в речку, увлекая за собой и громилу Горюна, который так и держался за ее уздечку, и еще парочку казачков помельче.

Виновница бардака к тому моменту была уже на берегу и со всех ног неслась к лесу, оглашая окрестности недовольным визгом. Ей вторила отборная мужицкая брань, которой бурлила доньше спокойная речка Смородинка.

— Экая недотрога! — цыкнул зубом усач-атаман, провожая кобылку взглядом. — Не лошадь — зверь!

Они с Игришем и были теми единственными, кому удалось удержаться на том, что осталось от моста. Другие казаки, коим не повезло оказаться на пути Красотки, активно гребли к берегу и насквозь мокрые плелись по камышам, ругались и выжимали оскорбленные усы. Горюну с его невезучей лошадежкой пришлось тяжелее остальных — но и он таки выгацил ее на берег, целую и невредимую, пусть и дрожащую от страха.

— Эх, ма... Теперь весь порох что твой табак, пан Рогожа! Что ж ты не сказал, что твоя кобыла с норовом?! — крикнул Игришу пузатый казак, выливая воду из пищали. — Так же и убить недолго — факт!

Игриш не нашелся с ответом, как раздался новый крик:

— Эй, глядите-ка! Этот черт возвращается!

Головы с обоих берегов разом повернулись к опушке, где пропала разозленная кобыла. Но увидели они не только вороную, гордо вышагивающую по тропе, фыркающая на каждый вздох опозоренных казаков.

— Что тут? — поморщился Каурай, едва удерживая поводья своенравной лошади. Рядом с ним понуро брел какой-то чумазый темненький мальчишка, таща за собой волокуши с какой-то рогатой хреновиной.

— Ты что ли Каурай? — поинтересовался усач-атаман, переводя взгляд то на одноглазого, то на его несчастного спутника, на котором лица не было. Он бросил волокуши, и попытался улизнуть, но одноглазый ловко поймал его за шкуру.

— Вижу, мы уже знакомы, — кивнул он, с интересом поглядывая на казаков, только что испукавшихся в речушке. — Это ваш озорник?

— Ай, — зарыдал чертенок, силясь вырваться из хватки одноглазого. — Дяденька, пустите! Я больше не бууду убегать!

Но одноглазый был неумолим и только встряхнул мальчишку, словно мешок:

— Ваш, спрашиваю?

— Да это же наш Бесенок! — крикнул Рогожа, выглядывая из камышей. — В сам деле нашенский! Горюнов пострел!

Казаки, оправившись от трагического падения, стягивались к опушке, где застыл

Каурай. Игриш смекнул, что сидение на мосту более не сулит ему ничего доброго, и стрелой юркнул к одноглазому. Однако пара казаков, которые столпились на берегу, заступили ему дорогу.

— Куды?! — гаркнул один из них, порываясь схватить мальчишку за рукав, но Игриш оказался ловчее. Пара удачных прыжков, и он бы уже со всех ног мчался под защиту к своему спутнику, однако нечто цепкое кречетом вцепилось ему в локоть.

— Постой, малец, — дернул его к себе усач-атаман. — Не торопись, мы еще погутаим трошки!

Игриш сжал зубы и попытался освободиться, но хватка у усатого главаря была просто железная. Другая рука казака лежала на рукояти длинной сабли, за спиной и с боков собирались казаки — всего три десятка человек, мокрые, усталые и злые. С противоположного берега подтягивались конные, доставая луки, арбалеты и пищали, чтобы если что подмогнуть товарищам залпом-другим, ибо выглядел одноглазый по-настоящему грозно, пусть и был в явном меньшинстве.

— Ну, раз вашенский, то и забирайте его ко всем чертям, — проговорил Каурай и толкнул чертенка казакам. — А моего пострела давайте сюда!

Однако чертенок не пробежал и пары шагов, как хлопнулся оземь — охнул, поднялся на колени да так и остался сидеть, затравленно озираясь то на компанию казаков, то на своего пленителя.

— Не можно, мил человек, не можно! — покачал головой усач-атаман. — Сначала расскажешь, откуда у вас наша лошадь!

— На дороге встретили. Забирайте обоих. Мне чужого не надо.

— Не верю я, что лошадь можно просто так на дороге... встретить! Уж не брещишь ли ты, мил человек?

— Зачем мне врать? У меня и своя кобыла есть, и получше вашей.

Красотка махнула гривой и фыркнула, подтверждая слова хозяина.

— Да уж. Коняга хоть куда. С характером! — хохотнул толстый казак, и его товарищи недружно рассмеялись, памятуя какую взбучку им устроила эта «коняга».

— Бесенок? — из толпы вышел Рогожа и подошел к чертенку, который все еще сидел посреди дороги. — Ты чего это так далеко от хутора забыл? А если тебя тут баюновы разбойнички сцапают?!

— Я... это... — только и смог проговорить чумазый мальчишка, сглотнул и затих.

— Убечь хотел, паршивец, — покачал головой усач-атаман. — Вот погоди, как я тебя отделаю! Мало нам бед да несчастий?! Это ты лошадь украл?

Мальчишка только надул желваки и промычал что-то нечленораздельное.

— А? Не слышу! Горюн, тащи его, дурак, твой это ученик, так его и растак! — крикнул усач-атаман, выглядывая Горюна за спинами казаков.

— А чего я-то? — промычал тот. — Привязанный он что ли?

Мокрая глыба Горюн вышел из толпы и, понуриив голову, зашагал к Бесенку. Но не успел он приблизиться, как мальчишка пружиной взвился на ноги и бросился обратно — в лапы к прежнему одноглазому мучителю, но снова хлопнулся в пыль и растянулся у его сапог. Горюн поглядел на обоих грустным, тяжелым взглядом, сплюнул и махнул лапищей:

— Мне таких подмастерьев и даром не нать... В мешке его место.

— Не надо в мешок! — отчаянно закричал мальчишка, ползая в пыли. — Не хочу!

— Замолкни, щенок, мало видать тебя пороли! — ощерился усач-атаман и ткнул

пальцем в Каурая. — Ты!

— Я.

— Ежели ты Каурай, то я зовусь Кречет, — представился он. — Не знаю уж, с какими ты сюда помыслами пожаловал, мил человек, но у нас тут баловать не можно. Мы и так хапнули лиха с горкой. Посему пришлым угождать да пестовать их не намерены. Откуда и зачем?

— Я опричник, а тот мальчишка — мой спутник, Игриш. Рассчитывали на приют. За деньги.

— Опричник что тот же разбойник, эвон какая рожа расписная! — махнул на него нагайкой бородатый Рогожа. — Небось заодно с душегубцем Баюном они. Только расспросить дай, где их атаман прячется... Потом уже в мешок и в омут, и вся недолга!

— Плохая идея, — покачал головой Каурай, распустил ремень, пересекающий нагрудник, и схватился за рукоять меча. — Или, может быть, ты сам хочешь сунуть меня в мешок?

— А ну, хлопцы, окружайте его, паскудника! Я из-за его дьявола насилу из воды выбрался, пропади он пропадом!

Хоть Рогожа и не на шутку раззадорился, однако хлопцы замаялись и не спешили грудью бросаться на меч одноглазого. В отличие от них, облаченных в зипуны и кольчуги, Каурай был закован в настоящие доспехи с клепаными наплечниками, наручами и парой поножей. Игриш не сомневался, что случись им схватиться, то казаки таки одолеют одноглазого, но половина точно поляжет, сраженная его длинным клинком. А это, как выражался Кречет, не можно.

— Остынь, дядька, не нагоняй лиху, — выступил вперед молодой черноволосый казак, блестя крупными зубами из-под поникших усов. Из шапки он все выжимал воду и не спешил нахлобучивать на всклокоченную голову с длинными кудрями до плеч. — Глядь, на поясе у него и впрямь черепушка болтается. Всамделишный опричник он!

Казаки пригляделись к Каураю — и в самом деле, под плащом у него покоился собачий череп. Следом их взгляды перетекли ему за спину, и все принялись заинтересованно разглядывать жуткую рогатую голову какого-то гигантского лося, которого они только что притащили из лесу.

— Отведем его к пану воеводе, — пожал плечами юный Ранко, — он и решит, куда его — на постой или на плаху!

Все одобрительно забубнили — эта идея понравилась казакам куда больше, чем риск скрещивать оружие с хозяином столь злющей кобылы.

— На плаху это без меня, — покачал головой Каурай. — Думалось, что местные куда более гостеприимны и хватаются за ножи только после третьей чарки.

— Не те уж времена, — сплюнул усач-атаман, назвавшийся Кречетом. — Как заполыхало у соседей, уж не продохнуть от татей всех мастей: разбойников, убийц, дезертиров и... конокрадов!

На последнем слове он особенно сильно сжал пальцы вокруг руки Игриша, что тот вскрикнул.

— Мы не крали твою лошадь, пан Кречет, не нагоняй напраслину, — нахмурился Каурай. — И мальчишку мы вашего не трогали. Почти.

— Может быть, — кивнул Кречет. — Но отпустить вас по добру, по здорову это тоже не можно. Пес знает — может, вы и вправду лазутчики Баюна? Сделаем так, как предложил

Ранко: отведем к пану воеводе. А он решит, что с вами делать. Давай сюда меч!

— Меч? — вскинул брови Каурай. — Ты верно шутишь, пан Кречет?

— Нисколечко, мил человек! Вооруженного я до пана воеводы не поведу. Так что придется тебе ненадолго расстаться со своим оружием. Извиняй, но таков порядок!

— Попробуй забери, пан Кречет.

Он снял ножны со спины и положил ладони на гарду меча, размерами превышающего рост доброй половины из казаков. — Но не думай, что я отдам его так запросто.

Кречет однако не сделал и шага, чтобы попытаться отобрать клинок, да и свою саблю не торопился выхватывать — все стоял нахмутив лоб и поглаживая свои длинные усы.

— Ну что же вы стоите, трусы? — не выдержал Рогожа, осматривая притихшие ряды казаков. — Он всего один! Чего уже в штаны навалили?!

— Нечестно это как-то, пан Рогожа... — забубнили и зачесали головы казаки. — Всем на одного набрасываться — нет в этом чести! А можа и вправду, невинный он.

— А когда такие, как он, тати Баюнские, хаты грабили да жинок ваших насильничали, была в этом честь?

— Ну... — пробежал вздох по рядам казаков. Сердце Игриша тоже сделало кувырок и затихло при этих словах.

— Или вы забыли, зачем мы здесь?! — не унимался Рогожа, то бледнея, то краснея от злости. — Забыли, негодные, как бедную дочурку Щуба прошлой седмицею на дороге нашли — всю побитую без единого живого места?! А вы еще за честность с этим баюновым отродьем гутарить вздумали, тьфу на вас!

— Не горячись, кум, — проговорил Кречет. — Я тут смертоубийством заниматься не намерен, пока сношения этого человека с Баюном не доказаны! А доказывать это прямо на дороге — Спасителя гневить.

— ...кто такой этот Баюн? — подал голос Игриш, с опаской поглядывая на Кречета.

— Разбойник, коих земля едва носит, — буркнул казак в усы. — А ты помалкивай! Наболтался уж.

Игриш прикусил язык. Кречет вновь обратился к Каураю:

— Сдавай оружие, мил человек. Не гневись, но таков порядок! Вы оба, значит, подозреваемые и под следствием. Ранко, чего стоишь? Помоги ему сдать меч и вона остальные побрякушки! А то он, глядишь, запутается в своих железках.

Черноволосый казак сделал шаг вперед и с каким-то извиняющимся выражением на алых устах подошел к одноглазому, но тот не подал и тени сомнения в том, что добровольно не собирается разоружаться. Только крепче сжал рукоять и упер окованный железом конец ножен прямо в могучую грудь молодого богатыря Ранко.

— Не спеши, паренек...

Ранко не дал ему договорить — рука его быстрее молнии метнулась к сабле и широким движением обнажила сталь. Остро отточенное лезвие столкнулось с ножнами и отбило тяжелый меч в сторону. Ошеломленный Каурай попятился, сплюнул и решительно перехватил рукоять двумя руками.

Когда оба воина принялись кружить и обмениваться звонкими ударами, ватага Кречета разразилась криками и одобрительным свистом при виде негаданно вспыхнувшей сечи.

— Ранко! — махнул рукой Кречет и досадливо сплюнул, глядя на то, как парень яростно размахивает саблей. — Ранко, ты чего ополоумел?!

Тот не подал виду, что услышал товарищеский окрик, и раз за разом коршуном бросался

в атаку, но снова и снова наталкивался на крепкие ножны. Меч Каурай держал на манер шеста, вращал и то и дело пользовал, то ли как топор, то ли как крюк, охотясь за ногами молодого казака. Даже и не думал вынимать клинок или хвататься за штыки.

Сталь разила сталь. Ранко крутился волчком, блистая свистящим металлом, отскакивал и пытался пробить защиту одноглазого, однако каждый его выпад приходился либо на меч, либо сталкивался с неприступной броней.

— Чего же вы стоите?.. — крикнул было Рогожа, задорно раскручивая нагайку, но его одернул Кречет, схватив за отворот зипуна:

— Молчи, дурная твоя голова! Еще нам с опричниками не хватало враждовать!

Ранко занес саблю, и снова одноглазый принял удар на эфес, отбил клинок и дотянулся-таки до его голени. Парень взвыл, но не бросил попыток добраться до незащищенного горла противника. Улыбочка давно слетела с его губ, на смену ей пришла злость, явился азарт. Казак развернулся и уже готовился броситься в новую атаку, но его остановил сильный тычок в грудь — Каурай ударил его тупой оконечностью ножен. Ошарашенный Ранко хлопнулся на задницу, хватаясь за ушибленную грудь, но вскочить уже не успел.

Встретила его дружеская нагайка, обрушившаяся на его плечи как гром с ясного неба:

— А ну я тебя, петушка, погоняю! — кричал Кречет, замахиваясь во второй раз и сшибая шапку с головы молодого казачка. — А ну я тебя, змееныша, научу!

— Ну, дядька! — застонал Ранко, силясь одновременно защититься саблей от свистящей нагайки и поднять шапку. — Ну, дядька!

— А ну! Только вздумай руку на дядьку поднять, негодник!

Казаки, напрочь забыв про Игриша, обступали Кречета с Ранко, весело посвистывая и размахивая руками, силясь уберечь парня от дядькиного гнева.

Игриш напуганным голубем со всех ног мчался к Красотке, которая ему сейчас казалась спасительницей от всех бед на земле.

— Брось саблю, я сказал! — не успокаивался Кречет, пусть с Ранко сошел весь боевой задор. — Не хватало мне еще одного убитого ни за что, ни про что!

Когда сабля таки оказалась в ножнах, он дал парню подзатыльник и повернулся к одноглазому:

— И ты бросай, ну!

Каурай спешно отошел к Красотке, нагло ухмыляясь прямо в глаза осрамленному парубку. Меч он молча сунул к переметным сумкам. Игриш держался за подпругу и пытался залезть в седло — ему не терпелось умчаться отсюда хоть на край света.

Однако казаки не собирались отпускать их так просто.

— Не хочешь миром отдавать свою железяку, так Сеншес с тобой, — сплюнул Кречет и погрозил пальцем. — Но к пану воеводе ты с нами пойдешь!

— Веди, — кивнул Каурай и схватил поводья Красотки. — Гриш, помоги привязать нашего рогатого друга.

— Но...

— Никаких «но». Твоя постель ждать не будет.

— Ты не серчай, мил человек, — пожимал плечами изрядно подпивший пан Кречет, подливая Каураю еще пива. — Ранко он парубок взбалмошный, когда накатит. Но верный, что твоя кляча. Верно, Ранко?

— Верно, дядька, — крикнул чернокудрый Ранко, настраивая лютню, с которой почти не расставался. — Ты извиняй, конечно, что я на тебя с саблей...

— Ни слова больше! — хлопнул по столу Кречет. — А теперь почеломкайтесь, хлопцы!

Ранко охотно встал с лавки и перегнулся через стол к одноглазому, намереваясь заключить его в братские объятия, а то и зацеловать до смерти.

— А вот это явно лишнее, — помахал тот пальцем у него перед носом и пригубил кружку. — Без обид.

Ранко снова икнул, виновато развел руками и рухнул обратно к своей порции пива, одним махом опорожнил кружку и вновь вернулся к лютне, со струн которой начинала понемногу литься музыка.

Вечер в придорожном трактире, который упорно именовался казачками шинкой, был в самом разгаре. В клубах табачного дыма, обливаясь запахами лука и передержанной картошки, вослед плещущейся горилки и громовому смеху перетирались слухи, текли рассказы да звучали байки со всех просторов Вольного Пограничья, коими были столь богаты эти обширные земли. За время минувшее с того мига, когда нога Игриша пересекла порог заведения, он успел вдоволь наслушаться всего самого разного, о чем болтали неумные языки.

Больше звучало разговоров чисто прикладного свойства. О том, почем нонче фунт табака, мера льна и сукна, бочонок сельди и меда, а также во сколько раз взлетела стоимость соли и перцу и почему пан воевода Серго, дай Спаситель ему долгих лет жизни, в этом точно не виноват. Интересовались, во сколько раз обвешивает честной народ проклятые торгаши, прибывшие из Альтара, Флатрии и далекого Абальтэ, и почему связываться с обнаглевшими таборщиками, которым тут точно медом намазано, только Спасителя гневить. Охочие до приключений интересовались, где в последний раз видели неуловимого зверя по кличке Кудлатый Уй, и почему для того, чтобы наконец изловить его, нужно дожидаться Третьего конца Света. Под хвостом у этого существа раскачивались здоровенные серебристые яички, и тому, кто эти яички заполучит, всегда будет сопутствовать удача (правда откуда взять удачу изловить чудесное существо, казаки не ведали). Стоило только щелкнуть яичками друг о друга, как развернется земля, дым повалит горой, и пред хозяином серебристых яичек предстанут трое карликов, готовые исполнять любые желания, что не придут ему в голову. Казаки были свято уверены, что сие не брехня, а самая святая правда, нужно только ухватить Кудлатого Уя за хвост, и яички сами упадут в руку счастливицу.

Еще поговаривали, что к югу снова видели троицу прекрасных ведьм, глядеть на которых если и дозволяется Священным Писанием, то лишь через левую подмышку, и что одна из них, якобы стоворившись с самим чертом, третьего дня похитила с неба месяц. Темень упала такая, что несчастный пан Чубец вместо своей хаты сослепу завернул на порог к панне Перепелихе, провел с ней целую ночь и ушел в весьма благостном расположении духа. А была та панна самая что ни на есть всамделишная Духобаба, но об этом предпочитали много не болтать.

Прошлым вечером снова слышался таинственный колокольный бой, временами раздающийся со стороны старой заброшенной церкви, по слухам, заложенной и немедленно проклятой самим святым Енеем. Церкву ту оставили еще до закладки воеводинога острога, но пойти туда совсем невозможно, ибо путь к ней давно зарос бурьяном и мор-травой, и никто не найдет впредь туда дороги. Разве что непутевый панич Щербак как-то с пьяных глаз заплутал в Рыжем лесу, посреди которого и стоит та церква. К полуночи он таки добрел до ее сгнивших стен, да и бежать бы ему со всех ног, но ударил, видать, зеленый змий ему в темечко, он и сунул нос в раскрытое оконце. Сеншес ведает, что он там увидел, но вернулся панич как лунь седой и окромя слова “селедка!”, которое он не уставал повторять в ответ на любой вопрос, ничего от него более и не слыхивали.

Ну и конечно обсуждали негаданно вспыхнувшую войну Фебора с Пхеи, наперебой поносили проклятого Крустника, ждали новых налетов баюнских молодчиков и примкнувших к ним колядников, а то и кочевых полчищ из шатранских степей, а также поминали еще великое множество всякого вздора, который Игриш решил пропустить мимо ушей.

Голову фавна, с которой заявился Каурай, не стали долго разглядывать, с места пустившись в горячий спор, кому она таки могла принадлежать. Сошлись на том, что ее мог оставить после себя Лесовик, прежде чем пойти искать себе пару, как это обычно делают иные парубки, которым нет никакого дела до отцова мнения, а дай только поноситься за юбками. Или же се есть тот самый неуловимый Кудлатый Уй, однако эту версию сразу же отбросили за неимением доказательств о приближении Третьего конца Света. Кто-то робко признал в рогатой башке бычка, с которым пан Зволыга в прошлом году собирался победить в ярмарочном соревновании, да так замечтался о новой пищали, которую давали за самого красивого бычка, что заявился на ярмарку в гордом одиночестве, сжимая в руках перекушенную веревку. Бычка же и след простыл, и никак не мог припомнить пан, где же он видел его в последний раз. Увы, Зволыга свою животину в голове не признал, а только бранился, что точно бы победил, если бы Сеншес не отвел от него удачу вместе с бычком. Про происхождении головы почему-то позабыли спросить самого Каурая, но тот и не настаивал. Голову засолили, сунули в бочку да и закатали в погреб подальше от любопытных глаз и длинных языков.

Пока казаки чесали языками, меж столами проворно скакали разносчицы — и с все новыми кувшинами, наполненными все той же горилкой. Тьма за стенами шинки окончательно прибрала к рукам хмурый день, и потные лбы трактирных завсегдатаев сверкали в лучах шкворчащих лучин и раскуриваемых люлек. Дружная братия Кречета, рассеяная по лавкам вдоль длинных столов, громко приветствовала всякого, кто пересекал порог заведения под лай злющего пса, который неусыпно нес дозор при входе, и нынче шинка буквально трещала от наплыва народу. Каждый новоприбывший, кто считал выше своего достоинства склонить голову перед образами и Неопалимым Ликом в святом углу шинки, не мог зайти в помещение, не хлопнувшись темечком о низко положенную притолоку, изрядно потемневшую от многолетней копоти. Если же вошедший кланялся святому лику не особо усердно, а, наоборот, думал зайти в шинку с гордо поднятой головой, то притолока и вовсе подскакивала на его башке и всем своим полупудовым весом обрушивалась на его грешный чуб. Соревнование с притолокой было одним из главных зрелищ, коих потчевала шинкарка казачков, и каждый раз когда Волчара — так окрестили хозяйкиного пса — в очередной раз заливался лаем, делали ставки, упадет ли притолока или

в помещение зайдет истинный божий человек. Ведь только самые опытные завсегдагаи заведения ведали, что посещая хозяйкину вотчину, сгибать горб нужно почти до самой земли и только так возможно обрести спасение. Поговаривали также, что сию притолоку на косяк положил сам Сеншес, но Игриш этому не поверил. Уж больно тяжела была притолока для Сухорукого.

— Глядь, — плюхнулся на лавку толстяк по имени Повлюк. Он только закончил сушить и смазывать свою драгоценную бомбарду и, наконец, присоединился к товарищам. — Твой хлопчик поди уснул в миске со щами? Эй, попей, малек, горилки, взбодрись чутка!

Игриш развалился на столе, и, пока окружающие топили в горилке свои невзгоды, самозабвенно хлебал щи, едва не уткнув лицо в миску, и не обращал внимания ни на что вокруг. Казачки Кречета изрядно наакались и безуспешно пытались напоить еще и своих конвоируемых, но все без толку — одноглазый признавал только пиво и отмахивался от любых попыток всучить ему горилку. Игришу же пить вовсе запретил. Мальчик особо и не расстроился, что с ним обращаются как с ребенком, — голова и без алкоголя была словно залита свинцом и все сильнее клонилась к столешнице.

— И где же ты такую... чудную клячу достал? — допытывалось у Каурая заинтересованное и достойное лицо, пока он поглаживал прыгнувшего к нему на колени серенького котенка. — Не иначе, как сам Сеншес такую тварь сотворил. Мне бы такая кобыла не помешала — от жинки отбрехиваться, когда ее черти взнуздают...

— Она сама меня нашла. Не хочу обижать, паны, но о деньгах даже не заговаривайте...

— Даю трех пегих жеребят! — сунули ему три оттопыренных пальца. Каурай лишь покачал головой и отхлебнул еще пива.

— Эх! — хлопнули ладонями по коленям. — А ведь чудная кобыла! Вот где такую кобылу достают?

— Такая чудная кобыла тебя самого взнуздает, ты и оглянуться не успеешь! — крикнули со стороны, и весь стол загоготал и задрезжал посудой. — Нам ли не знать?!

— Да, паны, холодновата в речке Смородинке нынче водица — факт!

Все дружно согласились и залили в себя еще порцию горилки. Ранко наконец закончил ковыряться с лютней, уселся, поджав ноги, прямо на столешнице и под общее одобрение ударил по струнам. Под закопченный потолок вознеслась незамысловатая, но задорная мелодия.

— Так что это, говоришь, был за черт с рогами? — поинтересовался Кречет у одноглазого.

— Если скажу, вы, пожалуй, и не поверите, панове.

— Отчего же? Мало ли нечисти ползает по лесам, чтобы полакомиться человеческим мясом? Так кто же?

— Фавн, который спал где-то в чаще. Но какая-то нелегкая заставила его вылезти из берлоги.

— Шутить изволишь, пан Каурай? — прыснул Ранко. — Фавн?! Как в сказках?

— И кошка размером с трех лошадей, — ухмыльнулся одноглазый и отпил еще немного пива. Вполне недурного, но явно разбавленного. — Ваш Бесенок был на волосок от гибели, но чудо-юдо я отогнал.

— И где же она сейчас, кошка эта? — нахмурился Кречет.

— Сбежала, стоило ей только сунуть под нос немного пороху. Но туша этого козла до сих пор лежит в чаще. Можешь отрядить пару хлопцев, чтобы они спустили с него шкуру —

зря что ли добру пропадать? А мне и того, что я прихватил с лихвой хватит. Есть тут кто на хуторах, кого могут заинтересовать рога и копыта фавна?

— Заинтересовать могут, — кивнул Кречет. — Кому не захочется у себя в хате такую жуть повесить? Правда сомневаюсь я, что кто предложит тебе за него больше, чем мешок картошки. Разве что, можешь спросить воеводу, когда прогуляешься с нами до острога.

— Думаешь, он предложит мне два мешка? Мне бы деньгой, пан Кречет, и желательно чеканной. К тому же я думаю, воевода захочет, чтобы я избавил его от того кошака, пока он не задрал еще кого-нибудь.

— С кошками у нас и бабы управиться могут, для этого нам пришлые здесь без надобности! — завел старую шарманку бородастый Рогожа, который весь вечер не спускал с пришельцев внимательных глазок. — Вот скажи, ты чьих будешь, опричник?

— Пустое, пан Рогожа, пустое!

— Нет, пусть он скажет! А то, чего не спросишь, он знай все отбрехивается, словно, в самом деле, разбойник какой!

— Я из опричных цехов, как ты уже изволил удостовериться, — ответил одноглазый, кивая на собачью черепушку, которая висела на гарде двуручного меча. Свое огромное оружие Каурай пристроил в угол, и тот едва не доставал наверху до низких потолков. — А вот парнишка родом из Пхеи. Горячо сейчас там.

— Мы тоже еле ноги унесли, — закивали сразу несколько чубатых голов с противоположного стола. — Слыхали, наверное, там феборцы знатного шороху навели?

— Истинно то! — отозвались им. — Гутарют, неизвестно еще устоит ли Пхейский стол. А уж ежели Крустник добьется своего и вынудит Пхеи поднять лапки... Глядишь и к нам придет, проклятый!

— Пусть попробует, — с грохотом опустилась чарка на столешницу. — Получит по самое не балуй!

— Я вот среди опричников ни одного приличного человека не видал за всю мою жизнь! — Все не успокаивался подозрительный Рогожа. — Гутарят ваших сильно поубавилось за минувшие годы, и вы ничем не краше разбойничьего люда. Ты случаем не в ватагу баюнову наниматься решил?

— Пустое, пан Рогожа, пустое! — замахал на него руками изрядно подвыпивший толстяк Повлюк. — Пан воевода разберется, что за птица залетела в наши края, а ты пока угомонись маленько. Пусть про то, как дела в Пхеи делаются, лучше расскажет. А творится там истинно дела нехорошие — факт!

— Черта с два я угомонюсь! — взорвался Рогожа. — Поди с вами за одним столом сам атаман Баюн сидит, а вы и не почешетесь, дурачье!

После этих слов звон посуды, музыка, смех и пересуды разом стихли, словно их ветром сдуло — тишина рухнула такая, что над столами явственно раздался комариный писк. Игриш поперхнулся и закашлялся, сиюсь проглотить слишком большой кусок картошки. Кто-то с другого стола не выдержал и принялся излишне громко прочищать горло.

Каурай и бровью не повел, пусть его сейчас с все возрастающим волнением рассматривали посетители всей шинки. Знай почесывал довольного мурлыку за ухом и потягивал пиво из щербатой кружки.

— Да... уж! — цокнули языком. — Твоя правда, пан Рогожа!

— А чья же ешо?! — хмыкнул он, довольно поглаживая бородашку. — Кто подтвердит, что он не есть тот самый душегуб Баюн? Ведь видели его вживую лишь те, кого он жизни

порешал, а таковые языками особо не ворочают, шоб описать ево наружность!

— Наружности он истинно звериной, так люди гутарю, — возразил ему другой завсегдашней шинки с холеной седоватой бородой и выпученными глазами навывкате. — Как рассвирепеет на кого, так покрывается шерстью с головы до пят и становится похожим на огромного пса, вроде того, который при входе на всех злобствует. Ух, адская зверюга!

— Кто? — вопрошали. — Боюн али пес энтот?

— Баюн, так я же тебе про Баюна и гутарю! Я когда был помельче, пацаненком бегал по лесу, так чудище это вот этими самыми глазами наблюдал. Из чащи выходил, облизывался, видать, уже пообедать успевши, так что меня и не тронул. Шерсть у него угольно черная, глазищи желтушные, а пасть нечто навроде колодца. Такая ежели проглотит, то не воротисься.

— Чую я, брешишь ты, ай брешишь, пан Звольга! — крикнули с противоположного конца шинки. — Баюну энтоту без году неделя. Щенок еще, вот и резвится по молодости! Озорник он, вот народ и щиплет, как и ты, в молодецкие годы.

— Да шоб мне провалиться на этом месте, ежели брешу, Чубец! Страшная, черная у него наружность, вот и душа соответствует, чтобы непотребства всякие творить. Это каждый знает. Вон ты у любого на хуторах спроси, мои слова подтвердят!

— Нет, не прав ты, Звольга. В мире нету злых людей.

— Как так?!

— А вот так. За свои слова отвечать готов! Вот, памятуя того пса, который каждого, кто в шинку торопится, отбрехает да за штанину зубьями норовит вцепиться, вот он — злая тварина?

— Как же не злая? Только на прошлой неделе, мне он, гад эдакий, край зипуна так отодрал, что пришел тот в полнейшую негодность. Я с тех пор без нагайки к шинке не подхожу!

— Ой, не прав ты, пан, ой не прав...

— Да как же! Как же! Пошли ко мне в хату, я тебе тот зипун покажу. Отодрала его, сволочь, отодрала, как последняя сука!

— Не про то, я, чего ты со своим зипуном несчастным?!

— Как же несчастным?! Отдал за него как за теленка!

— Ой, иди ты уже со своим зипуном, я ж про собаку эту, мать ее! Вот тварь эту, которая у шинка живет с младых ногтей, кто-нибудь когда-нибудь пожалел? Пожалел ее невинную собачью душу? Или все ее только тюкают да палками гоняют, когда она им под руку подвернется? Вот ты, пан Звольга, жалел собаку?

— Да какой энтотой собачьей матери мне ее жалеть, проклятую?! Была бы моя воля, в мешок ее и в омут. Пушай там с рыбами побрехается!

— Воот, — поднялся в потолок довольный палец. — А говоришь, пан, злая она. А злая она не с души ее бедной, а со злобы твоей, что ты ей роздыху не даешь, а все бьешь ее, как тебе палка к руке подвернется.

— Стой, это к чему это ты разговор ведешь? Выходит это я что ли злой?!

— Неет, пан, не ты. Вернее, ты конечно злой, но не потому что у тебя душа такая черствая, вернее не только. Это почему у тебя душа черствая? А потому что жинка твоя, Смокулька, женщина чересчур нраву крутого, и знай бранит да пилит тебя почем зря. Вот ты, так сказать, и костенеешь душой.

— Ааа... понял.

— Вот то-то и оно, пан, вот тут эта собака-то зарыта! Нет в мире злых людей. А есть несчастные, бедненькие, обиженные да униженные.

— Эх, все бабы эти! Нет спасу от них...

— Неет, пан, не понял ты меня. Вот кого хошь спроси — каждый тебе расскажет, как с ним несправедливо поступили, как обманули, как, когда он хоти ласки да обхождения хорошего, только в морду получает. Так и Баюн этот — обиженная, жалкая душонка! Его бы дивчина какая полюбила, а он, небось, страшный, как сам Сеншес, вот и не полюбит ево ни одна живая душа, оттудава и злоба ево, и злодейства ево. Я так считаю, хоть ешь меня, а считаю!

Казакки согласно покивали на такое его премудрое суждение.

— А хорошо ты это, пан Чубец, сказанул, — погрозил ему пальцем Повлюк, которого очень забавляло это рассуждение. — Положительно хорошо!

— Выдумщик ты, пан, вот шо я тебе скажу, — ворвался в спор Рогожа. — Ты еще скажи, чтобы мы пожалели мерзавца этого! Слышал аль нет, что с дочуркую Щуба злодей Баюн сотворил?!

— Мы про то злодейство слыхивали. Да и не Баюн то сотворил, а подручный его, негодяй Коляда, который до баб охоч вне всякой меры.

— Ты не брещи с пьяных глаз! Раз в банде баюнской этот Коляда состоит, то и Баюн за то в ответе!

— Но, ты мне рот не затыкай, дорогой наш пан Рогожа! Без тебя ведаем, что в мире творится, и никто Баюна тут не оправдывает. Зла они оба много сотворили, по ним обоим веревка плачет. Но согласись, что и дочурка Щуба доброй душой не была — а грешная она, черная душонка, вот и расплатилась она через этого Коляду за всю свою несправедную жизнь.

— Она душа пусть и грешная, но явственно пострадавшая! А Баюн злодей, по которому только виселица плачет!

— Душа-то грешная, но правда в том, что она б...дь была, какой поискать, и ты сам, пан Рогожа, и Щуб об том знаете, какие за ней штуки водились! Не удивлюсь я, ежели она сама перед ним подол подняла...

Перебранка точно бы закончилась потасовкой, но ее остановил пудовый кулак Кречета, вдаривший по столешнице:

— А но, чего разорались, охальники?! — взревел он, вскакивая из-за стола. — Как бабы на базаре, ей богу. Стыдно, панове! Стыдно!

— Неча меня перед пришлыми стыдить, Кречет, не малой уже!

— Вам бы, дорогие мои друзья, уважая ваши седины, прогуляться бы, а то, гляжу я, горилка знатно вдарила вам в черепушки.

— Эти пусть выходят! — рывкнул Рогожа на мирно сидящих Каурая и Игриша. Мальчик, после того, как вошел в шинку, вообще не произнес ни единого словечка. — Чужаки у тебя за столом пьют, а ты родного кума выгоняешь!

— Этим не можно, — покачал усами Кречет. — Под арестом оне, сам знаешь

— Ты-то про себя ничего рассказать не хочешь? — махнул Рогожа рукой на Кречета и набросился на пришельцев. — Где глаз потерял, болезный?

— В бою, — отозвался Каурай, показательно игнорируя бегающий взгляд Рогожи. — В настоящем. Не в кабацкой драке, отнюдь.

— Ишь ты... — зарделся тот и уже собрался броситься на одноглазого с кулаками, как

сзади его осадили нагайкой.

— А ну, чего разорался?! — гаркнула на него шинкарка — дородная баба в широком, размашистом переднике и чепце. — Говорит тебе Кречет — на воздух! На воздух, продышаться, пьяной морде!

— Ты чего это, Малашка, ополоумела совсем? — взвизгнул Рогожа, защищаясь руками от очередного удара. — Это моя нагайка, положи где взяла, стерва!

— Я тебе дам стерву! — шлепнула она его по плечам третий раз. — Ты за прошлый раз не расплатился? Нет, вот и не видать тебе нагайки, пока долг не закроешь, пьяный дурень.

— Скверная баба, скверная! — потрясал кулаками Рогожа, под свист и общий гогот отступая к выходу из шинки, где его уже подстерегала притолока. Хватив об нее затылком, пан Рогожа вылетел прямо в объятия Волчары, который встретил того залиvistым лаем. Поднявшийся вал проклятий затих за хлопнувшей дверью, и вновь Ранко ударил по струнам, разорвав напряжение в клочья. Во все углы полилась музыка.

— Эй, Горюн! — позвал Кречет кузнеца, который сидел у окна и покуривал люльку. — Ты там куда своего Бесенка девал? Горюн!

— Да в конюшне он, запертый сидит, — ответил кузнец, попыхивая дымком вокруг себя.

— Ты б его подкормил чутка, а то он глядишь, подохнет у тебя, не довезешь, — посоветовал ему Повлюк. — А то он, гляди, несколько дней не жрамши — факт!

— Сам знаю, что как мне с учениками обходиться, советчики не нужны!

— Не дело это, Горюн, мальчишку как скотинку связывать! Пусть он и виноват.

— Немного поголодать ему всяко не повредит, — раздался еще один пьяный голос. — И всыпать ему по первое число!

— Всыпать-то всыпали уже, но пока я тут голова, мальчишка там впроголодь куковать не будет, — решительно сказал Кречет. — Выпороть его хорошенько — это дело, а голодом морить не можно.

— Ну, раз он тебе так дорог, черт этот, так сам его и потчевай, — ответил Горюн, упорно не двигаясь с места. Кречет сверкнул на него острыми глазами и медленно поднялся с места, но не сделал и шага, чтобы осадить зарвавшегося казака.

— Ты ему, глядишь, и вовсе шею свернешь, дурак, не удержишься... — прошипел Кречет. — Потом погугарим. Малашка! — кликнул он шинкарку, — налей еще миску щей да стакан квасу, и отнеси в конюшню, мальчишка там на привязи сидит как собака, тьфу.

— Дел невпроворот у меня, Кречет, выкормышей ваших по конюшням кормить! — отозвалась Малашка, гремя плошками. — Я и так тут с тремя девицами с вашей ватагой расправиться не могу. А вдруг он чухной, аль бесноватый какой, что вы его в конюшне заперли? Вон другой мальчишка ваш, который уже вторую тарелку уплетает, поди, засиделся на лавке-то! Пусть отнесет, растрясется, я ему, так и быть, налью чутка.

Игриш мигом осознал, что шинкарка говорит именно про него, и охотно поднялся — сидеть тут и слушать бесконечное бахвальство и препирательство подвыпивших казаков ему было совсем тяжело, и он был рад хотя бы ненадолго выбраться из прокуренной шинки. Получив миску, до краев наполненную остывшими щами, и кружку кваса, Игриш с ложкой в зубах осторожно принялся обходить ряды выпивающих мужичков, уворачиваться от их рук, коими они в порыве внезапно нахлынувшего красноречия размахивали так и эдак, подлезать под столы да перепрыгивать через лавки, которые вновь так и эдак попадались на пути. Так Игриш успешно достиг черного хода и, двинув дверь ногой, выбрался на свежий воздух.

Улица встретила его заливиистой стрекотней да непроглядной, душистой теменью. Тучное небо разошлось перед ним, когда Игриш прикрыл за собой дверку шинки и зашагал к деревянному строению, откуда несло навозом и раздавалось приглушенное лошадиное ржание. Он не проделал и половины пути, как его окликнули:

— Стой, кто таков? — появился светящийся огонек из темноты. — Конюшню заперли до утра, приказ пана головы.

— Это я, Игриш... — отозвался мальчик. — Этому... Бесенку поесть принес.

С колоды поднялась долговязая фигура с трубочкой в зубах. Чиркнули спичкой.

— Ах, это ж ты тот парнишка с лошадками, который нас купаться в речку Смородинку водил?

— Ага, — кивнул Игриш, жмурясь от яркого света.

— Наваристые! — чмокнул губами сторож, глянув в тарелку со щами. — Голова знает?

— Еще бы.

— Хорошо, пуцу я тебя, Гришек, но не серчай — дверку придется прикрыть, пока он там не закончит. Будешь выходить, стукни три раза — я и отопру.

Не успел мальчик кивнуть, как забряцали ключи. Следом крякнули ржавые петли, и перед ним открылась темная щелочка, куда он и поспешил протиснуться. Оказавшись на этот раз в полной темноте, Игриш не мог разглядеть даже миски в собственных руках, не то что прохода или этого несчастного Бесенка. Замок тем временем благополучно встал на место и звякнул ключом.

— Эй! Темно же...

— Там он на сеновале, не бойсь, мимо не пройдешь! — хихикнула темнота голосом сторожа и затихла, оставив мальчика один на один со своими проблемами.

Игриш мысленно обругал нерадивого сторожа, который не дал ему с собой даже спички, и, стараясь ступать как можно мягче, чтобы не дай Спаситель не вляпаться во что-нибудь в эдакой темноте, пустился на поиски.

— Эй, ты! — тихонько позвал Игриш, сам не зная, почему шепчет. — Ты здесь?

Отвечило ему только лошадиное ржание, перестук копыт да какая-то возня — где, он сам не понял. Мальчик медленно двинулся вперед, выставив перед собой миску с щами.

— Бесенок... — еще раз позвал Игриш того, кого вполне могло тут и не быть — эти казачки были мастаки на всякие затейные проказы. Не ровен час, как ему придется возвращаться не солоно хлебавши под дружный хохот шинки, которая так удачно разыграла глупенького Гри...

— Чего тебе?.. — всхлипнули где-то совсем близко. Игриш замер на месте, прислушался и ясно услышал шелест.

— Где ты?

— Здесь. Ты кто?

— Гриш.

— Не знаю такого.

— Я тебе покушать принес.

— Уже с утра накушался, спасибо.

— Точно?

— Точно, проваливай.

Игриш протискивался вперед, понемногу привыкая к темноте, и размышлял как поступить — не вливать же щи упрямому Бесенку силой? Вернуться и слопать тарелку самому? — он бы не прочь, но это будет уже третья порция на сегодня, многовато, как ни крути. Но не просто же так выливать щи в отстойник...

— Эй!

— Да чего тебе?! Достал!

— Как мне тебя найти?

— А зачем тебе меня искать? Я же сказал — проваливай, пень! Ты же дружок того одноглазого громилы?

— Ага.

— Вот и неси жрачку ему, а то он и тебя за уши оттакает.

— Ты прости, что так получилось... — извинился Игриш, приморгавшись и разглядев таки под небольшим слуховым оконцем стог сена, на котором кто-то сидел. По правую руку располагались стойла, откуда на него поглядывали лошади, просунув головы над кормушками и сонно фыркая.

Когда он проходил мимо, нечто черное вылезло из проема над дверцей стойла и бросилось прямо на Игриша. Мальчик пискнул и споткнулся — чудище пролетело у него над плечом и схватило лишь воздух, звонко щелкнув челюстями.

— Красотка, блин! — прошипел Игриш, потирая ушибленное место и пытаясь

подняться. Из-за несносной кобылы, которой приспичило поздороваться, он пролил половину шей себе на штаны.

А Бесенок знай себе заливался смехом:

— Видать решила пожелать тебе приятного аппетита!

— Ничего смешного... — пробурчал Игриш, поднимаясь на ноги. — Тебе же хуже.

— Еще бы, она же промахнулась! Вот если бы попала и отгрызла тебе что-нибудь, вот тогда я бы поохотал вволю.

— Каурай говорит, что это она так — щиплется больше. Захочет откусить чего, откусит.

— А ты уже привыкший, как я погляжу?

— Я... ну чутка.

— Ты тут не первый, кого она пытается цапнуть. Хоть над чем-то еще можно повеселиться вволю...

До стога, где ночевал Бесенок, Игриш доковылял без приключений, но стараясь теперь держаться подальше от стойла Красотки. Паренек с подозрением глянул на него из-под сальной челки, принял ужин и отвернулся.

— Чего уставился?

— Да так, ничего...

Едва Игриш сунул ему ложку, как Бесенок принялся пить щи, выхлебывая их через край.

— Не шибко много ты мне принес! — пожаловался тот, вытирая подбородок рукавом. — Небось разлил половину, когда падал, недотепа. Больше ничего у тебя нет?

— Нет.

— Эх, жалко... — протянул Бесенок и принялся вылизывать миску, потом сунул ее Игришу. — Может ты еще чего притаранишь?

— Чего?

— Бабка Малашка наверняка пирожков напекла — знает, что ватага Кречета припрется горилку пить. Может они там еще чего не дожрали?

— Может...

— Или... стой, — схватил его за штанину Бесенок, когда Игриш уже собрался пробираться к выходу. — Лучше притащи мне ушат с горячей водой.

— Мыться будешь?

— Нет, блин, с лошадьми выпить хочу! Не видишь что ли, я три дня по лесам ползал.

— Зачем?

— Чего зачем-то?

— Зачем ты по лесам три дня ползал?..

— Ты тупой что ли?!

Игриш не стал отвечать и под недоуменным взглядом Бесенка направился вон из конюшни, стараясь держаться подальше от Красотки, которая, несмотря на поздний час, спать вовсе не собиралась и внимательно наблюдала за мальчишками. Оказавшись у ворот, Игриш постучал три раза, подождал, потом саданул еще, но они так и остались запертыми. Снаружи слышался негромкий разговор:

— ...а она-то и говорит, позволь положить на тебя свою ножку! А он дурак и рад этому — не только ножку, говорит, а сама вся садись на меня, — и ложится, дурень, на лавку, мол, шутки ради. Ну, панночка подняла подол, раздвинула ноги и...

— Эй, выпустите меня! — крикнул Игриш, вдарив пару раз ногой в створку.

— Ну, чего ты кипишуешь? — загрохотал ключами сторож, недовольный, что его

рассказ так бесцеремонно прервали. — Сказал же: стучи три раза, а не ори.

— Так я стучал, а вы... — буркнул Игриш, просовываясь наружу.

— А вы, а вы, тью!

С кем там все это время болтал сторож, Игриш не разглядел, а сразу направился на кухню к Малашке. Вновь переступив порог шинки и вдохнув спертый дух табака, кислятины, лука и горилки, он пару мгновений раздумывал, а не броситься ли обратно, но страшным усилием воли заставил себя доковылять до раздаточного окна, где орудовала шинкарка.

Казакам в его отсутствие было чем заняться — они поставили у стены зажженную свечу и каждый поддатый умелец пытался сбить с нее пламя броском ножа. Кречет управился с третьей попытки — нож бахнул о стену и мгновенно срезал пламя как нитку. Тут же его сменил кудрявый молодец Ранко. Казалось он вовсе не целился, нож словно по собственному хотению вырвался из его пальцев и смахнул огонек в один миг. Так погибли аж три свечи подряд. Брови всего зала поползли вверх, а Ранко, гордо ухмыляясь, скрылся за спинами впечатленных завсегдатаев.

— Ушат ему? Ишь какой панич нашелся! А бокал вина ему не принести? — прыснула шинкарка, высовываясь из погреба, и крикнула в зал: — Эй, Кречет, слышал али нет? Ваш ненаглядный Бесенок воды горячей себе требует! Вы ему головомойку поди обещали?

— Вожжей ему по жопе — самое оно будет!

Чубы сменялись чубами, а вновь зажженная свеча была окружена уже десятком зарубок. В нее летели все новые ножи, но пламя упорно продолжало безмятежно гореть. Ранко стоял поодаль, тренькал что-то на своей лютне, да посмеивался неудачам товарищей. Все, на что их хватило, так это сбить саму свечу, но не ее пламя, которое гордо продолжало мерцать из полумрака, словно насмехаясь над их напрасными усилиями. Когда в молоко ушла уже, казалось, сотая железка, из толпы вышел Каурай — отойдя в дальний конец шинки, он легким движением отправил нож в полет. Клинок блеснул в свете одиноко стоящей свечи и круто вошел прямо в стену, забрав с собой и ее огонек. Зал охнул и разразился радостным ором, приветствуя одноглазого.

— Вы чего там, негодяи, устроили?! Кречет! — надрывалась шинкарка, бросившись в зал. — За каждую зарубку в стене заплатишь вдвое! Где Кречет?

— Дай казачкам погулять немного, Малаша душа наша! — отозвались в толпе. — Лучше тащи сюда еще горилки! И где твоя расчудесная плясунья пропадает? Она так славно пляшет. Кликни ее, пусть она нам спляшет!

— Нету у меня вам ни горилки, ни плясуньи, д-дармоеды! А ты чего стоишь? — повернулась рассерженная шинкарка к Игришу. — Поди воду ждешь для своего дружка?

— Ага.

— Ну, так хватай ведра и тащись с ними к колодцу. Чего я сама, по-твоему, должна ведра вам таскать?

Игриш поджал губы, подхватил коромысло и понуро пошел во двор. На него уже начала накатывать сонливость, и таскаться на ночь глядя с ведрами совсем не хотелось. Перед глазами маячил укромный уголок, лежанка на полатах и крынка молока — раньше он так любил пить молоко перед сном...

И Маришка тоже любила.

Дверь шинки снова хлопнула за ним, и молчание ночи задавило посторонние звуки. Игриш под трескотню кузнечиков пересек задний двор и заметил одинокий колодец у самого забора. Не доходя до него десятка шагов, мальчик остановился как вкопанный. Прямо

на воротах устроился жирный черный котик и не сводил с мальчика коварных зеленых глаз.

Они вместе с колодецем ждали Игриша.

Мальчик побледнел, испуганно заерзал на месте и оглянулся на приземистую шинку, которая подмигивала ему окошками. От беленых стен во все стороны исходило тепло и запах съестного. Колодец же мог похвастаться только сыростью и холодом. Он был недвижим, уродлив и крив. Он хотел, чтобы Игриш подошел и сунул в него голову.

— Эй, ты чего тут? Уснул что ли? — вырвали его из оцепенения.

Игриш покраснел, повернулся на голос и увидел Ранко с бессменной лютней в руках. От него разило кислым пивом и слегка пошатывало, но в остальном парень держался вполне неплохо.

— Помочь тебе, мышонок? — улыбнулся молодой казак, перебрасывая инструмент за спину. — А то ты, как я погляжу, совсем умотался.

— Нет, я сам, — отвернулся Игриш, выдохнул и решительно направился к колодецу. С каждым шагом его сердце отзывалось все отчаянней, и когда до колодца оставалось всего пара шагов, оно барабанило как бешеное. Стоило ему приблизиться, как кошка оцетинилась и с угрожающим шипением юркнула куда-то в темноту. Мальчик проводил ее испуганным взглядом и трясущимися руками откинул крышку. Ведро словно само собой провалилось в темную дыру — следом раздался всплеск. Игриш, стараясь не смотреть вниз, подхватил мокрую веревку и потащил отяжелевшее ведро, которое громко стучало по гулким стенам.

— Экий ты неловкий, мышонок! — хохотнул Ранко над попытками Игриша вытащить ведро и одновременно не подходить к краю слишком близко. — Белоручка что ли?

Игриш промолчал и наполнил еще ведро, расплескав половину — так дрожали у него руки и так хотелось закончить это побыстрее. Впрочем, он был благодарен Ранко, что тот никуда не ушел — один он ни за что не решился бы подходить к колодецу.

— Подружился уже с Бесенком, как я погляжу? — не отставал от него молодой казак, пока Игриш наполнял ведра.

— Не до этого мне было, — буркнул мальчик, взваливая коромысло на плечи. Тяжеловато.

— Зачем же носишь для него воду?

— Просто так.

— Смешной ты! Подбодри его там — мы его в обиду не дадим.

— Кто это, мы?

— Друзья.

— Ты что друг ему?

— Ну... да.

— Незаметно что-то... — проворчал Игриш. — А ты зачем напал на Каурая? Чего он тебе сделал?

— Хотел проверить, не зря ли он носит такую красоту за плечами, — простодушно пожал плечами Ранко, словно его спросили, что он ел на завтрак. — Да и заступиться за мальчика не мешало. Это не дело — маленьких обижать. Вы какими судьбами в наши края?

— От войны бежим... — пробурчал Игриш себе под нос. Ишь, какой любопытный парубок.

— Ха, — прыснул Ранко. — У твоего друга такой видок — самое оно от войны бегать. Как бы по его следам война сама к нам в гости не пожаловала.

— И не друг он мне... — неожиданно сорвалось с языка Игриша. Он покачал головой и

потащил воду обратно в шинку. Там мальчик с большим трудом допер ведра до печи, где пришлось еще ждать, когда шинка закончит ворчать и вытащит из печи чугунок. Игриш грохнул ведрами об пол, получил подзатыльник от Малашки, а следом и ушат с еле теплой мыльной водичкой.

— Забирай, и пусть спасибо скажет, что мыльца для него не пожалела, — кивнула шинка и вернулась к своим делам.

Казачи в это время затянули песню. Дружно раскачиваясь из стороны в сторону, братия подавала во все глотки. Игриш однако не заметил среди поющих ни Каурая с Кречетом, ни Ранко, который так и не вернулся со двора, ни Горюна, место за столом которого тоже пустовало. Только серый котенок, который весь вечер ластился к одноглазому, теперь мурлыкал и терся о щиколотки Игриша.

Мальчик вздохнул, вытер вспотевший лоб и схватился за край ушата. Дотащить его до ворот конюшни оказалось посильной задачей — он заплатил за это каким-то ведерком собственного пота.

— Опять ты? — загодя поприветствовал его конюшенный сторож, наблюдая за трудами мальчишки. — Тебе чего это, малец, вообще заняться нечем?

— Пусти его, Чубчик, — хохотнул Ранко, сидящий тут же на колоде в компании высокого казака с еле намеченными усами, которого все отчего-то кликали паном Воробьем. — Мальчик хорошее дело делает. Другу помогает в беде!

— Да уж, — вздохнул сторож, упирая руки в бока. — А у меня наказ головы: никого не впускать и никого не выпускать. А я его уже один раз впустил и один раз выпустил. Многовато будет!

— Дядька сам сказал, что парня держать там как собаку это не можно. Нутка! — встал Ранко и подошел к Игришу, с которого уже кожа сползала от усилий. Легко подхватил ушат и подтащил его к воротине, — отворяй, Чубчик, а то вода стынет!

— Ишь, панич какой нашелся, — пробурчал Чубчик, гремя ключами и откидывая засов. — Мне бы тут горилки урвать, а этот мыться собрался...

— Не ворчи ты, старче, — хохотнул Ранко, открыл дверь ногой и вошел в конюшню. — Ну и темень тут! Чубчик, а ну подсвети!

— Там он в конце прохода, не промахнешься. Только гляди, держись подальше от стойла кобылы того горбатого — она шибко больно кусается. А ты куда?! — крикнул Чубчик Игришу, который юркнул в конюшню вслед за Ранко.

Парень поставил ушат рядом со стогом, на котором сидел Бесенок, и распрямился, хрустнув позвонками:

— Здорова, малец. Ну, натворил ты дел...

— Угу, — хлопнул носом мальчик. — Злорадствовать пришел?

— Воду тебе принес, балда, не видишь что ли? Сам же заказывал. Этот мальчонка весь вечер для тебя с ведрами носится, ну и я думаю тоже чутка подмогну...

— Ранко! — донесся крик снаружи. — Где черти тебя носят?! Ранко!

— Да чаво, Чубчик, идем уже!

— Не я это, Рогожа разорался! Говорит, Кречет ищет тебя.

— Зараза... — раздосадовано сплюнул Ранко. — Это я тут, дядька! — и широкими шагами направился вон из конюшни.

Игриш поспешно встретился глазами с Бесенком, неловко улыбнулся и поспешил было следом, совсем забыв об осторожности, и тут над дверцей стойла снова вылезла наглая

зубастая морда Красотки. Игриш задохнулся от страха, когда лошадиные зубы шелкнули у него прямо перед носом, и на радость Бесенку полетел на опилки, по счастью таки увернувшись от нового синяка.

— Чубчик, а какого это лешего дверь в конюшню нараспашку?! — надрывался Рогожа. — А вот не спустить ли мне с тебя шкуру, етить тебя во все дыры?

И пока Игриш полз подальше от проклятой кобылы, створка ворот плотно встала на место и скрипнула ключом. Путь наружу был отрезан.

— Ты тут для чего поставлен, дурья твоя голова? — распекал Чубчика Рогожа с той стороны двери. — Дай сюда ключ!

— Ну, дядька!

— Давай сюда ключ, говорят! До утра конюшня должна быть заперта, не слышал что ли, чего сказал голова, или мне тебе уши прочистить?

— Слышал...

— Вот и давай ключ! Ты тут поставлен не для того, чтобы дверью баловаться, а следить, чтоб Бесенок не удумал сбечь. Вот и следи, етить тебя!

С этими словами Рогожа, бурча себе под нос, удалился.

— Эй, а как же я? — пискнул Игриш в глухую воротину.

— А?.. Ну чего еще? — отозвался Чубчик с той стороны. — Я думал ты уже того... Ты чего все еще там?!

— Ага... Открой, пожалуйста.

— И не подумаю! Тем более ключа у меня уже нет, не слышал что ли?

— И что делать? Сходи к Рогоже и возьми ключ!

— Ага, щас. Лучше я в колодце сегодня переночую, чем пойду с Рогожи ключи требовать, потому что ты, дурачок, решил со своим другом почеломкаться. Сиди уж!

— Но...

— Сиди, и весь сказ! Сам виноват.

Чирк! — вспыхнула спичка. Игриш припал к щелочке и увидел, как Чубчик раскуривает люльку от спички своего товарища, вовсе отвернувшись от ворот.

Вот негодяи! И сколько Игриш не пытался докричаться до этих двух балбесов, они упрямо игнорировали все его попытки выбраться наружу.

На чердаке было темно и душно — под низким потолком липкими гроздьями висела паутина, по углам выл ветер, а на полу лишь пучок соломы, на котором и устроился одноглазый вместе со своими пожитками. Вот и все удобства, но Каурай был рад, что смог уговорить шинкарку предоставить ему «комнату» отдельно от остальных. Едва ли здесь найдется казак-полуночник, который решит прогуляться по его голове, пытаясь в темноте нащупать чарку с горилкой, чтобы опохмелиться. Да и громовой храп, которым оглашали шинку мужички, лежащие по лавкам с вечно дымящимися люльками в зубах, его тут не побеспокоит.

Уютно и тихо. Разве что чуть-чуть дрожали доски, когда ватага Кречета заходила на очередной круг. Чуть-чуть.

Сейчас следовало позабыть о противной, нудящей боли во всем теле и попытаться... заснуть. Просто заснуть — роскошь, которую он не мог себе позволить слишком долго, закрывая глаза и отдаваясь скоротечной дреме лишь урывками. Он был рад оказаться здесь, один с мирно мурлычащим котом, лежащим у него на животе, — уж не знал он, почему шинкарский пушок так к нему привязался. Он был рад, что смог наконец-то стянуть доспехи. Право забыл, когда снимал их в последний раз. Уже грешным делом порешил, что броня и вправду срослась с его плечами.

И как же он не хотел надевать ее вновь.

Но заснуть ему ни в какую не удавалось. В голову постоянно лезли мысли — одна гаже другой. Дикий Гон сейчас хозяйничает в Пхеи, а Крустник после изрядной трепки, которую провели ему умертвия, зализывает раны, готовясь к решающей схватке за пхейский стол. И пусть затея Гона полностью провалилась, но феборский князь надолго запомнит унижение. Вскоре война вспыхнет вновь — только дайте срок, и Крустник свое не упустит. Опричники знали это, как никто другой. В конце концов, в их кругу было много тех, кто верно служил феборскому престолу в деле войны с Ямой.

Знал это и Каурай. И это знание грызло его пилой. Ведь он своими руками помог Крустнику забраться так высоко. Сбросив всех всех и каждого, кто еще мог противостоять безумию честолюбивого княжича. А потом и сам последовал за ними — прямо в грязь. В руках одноглазого опричника не осталось ничего, кроме пепла воспоминаний, сожалений и громадного Куроука, который на пару с Щелкуном подмигивал ему сейчас из самого черного из углов. Череп отчего-то помалкивал.

Колесики вертелись, а он, Каурай, лежит здесь — в этой богом забытой шинке, и едва может пошевелить даже пальцем. А еще этот Игриш, мальчик, от которого ему следовало держаться подальше... Маленькая пугливая ловушка, которую он сам приблизил к себе и оберегает, хотя по уму следовало бы сразу бросить мальчишку в том колодце. Любой на его месте поступил бы также. Особенно зная роковую роль, которую Игришу предстояло сыграть в его судьбе.

Когда-нибудь. Когда он станет старше. Он видел его в собственном глазу, когда чересчур сильно вглядывался в него, стоя перед зеркалом. Вернее, видел себя — умирающим. За десять ударов сердца до того, как возмужавший Игриш нанесет ему смертельный удар. Пройдут годы, но пока мальчишка жив, ему не избежать этой судьбы. Как не избежали роковой встречи с костлявой все, в глаза которых Каурай вглядывался,

приподняв повязку. Живые или мертвые. Смерть каждого он видел своим “ночным” глазом, который он выменял за дюжину черных безымянных пальцев.

Одноглазый проявил чудовищное милосердие. Спас собственного убийцу из лап смерти. И теперь обречен.

Однако...

В глазу он видел и ее. Адэ из Коха, виновницу всех несчастий этой бедной земли, предводительницу Дикого Гона. Разодранную в клочья, остывающую в луже собственной крови. И одноглазый не мог смириться с мыслью, что иным путем ему не добраться до ее глотки.

Игриш был орудием рока. Но он был и ключиком к тому, чтобы добраться до хозяйки ведьминой упряжки. И, наконец, разрубить эту круговерть смертей и предательств. Отомстить за друзей, которые проклинали его тень. Отомстить за Лилит, которая возненавидела его и ушла в Лимб, от ворот которого существует единственный ключ, известный одноглазому. Этот ключ сейчас стоял в черном углу, отпугивая барабашек и шишиг, которые могли забраться в дом и набедокурить.

Сначала он найдет упряжку — и вырвет с корнем самое черное сердце. А потом, будь что будет. Он не должен бояться мальчишки. Всего лишь мальчишки...

Кстати, где он?

* * *

— Повезло же! — смеялся над ним Бесенок, пока Игриш безуспешно долбился в дверь.

— Заткнись!

— Чего это ты мне грубишь? И правильно говорит этот балбес — сам виноват. Надо было сидеть в шинке и пить горилку со всеми. Был бы в тепле, а не тут. Со мной.

Игриш еще немного постоял у ворот, до последнего понадеявшись, что сейчас этот Чубчик перестанет вредничать и отопрет двери, но все тщетно. Скоро он услышал, как казаки затянули пошлую песню, а затем оба и вовсе затихли. Вновь посмотрев в щелочку, Игриш не увидел ни души, зато совсем близко раздался молодецкий храп.

Глупо было отрицать очевидное, но эту ночь ему походу придется провести в конюшне.

— Вот и весь сказ, — довольно хохотнул Бесенок, плескаясь в ушате. — Чего ты все стоишь там, балда? Сюда иди.

Как бы Игришу того не хотелось, но он вынужден был вернуться к Бесенку. Перед стойлом Красотки он остановился и осторожно прошел вдоль стеночки. Однако кобыла на этот раз и не подумала высунуться из своего логова — ей похоже совсем надоело кусаться и она решила отправиться на боковую.

— Иди-иди, неча там стоять, — говорил Бесенок, умывая свое чумазое лицо. — Не бойсь, я тебе тоже немного водички оставлю.

— Нет, спасибо, — покачал головой Игриш, присаживаясь на сеновал рядом с его портками. На раздетого Бесенка он старался не глядеть, но тому, похоже, было все побоку, и он без тени смущения щеголял россыпью синяков да ссадин, которыми мальчишка был покрыт от макушки до пальцев. Спина богато была иссечена длинными тонкими шрамами.

— Полотенце у тебя имеется?

— Откуда?

— Эх, ты балда! — воскликнул Бесенок, вылезая из ушата. — Как можно тащить ушат для водных процедур и не позаботиться о полотенце!

— Так отмокай.

— Спасибо на добром слове!

— Я тебе и так этот жбан через весь двор тащил, и с ведрами намучился! — разозлился

Игриш с такой неблагодарности. — А ты кто мне? Никто, и даже звать тебя никак!

— Че это? Есть у меня имя!

— Бесенок это не имя, а так прозвище дурацкое.

— И вовсе не дурацкое! — вспыхнул Бесенок и принялся плескаться грязной водичкой.

— Ай, прекращай!

— Не прекращу, пока не извинишься!

— Прекращай, а то я не отдам твои штаны.

— На что тебе они? У тебя свои есть, балда. Тебя-то самого как звать?

— Игриш. Но все зовут меня просто Гриш.

— Очень приятно, Гриш, — кивнул Бесенок, набрал целую горсть воды и окатил ею нового знакомого. — Меня звать Милош.

Игриш подскочил и хотел было бросаться на Бесенка с кулаками, но отвернулся и махнул на него рукой. Ну его, Бесенка этого. Истинно бесенок.

— Ты чего это на меня руками машешь? — не унимался тот. — Хочешь драться, так дерись!

Только Игриш поднял голову, как получил удар в челюсть. Следом последовал удар под дых, и Бесенок с радостным гогогом повалил его наземь.

— Эй, ты чего творишь, Бес?.. — сжал зубы Игриш и попытался ударить в ответ, но тот заблокировал его руку и навалился сверху. Игриш хотел хлопнуть его по мошонке, вывернуться и встать, но мокрый и скользкий Бесенок ловко подставил колено, схватил его самого за локоть и дернул на себя.

— Кто это тут бес?! — пыхтел Бесенок, до боли выкручивая ему руку. — Меня Милош зовут, не слышал что ли?!

Игриш попытался вскрикнуть, но противник схватил его за волосы и сунул его лицом в пахучее, колкое сено и не давал выдавить ни крика, ни проклятья. Держал его вывернутую руку под неестественным углом и давил коленом в спину — Игриш был повержен и недвижим.

— Я Милош, понял меня? — шипел Бесенок Игришу в ухо. — Милош. Повтори, как меня зовут?

— Милош...

— Молодца! — ухмыльнулся Бесенок, еще немного помурижил Игриша и слез с его спины. Тот встал, выплевывая сена изо рта и озираясь — он несколько ударов сердца искал Бесенка, но видел только темные стены. Наконец, он нашел его ухмыляющуюся рожицу и попытался ударить мальчишку в ухо с широкого замаха. Но Бесенок легко увернулся, вновь бросился на Игриша и через мгновение не менее легко, чем в прошлый раз, повалил его на землю. Они еще покувыркались в темноте с переменным успехом, но в конце концов Бесенок все равно вцепился Игришу в волосы, выкрутил руку и драка закончилась в том же положении, что и прежде.

— Пусти... — стонал Игриш, выплевывая грязное сено.

— Нет! — торжествовал задыхающийся Бесенок, удерживая его руку на плече. — Будешь лежать так до утра.

— Пожалуйста, — сдался Игриш, когда терпеть боль стало совсем невмоготу. — Милош, пусти!

— Вот так бы и сразу!

Бесенок перекувыркнулся в сторону, выпуская Игриша. Тот медленно поднялся на трясущихся ногах и отошел от него подальше.

— Ты чего это? — захолопал глазами Бесенок, когда сторбленный и униженный Игриш уселся в самый дальний угол. — Обиделся что ли?

— Да ну тебя... — сглотнул Игриш, безуспешно сдерживая слезы.

— Э, брат. Это не дело плакать. Я же не плачу.

— Ага, как же, — дрожащим голосом отозвался Игриш. — Я слышал, как ты плакал, когда я зашел в конюшню в первый раз.

— А вот и нет! — подскочил Бесенок. — Чем докажешь?

— У тебя голос дрожал. Вот как у меня сейчас.

— Это холодно тогда было, вот зуб на зуб не попадал.

— Врешь.

— Нет, это ты врешь! Вруш. Буду тебя звать Вруш, а не Игриш.

— Да и зови, мне-то чего...

Какое-то время они сидели молча, дулись, каждый в своем углу. Бесенок натянул портки с рубахой и толкнул ушат в сторону Игриша:

— На! Мойся. А то вода уже холодная.

— Не буду.

— Вонючкой хочешь ходить?

— Нет, не хочу. Отстань.

— А я к тебе и не пристаю. Давай воду вылью на кучу, раз она тебе не нужна.

— Стой, — остановил его Игриш, видя, что Бесенок и вправду собрался выливать воду.

— То-то же, брат, — кивнул он и шлепнулся задом в сено. Игриш пододвинул ушат к себе и принялся умываться.

Пока тот плескался и фыркал, Бесенок не сводил с него своих черных, громадных глаз — следил за каждым его движением, хотя стоило только Игришу поглядеть и спросить, чего это он пялится? — тот со смешком отворачивался.

— Эй, Милош... — окликнул его Игриш. — Тебя это...

— Выливай воду, она мне больше не нужна.

— Да нет... Тебя за что сюда?

— В смысле «за что»? — вскинул брови Милош. — Ты чего не слышал тогда у реки? За то, что лошадь у Горюна увел.

— Так это правда?

— Ну... да. А что? Будешь мне мораль читать?

— Нет. А зачем ты... убежать хотел?

— А тебе какое дело до этого?

— Да просто.

— А раз просто, то и у меня ответ тоже простой будет. Захотел убежать, вот и убежал от Горюна. Сволочь он, Горюн этот — то вся округа знает, хоть и кузнец. С ним ни одна баба жить не хочет, ты только погляди на него! А без лошади, как убежишь? Догонят.

— Тебя и с лошастью догнали.

— Это все твой одноглазый дружок виноват! Как снег на голову свалился, на меня арбалет наставил и заставил этому уроду голову пилить. А потом еще и тащи ее через весь лес. Ух, и отплачу я ему!

— Он говорил, что спас тебя.

— Х... там плавал! Спас он меня. Нам такие спасатели даром не нужны!

— И чего они теперь с тобой сделают?

— Чего?.. — пожал плечами Милош. — Бить будут, дело известное. Меня уж Горюн успел оприходовать, — почесал он бок. — А опосля кто-то новый ломился в стельку пьяный, когда ты за ведрами ушел — насилу Чубчик выставил. Утром наверняка проспится и снова придет, да походу без ключей хер ему, а не кулаки об меня чесать.

— Ты же с ним в кузнице жил? Один?

— Жил... — буркнул Милош и затих.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — вспыхнул мальчик. — Тебя-то небось, неженку такую, не сильно и часто от этого хмыря прилетает? Или он с тобой по ласковому?

— Что? — удивился Игриш. — Каурай и пальцем меня не тронул!

— Ну, повезло тебе, — хмыкнул Милош. — Он тебе кто, отец?

— Нет.

— А кто? Дядька?

— Никто.

— Хорошенькое дело! А куда он тебя везет такого сахарного?

— Не знаю.

— Ну не хочешь говорить, не говори, — хмыкнул Милош. — Дело твое. И этого твоего дружка.

— Я и говорю — не знаю. И не друг он мне.

— Как это так? Ты чего пленник его?

— Нет.

— Тогда кто?

— Слушай, не знаю я! Чего ты пристал — кто да куда? Нет больше тем для разговора, что ли?

— Да ладно, не очень-то и хотелось, — поднял глаза к потолку Милош. — Понятное дело. А родители твои где? Они-то знают, что тебя похитили.

— Говорю же, не похищали меня! И нет у меня никого, сирота я.

— Ааа, — протянул Милош. — Сочувствую.

— Спасибо! А Горюн тебе кто?

— Никто.

— Вот видишь!

— С Горюном я якшаюсь не по доброй воле — нет у меня ни дома, ни кола, я своих родичей никогда не видел, не знаю даже, есть ли у меня кто из родных. Вроде тетка живет где-то в Мышевле, но туда поди доберись. Я бы давно от Горюна ушел, мне с ним никакой житухи нету. Думал сначала деньжат подкопить, но недавно он нашел мой схрон и все пропил, сволочь...

— Ты бы сказал кому... Тому же Кречету, он вроде мужик хороший.

— Ага, держи карман шире, — сплюнул Милош. — Все они одним миром мазаны. Один бьет, другие стоят вокруг советы дают, потешаются. Потом в обнимку идут горилку свою пить. И так круглый год, достало это. А как чего не случись, они все на Баюна этого валят. Все Баюн да Баюн им под каждую хату кучу навалил! А сами они по большей части недалеко от этого самого Баюна отошли — те же самые разбойнички с большой дороженьки, только

пригретые под крышей шинки да под крылышком Шкуродера.

— Кого?

— Шкуродера, — терпеливо повторил Милош. — Прозвали так нашего расчудесного пана воеводу за дела его “хорошие”. Этот Баюн может и сам не прочь на их местах оказаться, тоже бы услужение Шкуродеру пошел, а в свободное время в шинке жалование пропивал да баб в тепле щупал. Да не повезло ему, вот он, бедненький, на дорожках да в лесочке и сидит, от злости да с голодухи пухнет. Мало таких что ли? Ты-то, не обижайся, но ты тут вообще душа сторонняя, многого не знаешь. Завтра вот как рассветет, двери раскроются, и нас растащат по разным сторонам. Тебя в седло на это вороное чудо и прочь, а меня на колоду и розгами. Потом повезут судить за конокрадство. А у Шкуродера все просто — либо руку отрубят, либо повесят, как пить дать. Они давно повод ищут, козлы.

— Может оно и обойдется... — попытался успокоить его Игриш. — Нас вот тоже Кречет повезет пану воеводе показывать.

— Да брось ты, — махнул рукой Милош. — Они там сейчас с твоим одноглазым лучшие друзья стали, раз я тут сижу, навоз нюхаю, а они там в обнимку горилку пьют. Так, попужал вас Кречет для острастки, а потом взял и разглядел в этом твоём хмыре родственную душу, такого же рубаку с большой дороги. Твой дружок небось меня вешать и будет, когда мы до пана воеводы доберемся — чего не сделаешь за звонкую монету. А они вокруг будут как обычно стоять, хохотать да советовать, как петлю лучше затягивать.

— Нет, Каурай не такой. Он меня спас.

— Неужели? И откуда же?

— Из колодца вытащил. А потом...

— Стой. Из какого такого колодца?

— Из обычного. Вроде того, что там во дворе стоит.

— А чего это ты в том колодце забыл?

— Я... — помялся Игриш. Он уже пожалел, что поднял эту тему — чего-чего, а сидение в колодце он хотел бы забыть навсегда. — Меня туда бросили солдаты.

— Солдаты? — недоверчиво посмотрел Милош ему прямо в глаза. — Какие солдаты?

Игриш не ответил. Он очень не хотел вспоминать.

— Эй! Я спросил — что за солдаты?

— Отстань...

— Чего это? Ты чего опять дуешься, дуреха?

— Нет, — покачал головой Игриш. — Не хочу я разговаривать.

— Ну и дурень! Чего еще делать, коли говорить не хочешь? Спать тогда ложись.

Но Игриш и спать не хотел. Вернее не мог. Боялся. Знал, что если сейчас зароется в сено и закроет глаза, колодец вернется.

Милош же, ворча себе под нос, принялся сам закапываться в сено, глубоко вздохнул всей грудью и затих, оставив Игриша одного с его демонами.

Шаги на лестнице одноглазый услышал еще загодя, и, стараясь не шевелиться, чуть приподнял свою повязку, зажмурив другой глаз. Темнота сразу же рассеялась, уступив место голубому свечению, от которого никому не скрыться даже в самом темном углу. По лестнице поднимался явно не Гриш — уж слишком тяжело ступал посетитель, в отличие от легкого и вечно осторожничающего мальчонки. Шаги затихли прямо перед крохотной дверкой, ведущей к нему на чердак. Некто снаружи чуть подождал, очевидно, прислушиваясь, и потом слегка толкнул преграду — дверка дрогнула и уперлась в крючок. У Каурая и в мыслях не было впускать гостя или слать его ко всем чертям, — он решил подождать и посмотреть, как проявит себя незванный посетитель.

И он был вознагражден до мурашек — между дверью и косяком медленно, стараясь не слишком задевать доски, просунулось лезвие ножа и также неторопливо поплыло вверх. Приподняло запорный крючок и еле слышно откинуло его с колечка. Каурай уже тянулся к собственному лезвию — оно всегда терпеливо ждало в изголовье. Вернее ждало тех, кто решиться нарушить покой своего хозяина.

Дверка медленно приоткрылась, на пол лег свет от лучины, следом ступили мягкие сапожки с загнутыми носами. Напряженный как пружина, Каурай не двигался — он внимательно смотрел прямо в лицо тому, кто так бесцеремонно решил нарушить его покой и даже не постучался.

— Кхм, пан Каурай?! — прочистил горло Кречет, переминаясь с ноги на ногу. — Прошу прощения, что не называю по имени-отчеству... Ты здесь?

— Только не говори, что они снова зовут меня продемонстрировать тот бросок с пол оборота, — мрачно ответили ему из темноты. Лезвие пока отправлялось поживать дальше.

— Та нет же, — простодушно махнул рукой Кречет, захлопывая за собой дверцу и накидывая крючок на место. — Ребята уже храпят за десятерых! Намаялись за день, бедные.

— Слава святым и смелым...

— Но надо сказать, ловок ты в обращении с ножами — аж зависть берет! — улыбнулся в усы Кречет, оглядываясь вокруг в поисках чего-нибудь напоминающего стул. — Сам практиковался с молодых ногтей и то тебе в подметки не гожусь. Эх, талант — одно слово!

— Пан Кречет, не говори, что решил просто поболтать за мое искусство метать ножи — не поверю. Не обижайся, но час уже поздний...

— Кхм, да, — замялся тот и устроился прямо на полу, подогнув под себя ноги. — Дельце есть у меня к тебе, пан.

— Что за дельце может быть между конвойным и конвоируемым? — приподнял бровь Каурай.

— Да брось, не нагоняй лиху, — махнул рукой Кречет. — Вижу я ты малой бывалый и приходилось тебе выбираться не из одной переделки. Но не верится мне, что ты промышляешь худыми делами. По крайней мере, такими, что могут нас здесь обеспокоить сверх меры. Это я только со зла решил, что ты подозрительная фигура, а потом больше для порядку. Ух и злого твоя лошаденка насыпала нам перцу, искупав нас в Смородинке! И гусю понятно, что из тебя разбойник Баюна, как из меня доярка. Эти негодяи трусы, а не воины. Брешут что-то про волю, себя величают Вольным братством! А сами любят навалиться числом среди ночи, ограбить, пожечь, снасильничать и поминай как звали. В народе-то их

давно страхолюдинами кличут за дикой нрав и вид, и поделом! А ты и один против всех моих товарищей не побоялся выступить. Смелость в людях я уважаю. Да и башка та явно не на ярмарке куплена.

— Это откуда такая уверенность? Пан Рогожа бы с тобой не согласился.

— Пану Рогоже каждая тень Баюном кажется, — покачал головой Кречет. — Он уж с полгодика бродит и злым глазом поглядывает на всех подряд, кто только не проедет мимо наших хуторов. Особливо много «баюнов» в шинке обитает, куда Рогожа тоже заскочить не дурак. Горе у него, пан, большое горе! Сына у него бандиты сгубили, вот он и мечтает с этими душегубцами поквитаться. По правде сказать, мало найдется в округе хлопцев, которые никак не пострадали от ватаги Баюна. У каждого к нему есть счеты.

— Даже у тебя?

— Даже у меня, это ты правильно заметил, — кивнул казак. — Друзья-товарищи — многих сгубили его окровавленные руки, и мне есть за что желать его смерти. Слыхал небось? Третьего дня в его силки попала дочурка нашего почтенного пана Щуба. Бедняжку скрали прямо из родного дома, когда отца не было в хате, а потом нашли ее прямо на дороге — всю оборванную да зверски избитую. Теперь и Щуба не минула нелегкая, как он не старался держать ухо остро и ограждать свою дочку от любой опасности — все зря. И таких девушек в каждом хуторе, пожалуй, найдется хотя бы одна.

— И ты хочешь, чтобы я помог вам отомстить за нее, я правильно понял?

— Да, — сказал Кречет после небольшой заминки. — Не только за нее, но и за всех невинных людей, которые попались Баюну на пути. Неволить тебя я не буду и если ты откажешься наотрез — пойму. Дело это опасное, леса тут непроходимые, болотистые и полнятся самыми разными напастями и без баюновой банды. Но я прошу проехаться с нами хотя бы до острога пана воеводы — послушать, что звери эти творят на Пограничье, глянуть на плоды рук того зла, с которым мы тут сражаемся. Пан воевода не обидит — нынче он все отдаст, только бы мы принесли ему голову Баюна на блюде. У него самого есть сокровище — панночка Божена, которую он хранит как зеницу ока, но все равно страсть как боится за ее судьбу. Не так давно пришлось ему схоронить жинку свою и с тех пор он никак в себя прийти не может.

— Тоже вина разбойников?

— Нет, тут другие причины, но уж очень любил ее воевода. Вот смерть жинки его и надломил. Стар он стал, хоть и все еще в силе. Но из дома своего почти не показывает нос. Если что случится еще и с дочерью Боженою, быть беде. Нет больше силы на пограничье, которая способна сдержать не только свирепую разбойничью мразь, но и степняков, шатранцев. Когда-то мы с воеводой хорошенько надрали им зад и выгнали их полчища с Пограничья, которое они топтали много лет, уводили людей в полон, насиловали, убивали и творили прочие мерзости. Время было страшное, пан. В народе те годы называют просто — Запустением, ибо не рожала тогда земля ни колоска. Сохрани Спаситель, если орда снова решит занять эту землю, а руки у нас обрублены по локоть силами Баюна и его банды.

— Хорошо. Если ты просишь, то мы сможем задержаться у вас ненадолго. Возможно, воеводе беспокоят не только бесчинства разбойников, а еще есть какие напасти, за которые он готов заплатить.

— Благодарю!

— Но у меня есть условие.

— Слушаю.

— Тот мальчишка, которого я утром поймал в лесу...

— Милош. Но мы зовем его Бесенок.

— Он самый. Конокрадство это конечно тяжкий грех, но...

— Жалеешь его? Боишься, что мальчонку ждет виселица? — хохотнул Кречет. — Этому паскуднику, конечно, не помешает хорошая взбучка, чтоб на всю жизнь запомнил, как лошадей у опекуна красть, но вешать малыша я бы не стал. Тяжело ему живется, сиротке, как ни крути, а Горюн человек... своеобразный.

— Кузнец?

— Да, тот молчун, чью кобылу и стянул маленький негодник. Руки у него золотые, но людей к себе он от чего-то не подпускает, даже товарищей у него считай нету, только знакомцы-собутыльники, когда он завернет в шинку, и то по два раза он ни с кем не пьет. Вот и живет он, бедняга, один-одинешенек на отшибе, холостой, и это на третьем десятке! Ну, я подумал, и отдал ему в ученики мальчонку. Его мамка померла уже годиков десять как, и оставила его совсем одного. Думал, двум этим одиноким сироткам хотя бы друг с другом будет не так грустно: Горюн бы учил пацана ремеслу, а тот ума разума набирался, — всяко лучше обоим, так я думал... А чего ты о нем разговор-то завел?

— Хотел забрать пацана с собой, раз тут ему тяжело.

— С собой? — удивился казак. — Зачем тебе?

— Отвезу его в одно место, где много таких, как они. Как они с Гришем, я имею в виду.

— А, собираешь сирот?

— Вроде того...

— Ну, — почесал Кречет затылок. — Судьбу Бесенка будет решать пан воевода, хотя в его теперешнем состоянии он как пить дать повесит мальчонку, и слушать не будет. Даже и не знаю... Разумею, если мы таки сладим с Баюном, то воевода тебя не только озолотит, но и закроет глаза на грехи этого бедного мальчика.

— Хорошо, — вздохнул Каурай. — Тогда прокатимся с вами до воеводы. Ты кстати, моего «бесенка» не видал?

— Его Малашка гоняла с поручениями. Не потеряется. Я распоряжусь, чтобы его положили на кухне, поближе к печи.

* * *

— Эй...

— Чего?

— Ты спишь?

— Да. А ты нет?

— Нет, Гриш, я теперь никогда не сплю...

Игриш открыл глаза и сначала совсем не узнал Маришку. За каких-то несколько недель, прошедших со дня их разлуки, она выросла — стала выше, сильнее и побледнела до хрустального блеска. Их лица почти соприкасались, так что Игриш мог рассмотреть каждую черточку на ее изменившемся лице.

Она сделала легкий шаг назад, и подошла к стойлу с Красоткой. Блеск ее ослепительно белой кожи тускнел только на кончиках пальцев, губах и ступнях. Они были абсолютно черными.

— Берегись! — выпалил Игриш, но Маришка только улыбнулась своей прежней веснушчатой улыбкой и смело погладила спящую лошадь по морде. Та даже не вздрогнула в ответ на прикосновение незнакомой руки, продолжив смотреть свои лошадиные сны, где

живет много маленьких Игришей, которые почти никогда не уворачиваются в ответ на ее «поцелуи».

— Я уж подумала, что ты совсем забыл свою любимую сестренку...

— Нет... — покачал головой Игриш. — Я помню. Это же сон, верно?

— Сон? — удивилась она. — Разве ты хочешь видеть меня лишь во снах?

— Нет... Но ты часто приходишь ко мне во сне.

— Увы, Игриш... Я бы желала приходить чаще, но теперь у меня совсем нет времени на грезы. Хотя... я бы хотела, чтобы ты мне снился.

— Мои сны... Они больше похожи на кошмары, чем на воспоминания о прошлом.

— Разве наше прошлое не было сплошным кошмаром?

— Нет. По крайней мере, по сравнению с тем, что с нами происходит теперь, то время было очень счастливым.

— Ох, маленький-глупенький Гриш, — покачала она хрупкой головкой, почти стеклянной. — Ты, наверное, совсем забыл, какими несчастными мы тогда были. Как не находили себе места в той забытой всеми богами деревеньке, где даже собственные тени были нам чужими. Когда мамы с папой не стало, помнишь сколько нам пришлось перенести тягот, прежде чем эти... люди пришли к нам за помощью?

— Ты хотела сказать, к тебе?

— Неважно, Гриш. Забыл, как эти... люди, несмотря на все наши усилия и клятвы, повели себя, когда пришли феборцы? Забыл, как трусливо попрятались по домам, когда солдаты начали громить дома — улочка за улочкой? Как они отворачивались, когда меня гнали по улице, сдирая с меня одежду? Сначала признания в любви и сердечные слова благодарности... А потом, Игриш? Не помнишь, что они сделали со мной?

— Я... Я не помню.

— Помнишь, мой навеки драгоценный Игриш, просто не желаешь вспоминать.

— Стой... Перестань.

— Колодец, Гриш! Натешившись со мной, они швырнули меня в тот колодец, который так часто снится тебе. И я была еще жива, когда надо мной захлопнулась крышка. А потом настал и твой черед последовать за мной. Но тебе не повезло.

— Не повезло? Ты считаешь, что мне не повезло?!

— Ты испугался, и не посмел ступить на тот... Путь, по которому прошла я. Ты смалодушничал, спрятался. Выбрал судьбу вечно напуганного мышонка, вместо того, чтобы воспарить со мною к небесам. Принять Яму. И именно поэтому ты упал в руки этого одноглазого убийцы.

— Нет! Нет, нет, нет! — затрясся Игриш всем телом. — Это ты сбросила меня с метлы! Это же ты разжала объятия и сказала — «я вернусь за тобой», я слышал!

— О, нет, Гришик, не так, — помахала пальцем Маришка, цокнув язычком. — Врешь! Врать родным нехорошо. Ты испугался как самый настоящий трусливый мышенок с отрезанным хвостом — я прочла это в твоих напуганных глазках. Ты бы предпочел отправиться с этим грязным мерзавцем на Голодную гору, чем остаться со своей родной сестрой в ее мире. А ведь он утопит тебя в первом попавшемся болоте, обязательно утопит. Как он уж избавился от сотен людей, которые доверяли ему и считали братом. Поинтересуйся, за что он получил свое мерзкое прозвище — Каурай. И почему так тщательно скрывает свое настоящее имя.

— Гвин, — прошептал Игриш. — Каурая зовут Гвин. Я слышал, как так его назвал

Крустник.

— Ах, Крустник! — снова улыбнулась Маришка. — Еще одна фигура в этой игре, где маленький Игриш снова повел себя как мышонок, спрятавшись под лавку. Та фигура, благодаря которой ты, как ты сам выразился, теперь живешь в кошмаре. Или не так?

— Так... Так, ты права.

— И что же? Где он сейчас?

— Я не знаю.

— А я знаю, Гриш. Он жив. Как живы все, кто виновен в том, что с нами произошло. И ты ни сделал ничего, чтобы хотя бы попытаться прервать их жизнь и отомстить за всех нас. За меня. За себя. За Богдана, в конце концов. Ай-ай-ай, Гриш! Богдан был куда смелей тебя, он сражался и умер как и подобает умереть мужчине. За это заслуживает высшей награды для воина — славной смерти. А ты, Гриш, ты лишь трус, который предпочел подавать вино этому чудовищу, обливаясь страхом и собственной мочой. Ты — трусливый червяк, который ползает у башмаков, и единственное, что ты заслуживаешь, это быть раздавленным этим самым башмаком!

— Прекрати! — закричал Игриш не в силах выносить ее слова. — Зачем ты так? Что я тебе сделал?

— Ты предал всех нас, Гриш, — холодно произнесла Маришка и сделала шаг к нему. — Ты предатель, гнусный и мерзостный червь, не способный даже издохнуть как червь. И место таких червей — в колодце, заполненном такими же червями!

Она снова подошла к нему. Но на этот раз на ее лице не было той теплой улыбки, способной растопить даже каменное сердце. Нынче ее губы дрожали от презрения к нему, от долго скрываемого отвращения. Она была несказанно высока, блестяща и прекрасна в сиянии своей ненависти, а он был непередаваемо жалок — лежащий на этом стогу, заплаканный, униженный и еле живой от осознания ее чудовищной правоты.

— Прекрати... — рыдал Игриш, стараясь укрыться от исходящего от нее света, который обнажал его истинную сущность. — Не надо... Что мне сделать?..

— Что тебе сделать? О, ты еще хочешь что-то сделать? — удивилась она его наивности. — Я знаю, что ты еще можешь сделать...

И с этими словами она подняла свою прекрасную, тонкую ступню и поднесла к его лицу:

— Покажи мне, как искренне ты раскаиваешься!

Ее черная кожа с прилипшими частичками сена почти касалась его носа. Игриш проглотил свои слезы и запоздало подступившую гордость, приподнялся и высунул язык.

— Вот так вот, хороший червь, — светлая улыбка вновь расцвела на лице Маришки, когда Игриш начал слизывать грязь с ее пяточки. — Постарайся на славу, червячок, ведь это твой единственный шанс показать, что ты еще хоть на что-то годен.

Игриш старался. Обливался слезами, дрожал от унижения, но старался. Его затошнило и едва не вывернуло наизнанку, но он не подал виду, продолжая методично водить языком, от пяты переходя к стопе. Маришка тихонько хихикала, когда язык проходил по нежной коже у пальцев.

— Ой, щекотно... Только без рук! — взвизгнула она, когда Игриш попытался удержать ее щиколотку. — У тебя же нет рук, червь, забыл? Теперь другую. И не забывай про область между пальцами — там грязи больше всего скапливается. Нет-нет, не выплевывай, глотай, глотай, кому говорят?!

Она поменяла ногу. Игриш продолжил лизать и не останавливался, однако пятка как была так и осталось черного цвета.

— Хорошо, Гришик, ты молодец, — погладила она его по макушке, когда он закончил. — Я горжусь тобой.

— П-правда? — прошамкал Игриш, заглядывая в ее болотные глаза, сверкающие непритворной любовью к своему подопечному.

— Да, теперь я вижу, что ты умеешь служить. Послужишь мне, Гриш, и, возможно, из червя я позволю тебе стать моей любимой собакой.

— Эй, Гриш! Почему ты дрожишь? Гриш! Просыпайся, кому говорят?!

Он дрожал как в лихорадке, стонал, пытался оттолкнуть от себя Милоша и зарыться поглубже в сено, но тот оказался настойчив. Бесенок схватил Игриш за ногу и стащил с сеновала как мешок с картошкой. Тогда Игриш свернулся калачиком, схватился за волосы и принялся стонать в полный голос — все громче и громче, словно его изнутри терзала страшная боль:

— Нет! Не хочу!

— Да что с тобой? — непонимающе уставился на него Бесенок и развел руками. — Что за кошмары? Гриш!

Он схватил мальчика за плечи и принялся бить его по щекам:

— Просыпайся же, балда, ну!

Игриш открыл заплаканные глаза и увидел перед собой озадаченное личико Бесенка. Одного.

— Где... она? — простонал он, боясь что долговязый силуэт его дрожащей сестренки сейчас выйдет у него из-за плеча.

— Кто? — захлопал глазами Бесенок и на всякий случай оглянулся.

Но позади не было ничего, кроме темноты и недовольных, фыркающих морд лошадей, разбуженных внезапным переполохом.

— Кто, Гриш?

— Ма... Ма...

— Мама?

— Маришка...

— Кто такая?

Но Игриш не торопился отвечать, только дышал да пытался высмотреть в темноте, едва рассеиваемой тусклым лунным сиянием, очертания сестры, но тщетно. Потом вытер слезы и откинулся на сеновал, не зная что и думать.

— ...не важно, — только и слетело с его губ. Очередной кошмар, и больше ничего.

— Это тебя она так напугала? — со своими округлившимися глазами Милош казался еще более напуганным. — Гриш, тут никого не было. Я проснулся от странных звуков, сам перепугался несказанно, а потом ты начал стонать, ну и бросился тебя будить.

— Звуков? — переспросил Игриш, мотая головой и стараясь привести мысли в порядок. — Каких звуков?

— Не слышал? Вот, прислушайся...

Он замолчал и оба они превратились в слух. Время текло, удар за ударом обоих сердец, которые в их груди заходились набатом, но ни один не услышал ничего, кроме перестука копыт и шумного дыхания конюшни.

— Ничего... не... слышу, — наконец заключил Игриш. — Что ты слышал?

— Ну... — замялся Милош. — Звук был... как будто кто-то скрежет железякой о железяку. И копает.

— Копает?

— Ага, — сглотнул тот. — Воон, у той стены. Стой, не подходи!

— Почему?

— А вдруг...

Но Игриш и не собирался лезть под стену, чтобы услышать неизвестно что. Он хотел только одного — унять бешеный стук сердца и забыться. Провалиться в небытие, где никто не будет называть его по имени и приказывать.

— Стой... Слышишь?

— Что опять?

— В том-то и дело, что ничего, — толкнул его в плечо Бесенок. — Чубчик!

— Чего Чубчик... — напрягся Игриш, решив уже что тот глупый сторож где-то рядом, но...

Ага, Чубчик больше не храпел.

— ...дверь! — прошептал Бесенок прямо в ухо Игришу.

И да, он услышал. Кто-то действительно возился с замком, шепотом ругаясь себе под нос. Он торопился и явно не желал, чтобы его слышали.

— Тихо... — схватил Бесенок Игриша за руку. — Прячемся, живо!

Тот не стал спрашивать себя, и оба мальчика бросились закапываться в колючее сено, стараясь издавать как можно меньше шума. И едва им удалось скрыться с головой, как щелкнул замок, скрипнула отворяясь воротина, и в дверном проеме появилась черная, сгорбленная фигура, покрытая шерстью, которая аккуратно ступила под крышу конюшни и тихонько заперла за собой дверь. Зашуршали опилки под стопами, аккуратно чиркнула спичка и тьму рассеял крохотный огонек. Вспыхнувший свет заставил Игриша зажмуриться, вжать лицо в сено и покрыться мурашками. У ночного гостя на голове торчали два изогнутых рога.

Они с Бесенком лежали, не двигаясь и почти не дыша, и с возрастающим волнением слушали, как медленно, шаг за шагом ночной посетитель ступает по полу, шаг за шагом приближаясь к сеновалу. Сердце металось в груди так неутомимо, точно его грозились вырвать наружу, и Игриш испугался, как бы оно не выдало их с Бесенком, и как мог сжал свою вспотевшую грудь, силясь унять этот безумный бой.

Ночной гость не спешил. Он ходил от стойла к стойлу, словно рассматривал лошадей, которых хотел купить. Все ближе раздавались шаги, вызывающие у Игриша страстное желание провалиться под землю.

— Ой, пусти! — отчаянно вскрикнул Милош, когда ночной гость внезапно сунул руку в сено, схватил его за щиколотку и одним рывком вытащил мальчишку наружу.

Игриш затих, не решаясь вылезать следом за Милошем, попытался открыть глаза, чтобы хотя бы разглядеть того, кто так бесцеремонно ввалился к ним среди ночи, но глаза снова подвели его. Он увидел только мохнатое грязное пугало, увенчанное парой рогов, которое стаскивало отчаянно упирающегося Бесенка с сеновала.

— Ты кто?.. Чего пришел?.. — проговорил Бесенок глухим голосом, столкнувшись с чертом глазами. Тот склонился над ним, положил лапу ему на затылок, погладил и спустил руку на шею, оголив плечо, другой полез под рубашку.

Бесенок вздрогнул, как будто его водой окатили, и отбросил лапы.

— Нет! — вскричал он и попытался вывернуться. — Нет, не смей, сволочь!

Но незнакомец был настойчив — он зажал ему рот и предпринял новую попытку схватить мальчишку.

— Нет, я сказал! — крикнул он полузадушенным от страха голосом, за что тут же получил удар в зубы. Если бы не сеновал, он точно бы разбил себе голову. Незнакомец тут

же навалился сверху.

— Нет... Нет! Пусти, гад! — стонал Бесенок, пытаясь вырваться и сбежать, но скоро задохнулся от боли.

Игриш видел перед собой только широкую, спину — от макушки до зада покрытую черным волосом. Черт страшно вонял алкоголем и дымом, пытаясь побороть увертливого мальчишку, он принялся ругаться и бить его наотмашь.

Боясь вмешаться и остановить эту ужасную сцену, Игриш дрожал всем телом, страшился даже вздохнуть и мог только смотреть, как они извиваются на полу, словно животные. Ночному гостю скоро надоело возиться с ним и он выбил из Бесенка всю непримиримость одним ударом, сжал руки на его горле и принялся душить.

— Стой, не надо... Гриш... — только и смог выдавить из себя Милош, из последних сил пытаясь разжать лапы. Но те все сильнее стискивали его тоненькое горло, выдавливая из него последнюю волю к сопротивлению. Милош уже не стонал, а только хрипел и пищал, дергал ногами и пытался нащупать в кармане нечто твердое, а потом, собрав оставшиеся силы, треснул черта по голове. Тот взвыл, но не ослабил хватки, а только сильнее нажал на его шею, навалившись всем весом, и держал до тех пор, пока Милош не перестал дергаться. Штуковина, которой пытался отбиться Бесенок, тяжело ударилась о стену и, поблескивая голубыми искорками, упала рядом с тем местом, где тихонько лежал Игриш.

Кровь из пробитой головы черта капала Милошу на лицо. Еще живой мальчишка громко всхлипнул, обливаясь слезами, и в последнем, каком-то детском усилии, попытался оттолкнуть бородатое лицо, но только получил очередной удар в челюсть, а когда и это не помогло, черт снова стал душить парня и держал его за горло до тех пор, пока не удостоверился, что мальчишка полностью в его власти.

Черт остановился, исторг из себя визгливый стон и повалился на Милоша, словно тот был подушкой, тяжело задышав тому что-то на ухо. Игриш не расслышал, какая именно мерзость сошла с его губ, ведь он желал лишь одного — превратиться в кучу мусора, слиться с землей, стать незаметным, исчезнуть.

Как и тогда. В лагере Крустника. И это напугало его безмерно. Заставило вынуть голову из сена и попытаться найти хоть что-то, что помогло бы спасти несчастного Бесенка.

И этим единственным оказалась самая странная вещь, которую можно было обнаружить в конюшне. Страхась выдать себя, Игриш потянулся к таинственному предмету — увесистому кубику, поблескивающему в лунном свете. Искусно выполненная, деревянная шкатулка с врезанными в стенки сверкающими камнями, которая совсем недавно выпала из рук Милоша.

И тут Игриш почувствовал на себе взгляд и одернул руку.

На него смотрел Милош. Лицо мальчишки выглядело ужасно — губы коротко подрагивали, один глаз заплыл, второй, налитый кровью и пустой, был приоткрыт, зрачок слепо и осуждающе сверлил своего трусливого товарища, вымаливая помощи и отмищения. Игриш не знал, жив ли он вообще. Про себя он тоже был не совсем уверен — страх выдавил из него все без остатка.

А еще на Игриша, не отрываясь и тяжело дыша, смотрел черт. По черной козлиной бороде катилась струйка слюны, сливаясь с обильно натекающей кровью, мелкие глазки плотоядно блистали. Это жуткое мгновение растянулось для мальчика почти навечно.

Когда сердце наконец сделало новый удар, Игриш не раздумывая схватил куб и швырнул в черта. От неожиданности тот не успел увернуться, и острый угол с тупым стуком хлопнул

его прямо по лбу, сорвав целый шмат кожи. С воем черт схватился за разбитую башку, оторвался от Милоша и вскочил на ноги, но тут же оступись и тяжело загремел на землю. Бесенок распластался на сене, не двигаясь и даже не дыша, а его мучитель выл, размазывая кровь по лицу и силясь встать, но от боли едва мог подняться на колени.

Где-то снаружи протяжно прокричал петух, и следом нечто еле слышно зашуршало, затопало и загрохотало, заставив черта торопливо подняться и, не разбирая дороги, броситься к выходу.

Далеко он не убежал. Когда Красотка высунула морду из стойла и вцепилась своими зубищами ему в темечко, черт закричал так отчаянно, словно с него живьем сдирали шкуру.

* * *

В середине ночи Каурай проснулся от какого-то жуткого визга, который так же быстро оборвался, как и возник. Сразу же стащил с себя пригревшегося котенка, который только мявкнул такому бесцеремонному обращению, подошел к окну и выглянул наружу.

Было тихо. Слишком тихо, и это пугало больше всего. Шелестящие тени деревьев укрывали двор шинки, по земле мрачными караванами блуждали призраки далеких туч, спеленавших лунный диск высоко в небе. Пение сверчков, душистые запахи и успокаивающая тишина сдерживали проснувшуюся паранойю, разбивали подозрения, повторяли, что все в порядке, и нет причин хвататься за меч.

Но одноглазый был закостенелым параноиком. И знал, что все было отнюдь не в порядке.

Понял это по двум быстроногим рогатым фигуркам, которые носились по двору от строения к строению и заглядывали в окна. И что-то в их нервных, осторожных движениях намекало, что едва ли эти двое были запоздавшими путниками, которые на ночь глядя решили забежать в шинку, промочить горло с дороги.

И еще собака — Волчара задохнулся бы от лая, стоило только случайному прохожему повернуть голову к дверям шинки.

Каурай решил, что это отличный повод побеспокоиться.

Он быстро оделся, натянул сапоги и подхватил Куроук с Щелкуном. Прилаживать доспехи не было ни времени, ни возможности — подлатник он умудрился отдать стираться, балда. Так что все свое барахло ему пришлось подхватить как было — в огромную неудобную связку весом в пуд.

Прежде чем распахнуть дверцу и выбежать на лестницу, одноглазый мельком глянул в оконце и тут же с руганью бросился на пол — две горящие стрелы почти одновременно ударились о стену, едва разминувшись с его головой. Одна отлетела и подпалила хвост перепуганному кошаку — несчастное животное с воем вылетело из комнаты и заскребло коготками по ступеням. По счастью обе стрелы сразу же потухли.

— Чума... — прошипел одноглазый, отползая подальше от окна. Следом целый град стрел забарабанил по стенам с наружной стороны. Каурай не сомневался, что дегтя на них не пожалели. По потолку задорно заплясали пламенные отсветы, обещая скорую баньку, а по улице все громче разносилось конское ржание, все ближе и ближе гремели копыта и дребезжали железом.

Вот и сходили в шинку казачки...

Шорох летучих огней и улюлюканье приближающейся лихой братии, рассеял протяжный свист с первого этажа и прозвучавшее сразу за ним бравурное:

— Баюновы колядники пришли почеломкаться! Ну что, казаки? Не заржавела ли нынче

казацкая сталь?! Ату их, головоотяпов-рогачей!

Внизу разом поднялся какой-то громовой вал из тысяч молотков — загремели, затоптали и заухали казаки, вскакивая с лавок. Грохот поднялся такой, что одноглазому на мгновение показалось, что их шинка сейчас провалится под землю.

Натянув тетиву, Каурай уложил стрелу на ложе арбалета, поднялся и осторожно выглянул в окошко, боясь схлопотать летучую гадину прямо в широко раскрытый глаз. Ночь вся раскрасилась сотнями огней — некоторые из них проносились через тьму по широкой дуге и падали прямо на соломенную крышу их несчастной шинки. Другие на всех порах стучали копытами по земле, сверкали кольчугами и сталью — все ближе и неумолимей, сгорая от нетерпения перекинуть свою ярость на деревянные стены.

Одноглазый выбрал себе огонек, который еще не успел пропасть из его поля видимости, направил на него арбалет, прицелился и, не теряя драгоценных мгновений, нажал на спуск. Болт вырвался из окна, со свистом бросился к цели и прошил мохнатую грудь. Ее хозяин безвольно взмахнул руками и рухнул наземь, а Каурай из другого угла уже натягивал тугую тетиву и ставил на ложе болт, выбирал огонек — спуск! и стрела вновь свистит через темноту, выбивает всадника из седла, а из колчана вылезает новая свистящая смерть.

— Че это свистит? Кречет, твоя работа? — донеслось снизу.

— Черта с два! Боюновы молодчики безобразничают. Сейчас и мы им посвистим маленько.

Загрохотали выбиваемые окна, зашлась в крике хозяйка шинки — такого переполоха ее заведение давно не знало.

— Братцы! Конюшня горит, горе нам! — пронзил уши отчаянный крик. И вправду — с места Каурая конюшни было не видать, но свет от ревущего пламени доходило даже сюда. Еще хуже...

Из окон первого этажа валом полетели стрелы, их поддержали пищальным огнем, но очень немногие из снарядов попадали по всадникам, которые носились вокруг, осыпая шинку смертоносными гостинцами. Одноглазый пригнулся, когда на чердак вновь влетел один из них, отступил в дальний угол и выцепил среди огней рогатого всадника с медвежьей шкурой на плечах, который метался вокруг конюшни в попытках запалить крышу пожарче.

Плохо дело.

Тетива щелкнула, и болт прошил всадника навывлет. Он охнул, схватился за грудь и вывалился из седла, но конюшню это не спасло. Огонь разгорался все ярче.

— По моей команде, — доносился снизу голос Кречета. — Вышибаем двери, хлопцы, и выходим. Здесь нам куковать не можно! Кум, хватай еще пару хлопцев и выводим лошадей, а мы пока пойдем пободаемся с лучниками.

— Ключи? У кого ключи?

— Как у кого, кум? Ты же сам сказал, что забрал их у Чубчика, чтоб не баловал.

— Забрал... — охнул Рогожа. — А вот теперь не найду, хоть ешь меня.

— Ой, не время ты нашел шутки шутить, кум, ой, не время!

— Какие шутки, Кречет? Нету ключей у меня, хоть обыщи меня, нету!

Кречетово ругательство, казалось, располосовало Рогожу точно пилой. А стрелы все сыпались и сыпались, дребезжали по стенам и лизали соломенную шапку, которая полыхала адским огнем — дым валил во все стороны, заполнял помещение, прибывая одноглазого к полу и обещая, что скоро на чердаке станет нечем дышать. Каурай не стал ждать, пока его тут поджарят как ворону на насесте и разрешил себе еще один, последний выстрел.

— Где Чубчик, еб... его по очереди? — все орал Кречет, перекрикивая визг шинкарки.

— Во дворе лежит, бедняга, уже укокошенный... Факт!

— Курва! — рявкнул Кречет, а шинкарка все не унималась. — Да заткните уже эту дуру!

Малаша, душа наша, будет у тебя новая шинка, етить ее налево.

Каурай бросил окно, в которое почти влетела горящая головня, но ударившись о раму, ухнула вниз, рассыпавшись искрами. Он быстро снарядил арбалет и, низко пригнувшись, прополз задымленную каморку наискосок, заняв позицию у противоположного окна. Сунулся за занавеску и грязно выругался — с этой стороны положение тоже пахло под хвостом у Сеншеса.

Внизу плясали сразу трое верховых чертей, вооруженные до зубов и готовые расстрелять каждого, кто только попробует высунуть нос из шинки. Тут гаркнуло громогласное «Ура!», хлопнули выстрелы, и из дверей шинки навстречу стрелам и огню повалили кречетовцы. Каурай решил, что это его шанс. Он наудачу разрядил арбалет в одного из всадников, подхватил связку со всем громыхающим барахлом и швырнул в окно, следом сам вскочил на подоконник и сиганул вниз. Только он коснулся земли и перекатился, как едва не получил стрелу в грудь и рухнул на спину, по счастью не откусив себе язык.

Тут же ночь разразилась громом — рядом встал здоровяк Повлюк с дымящейся бомбардой, а впереди на бок заваливалась лошадь с начисто размозженной головой. Второй черт смог таки выпустить пару стрел, наповал свалив одного казака и тяжело ранив другого в живот. Не успел он пришпорить свою лошадь, как к нему подскочили казаки и насадили стрелка на копья, и тот с захлебывающимся криком рухнул наземь. Третий всадник был уже далеко — вслед ему летели стрелы и поднимался пороховой дым. Ночь разразилась хохотом.

Черта, правившего подстреленной лошастью, придавило окровавленной тушей, и он со стоном пытался вытащить переломанную конечность. Его страдания оборвал Горюн с сеншесовой притолокой в ручищах — за два удара он расквасил черту череп, и тот затих навсегда.

— Ну, Повлюк, хорошо ты им дал прикурить своей люлькой! — хлопнули толстяка по плечу.

— Ай, чегой? — переспросил полуоглохший после выстрела Повлюк.

— Гутарю, хорошо... — его товарищ не договорил, как упал на землю, навывлет пронзенный вражеской стрелой. Повлюк тут же припал к земле, и принялся перезаряжать свою «люльку». На их головы посыпался новый ливень стрел — на этот раз из леса, где окопались лучники. Половина казаков с Рогожей бросилась в конюшню спасать лошадей, половина во главе с Кречетом взяла огонь на щиты и бросилась на лесных стрелков, которые продолжали методично опустошать свои колчаны.

Бросив свое железо на произвол судьбы, Каурай поспешил вызволять Красотку. Конюшня дымила вовсю, ворота стонали от бешеного натиска смертельно испуганных лошадей.

Какой ужас творился там, оставалось только гадать, и горе тем, кому не повезло оказаться в этот момент внутри.

«Гриш, — кольнула мозг внезапная мысль. Где в этот момент находился мальчишка, и жив ли он вообще, одноглазый мог только догадываться.

К тому моменту, когда он почувствовал запах гари, черт уже не двигался.

Игриш подполз к Милошу и попытался привести его в чувство, но не добился ровным счетом ничего. Мальчик лежал ничком, зарывшись лицом в сено, напоминая сломанную куклу на веревочках.

В попытках разыскать кадку с водой, Игриш наткнулся на спасший их окровавленный куб и быстро сунул липкую вещицу в карман шаровар. Тут в стену конюшни снова начало ломиться нечто страшное. Земля вздрогнула, следом сверху рухнула новая волна ударов, и то в одном месте, то в другом крышу пронзали стрелы и с шипением вонзались то в землю, то прямо в спину лошадям.

Уши затопило лошадиное ржание — скакуньи брыкались и метались в стойлах как безумные, силясь выбраться из губельного плена. Дым опускался с потолка, заволакивал глаза, принося с собой мучительный жар и удушливый дым. Игриш принялся тереть слезящиеся веки, опустил на колени и мучительно закашлялся, осознавая, что оказался в смертельной ловушке, из которой им нужно выбираться как можно скорее.

Только эта мысль загорелась в его голове, мальчик подскочил и хотел уже мчаться к выходу со всех ног, но не успел он пробежать и нескольких шагов, как из стойла вылетела визжащая Красотка и, едва не раздавив мальчишку, направилась к воротам. Следом за ней со своих мест повыскакивали и другие лошади, быстро забив проход своими тушами. В исступлении они ударились о створки, но не смогли вынести ворота, заложенные засовом. Началась свалка.

Еще не вполне осознавая страшную истину, Игриш тщетно пытался прорваться через обезумевший табун. В отчаянии он ударился о какую-то кобылу всем телом, но только отбил себе плечо и кубарем полетел на землю, чудом не попав под копыта. Он едва сдержался, чтобы не попробовать еще раз — прорваться, налечь на дверь с кулаками и закричать что есть мочи — но быстро понял всю бессмысленность затеи. Вместо этого Игриш схватился за горло и его вырвало, но и это не остановило страшный кашель, который беспощадно выворачивал мальчика наизнанку.

Задыхающиеся лошади кричали все громче. Их отчаянные визги, выстрелы, треск горящего дерева и стон истязаемой копытами земли заполнили уши, когда Игриш, едва не выхаркивая внутренности наружу, отползал от столпотворения, где кобылы топтали одна другую в попытке спастись от огня. Скоро их вал двинулся в обратную сторону, сметая все на своем пути и ударяясь о крепкие стены. Игриш вжался в стену и вопил, не помня себя, но все было напрасно — огонь пожирал крышу, душил дымом всех находящихся под ней и сводил лошадей с ума.

Истошные крики обезумевших существ, борющихся за жизнь, подгоняли Игриша. Он наощупь вернулся к сеновалу, где оставил Милоша, подхватил его под мышки и оттащил товарища в угол, где их не раздавят лошади, в бешенстве метаящиеся по конюшне. Следом он разорвал рубашку на два лоскута — обмакнул в бочку с дождевой водой, повязал себе и Милошу на лицо, но не прошло и пары ударов сердца, как его ноги подкосились и он рухнул на землю, сломленный очередным приступом кашля. Кое-как собравшись с силами, он поднялся на колени и попытался высмотреть в дыму хотя бы намек на спасение. Увы, ворота были завалены лошадиными телами, проход был забит мятущимся тенями взбешенных

животных, а слуховое оконце располагалось слишком далеко — почти под самым потолком.

Голова кружилась, глаза горели и чесались. Мокрая ткань не спасла, он начал задыхаться и все перед глазами поплыло.

Тут конюшню до основания сотряс чудовищный треск. Крыша провалилась, и нечто гигантское рухнуло потолка, подняв тучу пыли с искрами, накрывших мальчишек с головой. Лошади с визгом повалили в стороны, когда из вала обугленных досок поднялась еще одна тень — громадная, ошестинившаяся игольчатой шерстью черная бестия. Она обвела конюшню быстрым взглядом горящих изумрудных глаз и мигом выцепила в окружающем хаосе обоих мальчишек.

Сладко облизнувшись, бестия бросилась на них с раскрытой зубастой пастью.

* * *

К воротам конюшни ринулись с десятков казаков во главе с Рогожей, и уже на полпути половина лежала на земле, утыканная стрелами. Какая-то сила сберегла одноглазого от ливня смертоносной стали до того, как он смог подхватить щит и, прикрываясь им, добежать до конюшни. На ходу он подхватил топор, выпавший из ослабевших рук, и на пару с Рогожей подбежал к воротам, которые надрывно трещали от бившихся в них несчастных лошадей.

Топоры ударили о засов всего раз. Когда они вскинули их, чтобы обрушиться о преграду во второй раз, ворота вынесло наружу.

Створка со всего маху влетела одноглазому в плечо и отбросила в сторону, и только это уберегло его от волны грохочущих копыт, которую вынесла наружу какая-то зверская сила. Лошади с горящими шкурами повалили валом, топча и не щадя ничего, что попадалось им на пути. Но первой из конюшни показалась отнюдь не взмыленная лошадиная морда, а нечто черное, напористое и зверски быстрое.

Нечто огромным прыжком вылетело из конюшни, объятая пламенем, накрыв на ошарашенных казаков тенью. Вторым прыжком оно покрыло расстояние в десяток шагов, затормозило и развернулось на месте, вспарывая землю стальными когтями.

Шипя от боли в отбитом плече, Каурай поднялся на ноги и столкнулся глазами со своей старой знакомой — гигантской кошкой из леса. Ее шерсть дымилась и тлела, морду украшал свежий шрам, подарок одноглазого, в зубах она сжимала бледное, обнаженное тельце Бесенка, больше напоминающее мягкую игрушку.

— Все не уймешься?.. — прошипел Каурай, пытаясь устоять на дрожащих ногах.

Воротина хорошо его приложила: сделав шаг, он едва не растянулся на траве, рядом с ранеными и убитыми казаками, а также паном Рогожей, который молча хлопал глазами, не смея пошевелить даже пальцем.

— Это что еще за чудо-юдо?! — воскликнул тот. — Твой знакомый что ли?

— Ага, — сплюнул одноглазый, спуская тяжелый меч. — Никак не расстанемся.

Котище сощурился при виде оружия, который легло в руки одноглазого, угрожающе зарычал, но не спешил бросаться в самоубийственную атаку — на этот раз простым уродливым росчерком на морде он не отделается. К тому же приз, за который они с ним плясали по лесу, лежал в ее зубах, целый и беззащитный.

Поток стрел и грозная пальба оборвались в один миг — гигантскую кошку увидели все до единого. Лошади, свободные от раскаленной клетки, с ржанием разбежались кто куда, огибая страшную тень по широкой дуге. Котище немного постоял, смеривая одноглазого торжествующим взглядом, и как бы походя дернул хвостом, словно отмахиваясь от надоедливой мухи. Каурай выругался, когда разглядел, что этой мухой оказался Гриш —

мальчишка сорвался с хвоста и кубарем покатился в траву, считая кости. Кот ухмыльнулся, дернув своими острыми усами-выбросами, поднял морду кверху и осторожно, словно боялся чем-то повредить Бесенку, разжал клыки и одним махом заглотив мальчишку целиком. Потом огляделся вокруг, прибывая к месту всякого, кто попадался ему на глаза, и одним огромным прыжком махнул в сторону.

Через какие-то считанные удары сердца его иссини черная шкура пропала в темноте.

— Вот прожорливая скотина! — ахнул пан Рогожа, поднимаясь на ноги. — Как мальчонке то не повезло, эх...

Каурай не мог не согласиться с ним.

Однако, он бы не назвал их самих счастливыми, ведь стоило коту сбежать, как стрелы вновь бросились искать их разгоряченные сердца. Каурай мигом бросился в траву — воздух вновь взвыл стальным дождем, а земля затрепетала под копытами всадников.

— Чтоб их, проклятых! — ругался Рогожа. — И чего там Кречет с ними ласкается?!

Из леса, куда Кречет увел остальных казаков, грохотали звуки боя — звенела сталь, хлопали пищали, гремели зычные команды. Некоторые казаки, воспользовавшись смятением вражеских всадников, уже восседали на спинах опаленных лошадей и под залиvistый свист размахивали саблями, бросая коней в лихую сечу. Ночь вновь разметал гром бомбарды, до ушей донеслись радостные крики, но сложно было сказать наверняка, чья взяла — пан Кречет разбил лучников или лучники пана Кречета. Стрелы еще летели, пело звонкое железо, кричали раненые, разило порохом, а рогатые всадники все кружили вокруг, пытаясь всеми силами продрать казацкие кольчуги, пустить горячую казацкую кровь.

Воздух добела раскалился от жара, которым щедро одаривали сражающихся два исполинских костра, в которых превратились шинка с конюшней. Пламя выбрасывало в небо снопы искр, трещало и шипело, тянулось кверху, словно силилось перекинуться на небеса.

* * *

Когда Игриш отодрал голову от травы, ему показалось, что бестия утащила его напрямик в сады Сеншеса. Слишком жарко было вокруг, слишком яростно ревело пламя костров, слишком неистово металась тень и слишком громко кричали, когда сталкивались друг с другом, после чего кто-то неизменно падал на холодную землю.

Игриш и не думал удержаться на хвосте бестии. Просто в какой-то момент жуткий животный страх остаться в этом дымном аду пересилил оторопь при виде оскаленных зубов, каждый размером с локоть, и он кинулся на нее, в последний момент хватаясь за пушистый хвост и жмуря глаза. За мгновение до того, как чудовище полетела сквозь пламя, дым и лошадиные туши. Следом мир забился, забрыкался и заметался из стороны в сторону, сменяясь вращающимся пламенным коловоротом, но в один момент встал за смертью.

Подняться на ноги, снова не растянувшись в траве, было делом нелегким, но он справился. Игриш огляделся и поначалу даже порадовался, что той жуткой твари нигде не видно. А следом перед глазами встал образ бедного Милоша, которого гигантский кошак схватил зубами словно мышонка. У Игриша подкосились ноги от осознания того, что он снова остался совсем один. Он снова подвел того, кого мог назвать если не другом, то товарищем по несчастью.

Но... что он мог поделать с такой тварью? Едва ли даже у Каурая получилось бы одолеть такую махину...

Сквозь ворох собственных мыслей Игриш расслышал, как колотится земля за его спиной. Он обернулся, едва осознавая что видит перед собой. Глаза, опаленные жаром,

истерзанные дымом, еще плохо справлялись с темнотой, и поначалу ему показалось, что к нему бежит лошадь. Но потом он ясно разглядел на ее спине мохнатого черта с красивыми, ветвистыми рогами. Над головой поднималась хищная сабля, а конь во весь опор несся прямо на мальчика.

Сердце Игриша бессильно ударилось о грудную клетку и замерло, словно птичка, попавшая в западню. Ему следовало бы бежать со всех ног, но стопы отчего-то буквально приросли к земле без шанса сделать и шаг.

Игриш стоял и смотрел, как к нему приближается смерть.

...он едва понял, что произошло дальше, но дорогу ей заступила широкая тень, а самого мальчишку грубо оттолкнули в траву. Он повалился навзничь, и его глаза пронзил блеск меча, который с каким-то жутким визгом покинул ножны и с разбега метнулся навстречу — всаднику, его лошади и кривой сабле. Звон от их столкновения ранил уши, сталь треснула, разбилась осколками, но страшный меч на этом не успокоился — все несся дальше и, не встретив никакого сопротивления, широким махом выбросил черта из седла. Вернее лишь верхнюю половину его туловища, которое, нелепо размахивая руками, ударилось оземь, разбрызгивая кровь и запутываясь в собственных внутренностях. Из черта оборачиваясь обычным человеком, одетым в шкуры и рогатый шлем.

А лошадь уносила прочь лишь ноги и живот незадачливого посланца тьмы, которые по-прежнему крепко держались в седле.

Тяжелый меч бахнул о землю и увяз в ней острием, словно молот, а его хозяин, припав на одно колено, сидел рядом. Стальное эхо затихало где-то под тучами.

— Живой? — поднялся Каурай, тяжело дыша и обливаясь потом. Меч он крепко сжимал обеими руками, словно боялся, что тот вырвется из его хватки. По клинку на землю стекала какая-то серебрящаяся жидкость, как будто меч исходил слезами.

— Ага, — отозвался мальчик, встречаясь с ним взглядом. Правый глаз Каурая с черным вытянутым зрачком перемещался в глазнице, словно тот жил собственной жизнью. Белок этого странного глаза сиял бледным ровным светом, и при одном его виде комок подступал к горлу. Невольно мальчику припомнилась их первая встреча.

— Это хорошо, — тень улыбки тронула губы Каурая, и он тяжело взвалил меч себе на плечо. — Держись за мной.

Игриша не нужно было просить дважды, тем более к ним уже мчались всадники с саблями наголо. Каурай ждал их — клинок он завел за спину, и стоило только первому черту подлететь к нему, рассчитывая пришить одноглазого к земле, как меч обрушился на него со всей яростью. Сабля отлетела в сторону вместе с рукой, а всадник, задыхаясь от боли, завалился на гриву своей лошади. Со спины Каурая уже пытался настичь еще один рогатый воин — сталь разорвала воздух, и тут же меч одноглазого влетел противнику в брюхо, с пугающей легкостью пробив кольчугу. Всадник харкнул кровью и свалился, высвобождая клинок для нового врага. Но стоило тому увидеть, что этот жуткий меч сотворил с двумя его товарищами, как он рванул коня в сторону, и клинок лишь задел лошадь по крупу. Скакунья вскрикнула от боли, оступилась и кубарем покатила по траве, превращая своего наездника в грудку визжащего мяса.

Каурай выдохнул, когда вокруг больше не осталось ни одного смельчака, решившего помериться с ним силами, кивнул Игришу, и оба они направились к Рогоже и другим казакам, которые уже скакали к ним на неоседланных лошадях.

— Ловко ты их пощекотал, одноглазый! — воскликнул Рогожа при виде Каурая с

обнаженным мечом на плече, при виде которого лошади начали волноваться и стричь ушами. — Хорошо владеешь этой хреновиной! А ну, казаки, айда!

Рогожа вскинул саблю и вся ватага понеслась добивать немногих оставшихся рогачей. Они неохотно огрызались стрелами, предпочитая бросаться наутек, стоило им только завидеть конных казаков, которые во всю прыть неслись к ним с копьями и саблями наперевес. Им не понадобилось долго возиться, чтобы рассеять ряды конников. Стоило только последней рогатой голове скатиться в траву, как отряд Рогожи устремился в лес, оглашая окрестности веселым свистом.

Рядом с полыхающей шинкой было не продохнуть от гари, разбросанных тел, иссеченных стрелами, и стонов умирающих. Один из них, недобитый воин в рогатом шлеме, лежал в луже собственной крови и звал на помощь, одновременно пытаясь отбиться от девок-подавальщиц во главе с шинкаркой, которые с яростным визгом отводили душу — топтали и драли рогача за космы.

Каурай не стал им мешать — еще предстояло отыскать связку со штыками и броней, которую он оставил под окнами полыхающий шинки. Однако искать долго одноглазому не пришлось. По счастью, в суматохе никто и не подумал прихватить ни черепушку, ни другое барахло.

— Гриш, дуй в лес и разыщи Красотку, — приказал он мальчику. — Она не могла ускакать далеко. Только не попадись никому, по округе наверняка еще рыскают недобитки. Держи — на всякий, — сказал одноглазый и сунул ему в руки кинжал.

— Куда?.. А как же ты?..

— А я пойду пошурю в кустах, — кивнул он в сторону леса, где без устали кипела схватка. — Помнишь, как надо свистеть?

Игриш кивнул — свистеть он умел замечательно. Каурай показал ему как правильно подзывать Красотку. Несильно, чтобы не привлечь кого не надо, но даже на тихий свист скакунья охотно поворачивала голову и фыркала в ответ.

— Отлично, беги. Только один момент...

— Да?

— Помоги мне убрать этого монстра в ножны.

— А? Меч?

— Курюк легко вытащить, а вот сунуть обратно бывает проблемой. Особенно ночью, и когда вокруг пахнет кровью.

Одноглазый говорил правду — клинок в его руках продолжал вибрировать и сочиться «соком», словно не мог дождаться, когда им снова будут забирать жизни. Странная жидкость проступала на темном металле и скатывалась с острия на землю.

— Держи крепче. Как можно крепче.

Игриш сглотнул и принял ножны. Они уперли их в землю, и Каурай принялся вгонять клинок внутрь — с трудом, словно тот вообще не предназначался для этих ножен. Но меч все же входил, пусть и рывками, однако, оказавшись почти у гарды, встал намертво.

— Держи, держи его! — прошипел одноглазый, вытащил откуда-то молоток и принялся долбить им по навершию, вколачивая меч в ножны, словно ржавый гвоздь. Когда гарда таки ударилась об устье, замок слегка щелкнул.

— Сделано! — выдохнул одноглазый и вытер пот со лба. — Будем надеяться, что сегодня он мне больше не понадобится...

— Уверен? — спросил Игриш, оглядываясь на бушующий лес.

Каурай закинул меч за спину и нагнулся. Следом в его руках оказалась богато изукрашенная сабля. Рукоять сжимала чья-то отрубленная рука — одноглазый разжал скрюченные пальцы и отбросил конечность в сторону.

— Нет. Но я постараюсь обойтись этим. А ты не теряй времени — Красотка наверняка поскачет к водопою или еще куда, где можно набить брюхо. Лучше, чтобы первым ее нашел ты, чем какая-нибудь морда, — сказал Каурай и, не прощаясь, пустился бежать.

Игриш провожал одноглазого взглядом до тех пор, пока его горбатый силуэт, нагруженный железом, не пропал среди деревьев, а затем повернулся к его вещам. Белеющий в траве череп приветственно “подмигнул” ему розоватой глазной впадиной. Стоило ему коснуться черепашки пальцем, как на ухо кто-то рявкнул:

Куда тянешь руки загребущие, малец?!

Едва не свалившись наземь с такого окрика, Игриш готов был провалиться сквозь землю, однако, кроме охающих и пары стонущих раненых женщин, вокруг него никого не было.

Да здесь я, здесь, — рычали жутким скрежещущим голосом, словно строгали металлом металл. — От тебя, парень, за версту несет магией. Ты весь в пылице. Аж светишься.

И захохотал. Мерзко и крикливо.

Игриш сглотнул, осознав, что это голосит черепашка Каурая, которую он то и дело именовал словом Щелкун. Ага, не шутила Маришка, когда говорила, что эта самое мерзкое и злобное существо на свете.

Воровато оглянувшись, Игриш прижал протестующую черепашку к груди и побежал по копытному следу.

Каурай бежал на звон стали и рокот выстрелов, которые с каждым шагом звучали все ближе. Колчан с болтами он держал под рукой, хоть и не рассчитывал, что сумеет быстро зарядить арбалет на бегу. Впереди зашуршали кусты, и одноглазый насторожился — сослепу накинуться на него мог кто угодно...

Сбитая рогатая шапка набекрень, выпученная глаза и повисшая плетью, перебитая рука. Тратить драгоценные стрелы на такого бессмысленно. Тогда Каурай, не сбавляя хода, выставил вперед саблю. Бегущий споткнулся и со всего маху налетел грудью на острие. Одноглазый встретил его плечом, и бедолага отлетел в сторону, соскочив с клинка. Смерть он встретил молча.

Каурай бежал дальше ведомый звуками боя.

Очень скоро тьму прорезали огни факелов, а за ними показались и чубатые головы. Стоило ветке хрустнуть под его стопой, как все как один обернулись, вскидывая арбалеты с пищалками.

— Свои! — воскликнул Каурай, поднимая руки. На мгновение ему показалось, что в него сейчас плюнут десятком свинцовых мух, и поминай как звали этого одноглазого... Но он недооценил выучку хлопцев Кречета, и стоило ему выйти на свет, как смертоносные игрушки уперлись в землю.

— Да это же одноглазый! — расплылся в улыбке здоровяк Повлюк со своей бессменной бомбардой на плече. — Задерживаетесь вы что-то, ваше благородье! Мы тут панов-разбойничков уже пощекотали.

— Всех?

— Осталось немного, гляди еще их по леску помурьим, кто убежать не успел, а там можно будет и соснуть маленько... — сказал он и в подтверждение своих слов оглушительно зевнул, прикрывая рот кулаком.

— А, вот и ты, — вышел из-за деревьев Кречет с коптящим факелом и лошадью на поводу. — Жив, как я погляжу.

— Как видишь, — кивнул ему одноглазый. Следом за паном головой показались и другие казаки — кто пешком, а кто на лошадях.

— Кликайте всех — выходим из лесу! — приказал Кречет. — Коней утром искать будем. Не хватало нам еще на засаду нарваться в эдакой-то темени.

— Мы им так вломили, вовек теперь не забудут, пан голова! Поджилки у них-то поди трясутся, засаду-то устраивать! Факт!

— Может быть, но бегать по лесу не знамо куда, да еще и в потемках не можно, — покачал усами Кречет. — Ранко видали?

— Неа. Бегае где-нибудь поди.

— Смерти ищет! Как бы голову не потерял на своих бегалках, дурачок, — сплюнул голова и повернулся к Каураю. — Вы там с Рогожей, слыхивал я, тоже знатно помахали саблями?

— Ничего особенного, — пожал плечами тот. — Сами нарвались.

— Скромный какой! Жалую тебе саблю за доблесть.

— Спасибо, пан Кречет, но саблю я себе уже навоевал.

— А ну покажи.

Каурай передал Кречету свою саблю. Тот взвесил ее на ладонях и оглядел всю — от рукояти до загнутого как клюв острия.

— Ишь как блестит, — похвалили саблю казаки, подсвечивая голове факелами. — Знатная работа!

— Шибко знатная для оборванцев-колядников, — цыкнул языком Кречет и покачал головой. — Тут клеймо умельца из Шатрана. Эх, не хватало еще чтобы слухи о кочевьях оказались правдой... И у кого ты такенную красотищу отвоевал? Уж не у самого ли атамана Баюна?!

— Темно было, пан, не разглядеть. Я только пальцы мертвые разжал и к вам бросился — некогда было в лицо ему вглядываться. Да и не помню, было ли оно лицо это — кисть с саблей отрубленная и все.

— Эх, тела надобно осмотреть, — поджал губы Кречет и отдал саблю хозяину. — Чует мое сердце, Баюна могли мы сцапать! Всякий сброд с такими железками не ходит. Недалеко он, нутром чую. Он или его подручный — неистовый Коляда, сукин сын! Его люди, больше никто в шкуры да рогами не одевается, чтоб народ пугать. Спасителя на них нет...

— Пан голова! — окликнул его запыхавшийся казак с факелом, вылезая из кустов.

— Чего?

— Мы тута одного разбойничка... живым сцапали!

— Так давай его сюды! — охотно двинулся Кречет за казакom. Каурай и остальные пошагали следом.

— Пан голова, дозвошь его выпотрошить немножко?

— Обожди, как я с ним потолкую. А вот опосля...

Изрядно побитого разбойника казачки скрутили «ласточкой» — повалили пленника на живот, стянули связанные руки и ноги за спиной и связали их веревкой. Он лежал лицом в грязи, тяжело вздыхал и пытался что-то втолковывать своим пленителям, которые ходили вокруг него и на каждое его слово знай поплевывали ему в глаза.

— ...отдам все, ничего не пожалею! — стонал он, пытаясь вывернуть голову, чтобы не задохнуться. — Пустите меня, они меня насильно! У меня дети малые!

— Ага, знаем мы вас — насильно, — хохотнул казак и вдарил тому сапогом по заднице. — Кобылой ты поди тоже правил насильно, или это она тебя в полон взяла?

— Так, покажите мне его, хлопчики! — раздвинул Кречет спины казаков и присел на корточки, внимательно вглядываясь в небритую морду. — Ага, какое знакомое лицо! Да неужто это сам пан Сосуля предстал пред моими очами?

— Неужто?!

— Точно оный сам, сукин сын! — поднялся Кречет и от души вдарил тому по ребрам. Пан Сосуля зарычал. — Ну что, пан, видно тебе больше не любо лошадей разводить? В разбойники к мерзавцу Коляде подался, проклятый?

— И ты подашься, Кречет, если как я по миру пойдешь, — простонал Сосуля, пытаясь выплюнуть собственный ус изо рта. — А с нашим паном воеводою и не на такое пойдешь, ежели детишки с голоду дохнут. Хоть к Коляде, хоть к самому Сеншесу!

— Вот он черт какой, — зашипел на него Кречет. — Сам людей жизни лишает, а на другого сетует. Нет, брат, такого делать не можно. Признавайся, сволочь, где у Баюна логово его спрятано!

— Логово его степь да дорога!

— По дороге только бродячие псы лаются, а на вашу ватагу по дорогам не напасешься!

Признавайся, плут! Не хочешь признаваться? Ты мы сейчас тебя во-о-он на том деревце подвесим — будешь ножками дрыгать да вспоминать пана Кречета, пока он дюже добрый был. А ну, хлопчики, подмогните его, поганца, поднять!

Запасливые казачки размотали веревку, и не успел разбойник даже завопить со страху, а петля уже затягивалась на его горле. Другой ее конец перебросили через ветку — навалились втроем, и связанный Сосуля в следующий миг заболтался на дереве, как куль с картошкой.

— Ну, что, дорогой мой пан? — кричал ему Кречет снизу. — Не рассмотрел оттудава, где Баюн укывище свое содержит? Или нам тебя еще подержать?

Разбойник хрипел и раскачивался на ветке, покраснев аки свекольная голова. Глаза лезли из орбит, а по ногам начало разливаться дурно пахнущее пятно.

— А ну отпускаяй его! — приказал Кречет. — Небось язык уже развязался.

Веревку выпустили и разбойник шумно рухнул на землю.

— Тебе... это даром не пройдет... Кречет! — было первым, что умудрился выдавить из себя задыхающийся Сосуля.

— Ох-ма, так он еще не наболтался, смелый какой! — хлопнул себя по коленям Кречет. — А, брат, чего-чего, а храбрости тебе не занимать, может оттого Коляда тебя и приметил. Но, боюсь, ума он у тебя разглядеть все же не сподобился. А ну-ка, хлопчики, повторяем протседуру.

И вновь казачки дернули веревку, и во второй уже раз хрипящий и свистящий разбойник вознесся на дерево, аки Святой и Смелый Лакриф во время испытания огнем, и повис, дергаясь всем телом и что-то нечленораздельно вереща.

— А?.. — приложил ладонь к уху Кречет. — Не слышу я тебя, хочешь еще повисеть или же готов поведать нам тайну Баюна? Спускайте его, хлопцы, дадим дураку последний шанс помереть как казак, а не как собака.

Разбойник свалился на землю и какое-то время не мог выдавить из себя ни слова. Кречет присел на корточки рядом с ним, схватил за чуб и начал трясти:

— Ну? Ну, брат, последний раз спрашиваю! Покажешь нам этого черта, или мне с тобой тут до утра нянчиться?

Разбойник исходил кашлем и пырил покрасневшие от натуги глаза, пытаясь что-то выдавить, но из-за кашля никто не мог разобрать ни словечка.

— Тому не надо далеко ходить... — смог расслышать Каурай среди общего свиста и хрипа, — у кого черт... за плечами!

И тут нутро разбойника разразилось каким-то истерическим хохотом, нагнавшего жути на казаков. Единственным из братии, кто не отступил от него на шаг, остался невозмутимый Кречет.

— Ой, видно, брат, не понял ты ничего из сказанного мною... — покачал он головой. — Глупая, глупая же ты собака, хоть и верная своему хозяину.

С этими словами он еще раз ударил разбойника сапогом по ребрам. Тот крякнул и завыл от боли.

— Хватайте этого болвана и тащите к шинке, потом еще побалакаем. Надоело тут мне куковать. Ранко! — всплеснул руками Кречет, когда увидел своего подопечного, осторожно выводящего лошадь в круг света. — Ты где это шлялся, паршивец?

— Разбойничков гонял, — отозвался Ранко, слезая с коня. — Двух прибил, один убег, гад.

— Да и пес с ним! — махнул рукой Кречет. — Привязывай вон этого молодца к лошади и тащи его к шинке. Или что там от нее осталось...

* * *

У Игриша коленки тряслись от каждого шороха, пока он шаг за шагом удалялся от пылающей шинки и непрерывного бряцания мечей. Еще и проклятый череп голосил, не затыкаясь, словно просидел с зашитым ртом другую сотню лет:

Эта тварь далеко не могла сбежать! Я ее давно знаю. Зуб даю — она найдется в чьем-нибудь амбаре с полными щеками овса. Или на елде у жеребца, тоже вариант.

Его болтовня Игриша никак не успокаивала, а только разгоняла нервозность — болтать с черепами ему еще не приходилось, да мальчик и не старался ему отвечать. Вставить слово в этот непрекращающийся словесный поток было той еще задачей.

То и дело он пытался легонько посвистывать, прислушиваясь к лесным шорохам и уханью ночных птиц. Он пожалел, что не взял с собой факел или еще что-нибудь, чем можно было бы светить себе под ноги — следов от копыт наверняка было вдоволь, однако так он рисковал привлечь к себе ненужное внимание. Недобитых разбойников, например. Или того хуже — чудища из леса.

Кобылу он рассчитывал застать за ее обычным занятием — Красотка наверняка кусала какого-нибудь бедолагу и пыталась отгрызть тому конечность. Но ни криков, ни стонов в округе не раздавалось. Нет, он не верил, что Красотка погибла в пожаре — такую злобную и живучую тварь огонь лишь пощекочет. Когда он выразил эти мысли, Щелкун с ним согласился.

Я бы тоже сейчас с удовольствием кого-нибудь загрыз. Ты был близок, парень. Я тебя пожалел только из уважения к нашему общему другу. Привязался он к тебе — не оторвешь.

— И зачем я ему?.. — неожиданно спросил у него Игриш.

Хмм... — заворчал Щелкун. — Не догадываешься? Или боишься себе в этом признаться?

— О чем ты?

Ну, как же! Это же твоя сестренка любит гольшом покататься на метле, или мои глаза обманывают меня?

— Ну, моя...

И твоя сестренка снюхалась с Ямой? Вот-вот, она родимая. От тебя самого изрядно пахнет ведьминой пылью, которую они везде разбрасывают как пчелы. Что, виделся с ней накануне?

— Не твое дело...

Ну, вот! — прыснул со смеху Щелкун. — Пусть лучше бежит подальше отсюда, запутывая следы. Ежели ее дорожка пересечется с путем моего спутника — не сдобровать твоей сестренке. Я с удовольствием полакомлюсь ее косточками, как уже лакомился плотью всех тех, кто решил нарушить Договор и пойти в услужение Яме! И твоими, если ты вздумаешь ей помогать...

Игриш слотнул. Глупо было отрицать очевидное. У одноглазого он был простым заложником, чтобы добраться до Маришки, которая нарушила какой-то Договор.

Он продолжил плестись по темноте дальше, рассчитывая наткнуться, в конце концов, на какой-нибудь ручей или речку, где перепуганные обгоревшие лошаденки запивали свои невзгоды. В кармане постоянно мешалась шкатулка несчастного Бесенка — он постоянно щупал находку пальцами, раздумывая откуда такая прелесть могла взяться у этого

мальчишки. Ворованная как пить дать. И зачем она Игришу? Мало ему было проблем с конягой, за которого Игриша чуть не утопили в речке Смородинке. И эта черепушка, которая все никак не заткнется. А тут еще шкатулка, от которой буквально разит проблемами... Но просто зашвырнуть обоих в кусты у него рука не поднималась.

К воде он-таки вышел — к озеру, которое огромной серебристой монетой блестело под хмурым небом, однако ни одной хвостатой ему не попалось. Зато он отыскал несколько иное и буквально прирос к каменистому берегу с открытым от изумления ртом.

Нежданно выглянувший месяц пересекал небосвод, напоминая заточенную саблю. Вокруг него клубились ветхие тучи, еле слышно шелестели крылья сов и развивались мантии полуобнаженных всадниц, которые верхом на метлах летели сквозь мрак, кутаясь в свои длинные волосы. По земле вереницей текли их быстрые тени.

Осознав что он как на ладони, Игриш хотел было бросился наутек — под защиту лесных крон, подальше от их хищных черных глаз, но, не успев сделать и десятка шагов, остутился и едва не пропахал носом землю.

Из леса к пруду, цокая подковами, выходила Красотка собственной черногривой персоной.

На ловца и зверь бежит! — шелкнул челюстями Щелкун.

Мальчик был бы несказанно рад, если бы кобыла своей чуйкой отыскала его в этом лесном лабиринте. Однако на ее мощной спине восседали две девушки. Первую он узнал немедленно — одна была его сестрой Маришкой, которая внимательно рассматривала Игриша сквозь вуаль ярко рыжих волос, спадающих ниже спины Красотки. Вечерняя прохлада совершенно не страшила этих двоих. Вся одежда Маришки заключалась в тяжелом ожерелье из россыпи ярко переливающихся камней. Другая девушка носила здоровенные сапоги на мужскую ногу, которые едва не спадали с ее ступней.

— Гришик, ты чего тут делаешь? У нас же с тобой уговор, помнишь? Принес? — спрашивала Маришка опешившего мальчика, задорно покачивая босыми ножками. Ее подружка с пепельно-серыми волосами мельком глянула на него и снова подняла озабоченный взгляд к небу.

— Ага... — кивнул он и сунул ей черепушку. Глазные впадины тонули в красноватом сиянии.

Принес? — ахнул Щелкун, едва не вырвавшись из его пальцев. — Это куда это ты меня принес? Положи на место, где взял!

Взбесившийся череп едва не откусил Игришу палец, но мигом завертелся вокруг своей оси, вскрикнул нечеловеческим голосом и оказался в руках у ухмыляющейся Маришки.

— Вот значит, он какой, — надула она губки. — Спасибо, ты молодец, Гриш. Мои подружки будут тебе очень благодарны. Как и я.

С этими словами она нежно прижала Щелкуна к груди и поцеловала желтоватую кость. Игриша передернуло, но он постарался не подавать вида.

— Никуда не денешься, дорогуша, — проворковала Маришка.

Ведьма, — шипела черепушка. — Я разорву тебя в клочья, дай только...

— Цыц! — прикрикнула на него Маришка, и череп мигом умолк. — Пищать будешь, когда я разрешу. Страшно пищать. За все те страшные мучения, которые ты причинил моим подругам. Побереги силы.

Щелкун ничего ей не ответил. Лишь дрожал и отчего-то не мог проронить ни единого звука. Словно ему отхватили “язык”.

— Твоя лошаденка? — спросила ведьма, мигом потеряв интерес к наглой черепушке.

— Моя, — отозвался он, пятясь назад по камням. — Я ее ищу тут.

— Бедненькая какая, — провела Маришка ладонью по шее кобылы. Как ни странно, Красотка даже не попыталась фыркнуть на нее — спокойно шагала дальше к воде, словно незнакомки на ее спине не было и в помине.

Игриш остановился на кромке берега, еще шаг и ему пришлось бы промочить ноги. Красотка прошествовала мимо с таким отрешенным видом, словно он был пустым местом, и склонилась над водой. Пока кобыла хлюпала водицей, рыжеволосая всадница гладила ее по мускулистой шее и поглядывала на Игриша из-под полуопущенных ресниц. Мальчику на мгновение показалось, что он обознался и принял Красотку за какую-то другую лошадь. Уж слишком спокойно та вела себя с чужим человеком — даже не пыталась вредничать и кусаться. Бледная ручка Маришки свободно и без опаски поглаживала ей холку.

Однако шрам на крупе, доставшийся кобыле после нападения умертвий, мигом развеял все сомнения. Нет, у Красотки явно были не все дома.

— Сегодня будет славный пир, ты знал? — сестра вырвала Игриша из раздумий, не спуская с него темно-зеленых, задумчивых глаз. На лошади она держалась уверенно, словно всю жизнь проездила верхом, и смотрела на собеседника, высоко задрвав голову, точно купаясь в сиянии растущей луны.

— Пир? О чем ты?

— Мои подружки-мастерицы вовсю развлекаются в небе, — кивнула Маришка на небо, где хозяйничали ведьмы. — Только погляди на них! Как им весело.

Те начали снижаться, и вскоре пропали за макушками деревьев. Как и не было их.

— Может быть, — она поглядела на Игриша с хитрецей во взгляде. — Ты хочешь к нам присоединиться?..

— Я?

— А кто же? Раз ты так порадовал меня, позволю и тебе порезвиться под луною. Но сначала нужна мазь.

— Мазь?

— Ну да.

— Зачем?

— Чтобы быть свободными, дурень, — она нагнулась и ткнула Игриша в лоб черным пальцем. — Вечно тебе приходится все объяснять. Ты не меняешься. Вам срочно нужна мазь!

— Не нам, а ему, — буркнула себе под нос ее пепельноволосая подружка. — Мне нужна метла. Да и вообще, я сюда не развлекаться пришла. Ты обещала...

— Я обещала, — оборвала ее Маришка. — И предупреждала. Но она не хотела слушать.

— Ты нам не поможешь?

— Не раньше, чем ты пройдешь по Тропе, — хмыкнула Маришка. — Странно просить снисхождения у Ямы, и отказываться принять ее дар, Малунья. У тебя есть время, пока идет Дикий Гон.

— Я не за себя прошу. А за Божену.

— Вот и передай мои слова Божене. Мы не делаем исключений для простых ведьм. Вы ничем не лучше хуторских девок. Пока не докажете свою верность.

— Мы не ведьмы... — пробормотала ведьмочка, которую звали Малуньей.

— Оставь эту чушь опричникам! — сказала Маришка и подняла череп. — Хозяину этой

милой вещицы... Помнишь малышку-дурашку Варву? Ее съела вот эта собака.

Малунья при этих словах нервно дернула щекой:

— Мне нечего его опасаться...

— А Божене? Если он узнает, что решила сотворить твоя безмозглая подружка?

— Никто же не пострадал...

— Это ты расскажешь опричнику, — развернулась в седле Маришка к ней лицом и схватила Малунью за подбородок. — Посмотри на меня, Малунья.

Ведьмочка не сразу, но исполнила приказание.

— Докажи свою верность. Это единственное, что я тебя прошу. Тогда поговорим о Божене.

— Но...

— Никаких “но”! — с этими словами она влепила ей хлесткую пощечину. — Сначала дело, потом награда. Или можешь идти на поклон к опричнику. Но эти цепные псы тоже ничего не делают бесплатно.

Ведьмочка ошарашенно захлопала ресницами, залилась краской и опустила голову.

— Хватит, не заставляй нашего милого щеночка ждать! Ищите мазь. Дикий Гон вас тоже ждать не будет.

Произнеся эти слова, Маришка забралась с ногами на спину Красотке, выпрямилась и соскочила вниз, широко расставив руки, словно ярмарочная гимнастка. Не успела сестра долететь до земли, как нечто быстрое подхватило ее на лету и смерчем унесло в небо. Игриш от неожиданности шлепнулся на пятую точку, подумав было что на сестру напали. Но нет — Маришка свободно летела по воздуху, обливаясь лунным светом, навстречу ледяному ветру и сияющему месяцу. Между ног у нее была зажата метла.

— Эй... — поднялся на ноги Игриш и подошел к Малунье, которая безуспешно пыталась сдержать рыдания.

— Чего тебе?

— Тебе не больно?

— Такая уж у меня, ведуньи, судьбинushка... — отозвалась она, растирая слезы по покрасневшему лицу. — Метлу еще нужно заслужить, говорят все они... а пока поноси эти мерзкие сапожищи. Видал?

— Ага, — опустил Игриш глаза вниз и уставился на ее сапоги. — Вижу.

— Все ноги себе уже износила — слышишь как ноют? — поднесла она подошву Игришу к лицу. Тот осторожно прислонился ухом, но он расслышал только свое сердце, которое учащенно билось у него в груди.

— Слышу, — соврал Игриш, чтобы не расстраивать ее еще больше. — Болит.

— Хорошо уж твоя подружка помогла мне немного передохнуть. Как ее звать-то?

— Красотка.

— Ага! Так и думала, — расплылась ведьмочка в довольной улыбке и повалилась на кобылу, сунув мокрое лицо той в гриву. — Красотка... А тебя как звать?

— Гриш.

— Очень приятно, Гриш, — слегка кивнула незнакомка, поблескивая влажными глазами. — Слушай, а как ты такой маленький и на такой здоровой кобыле катаешься? Не падаешь?

— Нет, — покраснел мальчик. — Она не моя, а моего... друга.

— Ух, ты! Так у тебя есть друг?

— Ага... но он никакой мне не друг. А так. Попутчик.

— Попутчик с такой хорошей лошадыю — это всегда неплохо. Еще лучше, если у него есть настоящая метла.

— У него и метла есть. Вернее была.

— Не шутишь? — заинтересовалась ведьмочка. — Настоящая? Не из таких, с которыми всякие любительницы балуются?

— Ну... — задумался Игриш. Он был ни в зуб ногой, какие метлы считаются у нас настоящими, а какими любительскими. — Он меня как-то спас, сидя на метле, так что думаю настоящая.

— Уважаемо, — кивнула она. — Он колдун? Ведьмак?

— Вроде того...

— Интересные люди тебя окружают. Поедешь со мной?

— Куда?..

— Как куда? Тебе же нужна мазь? Вот.

— Нет... — замотал головой Игриш. — Я не могу.

— Почему?

— Я... не знаю, где искать твою мазь.

— Почему это мою, глупый? — прыснула девушка. — Искать мазь нужно нам. Ты не знаешь, а я знаю.

— Эмм, — замялся Игриш. — Извини, но я всего лишь искал лошадь.

— Ага. Но ведь ты ее уже нашел, так ведь?

— Так.

— Нет, не так! — покачала она пальцем у него перед носом. — Вернее это я ее нашла, да? И привела к тебе, так?

— Ну, да...

— А раз так, то ты у меня в долгу.

— Послушай...

— Не хочу я ничего слушать! — наклонила она голову и хитро поглядела на ступежавшегося мальчишку. — Запрыгивай в седло и поехали. Мазь точно где-то здесь. Я ее нутром чую.

* * *

— Малаша, старая ты проплешина! — воскликнул Кречет, когда они подошли к шинке, которую еще добивало пламя. — Ты чего это с пленным удумала! Не можно так с пленным обращаться, не можно!

Сначала Каурай не понял, что такое сотворила Малаша с несчастным разбойником, но подойдя ближе, он увидел мертвое тело, измочаленное и разрубленное топором на несколько частей. Кому-то из казаков такое зрелище показалось чересчур резким — и он всласть проблевался.

— А шинку мою огню предавать можно разве? — только заметив казаков, бросилась к ним шинкарка с окровавленным топором в руке. — Кто мне теперь за хозяйство заплатит, а? Ты что ли, Кречет?!

От конюшни к тому моменту остались лишь несущие балки, но им стоять считанные мгновения. Пока казаки препирались с шинкаркой, конструкция покосилась и оглушительно рухнула, взметнув в горячий воздух гушу искр и пепла. Трактир оказался куда крепче, однако и ему скоро предстояло последовать за подругой.

— Ну ты... — грозил ей пальцем голова. — Скверная ты баба, Малашка! Скверная! А за шинку тебе пан воевода заплатит. Как узнает, сколько мы сегодня разбойничков пощелкали, так сразу расщедрится.

— Гляди, пан воевода расщедрится! Держи карман шире! — махала на него руками зареванная старуха. — Мне шинка от мужа досталась, а ему от деда с бабкой. Двести лет стояла шинка, Запустение пережила, ни единым бревнышком не покосилась, когда здесь шатранцы хозяйничали, и на тебе — пришла ватага Кречета горилки попить!

— Да че-ты разоралась, старая! — прикрикнул на нее пан Рогожа. — Избу сколотить дело-то нехитрое. Завтра как огонь погаснет — кликнешь мужичков, они тебе новую сколотят, лучше прежней!

— Ага, спасибо, дурак. Забесплатно мне сделают, ага!

— Ну, это другой разговор, — смутился Рогожа. — Ты баба богатая, от тебя не убудет. Краем нальешь им горилки, чтоб было чем промочить горло.

— Дурень ты, — всхлипнула она и уткнулась лицом в передник. — Откуда ж я им горилки возьму?.. Так оно же все в огне и погребло, эх!

— Ну-ну, Малаша, душа наша, не плачь, — обнял шинкарку пан Кречет и прижал ее сморщенное лицо к своему плечу. — Я замолвлю словечко пану воеводе. Будет у тебя новая шинка.

— Обещаешь?..

— Обещать не могу, но словечко замолвлю.

— Смотри! Смотри же. Вот она, мазь.

Игриш сидел на спине Красотки прямо перед ней и чувствовал себя ужасно неудобно. Больше всего мальчика смущало то, что ведьмочку совсем ничего не смущало, но его новой знакомой было плевать: она без умолку трещала ему в ухо и постоянно норовила прижаться Игришу, словно он был подушкой. А это заставляло его постоянно смахивать пот со лба и без конца сглатывать слюну.

— Где? — попытался он взглянуться в темноту, но как обычно не увидел ничего, кроме этой самой темноты.

— Да, вон же, слепой что ли? — хмыкнула она ему в ухо. — Впереди, в траве. Живой еще!

С этими словами она легонько шлепнула сапогами Красотку по бокам, и та охотно прибавила шаг. Кобыла не успевала удивлять Игриша — даже с Каураем она не была настолько покладистой и спокойной, точно ее подменили. Без поводьев, уздечки и стремян Красотка выполняла не просто каждое желание девицы, но, казалось, читала ее мысли. Стоило только девице захотеть, погладить ее по шее и слегка направить сапогом, как скакунья самозабвенно пускалась бежать в нужную сторону. О том, чтобы по ее обыкновению нагло фыркнуть, взрыть копытами землю, боднуть наездника или укусить, она вообще думать забыла.

Чудеса, от которых Игришу было не по себе.

Еще больше мальчика беспокоил тот факт, что после того, как ведьмочка таки затащила его на лошадь, он окончательно потерялся и уже мало представлял себе, где они сейчас находятся. Наездники долго скакали куда-то, принявываясь и прислушиваясь к каждому лесному шепотку — то неслись во весь опор через подлесок, то петляли по каким-то ухабам и ущельям, то наоборот двигались нарочито не спеша, непрерывно оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха. И вот наконец кривая дорожка привела их к...

Да, Игриш определенно что-то видел. Оно лежало в траве. И стонало.

Малунья легко спустилась со спины Красотки, не успел Игриш осознать, что прямо перед ними, привалившись спиной к холодному камню, на земле сидел чернявый молодой казак, одетый в пушистые меха. Он широко раскрыл глаза и задрожал, стоило только сапогам ведьмочки щелкнуть каблучками и застыть перед ним. Слипшийся искусанный рот слегка приоткрылся, он попытался что-то сказать.

— Бедненький, — пролепетала ведьмочка, оглядывая страдальца с головы до пят. Одну руку ему отсекло по локоть. Одежда была вся пропитана кровью. — Недолго тебе осталось мучиться.

— Постой... — слетело с дрогнувших губ, когда она опустилась перед ним на колени, приподняла окровавленную рубаху и посмотрела прямо в бегающие глаза.

— Нечего ждать, — уверенно бросила ведьмочка, вынула из-за голенища длинную спицу и сунула парню в пупок. Казак вскрикнул от чудовищной боли, когда она разорвала ему живот — из страшной раны потоком хлынула кровь. Он попытался оттолкнуть ведьмочку, но оказался слишком слаб, чтобы ей помешать. Она отмахнулась:

— Не мешай!

Как ни странно, но человек подчинился, и позволил ей ковыряться у него в кишках.

Казак обреченно откинул голову на камень, затрясся всем телом и застонал, пока Малунья копалась у него в животе, словно в сундуке, отыскивая нечто важное.

Игриш наблюдал за этой мерзкой операцией со все возрастающим омерзением. На мгновение он поймал взгляд юноши — абсолютно животные пустые глаза, в которых плавала лишь мука и стонало страстное желание, чтобы эта пытка побыстрее закончилась. Малунья, тем временем, вытщила окровавленные руки из раны и критически осмотрела ладони. Попробовала языком.

— Да, оно, — довольно улыбнулась она и повернулась к Игришу, не смеяшему даже пальцем пошевелить.

— Мазь! — торжественно провозгласила ведьмочка, поднимая руки к небу и показывая сверкающую кровь то ли своему спутнику, то ли растущему месяцу, гарцующему высоко в небе. — Давай же, слезай и иди сюда — тут ее еще много!

И с блаженной улыбкой на бескровном лице она приложила ладони к губам, принявшись слизывать кровь. Игриша замутило от такого зрелища и едва не стошнило.

— Что такое? — подняла брови Малунья. — Что за вид, Гриш?

— Ничего, — булькнул Игриш с нового приступа тошноты, когда бросил взгляд ей за плечо и увидел там бледное лицо, по которому ручьем струились слезы.

— Слезай, а то тебе ничего не достанется! — поманила его ведьмочка, а потом повернулась к раненому. В ее пальцах блестела какая-то темная бутылочка, которую она, не мешкая, приложила к бледной щеке — несколько слезинок скатилось в горлышко.

— Слезы умирающего, — удовлетворенно произнесла она. — Редкая удача. У тебя же, наверное, и невеста есть? Любишь ее?

Юноша еле заметно кивнул. Глаза его были закрыты — казалось, он был очень далеко.

— Это хорошо, что любишь. Плакать по тебе будет, — сказала Малунья, пряча бутылочку в сапоге. — Как зовут бедняжку?

Она приложила ухо к бескровным губам — те произнесли какое-то короткое имя и застыли.

— Хорошо, — кивнула ведьмочка и уселась на корточки перед дрожащим телом. — А теперь послужи мне. В последний раз.

И вновь она сунула обе кисти в распоротый живот юноши. На этот раз тот уже не стонал, не кричал и вообще не двинул ни единым мускулом. Лишь голова упала на плечо, когда ведьмочка принялась с жадностью выгребать из живота внутренности, а потом намазываться горячей кровью.

При виде такого изуверства Игриш хотел повернуть Красотку и гнать ее куда угодно, лишь бы оказаться подальше отсюда. Но лошадь словно приросла к месту, спокойно щипала травку и не реагировала ни на какие попытки мальчика сдвинуть ее.

Ведьмочка была почти полностью вымазана в крови — лицо, шея, груди, теперь она методично и щедро покрывала ею свои сверкающие бедра и ноги. Последним местом, куда девица сунула окровавленную ладонь, оказалась промежность — она орудовала дольше прочих, почему-то мерзко хихикая.

Когда Малунья закончила свое мерзкое занятие, она повернулась к Игришу, сверкая счастливыми глазами.

— Гриш! — позвала она мальчика и подбежала к нему. — Гриш, ну что же ты?! Ведь он остывает, быстрее!

Тот был не в силах ответить ей, не мог даже закричать, когда Малунья схватила его за

руки и попыталась стащить с лошади. Сначала мягко, а потом все настойчивей.

— Ты же будущий ведьмак! — кричала она, дергая его за одежду. — Ну, Гриш, что за вид? Раздевайся!

Он подался назад, вырываясь из ее рук, и с каким-то обиженным стоном скатился с лошади. По счастью ничего себе не сломав, он приземлился на четвереньки, вскочил и побежал от нее сломя голову.

Со спины, точно от боли, взвился ветер и заметался у мальчика в ногах, словно даже стихия пыталась задержать и свалить его с ног. Вне себя от отвращения Игриш мчался сквозь ночной лес, спотыкаясь о корни и раздирая себе руки о ветки. Не знал, куда направляется, но просто бежал. Просто бежал, не оглядываясь.

Остановился он только тогда, когда сердце уже, казалось, готово было выскочить из груди.

— И зачем было так мчаться, ты чего полоумный? — донесся сзади голос ведьмочки, и Игриш вздрогнул. Следом фыркнула лошадь, и мальчик обернулся...

Она по-прежнему стояла рядом, сложив окровавленные руки на темно-алой груди, и недовольно топала сапожком. Красотка мирно щипала травку, а труп с вываленными кишками сидел на своем прежнем месте, словно тоже ждал мальчика.

— Я не хочу... — простонал Игриш, и его скрутило очередной тошнотворной удавкой. Он повернулся в попытке снова броситься бежать, но ведьмочка крепко ухватила его за руку.

— Понимаю, — сказала она ему в ухо. — Я помогу.

— Нет!

— Потом спасибо скажешь, глупыш, — закусила она шаловливую губку и напрыгнула на Игриша.

* * *

— Помер? Как помер? — голосил пан Кречет на весь двор, засыпанный пеплом. Перед ним с понуро опущенной головой стоял Ранко и ковырялся кинжалом в ногтях.

— Ну, ты же сам приказал — привяжи, мол, этого поганца к лошади и тащи к шинке...

— И ты привязал?

— Ага.

— К спине лошади?

— Нет. К хвосту.

— Да как ты, еб... твою мать, решил довести его до шинки живым, раз привязал его к хвосту лошади?

— Ну... никак. Ты ж не говорил мне, мол, Ранко этого паскудника шоб живым до шинки доvez. Я-то думал, ты его мне поиграца маленько оставил. А он, знай, так смешно дергался и попискивал, когда я его по лесу возил — дай, думаю, повожу подольше... Ну, дядька!

— Я тебе дам дядьку, ушлепыш!

Пожар не унимался до самого утра. Крыша шинки провалилась внутрь уже под утро; когда рассвело, стены прогорели практически полностью, и скособоченное строение вскоре ухнуло на бок, похоронив под собой все наследие безутешной бабки Малашки.

Сама шинка все это время сидела перед пожарищем верхом на своей знаменитой притолоке — единственном, что пережило пожар — обнималась с девками-подавальщицами и выла на разные голоса. Кречет несколько раз пытался увести баб подальше, но те голосили только громче — так что Кречет вскоре махнул на них рукой.

У казаков были дела поважнее, чем успокаивать несчастную бабенку, у которой наверняка где-нибудь припрятан клад, — как рассуждал пан Повлюк, памятуя страшную скупость шинкарской ведьмы, как в народе прозвали бабку Малашку. Вся ватага расселась на дровнях, а то и прямо на земле полукругом лицом к пожарищу, и сладко раскуривая люльки, предаваясь воспоминаниям о прежних временах, когда стены шинки еще крепко стояли на своем месте.

— Жалеешь ее, пан Каурай? — хмыкали казаки, пуская дымные колечки в небо. — Напрасно! Это ее сам Спаситель покарал, и справедливо.

— Факт! — кивал на их умозаключения пан Повлюк, который не шибко любил рассказывать, но очень по нраву ему было послушать как говорят другие.

— А то! — продолжал оратор. — Покарал за скверный характер, редкостную скупость и за то, что своего мужа, старого шинкаря — пана Бобрюка, в могилу свела. Казаки гутарют, что по молодости любила она среди ночи на спину мужу вскочить, мол, «Катай меня!», а он, дурак, и не дурак покатать на себе любимую жинку. Да так ее до самого рассвета на спине и катает, пока силы у него есть, а на рассвете бахнется без сил на кровать — она снова на него заберется и давай кровь из него сосать. А он поутру из дому выйдет, мертвец мертвецом, так исхудал после женитьбы! Вон она за несколько лет из него душу и вытрясла, захирел совсем, обабился и засох, бедолага. Говорят в спичечном коробке его похоронили, но это, видать, брешут, дурачье.

Каурай не перебивал оратора, только кивал да хмыкал на самых удивительных моментах, что распалило казака еще больше.

— А хорошо ты, пан Чубец, рассказываешь, — аж прикрыл от наслаждения глаза Повлюк. — Положительно хорошо!

— Раньше как было? — продолжали вспоминать бывшее казаки, попыхивая люльками и наблюдая как догорает их любимая шинка. — Горилка аж пенилась в чарке, когда ее пригубишь, словно тебя обухом по голове ударили — так она тебя за шкуру брала. Я Бобрюка все спрашивал: откуда ты, пан, такую славную горилку берешь? А он, стервец, только усы подкручивает да посмеивается, но тайны своей не выдает. А еще у него табак был! Добрый табак, славный табак! А нынче что? И курица не чихнет! Эх, накрылось все медным тазом, как шинку прибрала к рукам женушка Бобрюка, не успел сам пан Бобрюк в мир иной отойти. Ни тебе табака, ни сала, галушки — одно название, ни горилки приличной! — все она ее разбавляла, чтобы травить народ, старая ведьма, да и в долг перестала наливать, представляешь? Бобрюк он тебя помурижит-помурижит, да и забудет, так как человек был хороший. А эта? Все казаки в округе от ейной скупости страдали. Скверная баба одним словом, скверная!

Пока престарелые пановья припоминали Малашке все ее грехи, молодые казаки искали тела товарищей и считали разбойников. Сами они потеряли десять человек убитыми и еще столько же получили ранения. Убитых разбойников насчитали пару десятков, и это только тех, кого нашли; сколько из них было раненых, сказать было сложно, так как многих при отступлении добивали свои же или с ними расправлялись казаки Кречета во время ожесточенных стычек.

Этим временем сам голова расхаживал среди мертвецов, уперев руки в бока, и силился отыскать безрукого хозяина сабли, которую подобрал Каурай. Однако среди павших таковой его взгляду не попадался. Зато, как он выразился, «всякой вороватой сволочи в изгвазданных обносках» было хоть ложкой черпай. Многие лица он узнавал и со злостью плевал им на

рассеченные лбы.

— Так, — чесал он затылок, сбив шапку на лоб. — Обладателя того панского инструмента словно ветром унесло, а единственных пленных мы прое...ли. Прелестно! Благодарствую тебе, Ранко, ото всей души благодарствую, что так внимательно ты слушаешь старших!

— Ну, дядька!

— Не дядькой мне! Вот был бы ты чуть помладше, поганец, не стерпел бы — тут же спустил бы тебе портки и до кровавых соплей бы тебя тут отделал. Ладно бы Малашка, она бабьего роду-племени, какой с них спрос? А ты?! Фу, прочь с глаз моих! Пан Рогожа!

— Ить!

— Хватай этого остолопа, да Воробья с Повлюком и еще кого-нибудь посмышленей и найдите мне наших лошадей. До пану воеводы без лошадей возвращаться не можно.

— Я тоже пойду, — вызвался Каурай, которому до чертиков надоело сидеть тут и ждать от моря погоды. Башка с копытами фавна очевидно пропали в этом пожаре. Если ему и удастся вытащить из-под завалов остатки костей, то сделает он это не раньше утра, когда будут разгребать завалы. А пока...

— Да и моего балбеса надобно отыскать, — поглядел по сторонам одноглазый. — А то отправил его за Красоткой, а он как в воду канул — до сих пор не вернулся.

— Вот и славно, ступайте. И без лошадей не возвращайтесь, так и знай, кум, так и знай! А вы чего расселись, песье войско? Топоры в руки и за мной. Нам еще голов разбойничьих нарубить десятка два — не меньше. Пану воеводе гостинец.

* * *

Она таки добилась своего. Игриш не смог долго бороться с ней — еще и когда сам мертвец поднялся, чтобы помочь ведьмочке. Бледный обескровленный труп схватил Игриша за плечи, и они оба поставили мальчишку на колени, чтобы тот и не думал мешать Малунье срывать с него одежду и покрывать его тело кровью.

— Вот, вот так! — приговаривала ведьмочка, подставляя ладони мертвяку под живот и собирая кровь в горсть, а потом намазывая Игришу щечки. — Нечего тут стонать. Это дело нужное, это мазь!

Игриш сначала пытался кричать и умолять ее остановиться. Но крик перешел в вой, а следом в тихий стон, переходящий в безудержный плач. Ведьмочка только посмеивалась и все интенсивнее втирала кровь в его бледную кожу, напевая что-то себе под нос.

— Потом спасибо скажешь, как закончим, — кивала Малунья, пока усиленно работала ладонями. — Перевернись! Переверни его, глупого!

Мертвец исполнил приказание — хнычущий Игриш быстро оказался лежащим на животе, лицом в траве, мокрой то ли от росы, то ли от крови, обильно натекшей с трупа. Ведьмочка обхватила его бедрами и принялся втирать кровь ему в спину. Потом спустилась ниже, собрала побольше кровушки, звонко хихикнула и пустилась «намыливать» ему ягодицы.

— Не пищи, чего как капризная девочка? — ворковала она. — У тебя там уже все волоситься начало, а ты плачешь! Нехорошо, Гришик, ой, как не солидно! Так, теперь еще раз повороти эту недотрогу. Хорошо.

Последним, что она обработала, стала «мелкая, ледяная пипка», как выразилась ведьмочка, пару раз больно дернув за нее.

— Вот и все! А ты боялся, дурашка, — удовлетворенно выдохнула Малунья и положила

руки себе на колени, всматриваясь в каждую пядь своей работы. — Нравится?

Игриш лежал с открытым ртом, тяжело дышал, широко раздувая грудную клетку, и пялился куда-то в небо, напоминая гигантскую окровавленную рыбу, которую только что выбросило на берег.

— Ну да, ну да, как же ты можешь видеть себя в таком положении, — приложила ведьмочка палец к губам. — Ничего! Поднимайся. Оставь его, он сам встанет.

Но Игриш не поднимался. Продолжал лежать с глазами, полными слез, пытаясь просто перевести дыхание. Так тяжело ему было совладать с эмоциями.

— Гриш, — склонились Малунья над ним, заглянула в глаза. — Ведь это мазь. Ты сможешь летать, Гриш.

— Летать... — сорвалось с его дрожащих губ.

— Ага, — серьезно кивнула она. — Поднимайся, нам нельзя опаздывать. Мы и так уже задержались дольше возможного. Твоя сестра ждет нас.

Она мягко схватила мальчика за руку и помогла подняться. Игришу было нелегко устоять на подкашивающихся ногах, ему было холодно и до жути противно. Липкая, еще теплая кровь капала с его носа, попадала на губы и стекала по ногам. Ему было холодно. Мальчик понуро подхватил свои шаровары с рубахой и завязал узлом на бедрах.

Ведьмочка подняла его на смех. Но другой одежды у него не было. Коробочка больно колола ему бок. Выкинуть бы ее к Сеншесу.

— Залезай, — Малунья была уже на спине Красотки и дергала его за плечо. — Залезай же, ну!

Игриш повиновался, хоть ему было и нелегко забраться на спину кобыле — он был скользким, словно слизень, и ноги постоянно соскальзывали с ее хребта. Наконец, он справился и прижался спиной к обнаженным грудям ведьмочки, которые двумя острыми клинышками уперлись ему в лопатки.

— Молодец, — обхватила она его руками и поцеловала в шею. — Но! Пошла!

И Красотка выполнила приказание, стоило только ее сапожкам хлопнуть кобылу по бокам. Она почти сразу пустилась рысью и перешла в галоп, так что Игришу, чтобы не навернуться, пришлось вцепиться ей в гриву. Он боялся сделать лошади больно, но той было все равно — Красотка самозабвенно стучала копытами по траве, унося обоих куда-то во мглу.

Скоро тени разбежались перед ними, впереди зажегся призрак пылающего месяца, а твердая земля внезапно оборвалась каменистым утесом. Игриш не успел вскрикнуть и зажмурился в ожидании, когда ветер взвывает в ушах.

Ветер и взвыл, но они оба продолжили крепко сидеть на спине Красотки, вцепившись в ее пахучую гриву. Ведьмочка за его спиной радостно захохотала и распростерла руки, Игриш лишь осторожно приоткрыл глаз, опасаясь наихудшего. Голова пошла кругом и он чуть было не полетел вниз. Зрелище, которое он увидел перед собой, было умопомрачительным.

Красотка мчалась вперед, энергично работая копытами, а внизу удалялась и удалялась земля, постепенно становясь все меньше, и так до тех пор, пока не превратилась в сплошное темно-синее покрывало, затянутое предутренним туманом. Над головами грозно смыкались тучи, метался разбойник-ветер, раздувая пушистые волосы ведьм, которые слетались со всех концов неба и кружили вокруг небесных всадников.

— Гриш! Гриш, погляди как красиво, Гриш! — кричала ведьмочка вне себя от восторга. — Открой же глаза, глупый!

Чем выше они поднимались, тем меньше Игриш боялся этой головокружительной высоты, которая с каждым шагом Красотки становилась все невероятней. Он с тоской взирал на черную колючую землю, которая простиралась под ними, но скоро и она исчезла, и мальчик забыл о ней, всецело отдавшись ветру и неистовой пляске. Несмотря на то, что вся одежда болталась у него на бедрах, ему не было холодно. Их с Малуньей согревало какое-то детское счастье.

Месяц подмигивал сквозь ключья продранных туч, в которые они окунулись с головой, заливал белые тела ведьм золотистым сиянием, пока те плясали в его лучах, насвистывая во всю мощь своих легких. Среди них был даже летучий ковер, громадный хряк и пара ступ. И в центре этого хоровода, отбивая копытами облака, сквозь марево и завывающий ветер неслась Красотка, размахивая угольно черной гривой и хвостом.

Ковер подлетел ближе, раздуваясь как парус, и Игриш увидел на вышитом разноцветном полотне трех светловолосых женщин, которые любили друг с дружкой, томно постанывая и зарывшись в подушки. Игриш покраснел, когда их полуприкрытые глаза заметили всадников, и постарался отвернуться, но они уже кричали им с Малуньей, дергали Игриша за ногу, пытаясь стащить его со спины лошади. Со смехом Малунья помогла им заволочь упирающегося мальчишку на ковер, где его уже ждали горячие объятия.

Не успел Игриш плюхнуться на мягкий ворс, как женщины набросились на него и принялись терзать, словно он был куском мяса. Мяли, кусали, гладили и душили своей мягкой плотью. Мальчик страшно перепугался, когда они схватили его за самое сокровенное. Не в силах сдерживаться, он откинул голову назад и едва не взорвался.

Женщины смеялись и целовали его так, как Игриша не целовали никогда в жизни. Мальчику было хорошо, но отчего-то ужасно обидно.

Еще чуть-чуть и над ними зажглись звезды. Ковер поднялся выше облаков, туда где сверкало звездное полотно. Там их в окружении пары серебряных ведьмаков ждала Маришка.

— Ну что, Гриш, — сияла она добродушной улыбкой. — Теперь ты понимаешь, что значит быть свободным?

Игриш хотел ответить, но слова как будто застряли в горле от того неопишуемого блаженства, который переполнял его. Так что он просто кивнул.

— Хорошо, — кивнула Маришка, подлетая к ним вплотную. — Значит, теперь ты готов. Не произнеся более ни слова, она схватила мальчика за руку и сбросила его с ковра.

Лошадёв, как выражался пан Кречет, носилось по округе достаточно, чтобы никто не усомнился, что их отправили слоняться по лесам почем зря. С десятков сбились в табун и мирно себе щипали траву, дожидаясь прежних хозяев. Иные стягивались к ручьям, решив промочить горло, а то и сами возвращались на пепелище, когда переполох немного улягся. Для тех лошадемок, кто упирался, у казаков был припасен аркан. Ранко оказался лихим ловцом и с одного-двух бросков набрасывал петлю на шею особо ретивым скакуньям. Они с другим парубком — Абаем, коротконогим степняком, который правил лошадьё без рук — носились по округе и хватали одну лошадь за другой. В конце-концов, у них вышло что-то вроде соревнования.

Пан Рогожа только знай себе посвистывал да удовлетворенно попыхивал люлькой, радуясь, как ловко молодые казаки орудут арканом, и что самому Рогоже не нужно ничего делать.

Оставалась одна беда — день уже перевалил за середину, а ни в одной кобыле они так и не признали Красотку, не говоря уже о Грише. И это не могло не беспокоить одноглазого. Лошаденка, которая досталась ему, была никудышная, и Каураю пришлось отправиться налегке: арбалет, штыки, доспехи и прочее барахло, пришлось оставить казакам Кречета. Одноглазый забрал с собой только трофейную саблю да Куроук.

— Быть может пацан уже вернулся? — предположил Ранко, передав заарканенную лошадь пану Воробью, который увозил партию пойманных скакунов обратно к шинке.

— Тогда мы бы об этом уже узнали, — вздохнул Каурай, поглядывая по сторонам. Учитывая, что Воробей с Повлюком сделали к этому времени с десятков ходок туда и обратно, а новостей все не было, следовало признать очевидное — с мальчишкой что-то случилось.

— Глядь, Повлюк возвращается! — воскликнул Ранко, когда из-за деревьев показалась верховая фигура пузатого казака.

— Ну, что говорит Кречет? — спросил Рогожа. — Сходится число лошадей?

— Куда там, — покачал головой Повлюк, сдерживая разгорячившегося коня. — Он, мол, пятка еще не хватает.

— Так пусть посчитает пойманных лошадей колядников в учет пропавшим! — покачал головой Рогожа с его недогадливости. Но Повлюк только махнул на это:

— Ну и я ему о том же.

— А он?

— А он — не можно, гутарит.

— Тьфу!

— Лошади-то казенные! — развел руками Повлюк. — Да и дюже дохлые у колядников лошадемок, пан Рогожа. А конюший нам головы поснимает, ежели мы вместе животины, которую он как облупленную до хвоста знает, приведем ему сие недоразумение — факт!

— Добро! Будем искать дальше, чаго сделаш, — вздохнул Рогожа и обвел задумчивым взглядом пустующие просторы. С каждой ходкой округа все больше скудела на лошадей, и нынче они уже не представляли в какую степь им направлять копыта.

— А можа, пан Рогожа? — почесал затылок Повлюк, — разобьемся на группы да порыскаем в порожних сторонах? Ты, Абай да Ранко скачите в одну сторону, а мы с паном

Каураем дождемся Воробья и повскачим в другую. Неча нам тут куковать. У нас сроку до вечера!

— Заметано, дорогой мой Повлюк! — обрадовался Ранко и расплылся в белозубой улыбке. Парню жуть как осточертело общество постоянно ворчащего пана Рогожи, и он давно искал повода как-нибудь от него отделаться. — Токмо, дядька, дозвожь мне с паном Каураем по округе порыскать. А то у Повлюка лошадь на последнем издыхании уж. Не угонится за мной поди. Загнал он ее.

Это было правдой — взмыленная разбойничья коняга под задом тяжеленного Повлюка, который ни на миг не расставался со своей бомбардой, еле переставляла копыта и еще одной погони за неугомонным Ранко едва ли выдержала бы. Каураю досталась кобыла куда свежее — сам словил ее в лесу и выковыривал из седла останки разбойника, которого ранее рассек мечом. Седло до сих пор липло к заднице, залитое кровью и еще чем-то зловонным.

— Но-но, малец, — погрозил ему пальцем Рогожа. — Ты не думай, шо я тебя на гулянку какую отправляю! Шоб оба к вечеру к шинке вернулись! Как штык!

— Да далася вам эта шинка, шо вы там на углях сидеть вздумали? — прыснул Ранко. — Хватайте лошадей с барахлом и ежайте до пану воеводы, а-то вас там бабка Малашка живьем в мялке скрутит. Мы с паном одноглазым догоним.

— Ты чего решил поперек Кречетова слова пойти?! — заводился Рогожа.

— С каких пор ты, дядька, так до мнения Кречета так охоч стал?

— С тех пор как его пан воевода в головы назначил, — замахнулся на него Рогожа нагайкой. — А не много ли в тебе гонору, малец? Розог захотел?!

— Розог нам не можно, пан, еще лошадей искать до самого вечёру. А с розгами в седле не усидишь. Прощавай, пан Повлюк! Прощавай, пан Рогожа! Догоняй, одноглазый!

— Ух, дьявол! — сплюнул старый казак вслед умчавшемуся Ранко.

Каурай кивнул Рогоже с Повлюком и пришпорил свою лошадь, скорей устремляясь за Ранко, пока тот не пропал из виду. Ему и самому становилось невмоготу таскаться за медлительным Рогожей, а им вдвоем с Ранко будет куда проще отыскать Красотку с Гришем. Если оба еще живы, конечно.

Впрочем, обрадовался он рано, ведь за Ранко, который наконец вырвался из силков дядькиного надзора, угнаться мог лишь сам черт. Молодой казак знай себе подгонял коня нагайкой, привстав на стремянах, и Каураю пришлось изрядно помучить свою хилую лошаденку, чтобы не оторваться от него.

Отъехав от казаков достаточно далеко, парень натянул поводья, и его коняга пошла легкой рысью.

— Ну, пан одноглазый, — хитро глянул на него Ранко из-под густых черных бровей, когда Каурай таки поравнялся с ним. — Нелегко было за мною угнаться?

— Куда спешить? Мы еще вволю покатаемся, не загонял бы ты коня раньше времени, — заметил ему Каурай, пуская лошадь бежать рядом с ним. — А то век за моей Красоткой не угонишься.

— Да сбегла твоя панская кобыла, зуб даю, сбегла, — рассмеялся Ранко. — Сел на нее твой дружок и поминай как звали. Или поди сам ее у кого-нибудь увел? Признавайся, не выдам.

— Красотка моя до последнего волоска на холке, — покачал головой Каурай. — Не случалось и дня, когда она подводила меня. Характер у нее скверный, этого не отрицаю, но когда дело серьезней некуда — нету вернее друга. Не могла она сбежать. Бродит где-то. Если

ее саму кто-нибудь не увел, но тогда он с нею намается...

— Дружок твой? Как его там... Груш?

— Гриш, — хохотнул одноглазый. — Он тоже не сбежит. Он мне слово дал.

— Слово? — хмыкнул Ранко. — Эх, пан одноглазый, ежели бы слово для людей хоть чего-то да стоило, жизнь пахла бы цветами, а не этим, что у лошадей из зада порой вываливается. Чего хошь бери, ежели он не убежит!

— Увы, трусоват он, чтобы решиться сбежать в никуда, да и зачем ему? Он сирота, дома его лишили, сестру убили, друзей убили — некуда ему бежать. Разве что к самому Баюну?

— О, нет, — ухмыльнулся Ранко. — Этот его разве что наложницей своей сделает, и то скажет — дюже тощая девка. В разбойнички народ лихой и отчаянный подается. От поборов в основном, войны и всяких разных притеснений. Вот как война Крустника началась, поплыли в леса дезертиры, хотя там и без них швали всякой по горло, которым на жопу свою приключений нема, вот они себе места на белом свете найти не могут, мыкаются. Твоего мальчишку там печальная судьбинушка ожидает. Хотя, слышал я, они вроде с Бесенком ночьку провели. Может он его и подговорил...

— Бесенок уже никого не подговорит.

— Что же убили его разбойники?..

— Нет, не разбойники, — покачал головой Каурай. — А тот кошка, про которого я вам в шинке рассказывал.

— Врешь?!

— Я видел, как он вынес мальчику в зубах из огня. А следом проглотил, облизался и был таков. Не успел я ничего сделать. Зараза...

— Эх, — покачал головой молодой казак. — Бедняга Бесенок... Ну, ничего, — прыснул следом он. — Оклемается!

— Ничего?..

— Покатается в желудке у того кошки и вернется! Бесенку в не меньших переделках случалось бывать по своей неотесанности. Всего я не знаю, но слышал предостаточно.

— К чему ты клонишь?

— А вот к чему! Раз ты гутаришь, мол, проглотил его живьем тот котик, то и волноваться нечего. Кошки они жертв сразу не глотают. Сначала порвут на мелкие клочки — зубками-зубками их! А потом уже да. А этот, как ты говоришь, вынес из огня? Ха! Не родился еще тот кошка, который по доброй воле в огонь бросится! А этот рискованный. Видно, охраняет нашего Бесенку, бес. Ох, и впору ему прозвание его.

— Хмм... — задумался одноглазый. — А ведь, как бы дико это не выглядело, юный Ранко. Но ты прав. И вправду. Кошки мышей не глотают.

— То-то и оно, пан. Но тут вопрос — и чего Бесенок той твари так полюбился?

— Это мне хотелось у вас узнать. Вы пацаненка знаете как облупленного.

— Бесенка хорошо знает только сам Бесенок, — ухмыльнулся Ранко. — Да еще и панни Перепелиха, у которой он с младства в нахлебниках жил. Но выкинула она его, как нашкодившего котенка, когда шалопаи подрастать стал, да лишком баловать. Его Горюну в подмастерья и отдали, но с ним он тоже как кошка с собакой — пытался кузнец его уму разуму учить, но все без толку. Бесенок в кузнице, похоже, бывал реже, чем свежий воздух. Вот засранец теперь и Сеншесу дорожку перешел.

— У вас видимо-невидимо этих тварей, судя по разговорам. С чего так?

— Факт! как любит говаривать дорогой мой Повлюк. А с чего — пес его разберет. У нас

постоянно какая-то чертовщина меж хуторами ползает. То призраки по полям расхаживают, то коты с телятками размером на метлах с ведьмами обнимаются, то кабаньи головы в дома к людям лезут. Вот сидишь ты вечерком, и тут стук в дверь. Открываешь, а снаружи вроде и никого. И тут эта тварь тебя как с ног собьет и давай кусать, пока до слез не доведет. И повезет, если ее хозяин неподалеку окажется, а то и до смерти загрызть может. Рассказывают, мол, к Повлюку нашему однажды такая злобная харя наведалься, но не смогла ему ничего сделать — он парень здоровый и мяса у него на ногах порядочно припасено. Зубы она об его икры пообломала, а он, гляди, не стушевался — взял да и сам ее грызть бросился. Видать, страшно толстяк голодный был! У него за печкой до сих пор трофей валяется. Сам показывал. Засолил.

— Чудеса...

— А то! Иногда и огненные колеса можно на дороге встретить. Но тогда быть беде. Говорят, что тех, кто у нечистого заступничества просит, рано или поздно, сама нечистая сила и сгубит. Я так рассуждаю: ежели одни чудища за бесенка горой, а другие всячески пытаются Бесенка сожрать, значит по уши влез наш пострел в какие-то темные дела. С Бесенка станется, он был парнем тронутым, помимо всего прочего, а то что он колдовать выдумал с горюшки — ничего удивительного. В ведьмаки, гутарят, всегда уходят самые убогие и зачуханные.

— Не от хорошей жизни, это ты прав, — кивнул Каурай. — Потому и растет их число, как на дрожжах... Но все же, есть идеи, куда еще могла податься Красотка?

— Окромья лугов да речушек? Знамо куда — жеребца себе искать! Чтоб отодрал он ее маленько, пока мы тут с тобой кумекаем, в какую сторонку нам податься. Это она у тебя почему вечно сердитая такая? А потому, пан одноглазый, почему и любая кобыла — отодрать ее надо, чтоб слюни из глаз полезли, тогда она глядишь и поподобреет. Вот ты свою подружку постоянно на привязи держишь, воли ей не даешь. А то драли бы ее по одному жеребцу каждый божий день, она, глядишь, и не убегла бы. А так — гляди, ищи ветра в поле, а кобылу на х...ю! Это первое дело для любой холеной кобылы — жеребца себе найти, помяни мое слово, одноглазый.

— А ты, я гляжу, специалист?

— Кто? Спей...

— Знаток в общем?

— А кто их, проклятых не знает! — сгоряча ударил Ранко плеткой себе по сапогу. — Шоб их удержать, крепкая рука нужна, чтобы осаживала, когда суть бабья верх возьмет. Да подарочки еще, удовольствия всякие, чтоб опять же одного тебя она любила. А какое тут может быть удовольствие, раз ты ее постоянно по собственным нуждам таскаешь. Эх, брат!

— Я что-то потерял мысль. Мы про кого, про лошадей или про женщин?

— Про лошадей. А ты думал?

Каурай откинулся в седле и от души рассмеялся словам свирепого молодого казака, который важно тараторил, рассевшись в седле, и знай подстегивал свою лошаденку на каждое острое словцо.

— Так мы ее до старости искать будем, милый Ранко, — вытер слезы одноглазый. — А так, глядишь, и махнем рукой и поедем искать себе новых лошадей.

— А эти чем тебя не устраивают? Я-то свою кобылку тоже потерял, вот и не знаю даже, в пожаре та погибла или сбежала куда, иль может ее увели у меня, пока мы там в дыму ползали, усы кусая да локти. Я еще пытался свою в конюшне отыскать — побродил,

побродил да бросил. Они там все в одну кучу слиплись — потоптанные да обугленные, не узнать. Может и твоя там полегла?

— Нет, видел я ее, когда лошади из конюшни выбегали, но в суматохе поймать не смог. Здесь она где-то бегает, стерва. И Гриш...

— Не найти нам, ни кобылы твоей, ни пацаненка твоего, — вздохнул Ранко. — Хотя постой... Знаю я одно местечко, где верно можно отыскать твою лошадь да и мальчонку заодно! Или, по крайней мере, точно удостовериться, что их там точно нету.

— Что за местечко? Выкладывай.

— Все мое время, — загадочно скосил глаза молодой казак. — Сначала мы с тобой, одноглазый, уладим одно дельце.

— Дельце? Я заинтригован, Ранко. Какие у нас меж тобою могут быть дела?

— А так... Не догадываешься?

— Нет, ни одной догадки.

— Что ж, тогда не отставай!

И с этими словами Ранко хлестнул лошадь нагайкой и отправил в галоп. Каурай выругался, но тоже подстегнул свою кобылу. И чего вдруг взбрело в голову этому неугомонному юноше?

Они проехали по дороге еще немного, пока Ранко не повернул коня в густой лес и не утонул в нем с головой. Каурай юркнул следом, страстно возжелав схватить спутника за шкуру и вправить тому мозги. Молодой казак словно с цепи сорвался.

Но не успел он додумать эту мысль, как услышал шум воды, и перед ним открылась укромная полянка, окруженная со всех сторон густой растительностью. Ранко стоял на своих двоих и привязывал лошадь к дереву.

С подозрением оглядываясь по сторонам, Каурай натянул поводья:

— Что ты задумал?

— Ничего особенного, — пожал плечами Ранко, хитро сощурился на него правый глаз. — Просто искал хорошее местечко, где нам никто не помешает. Это подойдет. Эх, сколько я сюда девок переводил...

— Сомневаюсь, что я тебе понравлюсь... — покачал головой одноглазый.

— Ничего мы найдем, чем заняться. Спешивайся, пан Каурай! Лошадь тебе не нужна.

Каурай поднял бровь и тут же понимающе ухмыльнулся. Ранко заулыбался ему в ответ, радуясь, что тот все понял без слов. Да, у них было одно дельце.

Одноглазый привязал лошадь рядом со скакуном Ранко, спустил ножны и прислонил Куроук к дереву.

— Э, нет, пан одноглазый! — возразил Ранко, когда Каурай обнажил саблю. — Ты эту игрушку оставь. Вон тот монстр тогда был в твоей руке. Обнажи его, мил будь, и потанцуем.

— Шансы должны быть равны, юный Ранко, — покачал головой Каурай и показательно рассек взвизгнувший воздух клинком. — Сабля против сабли.

— Что думаешь, я не сдюжу против эдакой оглобли? — обиделся молодой казак. — Я тебе не фехтовальщик какой-нибудь, который только шпагой махать и научен. Я казак, одноглазый, а казаку по службе своей положено и против сабли, и против копья, и вот этой чуды-юды драться.

— Это Куроук, — кивнул Каурай в сторону своего огромного меча. — И он нас не уравнивает.

— Ха, так ты своей оглобле и имя дал, не постеснялся? — ухмыльнулся Ранко. — Ну, а

моя сабелька из простых, безымянная, но будь уверен — орудую я ей не хуже.

— Нет, ты не понял, — покачал головой одноглазый. — Ты же хочешь честного поединка? Хочешь проверить, кто из нас наиболее искусен? Вот. Значит, будем сражаться на саблях. Обнажать Куроук, чтобы просто надрать тебе задницу, это как говорит твой дядька Кречет, — не можно. Нелегкое это дело, опасное орудовать им. Да и не требует он ни доли фехтовального умения.

— А что же требуется, чтобы владеть им?

— Воля. И чистый разум.

— Загадочные слова говоришь, одноглазый.

— Вот и не напрягай голову, и не мели языком, а лучше поскорей обнажай саблю. Я уже устал ждать.

Ранко с удовольствием выхватил клинок и взмахнул им перед собой. Воздух задрожал от напряжения, когда оба воителя застыли, подняв сабли — один против другого.

— Спасибо, что не предложил нам драться на палках, — проговорил Ранко, облизнув губы.

— Нет, такого счастья я тебе не доставлю, паршивец, — ухмыльнулся Каурай и замахнулся саблей.

Ранко этого и ждал — с радостным свистом его сталь столкнулась со сталью одноглазого, залиvisto прозвенев на весь лес. Ранко сразу перехватил инициативу и пошел рубить наотмашь, одаривая противника хлесткими ударами сверху и снизу, колол и охотился на руку одноглазого, а когда сабля неизбежно натыкалась на вражеский клинок и встречала ответную бурю, сжимал зубы, уходил в глухую оборону. Сабли звенели и выли, рассекая прохладный воздух, сталкивались, высекая искры, и вращались, как крылья мельницы, каждый шаг подстерегая противников. Каурай поначалу не стремился наступать, а лишь пробовал молодого казака на зуб, позволяя ему порезвиться и показать на что способна его необузданная лихость. С недосыпу его пошатывало, так что скакать аки молодой козел у него не выходило, и он просто отбивал каждую попытку пробить его оборону, а следом колол и рубил в ответ, желая заставить норовистого козленка немного попотеть.

Но скоро пришлось вспотеть и самому Каураю.

Когда Ранко осознал, что сломать врага с наскока не выйдет, он принялся кружить вокруг одноглазого и делать обманные выпады, рычать и всячески стараться вынудить его ошибиться, чтобы закончить бой одним ударом. Дрался всерьез, сабля в его руке не обещала никаких компромиссов. Противники все упорнее теснили друг друга. Вскоре Каураю пришлось медленно отходить, шаг за шагом, парируя и отводя от себя клинок молодого казака. Сзади свою пасть раскрыл крутой обрыв, оканчивающийся небольшим бережком, где кипела водица небольшой речки. Ранко сверкнул на нее глазами и завертелся волчком, вкладывая в каждый выпад всю свою резвость и упорство. Однако на стороне Каурая был опыт. Нарочно открывшись, он поймал саблю Ранко эфесом, резко повернул рукоять, извернулся и резким ударом ноги отправил молодого казачка катиться с обрыва.

Ранко с удивленным воем слетел прямо к берегу, и только случай и подвернувшиеся под руку кусты спасли его от падения в студеную водичку. Не успел он понять, куда делся противник, а Каурай уже съезжал по уклону, сверкая заточенным лезвием, и их клинки вновь разбили тишину окрестных лесов. Ранко перекатился за спину и, не выпуская сабли из рук, выбросил острие вперед. Клинки вновь со звоном сошлись, сверкнули парой полумесяцев и ударились друг о друга вновь.

Ранко, видать, сильно расшибся, пока считал косточки на ухабистом склоне, и едва держался на ногах, постоянно припадая на колено. Он больше не рвался в бой, а только пятился и старался держаться подальше от крутого берега. Чем и воспользовался одноглазый. Напирая на ослабевшего казака, он норовил ткнуть ему в плечо и закончить уже этот глупый спектакль...

И тут прямо в висок Каураю полетел топор.

Одноглазый вовремя пригнулся, и лезвие топора пролетело мимо, обдав его колючим ветерком.

С тупым стуком оно глубоко вошло в ствол березы. Следом воздух располосовало грохочущим росчерком плети. Затихшая сабля полетела на землю, а обжигающий кнут обматывался вокруг предплечья Каурая.

— Ранко! — сверкнул оскаленными зубами неизвестный, наматывая кнут себе на предплечье, и готовясь пырнуть одноглазого ножом. — Ранко, я держу его. Бей!

Каурай не стал ждать, когда его бросят разделявать как привязанного барана — дернул кнут и сам кинулся на противника, готовясь встретить ледяную сталь грудью. Скатываясь по уклону, тот сделал отчаянный выпад, но острое нашло лишь воздух, не причинив одноглазому никакого вреда.

Нападающий выругался и попытался оттолкнуть врага, но его уже ждал кулак одноглазого. Пара ударов по морде, и неизвестный с задушенным криком покатился по траве, сверкая белками напуганных глаз. Не успел он сплюнуть кровью и нащупать потерянный кинжал, как сапог Каурая впечатлялся ему подбородок. Рухнул он как подкошенный, запоздало закрываясь руками при виде того, как громадная черная тень с его кинжалом в руках накрывает его с головой.

— Стой, одноглазый!

За спиной Каурая шуршала трава, мышцы рефлекторно рванули корпус вбок и приказывали бить врага не глядя, но разум остановил вскинутую было руку, охладил бурлящую кровь.

К нему опрометью бежал Ранко с пустыми руками — его сабля рукоятью вверх торчала из земли.

— Стой же! — схватил тот одноглазого за плечо. — Не надо!

— Почему? — спросил он и посмотрел на неизвестного, пластом лежащего на траве и дрожащего в попытке закрываться руками. Сквозь пальцы проглядывалось смуглое молодое лицо с прилипшими ко лбу кудрявыми, смоляно-черными волосами. Юнец лет пятнадцати со свистом дышал и дергался в ответ на каждое движение одноглазого, словно тот мог стереть его в порошок лишь щелчком пальцев.

Впрочем, это было не далеко от истины.

— Это друг! — все дергал Каурая за плечо Ранко, бледный как полотно.

Пару мгновений оба глядели друг на друга, пытаясь привести мысли в порядок.

— Драко, ну ты и балда! — выплюнул Ранко в лицо побитому смугляшу.

— Что?.. — подал голос тот не в силах перевести дыхание. — Вы это чего?.. Я-то думал...

— Ну и чего ты думал?! Что меня тут убивают?

— Ага... — сплотнул тот комок в горле и забегал глазами от одного лица к другому, которые еще недавно пытались проткнуть друг друга заостренным железом. — Помочь хотел.

— Ну, дурак! — сплюнул Ранко и схватил его за шкурку. — Поднимайся уже, спаситель!

— Еду я по дороге, — бормотал он. — Вижу — ты, Ранко, несешься сломя голову, как

будто за тобой Сеншес гонится, и тут же этот... — пугливо глянул парень на одноглазого, — за тобой и в лес! Ну, я следом. И слышу — железо звенит, и вы друг с дружкой...

— Ты, Драко, как в следующий раз меня спасать бросишься, спроси для начала, а оно мне надо? — прыснул злым смехом молодой казак. — А то, развлекаюсь я, а с перерезанной глоткой свалишься ты!

— Прости... — промычал смугляш, опуская всклокоченную голову.

Каурай зловеще ухмыльнулся, со всей силы вогнал кинжал в древесный ствол и пошагал искать свою выпавшую саблю. Ладонь после столкновения с бичом горела огнем и требовала перевязки. Хорош смугляш, вот тебе и помахали сабельками.

— Куда?! — бросился к нему Ранко, но одноглазый только отмахнулся от него.

— На сегодня мы закончили.

— Нет! — замотал головой молодой казак и снова поднял свою саблю: — До первой крови!

— Мы закончили, — поднял Каурай окровавленную руку. — Настроение ни к черту. Да и дел много.

— Тьфу ты! — в бессилии полоснул Ранко воздух саблей и яростно бросил ее в ножны. — Драко, чтоб тебе провалиться на этом месте, защитник хренов! Такую славную рубку обломал!

— Да я ж говорю, ехал я мимо и гляжу...

— Слышали уж, не глухие! Ну, так езжай себе дальше. Куда ехал-то?

— Тебя искал.

— Зачем?

— Ну... — замялся Драко, бегая глазами. — Тебя ищет Малунья.

— Зачем?!

— Пусть сама скажет.

В это время Каурай взобрался по склону и двинулся отвязывать лошадь. Под перепалку двух разгоряченных знакомцев он взгромоздился в седло, и, пока оба юнца продолжали собачиться, перемотал пораненную руку тряпкой, выжидая, когда Ранко уже сунет ногу в стремя и вернется к насущным делам. Но, похоже, ждал он зря.

— Где она?

— У нас. Где же еще. В таборе. Сегодня утром объявилась — словно с неба упала. Взволнованная очень. Говорит, ты, Драко, скачи да Ранко мне сыщи. А без Ранко чтоб не возвращался. Вот я и поскакал.

— Ага, прискакал, на мою голову!

— Слушай, да чего ты все ругаешься?! — разозлился смугляш. — Как будто я тебя от какого-то важного дела оторвал! Подумать можно, что ты тут с девкой милуешься! Что это за хмырь вообще? Новенький в банду Кречета что ли?

— Щас как оттаסקаю за уши! — с этими словами Ранко схватил Драко за ухо и дернул два раза. Тот беспомощно вскрикнул и вцепился казаку в руку:

— Пусти! Больно же!

— Ранко! — крикнул Каурай на двух балбесов с вершины обрыва. — Пусти его уже. Нам еще лошадей искать.

— Та неча их искать! — хохотнул Ранко и обхватил парня локтем за шею. — Драко нам их быстренько отыщет! Всех до единой, и Красотку твою тоже. Правда, Ранко?

— А?.. — отозвался смугляш, щупая покрасневшее ухо, и даже не думая вырваться из

захвата. — Каких лошадей?

— Ой, не притворяйся! Знаем же, чем вы, коробейнички, промышляете. Мы как раз с моим одноглазым другом собирались ехать в вашу сторонку. Так шо быстро влезай в седло! Не будем заставлять барона Вармея ждать.

* * *

Из-за плотной стены деревьев раздавался грохот копыт, ржание лошадей, звучали голоса и музыка — табор встречал гостей еще издалека, и первым, что они почуяли, только углядев очертания бродячего города торговцев, фокусников, музыкантов, коневодов и воришек, был запах мяса. Каурай даже пришпорил лошадь, когда его ноздрей коснулся вожделенный запах съестного. С прошлого вечера в его желудке не побывало ни крохи.

— Урчит, а, одноглазый? — хохотнул Ранко. — Ну, ничего. Сейчас, не успеешь слезть с лошади, как тебя сразу возьмут в оборот и накормят от пуза. Ты любишь запеченных ежей?

— Не особо.

— Эт зря! Хорошего ежа главное в углях не передержать. Это вообще особое искусство — правильно испечь ежа, чтобы потом иголки на зубах не попадались, а так очень вкусно. Только не говори, что тебе раньше никогда не приходилось пересекаться с этим славным народцем?

— Разве что на ярмарках. Да в порубе.

Уже на подъезде к широкой веренице разукрашенных телег и фургонов, скрепленных друг с дружкой толстыми цепями, их встретила группа мальчишек. Они закружили вокруг лошадей десятком наглых воробьишек, выпрашивая у пришельцев пару медяков и чего повкуснее. Самые храбрые просили дать подержать саблю. Ранко со смехом сунул одному из чумазых попрошаек надкусанное яблоко.

— Ранко, научи нас бросать ножи! — не отставали мальчишки, дергая казака за носок сапога и повисая на седле, чем очень досаждали лошади. — Ранко, научи!

— Боюсь, мне ваши мамки за такое по шее надают, — смеялся Ранко, бесцеремонно отпихивая мальчишек сапогом, что их только раззадоривало — они порывались ухватить его за ногу и повиснуть еще и на ней, из-за чего казак чуть не свалился на землю. Драко же оставил их и поспешил на территорию табора, и его кудрявая шевелюра растворилась в массе цветастых полотен.

Каурая детишки лишь щекотали своими любопытными глазками, но пока боялись подходить слишком близко, не говоря уже о том, чтобы трогать Куроук, к которому их глаза тянулись словно намагниченные. Однако с каждым пройденным шагом их боязливость все скорее улетучивалась, и они подбирались к его «игрушкам» все ближе. Одноглазый от греха прикрыл клинок плащом, чтобы лишний раз не искушать смелость малышни.

Ранко, видя его осторожность, только потешался:

— Глаз да глаз с ними! Гляди, как бы твой Куроук не уперли, пострелята. Им поди палка подлинней нужна — яблоки сшибать!

За круг телег они проехали без приключений, ощущая на себе подозрительные взгляды вооруженных людей с луками и копьями. Особенно пристально темные глаза вглядывались в одноглазого, который слишком уж сильно выделялся на фоне ярких шатров и босоногих детишек.

Оказавшись за «стенами» города в окружении шатров и дымных костров, Ранко с коня попал прямо на руки к местной детворе, которая принялась тащить его в разные стороны и едва не порвала ему шаровары.

— Потом! Потом, говорю, неугомонные! — то ли смеялся, то ли сердился Ранко, отпихивая их и подводя лошадь к коновязи. Тут же рядом оказался чернобородый мужчина и радушно поздоровался с казаком. Следом он принял у Ранко саблю, и они оба скрылись в шатре. Наружу казак вылез уже гол как сокол — пустые руки да широкая ухмылка.

Следом мужчина подошел к Каураю и требовательно кивнул на его железо.

— Не бойсь, — приглашающе поднял молодой казак полу шатра, видя, что его спутник не спешит расставаться с оружием. — У своих не утянут.

— А ты здесь свой, как я погляжу?

— Помог им как-то, — кивнул молодой казак. — А они привыкли платить за добро добром. Так что можешь смело разоружаться. Они, конечно, подворовывают иногда, — прибавил он ему на ухо, — но больше у тех, кто им не нравится.

— Я бы предпочел не разбрасываться вещами.

Услышав эти его слова, чернобородый мужчина лишь отрицательно покачал головой.

— Увы, мой одноглазый друг, — вздохнул Ранко. — Это их закон — никакого оружия в кругу телег. Здесь святая земля, куда пускают только родственников или друзей, с которыми они хотят либо торговать, либо вести беседы.

— А что нельзя вести беседы, держа оружие при себе?

— Нет, а то они обидятся.

Мужчина закрыл глаза и кивнул, подтверждая слова Ранко. Каурай с сомнением поглядел на непроглядную темноту шатра, тяжело вздохнул, подхватил поклажу и сунулся внутрь, приподнимая повязку с «ночного» глаза. Его встретила гора мешков и ящиков, сваленных, как бог на душу положит. Тут же на столе примостилась и сабля Ранко, пара ножей, аркан, кривой лук и колчан со стрелами. Рядом было небольшое пространство, куда одноглазый уложил свою трофейную саблю. Но вот с Куроуком возникли сложности — двуручник едва не упирался в распорки, и его пришлось сунуть в самый дальний угол. Их с Ранко вещички Каурай прикрыл плащом от лишних глаз и выбрался на воздух.

Снаружи его ждал Ранко, о чем-то оживленно беседующий с детишками.

— Ага, вот и ты! — подмигнул он одноглазому, который после темноты шатра щурился от яркого солнца. — Ничего не забыл?

— Нет, — показал пустые руки Каурай. — Это что настолько важно?

— Ага, — кивнул молодой казак. — Здесь... немного не так, как вне цепи. Ни тебе оружия, ни народов, ни сословий, ни распрей. Здесь все равны.

— Так уж и все, — хмыкнул одноглазый. — А как же упомянутый тобой барон?

— Ну, должен же кто-то управлять эдакой оравой, — пожал плечами Ранко и взлохматил шевелюру одному из мальчишек. — К тому же они сами выбирают себе главаря, а не просто сажают на трон молодого высокородного пропойцу, когда помрет старый. Это древний обычай, который идет, говорят, еще со времен Эпохи цветов. Дикий народ, однако!

— Интересно, — Каурай огляделся по сторонам — от обилия цветастых шатров, бус и пышных юбок уже начинало рябить в глазах, а от навязчивых запахов пряностей и пыльных ковров хотелось чихать. — Откуда же тебе известно про Эпоху Цветов?

— Говорю же — древний обычай.

— Нет, я не про это. Эпоха Цветов не то название, которое известно каждому встречному-поперечному рубаке. Удивляешь, Ранко. Интересуешься историей?

— Да нет, — смутился молодой казак. — Просто люблю поболтать на разные темы.

— История? Религия? Военное дело?

— Не без этого... Гляди!

С широченной улыбкой он ткнул пальцем куда-то в сторону, где ухо встретило лошадиное ржание, разозленные восклицания и ругань. Каурай проследил за его пальцем, выругался и, забыв про все на свете, он поспешил меж шатров к деревянному забору, где вздувались вспотевшие рубахи злющих мужиков и чернела конская шкура.

Очень знакомая шкура.

Несчастную Красотку скрутили сетью арканов и пытались удержать на месте силами аж четверых здоровых мужиков, но та отчаянно сопротивлялась и норовила затоптать каждого, кто посмел подойти к ней слишком близко. Еще трое держались поодаль, качали головами и давали советы, но все без толку. К тому моменту, как к ограждению подошли Ранко с Каураем, один из таборщиков катался по земле с пробитой головой, из которой во все стороны брызгала кровь. Спасать бедолагу из-под копыт к нему бросились сразу двое его товарищей, перебирая всех чертей с матерями, святых и смелых заступников.

— Адская тварина, — донеслось до уха одноглазого восклицание людей, которые и не думали пересекать ограждение. — Такую поди удержи, не то что оседлать и заставить слушаться! Эх, и зря Гарон с ней возится. Такую только на колбасу!

Красотка снова угрожающе заржала, раздувая ноздри, дернула головой, и тут на глаза ей попался Каурай.

— Эй! — крикнул он. — Это моя лошадь!

Сразу с десятков голов повернулось в его сторону, когда при виде хозяина кобыла радостно заржала и взвилась на дыбы. Отвлечшиеся мужички с испуганным воем полетели в разные стороны, и лишь чудом им удалось избежать побоев.

Когда одноглазый перемахивал через изгородь, на земле барахталось уже трое неудачливых коневодов. Они намертво вцепились в веревки и из последних сил пытались сдержать бурный нрав Красотки. Необузданная кобыла снова скакнула на месте, вырвала веревки из вспотевших рук, и с единственным упорным таборщиком, который тащился за ней по земле, ругаясь на чем свет стоит, подскочила к одноглазому.

— Здравствуй, дорогуша... — прошептал одноглазый, поглаживая ее по шее. — Навоевалась?

Красотка только обиженно всхрапнула ему в лицо влажным дыханием и ткнулась в лицо — вот, не видишь что ли?..

Униженные таборщики медленно поднимались с земли, отряхивали штаны и озадаченно поглядывали на враз присмирившую кобылу, с которой они мучились, наверное, с самого утра.

— Эй! — крикнул таборщик, который хватался за веревку до последнего. Плотный загорелый черноусый мужчина с поседевшими волосами и косящим глазом. Широкая черная рубаха вся пропотела и липла к его телу. — Ты кто такой? Отойди от моей лошади, чужак!

— Твоей лошади, говоришь? — одноглазый даже не поглядел в его сторону. — Я и гляжу, как ты умело управляешься со «своей лошадью». Еще чуть-чуть и «твоя лошадь» раскроила бы тебе черепушку. Как вот этому.

Он указал на мужичка, который все лежал на траве, охал, вращал глазами, пытаясь прийти в себя и остановить кровь. Его уже вводили подальше от взбесившейся лошади.

— Какое твое дело до того, как я управляюсь с моей лошадью? — не унимался пленитель Красотки. — Ты кто вообще? Кто пустил незнакомца за цепь?!

На крики начали стягиваться остальные мужчины и женщины табора, настороженно поглядывая на Ранко с Каураем.

— Я повторяю, чужак, отойди от моей кобылы! Мне ее честно лес подарил!

— Кто? — хмыкнул Каурай и хотел уже посмеяться над ним, но в разговор влез Ранко:

— Лес, — снисходительно улыбнулся молодой казак. — Нашел он ее в лесу. А значит, ему ее лес подарил. Таков их закон, одноглазый. Кто нашел — берет себе.

— Да-да, точно! — кивнул ему косоглазый таборщик. — Правильно говоришь, Ранко. Это ты привел в табор этого одноглазого невежду?

— Ничего себе подарок, — удивился одноглазый. — И давно в лесу лошади как яблоки собирать можно? Не думал ли ты, добрый человек, что эта лошадь может кому-то принадлежать?

— Ты не знаешь наших законов, чужак! — поднял палец таборщик и снисходительно покачал головой. — Если ты потерял свою кобылу — что ж, значит это твоя вина, и лошади с тобой было худо. И она пришла ко мне — значит, лес одарил меня. Не глупи, отойди от моей лошади.

— Увы, — развел руками Ранко. — Это их древний закон — нашел-потерял.

— Ранко, на чьей ты стороне?!

— На стороне здравого смысла, — хохотнул таборщик. — Ранко хороший парень — знает чужие обычаи и не выпендривается, как некоторые. Так что отойди от кобылы и не мешай. Я найду способ научить эту дурочку послушанию!

Но одноглазый не сделал и шага в сторону:

— Хм... Хочешь попробовать помешать мне уйти отсюда со своей собственностью, так?

— Что? Ты грабишь меня? Среди бела дня? — выпучил глаза таборщик и обвел окружающих пораженными до глубины души косыми очами. — Он хочет ограбить меня посреди табора, а, люди?! Меня, Гарона! В моем родном таборе!

— Может быть, мы сможем как-то договориться? — примирительно поднял ладони Ранко. — Мой друг очень привязан к этой лошади, и он вполне мог что-нибудь дать тебе в обмен на доброту. Подари ему лошадь, а он подарит что-нибудь тебе. Это будет честно и благородно.

— Ха! И что может такой оборванец как он предложить мне взамен такой замечательной лошади, а? — вскинул подбородок таборщик, назвавшийся Гароном.

Красотка только фыркнула в его сторону.

— У нас есть другая лошадь, — предложил ему Ранко. — Пойдем, дорогой Гарон, и мы покажем тебе ее.

— Что? У вас есть лошадь, способная поспорить в стати с этой вороной кобылой?

Ранко терпеливо указал ему на лошадей, на которых они с Каураем заехали в табор.

— Вон эти что ли? — хохотнул таборщик Гарон. — Эдакой конягой только землю пахать и выйдет. Обмануть меня хочешь, Ранко?

— Может быть, сгодится пара монет в придачу? — растянулся молодой в приглашающей улыбке. — Сколько ты хочешь, чтобы покрыть твои неудобства?

— Не продается! — отмахнулся Гарон, как будто рассекая его предложение надвое. — Да и нет у этого горбуна таких денег, чтобы заплатить за такую хорошую скакунью. Ты только погляди на него? Ежели он продаст все вплоть до своих сапог, то сможет заплатить разве что за ее копыта и хвост!

Толпа разразилась радостным хохотом. Смеялся и Гарон, довольный удачной шуткой, — сощурившись, похрюкивая и схватившись обеими руками за живот. Не смеялись только Каурой с Ранко, которым было явно не до смеха.

— Дорогой мой, юный Ранко, не носи чепухи, — поморщился одноглазый, когда они закончили веселиться. — Я не собираюсь платить ему ни гроша за то, что он где-то

заарканил Красотку, а теперь торгуется за нее как последний плут. Пусть забирает ту кобылу, на которой я приехал, и катится к Сеншесу.

— Это кто это плут? Я? — покраснел от злости Гарон. — Да как ты смеешь оскорблять меня посреди табора, грязная, вшивая скотина!

— Поосторожней, пан, — свернул глазом Каурай. — Как бы тебе самому не поплатиться за резкие слова.

— Ранко, ты чего замолк?! — сверкнули из толпы белыми, довольными зубами. Люду страшно нравилось сие представление, и таборщики даже посвистывали в ответ на каждую реплику.

— Айда, ребят, наломаем ка им обоим бока! — крикнул кто-то из таборщиков, но его предложение никто не принял.

— Да он еще и сам пытается увести у меня мою лошадь! — распалялся Гарон, поглаживая бороду. — И называет меня плутом!

— А что если, — предложил Ранко. — Он отдаст тебе что-нибудь из других вещей, которые он оставил при входе?

— А что он мог оставить? — хмыкнул Гарон. — Свои грязные портки, чтобы не смущать честной народ?

— Я думаю, ты сможешь выбрать там что-нибудь, что удовлетворит твой аппетит. Найдешь какую-нибудь саблю и продаешь ее куда дороже Красотки, с которой все равно вам не сладить. Я видел, как эта милая лошаденка свалила пятнадцать человек прямо в реку и как ни в чем не бывало сбежала под руку к этому самому человеку, к которому ты так непочтителен. Он единственный ее хозяин, а ты всего лишь впустую тратишь время. И деньги.

— Нет такой лошади, которая бы ослушалась Гарона! — сжал таборщик кулачищи. — Нету на целом свете!

— Кажется, одна есть... — мрачно проговорил Каурай, заглядывая ему прямо в глаза. — И тебе лучше оставить этот бесполезный спор. Эта кобыла, если раззадорится, легко может откусить тебе голову. И вопрос денег сразу отпадет.

— А она уже пооткусывала! — заметили в толпе. — Уже троих покусала, один до сих пор оправиться не может. Смотри, Гарон, как бы тебе не прогадать. Бери деньги, пока предлагают!

В ответ на эти слова местные одобрительно загомонили. Но жадный пан Гарон был не лыком шит:

— А ну молчи, кто ты там есть? Любитель чужаков и всякого рванья, которое приходит в табор грабить честного человека! Не хватало нам кречетовых людишек, которые горазды пощипать нашего брата, так я еще должен стелиться перед этим... этим... Одноглазым прощальгой с большой дороги!

— Так, что за шум? — раздался властный голос в толпе. — Разойдись! Разойдись, кому велено?!

Люди начали расступаться перед высоким, престарелым мужчиной с окладистой седой бородой и крючковатым, орлиным носом. Простой и практичной одеждой он мало отличался от окружающих, но держался куда выше прочих.

— Что тут? Чего не поделили? — спросил он тихим, спокойным голосом, при звуках которого голоса сразу затихли. Он обвел собравшихся людей цепким взглядом, и тут же заметил Каурая. — Ты кто, дорогой?

— Это мошенник, ворюга, пройдоха! — бранился Гарон. — Не знает наших законов, а потому хотел украсть мою лошадь среди бела дня. Говори, кто подослал тебя сюда, одноглазый мешочник!

— Тихо, Гарон! — осек его старик и повернулся к Каураю. — Ну а ты чего скажешь? Для начала назовись. Не припомню такого как ты ни в пределах цепи, ни за нею.

— Можешь называть меня Каурай, — слегка поклонился одноглазый.

— Здесь не кланяются, дорогой, — покачал головой старик. — Да, Гарон правильно сказал — ты не знаешь наших законов. Зовут меня Вармей, и я барон этого гуляй-города. Зачем ты здесь?

— Я искал свою лошадь, — хлопнул одноглазый по шее Красотки. — И нашел. А этот человек утверждает, что это его лошадь только потому, что он нашел ее в лесу. Якобы нашел.

— Что?! — заорал Гарон, однако сразу же замолк и сплюнул себе под ноги.

— Молчи, Гарон, ты уже достаточно сказал! — проговорил барон и снова обратился к Каураю. — Если он действительно привел эту лошадь из леса, где честно отыскал ее, бесхозную, в зарослях, то тебе не в чем обвинять этого человека. Он чист перед общиной.

— Но...

— Никаких «но», — твердо сказал старик. — У тебя есть доказательства, что эту лошадь он увел у тебя преступным способом?

— Нет. Однако это не дает ему права владеть ею.

— По нашим законам — вполне, — развел руками Вармей. — И тебе, дорогой, следовало бы понимать, куда ты приходишь со своими обвинениями, прежде чем заявлять права на нее. Особенно внутри цепи, где люди живут не так, как за ее пределами. Мы чтим права и обязанности жителей общины.

— И я их чту, — забывшись, поклонился Каурай, и старик недовольно скривился, но смолчал. — Но я владею этой кобылой не один год и не собираюсь уступать ее незнакомому кому из-за случайности.

— Она сбежала от тебя. Ты плохо с ней обращался?

— Нет. На придорожный трактир, где мне пришлось заночевать, напали колядники и подожгли конюшню. Лошади насилу выбрались из огня и разбежались по округе. Вот так моя Красотка заплутала в лесу, где ее и нашел добрый Гарон.

— Это правда, дорогой Ранко? — повернулся Верней к молодому казаку. — Так было?

— Да, — кивнул Ранко без тени улыбки на загорелом лице. — Мы с самого утра ищем пропавших лошадей. Вот и решили проверить, не занесло ли какую случайно в ваш табор. А тут...

— Гарон, ты же сам день напролет воюешь с этой кобылой?! — крикнула из толпы какая-то женщина. — У моего мужа все лицо опухло из-за этой взбалмошной дуры!

— Ага, как же Гарон, подарили ее тебе, как же! Глядь, у нее весь бок опаленный! Видно, правду глаголет одноглазый!

— Не упирайся, дружище! В самом деле хозяин он этой стервы!

— Тихо! — прикрикнул на них барон и все разом затихли. — Если лошадь сбежала не из-за скотского к ней отношения, а со страху за свою жизнь, в чем не виноват хозяин, тогда дело оборачивается другим концом.

— Что?.. — вспыхнул Гарон. — Как ты говоришь, Вармей? Другим концом?

— Я не оспариваю твое право, Гарон, получать подарки, — обратился к нему барон. — Но, пойми, что и у этого человек есть своя правда. Ранко, ты же понимаешь, что ежели ты

сегодня соврал, то обратной дороги в наш гуляй-город у тебя не будет? Ты будешь изгнан с позором, а, возможно, даже поплатишься жизнью?

— Да, — кивнул молодой казак, не опуская глаз. — Понимаю.

— Хорошо, дорогой, — важно развел плечи барон. — Тогда поступим так. Ты, Каурай, можешь оставить лошадь себе.

— Что, как же?.. — полезли у Гарона глаза на лоб от злости.

— Подожди, — вкрадчиво проговорил Вармей. — Лошадь остается у Каурая, а ты, Гарон, забереешь себе лошадь, на которой он сюда приехал. В знак уважения со стороны Каурая. Согласен?

— Вполне, — кивнул тот, стараясь, чтобы это не выглядело как поклон.

— Видели мы ту лошадь, — хмыкнул Гарон. — По сравнению с этой, кляча клячей! Несерьезно.

— ...и какую-нибудь вещичку, которую он оставил при входе, — вновь предложил Ранко. — Так будет справедливо. Есть у моего спутника одна красивая сабля. Бери, вырчишь за нее половину лошади, и как бы не по более!

— Что ты говоришь? — на этот раз запротестовал Каурай. — Так-то ты запросто так распоряжаешься чужими вещами?

— У тебя есть идея получше?

— Ага, — кивнул одноглазый. — Мы сейчас меняемся лошадьми и разъезжаемся в разные стороны. Так будет куда справедливей, чем грабить меня под предлогом некоего местного «закона». Да и поберег бы ты свое здоровье, пан Гарон! Если попробуешь снова накинуть на Красотку аркан, она тебя точно не пожалует.

Кобыла снова фыркнула и угрожающе вздула ноздри, подтверждая слова хозяина. К его удивлению, таборщики тоже поддержали такой выход.

— Ну, Вармей... — скрипнул зубами Гарон. — Сеншес! Пусть будет по-вашему. Но тогда я найду в палатку и возьму себе что-нибудь за свою обиду, так уж и быть! Хорошая сабля, да?

— Не согласен, — нахмурился Каурай. — Моих вещей твоя рука не коснется.

— Боишься, что этот плут позарится на твой Куроук? — шепнул ему Ранко с хитрой ухмылкой. — Так вызови его на дуэль...

— Тебе бы все шутки шутить...

— Туточки два исхода, ненаглядный мой одноглазый, — сжал его плечо Ранко. — Мы на их территории и должны подчиняться их законам — так что дай этому плуту то, что он хочет. Чего тебе эта сабля? В остроге кузнец быстренько сварганит тебе новую, недорого возьмет. Или тебе любо и дальше ругаться с этими милыми людьми? С голыми руками, ты с ними точно не сладишь, брат.

Каурай в ответ едва не зарычал. Но парень был прав, как ни крути.

А Гарон, состроив трагическую мину, уже шагнул в сторону шатра с их оружием. Пройдя мимо, таборщик едва не задел одноглазого плечом, но Каурай лишь проводил спину наглеца презрительным взглядом.

— Мудрое решение, — кивнул Вармей и захлопал в ладоши. — А вы чего столпились? Расходитесь, родные, нечего тут глазеть.

Местные неохотно начали разбредаться, пожалев видно, что дело разрешилось миром, и им не удалось поглядеть, как Гарон будет начищать морду одноглазому чужаку. Или одноглазый чужак начистил бы морду Гарону — тут уж как карта ляжет.

Каурай повел спасенную и страшно счастливую Красотку к коновязи, чтобы перебросить седло ей на спину, а Ранко с Вармеем ждали Гарона у шатра и о чем-то еле слышно беседовали.

Когда одноглазый закончил с лошадьми, Гарона все не было.

— А он не спешит, — прошипел он, собираясь уже выкуривать этого разборчивого пройдоху. Ну тут полог палатки взлетел вверх и показалась побледневшая физиономия Гарона, сжимающего в пальцах трофейную саблю одноглазого.

— Ты где это взял?! — вне себя от ярости крикнул Гарон Каураю в лицо, потрясая саблей перед потрясенной троицей. — Где, спрашиваю?!

— Гарон, спокойнее... — примирительно поднял ладони Вармей, когда тот чуть ли не бросался с кулаками на одноглазого. — Что стряслось?

— Нет, пусть он ответит! — не унимался Гарон. — Где ты взял эту саблю?! Это не твоя сабля!

— Начинается... — закатил глаз Каурай и махнул рукой. — Ранко, мы уходим.

— Это сабля моего брата! — вцепился Гарон как коршун ему в плечо, но Каурай вырвал руку. — Откуда у тебя сабля моего брата?!

— В бою взял, — бросил на прощание одноглазый и хотел уже скрыться в палатке, но тут ему на плечо упала рука Вармея.

— Постой, — нахмурился старик, извлекая из ножен кинжал. Каурай выругался.

Гарон держал обнаженную саблю на ладонях и едва не шипел от ненависти:

— Ты. Убил. Моего брата?!

И вновь, привлеченные новым взрывом возмущенных криков, со всех концов табора собиралась толпа гомонящих ротозеев. Показались даже люди с копьями.

— Да повесить его, и весь разговор! — летели предложения со всех сторон. — Пусть чужак болтается на суку.

— Верно!

— Гарон утверждает, что эта сабля когда-то принадлежала его брату и обвиняет тебя в убийстве, — говорил Вармей, уперев кинжал в бок одноглазого. — Это очень серьезное обвинение. Что ты скажешь на это?

— Пусть лучше следит за своим братом, — сверкнул зубами одноглазый. — И пореже таскается за чужими лошадьми.

Дорогу ему заступила пара воинов с копьями, острия которых они направили ему в живот. Со спины заходило еще трое, отрезая путь к отступлению. Каурай мрачно сплюнул. Холера.

— Тебе, дорогой, придется задержаться у нас... на какое-то время, — проговорил Вармей и скрылся за спинами жителей, опасливо поглядывающих на чужака в кругу копий.

К Ранко на всякий случай тоже подкрадывалась парочка таборщиков с обнаженными саблями.

— К вечеру мы к шинке точно не поспеем, — горько хохотнул он в ответ на мрачный взгляд своего попутчика. — Зато удастся отведать печеных ежей.

Единственное, что табунщики не стали отбирать — это повязка. Обезоруженного и полураздетого Каурая сначала хотели бросить в яму, но потом решили привязать к колесу телеги и, чтобы одноглазый не скучал, посадить рядом злющего пса на привязи, который взрывался жутким лаем, стоило только пленнику пошевелиться.

По табору шагали прохладные сумерки, и костры дымили посередине бурлящего табора, но их жар едва доходил до того места, где ворочался одноглазый, силясь хоть ненамного расслабить тугие веревки. Положение выходило глупее некуда — теперь он мог позавидовать даже Красотке, которую с невероятным трудом, и не без помощи Ранко, табунщики все же умудрились затащить в стойло. Платой за эту победу стали увечья еще троих: одному табунщику зубастая кобыла ухитрилась откусить палец, второй поплатился сломанной челюстью, а третьему копытом разбили коленную чашечку.

После захода солнца запах съестного стал совсем невыносим, но единственное, что Каурай мог себе позволить это глотать слюни и ругаться себе под нос. Рассевшиеся вокруг костров табунщики словно нарочно гремели тарелками, дребезжали бубнами и играли на лютнях. Громче всех раздавалась мелодия из рук Ранко — молодой казак мастерски перебирал струны и на все лады распевал древние баллады, пленив уже с десятков женских сердец.

Вокруг Каурая собиралась совсем другая компания. Поначалу ему пришлось отвечать на вопросы Вармея, потом отбиваться от друзей, жены и безутешной матери погибшего. Старуха несколько раз порывалась выцарапать Каураю глаз, но крепкие руки Вармея каждый раз удерживали ее. Остальные тоже были не прочь ткнуть в него чем-нибудь поострее, но они не спешили и ждали решения барона. Гарон же прямо обещал повесить убийцу несмотря ни на что, а если тому удастся как-нибудь спастись, найти одноглазого «хоть на краю света».

Когда взрослые разошлись обдумывать его судьбу, оставив вместо себя ту злющую псину, их место заняла стайка малолетних шалопаев — тех самых, которые сторонились одноглазого на пути в табор. Однако стоило пришельцу из грозного конного воителя превратиться в побитого голодранца со связанными руками, их осторожность как ветром сдуло.

Пока светило солнце, мальчишек гоняли люди Вармея, но стоило только теням затопить шатры и телеги, кострам разгореться ярче, а ежам захрустеть на вертелах, одноглазого оставили наедине — с мрачными мыслями, щелкающими слюнявыми клыками и с летящими в него огрызками. В ответ Каураю оставалось только отбрехиваться на все их попытки сделать ему побольнее. Любимым их развлечением было запулить тяжелой картофелиной ему прямо в глаз. После пары метких попаданий, на лбу у него краснела громадная кровотокающая ссадина, а повязка сбилась набекрень. Один из сорванцов попытался даже залезть на телегу, чтобы пустить ему на макушку струю, но не успел тот спустить портки, как его вовремя спугнули взрослые. Собака тоже не давала одноглазому роздыху — если не лаяла, то пыталась подобраться поближе и укусить за пятку, и лишь привязь не давала ей распускать клыки. Все бы хорошо, но Каураю постоянно приходилось сидеть, поджав ноги, иначе он рисковал остаться без пальцев. Долго сидеть так не получалось — ноги очень быстро затекали и приходилось менять позу. Пес только этого и ждал, чтобы попробовать их на вкус.

Ночь давно вошла в свои права, стерла последние отблески солнца и погнала по койкам безжалостных мальчишек. Затихли бубны с лютнями, догорали костры, оставляя за собой черные столбы, коптящие небо. Люди понемногу расходились, забирая за собой в постели и запах съестного, и звонкие голоса с песнями. На улице таборщики оставили только холод, жужжание мошкеры и мерзкий звук, с которым пес глодал кость. Каурай тоже с удовольствием погрыз бы что-нибудь, но ему досталось только смотреть на то, как ужинает его мохнатый недруг.

Тут краем глаза он заметил какую-то настороженную тень, которая медленно и аккуратно кралась к нему вдоль линии телег, слегка пригнувшись. Одноглазый притворился спящим, чуть приоткрыв веко «ночного» глаза, и тут же распознал в ночном посетителе юного Драко. Каурай не помнил мальчишку среди своих мучителей, и тот зачем-то решил наведаться к нему отдельно от остальных. В руках он нес тарелку с чем-то съестным. Интересно.

Почувствовав неладное, собака подскочила на месте, но при виде Драко села обратно и продолжила обрабатывать сладкую косточку. Парень явно не рассчитывал, что его заметят так скоро, сделал еще пару нетвердых шагов и застыл в тени, привалившись к стене фургона. Время текло, а парень все стоял, затаившись.

— Долго собрался любоваться? — разбил тишину одноглазый.

Мальчишка ойкнул и едва не упустил тарелку при виде того, как правый глаз Каурая мигнул во мраке.

— Глазастый ты, — отозвался Драко, отлипнув от фургона и делая осторожный шаг. — Откуда у тебя этот глаз? Я тоже хочу такой.

— За такой глаз тебе придется провести жизнь в изнанке, — проговорил Каурай, — без света, без запаха и без надежды когда-нибудь выбраться. Не думаю, что ты решишься на такое из-за какого-то глаза. Хотя этот глаз видел то, что вам, таборщикам, и не снилось. Атакующие флотилии, пылающие под Оком Уробороса; сияние Черной призмы, разрезающее мрак у врат Пандемониума. И все эти мгновения...

— ...намотает на колесо вместе с твоими кишками, — хихикнул вредный мальчишка.

— Это будет завтра. Зачем ты пришел сегодня? Твои дружки уже поди видят десятый сон.

— Спросить хотел, зачем ты убил моего отца? — без обиняков выдал Драко.

— Не убивал я твоего отца...

— Убивал. У тебя нашли саблю, которая перешла ему по наследству. Все в таборе знают эту саблю. Он ни за что не отдал бы ее никому на свете.

— Эту саблю я вытащил из отсеченной кисти. И только лишь. Но я думаю, мои оправдания ты знаешь.

— Да, и они ничуть меня не трогают. Как и всех в таборе. Кто по-твоему отрезал отцу кисть, не ты ли сам?

— Возможно, твой отец порезался, когда брился...

— Заткнись, мразь, — прошипел Драко и протянул ему тарелку. — Жрать поди хочешь?

Каурай осторожно наклонился к тарелке и разглядел там что-то похожее на жареное мясо. Пахло оно тоже как мясо — этот факт подтвердила и псина, которая тут же оживилась и завозилась под ногами мальчика, выпрашивая кусочек.

Драко поднес тарелку ему под нос, чтобы тот убедился — да, это точно был зажаренный еж, обильно натертый чесноком. Знаменитое кушанье, о котором постоянно твердил юный

Ранко, легок на помине. Слюна тут же выступила у одноглазого во рту — видят все святые и смелые, он не ел ничего со вчерашнего вечера...

Но стоило ему вскользь подумать о том, чтобы сомкнуть на нем зубы, как тарелка медленно отдалась, одарив его ноздри легким запахом еле теплой снеди. Драко медленно опустил тарелку на землю и стал наблюдать, как псина тут же набросилась на ежа и принялась уплетать его за обе щеки.

— Приятного тебе аппетита, Жук, — похлопал парень собаку по спине, опустившись на корточки. — Надеюсь, ты хорошо поужинал, а?

Каурай только посмеялся такой нелепой попытке его разозлить. Он все равно и в жизни бы не притронулся к кушанью из рук смертельно обиженного на него мальчишки. Кто знает, что он мог туда подсыпать...

— Иди лучше в постель, твоя мать наверняка ищет тебя...

— Моя мать сейчас воет от горя, ей не до чего нет дела, — зашипел юноша, исподлобья сверкнув взбешенными глазами. — И виновен в этом ты!

— В том, что твой отец подался в разбойники, виновен я? И в том, что он со своими дружками решил перерезать спавших казаков в шинке, тоже виноват я? Или...

— Заткнись! — выплюнул Драко и достал бритву из голенища. — Если ты не заткнешься, я вырежу этот твой сверкающий, рыбий глазище! Будет и у меня такой глаз...

— Кишка тонка, малец! — ощерился Каурай. Собака, заметив его оскал, медленно вытащила морду из тарелки и зарычала.

— Твою клятую лошаденку мы тоже знатно помучаем. Дядька сказал, что такая норовистая скотина нам в хозяйстве не нужна, и уж если он не сможет сломать ее, то изрядная выйдет из нее колбаска! Но тебе попробовать ее уже не удастся, так как уже завтра тебя привяжут к двум березкам и отпустят полетать. Или... — он облизал губы, — может, и не стоит ждать так долго? Ну-ка, Жук...

С этими словами он схватил рычащую собаку за ошейник и подцепил ее привязь лезвием бритвы. Псина плотоядно заурчала, напрочь забыв о недоеденном кушанье. Перед ней сидела жрачка покрупней...

— Драко... — раздался голос у парня из-за спины, и тот подпрыгнул на месте.

Рядом с опешившим Драко возвышалась широкоплечая фигура Ранко. Молодой казак слегка улыбнулся ему, но его глаза смотрели строго. Собака глянула на нового посетителя, разочарованно гавкнула и вернулась к своему позднему перекусу.

— Пойдем уже, пора спать, — мягко проговорил казак и попытался увести Драко, но тот отбросил его руку со словами:

— Да пошел ты! Ты тоже не лучше этого! — воскликнул он и бросился бежать, на ходу вытирая слезы.

Ранко проводил его взглядом и вздохнул:

— А ведь его невозможно осуждать... Отцов не выбирают. Теперь мальчишка не успокоится, пока не увидит твою смерть.

— Не все отцы заслуживают отщепеня, — сказал Каурай, с горечью наблюдая, как собака дожирает его ужин. — Уж точно не тот, который решился прийти с бандой подонков под окна к спящим людям.

— А слез? Слез они тоже не заслуживают?

— У меня не было отца, и я бы не стал плакать о нем, — пожал плечами одноглазый. — Но и жалеть мальчонку я не собираюсь. Если бы не налет, мы бы вообще здесь не оказались.

Ни ты, ни я.

— Резонно, — присел на корточки Ранко. — Но разве способен здравый рассудок сопротивляться чувствам, особенно когда вот он, — он ткнул пальцем Каураю в грудь, — человек, убивший твоего отца. Сидит здесь, как на ладони. Разве смог бы ты удержаться от такой возможности отомстить? Не возникло ли у тебя мысли, что это шанс? Даже если потом ты страшно за это заплатишь? Стал бы ты придумывать оправдания, почему твой отец, возможно, заслуживал смерти, а убийца и вовсе — совершил «добрый» поступок?

— К чему ты клонишь? — подозрительно глянул на него одноглазый.

— К тому, что он не один, кто так думает.

— Хмм, и что они решили?

— Половина убеждена, что ты заслуживаешь виселицы. А другая половина считает, что тебя нужно потравить собаками — это интересней.

— И что нет никого, кто заступился бы за убийцу разбойника?

— Речь идет не просто о каком-то разбойнике, а о члене общины. А судить и карать члена общины может только сама община. Это...

— ...их закон, я понял! — сплюнул одноглазый себе между ног. — Но просто так смириться со здешними понятиями о добре и зле я не собираюсь. Есть хоть кто-нибудь, у кого еще не пропала слепая вера в «закон»?

— Хм, — почесал подбородок Ранко. — На самом деле, лишь Вармей старается отрешиться от чувств. Но не думай, что он на твоей стороне и пытается не выгородить тебя — ты ему никто. Он хочет отыскать истину.

— Как похвально.

— А истина такова, что Ролло — так звали человека, убитого тобою прошлой ночью — получил по заслугам. Он был бедовый человек и часто знался с лихими людьми. В общине у него были хорошие отношения разве что с сыном, да с братом Гароном, и то конфликтов была масса. И вот его дорожка пришла к известному концу... На этой почве стоит Вармей, но родственникам и друзьям Ролло наплевать на его грехи. Они хотят твоей крови.

— И что у Вармея нет влияния на них?

— Есть, но они будут слушать, только если речь идет о члене общины. Ты же пришлый, чужой человек, и ты для них ничем не лучше этой собаки. Нет, вернее, эта собака тоже член общины, так что...

— Проказа!

— Вот именно. Но даже если случится чудо, и Вармею как-то удастся переубедить их и отпустить тебя — в чем я крайне сомневаюсь! — далеко ты вряд ли уйдешь. Близкие Ролло поклялись кровью, что долго на этом свете ты не удержишься. Это право кровной мести. Это тоже их закон.

— Что ж не они первые, не они последние, — хмыкнул Каурай. — Короче, завтра меня ждет виселица, а Красотку нож мясника.

— Похоже на то... Но не факт, что тебе достанется именно виселица. Они вполне могут, как и сказывал Драко, разорвать тебя березами. Или же всем табором просто переехать тебя на телегах. Они уже проделывали нечто подобное, когда один пройдоха попытался украсть у них лошадь. Но то была лошадь...

— Забери тебя ветрянку...

— Хех, они горазды на всякие штуки. Это только казаки Кречета, ежели что — сразу вешают без лишних церемоний. А эти изрядные фантазеры... Житуха у них нелегкая. Когда

всю жизнь с места на место — как колесо, не заметишь, как озвереешь. По себе знаю.

— Слушай, а ты чего до сих пор тут делаешь? Ты чего тоже член общины?

— Нет, но я у них на хорошем счету, — неловко улыбнулся Ранко и почесал псину за ухом. Та довольно раскрыла свою зубастую пасть и облизнула казаку пальцы. — Как я говорил, когда-то я помог им, а они умеют хорошо помнить добро. Как и зло.

— И как я понимаю, ты пришел не за тем, что развязать меня и помочь мне сбежать?

— Не так быстро, — нахмурился Ранко и оглянулся проверить, не подслушивает ли их кто, но вокруг не было ни души. — У нас с тобой есть общее дельце, помнишь?

— Ранко, нашел ты время...

— И не думай, что я от тебя просто так отстану и дам им повесить тебя, — поднялся Ранко со своей обычной широкой улыбкой. — Сначала мы обнажим сабли. И если кто-то и убьет тебя, этим человеком буду я.

С этими словами молодой казак растворился в тенях.

Каурай сидел и тарачил глаза в удаляющуюся спину, недоумевая, что задумал этот неумный повеса. Вскоре тот скрылся за одним из фургонов, оставив одноглазого один на один с сытым псом. Жук сладко облизнул слюнявую морду и растянулся на земле.

Проказа... — уронил Каурай голову и пожалел, что не попросил казака хотя бы ослабить узлы.

* * *

Она пришла под утро.

Давно уже затихли последние язычки пламени, отдавая бразды правления тьме. Под ее шатром круг телег словно свернулся, уподобляясь хищной змее, которая обвивает тело ничего не подозревающего, мирно спящего человека.

А она шагала неслышно точно призрак, едва касаясь босыми ступнями росистой травы. И единственным, что выдавало ее присутствие, был еле слышный шелест невесомой накидки.

И именно этот мягкий шелест, слишком нехарактерный для этого грубого и негостеприимного места, разбудил Каурая. Он не стал выдавать себя раньше времени, а сосредоточенно наблюдал за ней из-под опущенных век. Его мохнатый сторож мирно дрых все на том же месте, и присутствие посторонней даже на мгновение не вырвало животное из сладкой дремы.

— Я знаю, что ты не спишь, одноглазый, — произнесла она, тоже еле уловимо. Хотела, чтобы ее шепот слышал только он один. — В свою последнюю ночь глупо спать. Ты уже замолил все свои грехи?

— Мои грехи касаются только меня одного, — отозвался Каурай ей в тон — еле ощутимым шепотом, который она расслышала с полуслова. — Кто ты? Нет, можешь не отвечать, я уже понял. Пришла поглядеть на зверя, прежде чем его разорвут на кусочки? Что ж, вот он я — гляди и убирайся прочь, ведьма.

— Ой, как грубо, — тронула улыбка ее розовые губы. — А я думала, ты будешь рад видеть родственную душу.

— Не помню, когда я успел породниться с ведьмами...

— Тот, кто неусыпно ходит у нас по пятам, не может не породниться с нами, — заложила она руки за спину и наклонила аккуратную пепельноволосую головку. — И тот, кто пролил так много нашей крови, не мог не впитать ее в себя. Я гляжу на тебя, одноглазый, и вижу, что ты почти стал одним из нас. Только метлу где-то потерял и... все остальное.

— Что тебе нужно? Зачем пришла? Хочешь отрезать у смертника палец? Так тебе лучше подождать, пока я буду болтаться на суку, и тогда забирать все, что нужно. Палец висельника, его прядь волос... Что там еще полезного можно настричь с трупа, а потом бросить в котел? Петлю?

— О, нет, — покачала головой ведьмочка. — Если дело касается тебя, одноглазый, то ты нужен мне весь. Полностью. А свои пальцы и волосы можешь оставить себе, они тебе еще пригодятся. И очень скоро.

— В каком смысле? Если ты не заметила, но я сижу привязанный к колесу, и уже сегодня...

— В таком, что я пришла предложить тебе... кое-что, от чего ты едва ли сможешь отказаться.

— И что же это?

— Свободу.

— Свобода из рук ведьмы отдает мертвечиной.

— Возможно, — поморщилась она. — Но это единственная свобода, которая тебе доступна. Не глупи, одноглазый, кому как не тебе знать, что другой свободы не существует в природе. Разве до нашей встречи ты был свободен по-настоящему? Разве мог позволить себе все, что хотел, не оглядываясь на последствия?

— Не впадай в эту патетику, — вздохнул Каурай. — Лучше говори, зачем пришла. Хочешь помочь мне выбраться? Тогда тебе нужен нож.

— Нет, я не двину даже пальцем, чтобы развязать твои веревки, — покачала она пальчиком у него перед носом. — Ты сам освободишься.

— И как же я это сделаю? — хмыкнул он. — Только не говори, что твой план — это глупыми философскими разговорами заставить меня страдать и вырваться из пут.

— Сначала мы договоримся. Ты мне, а я тебе, одноглазый. Я пришла заключить честную сделку.

— Я не хочу тебя расстраивать, но я сейчас не в том состоянии, чтобы заключать сделки. Еще раз — если хочешь надергать с моего тела ингредиентов для зелий, то подожди для начала, пока я не перестану барахтаться...

— Ты окажешь мне услугу, когда твои ноги свободно зашагают по земле. Поможешь мне.

— Слушай сюда, дорогуша, — сверкнул глазом Каурай. — Не нужно считать меня простофилей, который не понимает, какого рода помощь обычно имеется в виду, когда это слово слетает с уст вашего племени. И чем обычно приходится платить за так называемую свободу.

— Работа, одноглазый, — не отступала она. — Я хочу предложить тебе работу по твоему профилю. И тебе лучше прекратить кривляться и важничать, а дать мне вытащить тебя из этого дерьма, в которое ты умудрился вляпаться из-за какой-то кобылы. А потом поблагодарить свою спасительницу и спокойно выслушать, что она собирается тебе предложить. Строить из себя уязвленную профессиональную гордость будешь позже. Я обещаю, что тебе не нужно будет убивать невинных, насиловать девственниц, резать младенцев, обмазываться их потрохами и пить кровь у скота — хотя тут как сам знаешь, я не навязываю другим как им развлекаться. Все будет в рамках Договора. Я тебе не дамочка из Дикого Гона, которая ходит по лезвию и вызывает бури. Я чту условия и живу честно. От тебя жду того же. Ну как?

Не успел одноглазый послать ее куда подальше, как его ушей достиг отдаленный шум, заставив его выкинуть все из головы и прислушаться. Ведьмочка тоже учуяла неладное, нахмурилась, но не придала значения обычным ночным шепотам Пограничья. В отличие от Каурая, который слишком хорошо знал, что за существо издает такой характерный звук.

Как будто могильная плита, пролежавшая в земле ни один десяток лет, сорвалась с места и пошла прогуляться.

Он до последнего тешил себя надеждой, что ему только послышалось, но тут звук повторился. Еще. И еще, все ближе. Так звучала тяжелая поступь, знакомая.

Очень знакомая.

— Повезло мне, — усмехнулся одноглазый, обливаясь мурашками при одной мысли о том, кого готовится породить темнота. Сердце стучало в груди и отдавалась в висках. — Я весь внимание.

— Хорошо... — удовлетворенно произнесла ведьмочка, опускаясь перед одноглазым на колени. — Так бы и сразу, а то начал строить из себя недотрогу.

— Ты чего делаешь? — напрягся одноглазый, когда ведьма обняла его за шею и приблизила довольные губы к его уху.

— Спасая тебя, глупыш, — хихикнула она. — Не думаешь же ты, что мы будем обсуждать условия сделки прямо здесь — рядом с этой вонючей псиной. Повторяй за мной — *Adi Abilis...*

— Постой...

— Повторяй, если хочешь жить! *Adi Abilis.*

— *Adi Abilis...*

— Славно. *Abilis Ix Dini.*

И с этими словами она больно укусила его и зашептала заклинание прямо в ухо, обрастающее черными, жесткими волосами.

Трансформацию он перенес скверно.

Ведьмочка дико перепугалась, когда у него начали трещать кости и выгибаться позвоночник — настолько громко он вопил от боли.

Вскочившая было собака поначалу принялась злобно лаять при виде того, как пленник корчится в своих путах и скрежещет зубами, силясь подавить крик. Но когда у ее подопечного выросли клыки, из пальцев полезли когти, спина обросла жестким волосом, а крик перешел в жуткий вой, шавка отчаянно завизжала и попыталась юркнуть под телегу. Однако привязь держала крепко. В следующий миг визг до смерти перепуганной собаки слился с криком терзаемого трансформацией пленника.

На шум поднялся почти весь табор, но когда люди наконец продрали глаза и сбежались к телеге, на месте одноглазого остался только выпотрошенный труп псины да одиноко стоящее колесо с обрывками веревки и клочками одежды.

Прибежавшие раньше остальных рассказывали, что на крыше фургона засел здоровенный зубастый вервольф со стоящей дыбом сизой шерстью. И прежде чем он рыкнул во все горло и скрылся в темноте, напоследок мигнув своим белесым, пылающим от злобы глазом, еле живые от страха табунщики заметили на спине чудовища девушку в легкой, развевающейся накидке.

На ее смертельно бледном лице, забросанном пепельными, растрепанными волосами, читалось поистине детское шаловливое счастье.

* * *

Такого сладостного чувства зверь никогда не испытывал. Он несся по лесу, не разбирая дороги, захлебываясь ревушим дыханием и наслаждаясь пением ветра. Он был вне себя от желания быть всюду, рвать визжащую плоть, глотать куски мяса и алкать горячую кровь, глотать кости и смаковать запахи трепещущего леса. И снова рваться вперед, обгоняя тень, звезды и луну.

А на его спине, обхватив обезумевшего зверя бедрами и намертво вцепившись в жесткую шерсть, распласталась наездница, еле живая — то ли от страха, то ли от восторга. Временами она истерично хохотала во все горло, стоило голодному чудовищу стрелой пронестись мимо хат, задувая свечи и распугивая баб с завалинок, а иной раз и вскрикивала от ужаса, когда зверь словно большая сизая птица перепрыгивал через поваленные деревья и овраги.

Зверь был рад, он был счастлив, что наконец-то свободен и страшно зол. Его братья и сестры ждали. Они будут плясать, пировать и резвиться до самого рассвета. А потом... Он старался не думать об этом. Зверь торжествовал. Необузданный, дикий он бежал через ночь, влекомый зовом, а из его глотки рвался радостный рык. Он приветствовал эту сладкую ночь и мечтал покрыть ее.

Чем быстрее зверь несся вперед, оскалив стальные клыки и вытянув острый клинышек морды, тем больше ноготки наездницы впивались в его шкуру и тем отчаяннее она пыталась заморозить его, заставить унять свою суть и принудить зверя слушаться. Глупышка.

Жажду зверя способны утолить лишь кровь и крики. И то лишь ненадолго.

Неистовый хищник все ускорялся, выжимая все соки из стальных мышц. А ведьмочка, отчаявшись заговорить звериное сердце вновь стать человеческим, пугливым котенком

вжалась в его шкуру и отдалась воле дикого существа, которого она сама и пробудила.

Скоро его мятежный дух нашел искомое.

Жертва ничего не смогла поделаться, не успела даже вскрикнуть, когда зверь бросился на нее, с наскока повалил на землю и одним движением разорвал горло. Остекленевшие глаза слепо ударились о небо, когда их залила струя горячей крови, стекающей с обнаженных клыков.

Славная ночь! И не было у него ночи слаще.

Но ему хотелось большего. Проглотив очередной кусок мяса, зверь обернулся к своей трепещущей наезднице, которая смиренно сидела рядом, не смея даже вскрикнуть, когда окровавленная морда приблизилась, не спеша обнюхала ведьмочку с головы до пят и ткнула носом в траву. Ведьмочка рухнула почти неслышно, со страху лишившись всякой воли к сопротивлению. Зверь взгромоздился на нее, ощутив под собой податливое молодое тело, такое сладкое и невинное.

Он слегка куснул ее грудь, почувствовав как ведьмочка трепещет, как извивается под ним, подобно сладкому ягненку. Все естество зверя налилось жаждой, налилось кровью, поднялось и приготовилось впитаться в нее, высосать без остатка. Он сполна насладится ее захлебывающимся дыханием, задушенными мольбами и робкими попытками вырваться. Бесполезно.

О, да. Он поиграет с ней. Медленно, растягивая удовольствие. Не будет торопиться.

...

Однако не успел зверь заняться девичьим телом по-настоящему, как наострил уши и повернулся навстречу приближающейся поступи.

Все затихло. Земля задрожала. исполинская, холодная гора черного мяса вышла из трепещущей тьмы. Страшный, молчаливый и неумолимый как наступление ночи, он был здесь.

Волк с неохотой оторвался от своей игрушки и вышел навстречу врагу, широко раздувая мохнатую грудь. Еле живая ведьмочка едва не лишилась рассудка, когда напоролась на взгляд широко раскрытого глаза, выбитого прямо в центре каменного лба. В исступлении она потянулась к зверю, который еще недавно терзал ее когтями, вцепилась в колючую шкуру и торопливо зашептала, упрасывая его уснувший рассудок без оглядки спасаться бегством.

Но трепещущему человеческому сердечку было не унять неусыпную жажду зверя. Он боднул ведьму, освобождаясь от ее надоедливого шепота, оскалился и зарычал.

Но гигант даже не дрогнул. Не сбавил шага. Не двинул даже мускулом на вечно застывшем лице, скошенном на бок и словно пришитом к черепу.

К зверю шел враг. Что же! Он его тоже сожрет. Но сначала разорвет на куски и пустит ему кровь!

Ведьмочка не посмела мешать зверю. В тот момент, когда смертельные враги бросились друг на друга, она закусила язык и от резкой боли не смогла выдать ни звука.

* * *

Изба тонула во тьме. Игриш продрал заспанные глаза и чуть поморгал, привыкая к темноте, но смог разглядеть только стенку печи, которая пузатым белым кораблем выплывала из темноты. Сам он лежал на лавке, с носом укрывшись теплой периной, и ему было неведомо, что заставило его проснуться — тишина стояла настороженная и звенящая.

В ушах еще стоял дьявольский хохот, который вынесло из тревожных снов. В нем он

видел ряды кольев — и себя, ведро за ведром вычерпывающего из колодца красное вино, пахнущее кровью. Эти бесконечные ведра он выливал в кубок Крустнику. Молодой князь пил глоток за глотком, требовал больше, смеялся и сверкал своими женскими подведенными глазами. Игриш старался, это было лучше, чем смотреть наверх.

Маришка. Он знал, что она там. Там были все. Они ждали его.

Игриш помассировал веки. Осколки кошмара заметало под лавку. На время.

Снова закопаться в пропотевшие простыни ему показалось чем-то неправильным, особенно когда остальные лавки под крышей темной избы пустуют мятой белизной. Он откинул перину и огляделся, прислушался, касаясь слухом каждого скрипа, вплоть до мышинного писка под половицей. Из-под лавки ему подмигнул большой старый кот, показавшийся Игришу смутно знакомым. Изумрудные глаза вопросительно блеснули сквозь темноту: «Ну что, проснулся, гаденыш?»

И едва Игриш уловил движение со двора, как сруб разом вздохнул чем-то тяжелым. Тревожные голоса застучали по окнам, послышались шаги, крякнуло крыльцо и дверь с грохотом распахнулась, впуская внутрь колючий дух смятенья. Шерсть мохнатого чертенка встала дыбом, когда в комнату кубарем влетела Малунья с затравленными, зареванными глазами и, пробежав комнату, упала грудью на здоровенный сундук.

Игриш с головой зарылся под одеяла и затих, когда следом за ведьмочкой в избу впорхнула незнакомка в темном платье:

— Малунья? Где ты, дуреха?! — затараторила она, остановившись посреди комнаты. — Ты понимаешь, что ты наделала?!

— Я здесь... — пискнула ведьмочка с сундука, закрываясь от женщины гривой пепельных волос.

Женщина уверенно пошла на ее голос, зачем-то поводя руками перед собой, словно раздвигая невидимую занавесь. Ее русые волосы плащом метались за плечами, и не успела она подойти к сундуку с рыдающей Малуньей, как дверь за ее спиной захлопнулась. Светлые волосы женщины всколыхнулись и опали на точеное, бледное лицо с глазами, даже в темноте сверкающими пустотой двух белым. Голову она держала несколько выше необходимого, словно общалась не с горе-ведьмочкой, а с пучками пахучих трав и сушеных грибов, которыми были завешены почти все стены избы.

— Ну а что?.. — простонала ведьмочка, отчего-то вскидывая руки навстречу женщине, хотя та не сделала и намека, чтобы ударить ее. — Зато я спасла его!

— Это ты расскажешь, когда он придет в себя! Если придет, — медленно проговорила слепая женщина. — А уж когда о твоих фокусах узнает Хель...

— О, нет! Только не она! — заломила руки Малунья, сползая с сундука на пол. — Помоги, Хлоя, я все что угодно сделаю! Но только не рассказывай ей!

— С чего бы это? — подняла белоглазая еле обозначенную бровь, тень улыбки тронула ее губы. — Сказать Хель — первое дело. Как только она вернется. Поглядит она, как ты осторожна со своим даром.

— Нет, нет, нет, — взлохматила себе волосы Малунья и замотала головой. — Лучше уж я снова прокачусь на спине этого волка, чем снова придется слушать нотации Хель!

— Ах, вот она какая, сахарная... — хохотнула Хлоя и ловко ухватила ведьмочку за плечи. — Нотаций она боится? — приблизила она невидящие глаза к лицу дрожащей Малуньи. — А кучи разъяренных таборщиков с кольями ты не боишься?

— Это другое... — хлюпнула носом ведьмочка.

— Ага, другое! — иронически кивнула женщина. — Это хуже. А уж если об этом прознают опричники...

— Не выдавай... — сглотнула Малунья. — Она отнимет мои сапоги.

— Я сама отниму твои сапоги. Будем раздувать ими самовар.

— Нет!

— Это будет тебе урок, дура! — погрозила она пальцем у нее перед носом. — Или ты забыла второе правило ведуний?

— Я хотела сделать доброе дело...

— Твое доброе дело приведет нас на костер! — прошипела Хлоя той прямо в лицо, на ее бледном лбу залегла глубокая складка. — Забыла, что нам запрещено вмешиваться в склоки людей, особенно таких злопамятных как эти таборщики. А ты не просто вмешалась, ты еще и выкрала под покровом ночи какого-то... висельника?!

— Он не висельник.

— Неважно! Таборщики хотели вздернуть его. Значит, это их дело. И что нам теперь с ним делать?

— Ну... — подняла ведьмочка очи горе. — Спасти?

Хлоя опешила и всплеснула руками, не поверив, что с губ ведьмочки и впрямь слетела подобная глупость. А потом хлопнула ладонями по коленям, нервно рассмеявшись:

— Спасти?! Я удивлена, почему он до сих пор не отбросил копыта, а ты говоришь спасти?.. Зачем?

— Он нужен мне, — пожалала губы Малунья. — Он и никто другой.

— С чего бы это? — протянула Хлоя. — Ты чего, дурочка, втюрилась?

— Нееет!

Тут дверь приоткрылась и раздался мягкий звон. Следом в щелочку просунулся острый нос второй женщины со смолянисто черной косой, в которую были вплетены разноцветные ленты с маленькими серебряными колокольчиками, весело позванивающими при каждом движении. Яркие золотистые радужки буквально светились на несколько озадаченном лице, когда их хозяйка пересекла порог и обнаружила ссорящихся товарок в столь поздний час.

— У? — поприветствовала она подруг, слегка улыбнувшись.

— Ванда, где он? — повернулась Хлоя. — Малунья, что она говорит?

Не оборонив ни звука, вторая женщина бросилась к уху Хлои и несколько торопливых ударов сердца шевелила губами, нежно поглаживая ее по плечу, а потом мило сложила губки бантиком и кивнула себе за спину.

— Ах, в бане он, — вздохнула слепая. — Ну, так чего же ты ждешь, Малунья-Ведунья? Отправляйся туда и делай со своим любовничком, что хочешь! Можешь захватить ружье и пристрелить его там, я разрешаю.

— Он не мой любовничек! — зарделась ведьмочка. — Я даже не знаю, как его зовут...

— Дожили, — закрыла лицо руками Хлоя и притворно всплакнула. — Притащила мужика к нам в дом, а сама не знает, как его зовут...

— Что лучше было бы, если бы его раскатали колесами?!

— Еще бы! Но ты вместо этого породила чудовище, который с удовольствием полакомится твоими косточками, глупенькая Малунья-Шалунья! А потом примется за нас. Об этом ты, конечно, не подумала?! Откуда ты вообще взяла это заклинание? Неужто...

— Ой...

— Ты нас обокрала?!

Хлоя точно бы набросилась на Малунью и выдрала той все волосы, если бы Ванда не держала ее за плечи. Она снова шепнула что-то на ухо подруге и очаровательно улыбнулась.

— Пусть дрыхнет, чтоб его! — прорычала Хлоя. — Я и так потратила на эту тварь целую бутылку Дигрит, у него оно скоро из ушей польется. Надеюсь и шкура слезет. Пусть помучается там до утра, а там видно будет. А ты, Малунья-Ревунья, готовь метлу и тряпки — не выйдешь из бани, пока не отдраишь там все до блеска!

— Вы дадите мне метлу?..

— Ох, Сеншес, конечно же, НЕТ! Будешь языком вылизывать каждую досочку, каждый уголок... И молись, чтобы он пережил эту ночь, а то его придется ножом от пола отскабливать. Ванда, ну чего тебе?!

Ванда дергала Хлою за рукав, порываясь вывести колдунью из избы. На ее лице читалась крайнее нетерпение.

— Ну куда, куда ты меня тащишь, убогая? — причитала Хлоя, пока ее активно теснили к выходу, подталкивая тяжелой грудью. — Чего я эту оборванную псину не видела?.. Там небось уже все полы в шерсти.

Ванда не без труда, но все-таки вытащила подругу из избы и уже хотела потянуться к заплаканной Малунье, но та сама поднялась и торопливо засеменила следом. Все трое скрылись за дверью. Снова в избе воцарилась пустота и непроглядная темень, и лишь настороженные кошачьи зенки блестели из угла.

Игриш вынырнул из душных простыней и облегченно выдохнул. Беспокойные голоса троицы еще раздавались снаружи, но вскоре и их проглотила ночь. Какое-то время мальчик еще слушал тишину, пока не откинул голову обратно на подушки, пытаясь сообразить где он, как его сюда занесло и кто эти женщины, которые отчитывали Малунью. Последним, что осталось в его памяти, была Маришка с невинной улыбкой на устах толкающая его со спины Красотки в головокружительную пропасть. Пока он летел, его несколько раз перевернуло в воздухе, и Игриш вовсе перестал что-либо понимать. Сознание как отрезало.

И вот он здесь. Целый и...

Зажмурившись от внезапной догадки, он медленно сунул руку под одеяла и пощупал обе свои ноги. На месте.

Тогда, может быть, он разбился, и это посмертие?.. Три ведьмы, как три стражницы загробного мира. Возможно, когда он немного отдохнет, ему придется отвечать на всякие каверзные вопросы о прожитой жизни. Тогда, решил Игриш, он будет рассказывать о себе только плохое и самое гадкое, дабы получить право переродиться злющей собакой. В таком виде он доберется до замка Крустника, станет одной из его борзых и во время охоты вцепиться князю в яйца. Да, таков вкус мести.

Или попросить стать кем-нибудь еще более гадким и злобным, вроде Красотки?

Кстати, куда она подевалась? Скорее всего, кобыла так и осталась летать с ведьмами. Игришу было почти жаль их. С Красоткой они намучаются.

Хотя Игриш и так провел в беспробудном сне больше чем нужно, глаза упрямо слипались. Хотелось забраться в одеяло с головой и оставить эти вопросы на потом. Он еще успеет расспросить колдуний обо всем — если, конечно, им не взбрет в голову сунуть мальчишку в кипящий котел и не сварить живьем в печи, которая примерно вдвое больше, чем требуется такой небольшой избушке, затерянной в чаще.

Из размышлений его вырвал какой-то шорох на печи:

— Эй, — спросила брюхатая печка мальчишечьим голоском, смутно знакомым. — Ты спишь там?

Игриш еще чуть приморгался к темноте и подумал, что видит странный сон. Белое лицо, которое глядело на него чуть ли не из-под самого потолка, ему кого-то напоминало. Нет, явно не скоморошью морду.

— Милош? — проговорил мальчик, узнав знакомого мальчонку, которого он последний раз видел меж зубов гигантской кошки.

— Да, — кивнул тот. — Ты откуда меня знаешь?

— Мы сидели вместе в конюшне, забыл что ли?

— А... — задумался он, все отчетливее угадываясь в темноте. Бесенок подобрался поближе к краю и свесился вниз, вглядываясь в лицо Игриша. — Это же ты, Груш?..

— Гриш, — кивнул мальчик, но не успел он обрадоваться, как хлопнула дверь, и мальчики снова притворились спящими.

— Где это?.. Где? — метнулась быстрая фигурка Малуньи под лавку, пытаясь найти нечто среди горшков и баночек. Коту вся эта суета очень не понравилось — с шипением он вскочил на сундук, где недавно сидела сама Малунья, но вскоре ведьмочка прогнала бедное животное и оттуда. Откинула тяжелую крышку и едва не пропала там с головой.

На пороге застыла Хлоя, кусала губы и напряженно ждала.

— Нашла? — срывающимся голосом проговорила слепая, оглядываясь на двор, но Малунья только отмахнулась. — На нем там живого места нет. Срачивать придется пару часов, кабы не больше... Если он провалится в сон, то рискует остаться волком навсегда. Дура, что же ты не сказала ...

— А мне откуда было знать, что это знакомец ваш?! Гавкали-гавкали на меня, и вот вам! А дура-то все равно я.

— Молчала бы уже. Ищи настойку Керр, быстрее!

Следом, громко звеня колокольчиками, в комнату влетела Ванда и сунулась помогать Малунье. Наконец она вскочила и, прижимая к груди какую-то запыленную бутылку, побежала во двор. С ее уст все не слезала широкая озорная улыбочка. В следующее мгновение вся троица ведьм покинула комнату, и не успели они плотно закрыть за собой дверь, как с печи снова показалась голова Милоша:

— Гриш?! Это ты, Гриш?

— Да я это, я!

— Надо бежать, Гриш! — горячо зашептали бескровные, искусанные губы. — Эти женщины ведьмы! Они сумасшедшие!

— А?..

— Что, а?! Съедят они нас, как пить дать, съедят! Я слышал, что глубоко в Рыжем лесу живут безумные старухи, которые уводят детей в чащу. Их сажают на цепь в подвале, откармливают, потом сдирают кожу и варят из их косточек себе щи. Как ты думаешь, зачем мы еще им сдались? Это наш шанс. Бежим, пока им не до нас!

Мальчик попытался слезть с печки, но тут снова с грохотом открылась дверь, и он юркнул обратно. Еще долго они с Игришем лежали, затаив дыхание, и слушали, как ведьмочки бегают туда-сюда. Дверь билась о стену наверное десятков раз, и неизменно одна из ведуний, охая и ругаясь самыми последними словами, шелестела платьем, гремела бутылками, хрустела старыми страницами, но в конце концов неизменно скрывалась за дверью сжимая в дрожащих руках то стальные спицы, то острый нож, то вообще пучок душистых трав. Но не успевала одна колдунья покинуть сруб, как на ее месте появлялась другая, переворачивая то, что до нее перевернула ее товарка. Игриш долго слушал их причитания, торопливые шаги и звон колокольчиков, но вскоре сонливость взяла свое и мальчика сморило.

Тут дверь влетела в стенку как-то особенно сильно, вырвав Игриша из полудремы. В избе стояли Хлоя с Вандой и внимательно осматривали разворошенную комнату, которая выглядела так, словно к ним залетел вихрь и перевернул все вверх дном.

— Где же она? — строго спросила Хлоя у своей товарки. — Видишь ее где?! Эта дура перепутала настойку Керр с эликсиром Енохий! И что теперь делать с ним? А ты куда смотрела?!

Ванда лишь печально покачала колокольчиками и коснулась ее локтя, на что Хлоя только зашипела:

— Сбежала, сучка! Сбежала! Сунула нам еле живого мужика и сделала ноги!

Колдунья пыталась говорить рассерженно, но на последнем слове ее голос дрогнул. Ванда погладила подругу по голове, а потом ткнулась носом Хлое в плечо. Плечи немой колдуньи задрожали, и она принялась тихонько плакать.

— Ну-ну, птичка моя, не плачь, — проговорила слепая колдунья, едва сдерживая

слезы. — Он же там. Жив-живехонек, только шерсть еще не вся повывлезла. Пойдем, милая. Хлебнешь чуть-чуть моей настоечки, а потом снова за дело. Ему нельзя оставаться одному в таком состоянии. Пойдем. Особенно после Енохия. Эх, Малунья, попадись ты мне...

И обе снова скрылись за дверью, наконец оставив мальчиков одних. Какое-то время оба лежали в тишине, оцепенев и каждое мгновение ожидая что колдуньи снова вернуться. Но Бесенку вскоре надоело ждать от моря погоды: он решительно откинул опостылевшее одеяло и спустил ноги с печки.

— Милош?..

— Да чего?! — раздраженно зашипел Бесенок, пытаясь пальцами нащупать выемку печурки, чтобы поставить туда стопу, но все никак не мог. — Бежим, дурак! Быстро, сейчас или никогда!

— Ты же это...

— Да чего, блин?! Ууу...

— Ты голый, — покраснел Игриш и отвернулся от тощего белого пятна, которое с кряхтением слезало на пол.

— И что дальше?! Ты жить хочешь или нет?! Смотри, на лопате особо не заживешься!

— Хочу...

— Ну так вылезай из своих одеял, дурак ты набитый, и валим. Валим, пока...

Что «пока» он не успел договорить, как Игриш был на ногах, нащупывая свои затертые шаровары и рубаху, заботливо сложенные рядом с лежанкой. Куртку с башмаками мальчик оставил еще в шинке, а искать новые в этой темной крохотной комнатухе, каждая пядь которой была занята сундуками, книгами, бутылками, котелками, склянками, косточками, пучками трав, грибов и еще Сеншес знает какой пыльной дребеденью, времени не было.

Одним из предметов оказался толстый котище, на которого Милош и поставил свою стопу. Кот заорал и ошестинившейся тенью бросился под лавку, принявшись жутко шипеть.

— Фу, черт! — шикнул на него Бесенок, когда встал голыми пятками на холодный пол. — Брысь, мерзкая гадина! Готов, Гриш? Пошли уже. Осторожно, не наступи на этот хлам!

У выхода он подхватил с крючка какую-то тряпку и набросил на плечи. Нахлобучив на голову огромный островерхий колпак с широкими полями, Бесенок стал выглядеть до нелепости пугающе, но ему было наплевать.

Медленно подкравшись к двери, Милош осторожно приоткрыл ее. Лицо мальчишке сразу забрызгало светом ярко горевшего в небе набухшего месяца. Игриш вздрогнул при виде того, насколько его товарищ, оказывается, был худощав. Тот и прежде не блистал розоватостью и пухлостью щек, но нынче черты мальчика напоминали череп, туго обтянутый кожей. Из-за здоровенной шляпы он вообще выглядел как существо, вернувшееся с того света.

Бесенок высунул нос за порог, осмотрелся, потом еще чуть приоткрыл предательски скрипнувшую дверь и юркнул наружу, блестя на бледном свету голыми пятками. Игриш последовал за ним, дрожа от холода и волнения. Прежде чем за обоими захлопнулась дверь, в спины им снова заворчал злобный котище.

Шугаясь каждой тени и каждого скрипа, мальчишки торопливо пересекли двор. Пришлось передвигаться почти на четвереньках, внимательно вглядываясь в окружающий мрак, лишь слегка рассеиваемый месяцем, плывущим среди всклокоченных туч. По правую руку располагался амбар с парочкой тихих загонов для скотины, по левую они разглядели

уютно стоящую баньку, в узких оконцах которой плясали огоньки. Игриш думал как бы побыстрее перебраться через частокон и дать деру к лесу, чтобы навсегда покинуть это странное место, но Милоша точно мотылька тянуло на свет. Игриш безуспешно застонал ему в спину, но тот только отмахнулся и устремился к бане, из трубы которой валом валил черный дым.

— Милош, куда ты?.. Милош! — кусал Игриш губы, обливаясь холодным потом, но, проклиная все на свете, припустил-таки за Бесенком, каждое мгновение опасаясь, что дверь бани вот-вот откроется и наружу вылезет одна из женщин — перемазанная кровью с топором в руке, и увидит, что два их пленника пытаются удрать. Раз погони не избежать, то пусть за ними гоняется слепая Хель, хотя Игриш отчего-то боялся ее намного сильнее, чем немую ведьму с колокольчиками.

Сзади скрипнула дверца избы. Дрогнувший Игриш ожидал увидеть там кого угодно, но только не кота, который легкой трусцой бежал за ними следом, устремляя на них свои гнусные глазенки.

— Брысь! Брысь, кому говорят! — замахал на него мальчик, но кот и усом не повел.

Бесенок был уже под окнами — обернулся к Игришу, который с круглыми от страха глазами подползал к нему сбоку, пытаясь отогнать проклятого кота. Милош приложил палец к губам и медленно выпрямился, силясь заглянуть в небольшое слуховое оконце, которое располагалась сразу над его макушкой. Глазастый кот уселся в шаге от мальчиков и принялся жутко рычать, словно внутри у него поселился маленький бес. Игриш бросил попытки отпугнуть вредное животное и затаил дыхание, считая удары бешено бьющегося сердца и отчаянно выжидая тот момент, пока Милош вдоволь насмотрится на то, что творилось в бане. Но тот и не думал уходить и что-то там напряженно разглядывал, прислонившись лбом к окну.

Воображение рисовало Игришу страшные картины — благо омерзительно рычащий котиче помогал ему разгуляться.

— Что?.. — не выдержал он. — Что там?..

Милош только сглотнул комок в горле, но не ответил. Продолжал упрямо пялиться в запотевшее оконце, поджав губы. Игриш уже и сам сторал от желания узнать, что там так упорно высматривает его товарищ по несчастью, как дверь бани сама отворилась, выпуская наружу клубы обжигающего пара. Сердца мальчишек екнули в унисон, и оба мигом приросли к стене при виде того, кто вылез наружу.

— Фух, — устало выдохнула блестящая от пота стройная женщина в мокрой, прилипшей к телу исподней рубахе. Больше на ней ничего не было.

Даже кот перестал рычать, когда Хлоя вытерла испарину со лба и повела пустыми глазами по двору, проглядев двух мальчишек, от страха свернувшихся в два бледных комочка. Следом она принялась стаскивать пропотевшую рубаху через голову и сладко потянулась, скрипнув всеми своими косточками. Игриш забыл как дышать, пока рассматривал ее всю — от головы до пят.

Хлопнув себя по сверкающей ягодице, она отбросила тряпку в сторону.

— Мор? — позвала она ощетинившегося кота, который сидел подле ее ноги. — Мор, ты здесь?

Кот попытался сбежать, но колдунья проворно взяла его на руки и прижала шипящее чудовище к груди.

— Мор, чего ты делаешь во дворе, дураш? — чмокнула Хлоя его в пушистый лоб и

направилась к дому, покачивая крепкими бедрами. Кот бесславно запищал.

Следом за ней из натопленной бани высунулась Ванда — сначала показалась ее огромная обнаженная грудь, а потом из клубов пара явилась и сама ведунья. Она с тоской поглядела вслед удаляющейся подруге, схватилась за ручку двери и решительно захлопнула ее, запираясь с жаром в бане.

Мальчишки отлипли от места далеко не сразу — подождали, пока Хлоя не покинет двор, и только потом переглянулись.

— Пошли, — махнул рукой Бесенок и направился к частоколу. — И так время потеряли.

Игриш направился было за ним, но вдруг почувствовал страшную зависть и неумное желание глянуть в окошко хотя бы одним глазочком. Но Милош был уже на полпути к частоколу, и Игриш, сглатывая подступившие слюни, двинулся следом. Однако прежде чем подняться с колен и побежать, он наткнулся в траве на нечто, еле слышно брякнувшее в ответ на прикосновение. Не глядя, мальчик схватил находку и пустился нагонять Бесенка.

Они перемахнули через частокол и, шумно выдыхая прохладный воздух, со всех ног помчались к лесу. Оказавшись под ветками, мальчишки понеслись через кусты, не разбирая дороги, и не останавливаясь до тех пор, пока не затерялись среди деревьев. Обессиленные оба рухнули во влажную траву, когда каким-то необъяснимым чувством они осознали, что погони нет и дальше сбивать ноги смысла нет.

Утро начало понемногу опускаться сквозь плотную сеть ветвей, а лес окрашиваться в светло-голубые тона. Игриш перевернулся на спину, изо всех сил пытаясь восстановить дыхание, но неугомонное сердце долбило о грудь и виски, словно вопило об опасности. Чтобы хоть как-то смочить губы и унять жажду, он принялся собирать с травы росу.

Бесенок сидел в отдалении, откинув голову назад, и был чем-то страшно занят. Сначала Игриш не обращал на него внимания, озабоченный вылизыванием росистых ладоней, но странное поведение спутника не оставило мальчика равнодушным.

— Эй, Милош, — окликнул его Игриш, все еще не вполне отдышавшись и проглатывая слова. — Ты в порядке?

Тот не ответил, словно вообще забыл о существовании взволнованного товарища — как-то странно дергался и слегка постанывал. Игриш еще несколько ударов сердца наблюдал странную картину, не сдержался и решительно направился к другу.

— Милош, тебе плохо?.. — спросил он, надеясь тронуть того за плечо, но только взгляд упал Бесенку между ног, как слова разом покинули его голову.

— Ты чего пялишься, балда?! — поднял веки рассерженный Бесенок, не прерывая своего занятия. К носу он прижимал белую тряпку, которая еще недавно служила Хлое рубахой. — Вали и не мешай мне!

Игриш послушно отошел подальше и оперся спиной о дерево, думая выждать пока Бесенок не закончит. Но тут пальцы наскребли в кармане находку — колокольчик с волос Ванды. Он поднес его к уху — и не выдержал.

...

— Закончил? — спросил его подошедший Милош, насмешливо поглядывая на Игриша из-под густых ресниц. — Или еще подождать?

— Неа. Я все.

— Вот и славно, — прыснул Бесенок и принялся натягивать на себя рубаху Хлои. — Пошли, коли все довольны.

Хель была недовольна. Нет, ведунья была просто в ярости, когда выяснила, чем две ее товарки занимались в бане с их неожиданным гостем — а еще хуже было то, что она узнала обо всем последней.

У одноглазого не было и тени сомнения в том, что если бы ведунья заявила раньше, то его бы истязали аж три женщины разом, и он бы вообще оттуда не вылез. Но с двоими ему удалось сладить.

Правда, не сразу.

Когда мозги наконец встали на место, и он смог содрать их с себя, Ванда поспешила спрятаться, а заливисто хохочущую Хлою Каурай выволок из бани и едва не прихлопнул, но его остановила Хель.

Одноглазый сплюнул и отбросил ремень. Хель не стоило злить.

Он оставил Хлою веселиться и поднялся на негнущихся ногах. Злой, абсолютно голый, жутко вымотанный непрекращающейся схваткой с ведуньями, которые, казалось, вообще не знали усталости. Главное они взяли — Хлоя хранила свое сокровище меж стиснутых бедер. Счастливая до одури.

— Гвин... — только и успела выговорить Хель, осматривая одноглазого с головы до... всего остального. Каурай бросил ведунье ленивое «привет» и прошагал к колодцу, где набрал ледяной воды и принялся обливаться. Пока он фыркал и ругался себе под нос, Хель хмурилась, нервно поправляла непокорную прядку блестящих каштановых волос, отдающих рыжиной на ярком свете, и рассматривала его спину... молчала.

Каурай знал, что это не самое приятное зрелище — глядеть на этот уродливый нарост, изрезанный шрамами, большую часть которых оставили явно не люди. А за минувшие сутки шрамов на нем явно не стало меньше. Особенно после зелья Дигрит — оно успешно сращивало почти любые раны, но следы самых жутких из них так и останутся с ним навсегда.

Спасибо, что хоть хвост отвалился.

— Они тебя... не обижали? — внезапно спросила она у одноглазого, пока он брызгал себе в лицо. — Эти сумасшедшие идиотки.

Она скосила глаза на Хлою, которая кое-как встала с колен, покусывая губы. Сзади подкрадывалась Ванда — блаженную улыбочку с ее личика, казалось, не смогла бы содрать и стамеска. Ведунья держала в руках какую-то серую облезлую метелку — сунув ее себе меж ягодиц, она кокетливо помахивала ею из стороны в сторону.

— О, нет, — протянула Хлоя сквозь смех. — Наш друг старался как мог! Или нам благодарить того милого волчонка?

— Заткнись, — буркнул Каурай, внутренне радуясь, что хотя бы Хель держит себя в руках и не начинает встречу со скандала. Хотя не ему винить ведунью, если она даст волю эмоциям.

Хлоя с Вандой себе не сдерживали, хохотали до упаду.

— Замечательно, — мрачно отозвалась Хель, когда тот закончил водные процедуры и направился напрямик в дом. Хель проводила одноглазого с каким-то неопишуемым чувством, спрятанным во взгляде ярко-желтых глаз.

Бревенчатый сруб под соломенной крышей поприветствовал его открытой настезь

дверью.

— Хель, — проговорил он, полуобернувшись, прежде чем скрыться в доме. — Будь добра, найди мне какие-нибудь штаны.

* * *

Весь день они провели в неловком молчании, переговариваясь лишь парой-тройкой фраз. Хель орудовала в доме практически в одиночку, пытаясь прибрать тот бардак, который оставили после себя Хлоя с Вандой, пока вытаскивали одноглазого из цепких когтей волчьей шкуры, и яростно шикала на любые попытки помочь. В конце концов, она вообще выгнала одноглазого во двор и заперлась с ведуньями в доме, из которого мигом раздался страшный грохот. Следом из трубы столбом попер угольно-черный дым в искрах, словно в избе проснулся долго дремавший дракон.

Когда пыл старшей ведуньи немного поиссяк, дверь распахнулась настежь. На пороге встала высокая и статная Хель, широко расправив плечи и расставив мускулистые ноги. Кликнув Каурая одним недобрый сиянием карих глаз, она отставила носатый сапожок в сторону, тряхнула пушистой гривой и наставила палец за порог.

Слова были излишни, так что одноглазый переступил порог и вдохнул запах съестного — стол буквально ломился от кушаний, на которые, понуриив виноватые головы и пытаясь сдержатъ позывы захохотать в голос, налегали две “шалопайки”, как Хель величала Ванду с Хлоей весь остаток дня. Хель не собиралась ждать, пока одноглазый вдоволь нанюхается ее стряпней и решительными пинками да тычками усадила гостя на свободный стул, сунув ему большущую расписную ложку и налив полную кружку меда.

И, откинувшись на спинку стула, принялась наблюдать, как все трое, склонившись над блюдом и едва не соприкасаясь лбами, послушно уплетают все подряд: начиная с масляной гречневой каши и заканчивая румяными галушками в сметане.

И пока тарелки не опустели, Хель не дала им произнести не единого словечка, а сама и не думала притрагиваться к еде. Потом они начали говорить — вначале осторожно, словно пробуя зыбкую почву, а потом все смелее и откровенней.

Яркий день за окном постепенно тускнел, сменяясь рыжими сумерками, одеваясь в черное. Зажигались свечи, запирались ставни, лились и лились разговоры.

И только к исходу дня, полного осторожных попыток вспомнить былое, робкого смеха и внезапных признаний, длинных рассказов, взаимных обид и сердечных извинений, поцелуев и слез, они наконец отодрали глаза от покрасневших лиц друг друга и оглядели темную, притихшую комнату, где все четверо словно прожили жизнь заново, внезапно осознав, что из дома пропали два мелких засранца.

* * *

— Во дворе нет, в бане и в хлеву тоже, — Каурай стоял в дверях, опершись руками о притолоку, и мрачно глядел на ведуний. Спиной к ним он старался не поворачиваться, хоть и понимал, что это ужасно глупо. Ведуньи есть ведуньи. — Вы уверены, что это был именно он?

— Сам же описал: рыженький, личико все в веснушках, постоянно стонет во сне и зовет какую-то Маришку, — загибала пальцы Хлоя, попивая мед, пока Хель с Вандой рылись по углам и смотрели за печкой — казалось, в сотый раз ощупывая в избе все закоулки, где даже теоретически могла притаиться пара худощавых мальчишек. Даже люк в подпол был раскрыт нараспашку, не говоря уж о сундуках, а их у хозяйственной Хель было в изобилии. Изба вмиг превратилась в «кудлатый бордель», как выразилась Хель.

Однако их труды пропали даром — даже коту было понятно, что двое пострелов просто сбежали. Когда именно? Ведал лишь Сеншес да ветер в голове у этого Бесенка.

— Гриш, — уверенно проговорил одноглазый. — Значит, мальчишка жив. И это хорошо.

— Это чего твой сынишка?

— Нет, — покачал головой Каурай. — Я отыскал его в одной из сожженных деревень Пхеи. Его сестра была ведуньей, но пошла по кривой дорожке, которая в итоге привела ее в Гон. Я рассчитывал, что рано или поздно она вернется за ним, и мне удастся напасть на след упряжки. Однако меня не оставляет мысль, что мальчонку давно бросили. Никому он не нужен. Пока мы направляемся на Голодную гору, как я и обещал Гриму. Возможно, это будет последняя поездка.

— Гриму уже недолго осталось, — перебила его Хель. — Рискнешь вообще не заставить его в живых — старик был очень плох с тех, пор как мы бывали на Горе.

— Впрочем, я ожидал, что встречу там и вас...

— Там уже мало кого можно встретить. Лишь стариков да призраков.

— Зачем Гриму ребенок? — нахмурилась Хель. — Старый хрыч снова хочет взяться за старое? Живо дер.

— Возможно...

— Тогда тебе лучше бы загодя посадить мальчонку в бочонок и вести его внутри, — прыснула Хлоя. — Глядишь, до Голодной горы он достигнет нужных кондиций.

— Хлоя! — одернула ее Хель.

— Чего? — смутилась слепая ведунья. — Уж и пошутить нельзя! Рукам Грима все равно — он ломает кого угодно!

— Сомневаюсь, что Грим вообще его возьмет, слишком уж Гриш взрослый... Но я не знаю более безопасного места, чем Голодная гора. Не знал, по крайней мере.

— Оставь его нам! Если он и впрямь не буйный, то такой мальчонка нам сгодится. Сразу на лопату и в печь! А косточки мы зароем на перекрестке.

— По-моему, тебе уже хватит на сегодня, — покачала головой Хель.

Хлоя показала ей язык и снова приложила к кружке с медом.

— По пути сюда я наткнулся на еще одного ребенка, который пытался сбежать с украденной лошадью, — сказал Каурай. — И я договорился, что его тоже отпустят вместе со мной.

— Ох, только не говори, что это снова наш Бесенок... — закатила глаза Хель.

— Знаете его?

— Легок на помине!

— Но я опоздал — за ним по лесу гонялось какое-то чудовище, и, в конце концов, оно до него добралось...

— Чудовище?!

— Даже два. Первый был фавном, старым и дряхлым. А вот второй — громадный и злобный, чем-то напоминающий кота, но только раз в десять крупнее. Надо бы спрашивать местное начальство, не досаждают ли он им часом, и не требуется ли им избавиться от напасти. За соответствующую плату.

— Ааа... — неожиданно захохла Хлоя и чуть не подавалась медом. — Ты про нашего Мора?

— Про кого?

— Про Мора, — указала она пальцем под лавку, где затаился зеленоглазый котик,

неодобрительно поглядывающий на гостя, с которым явно не собирался заводить дружбу.

Каурай возрился на него, словно впервые увидел. Кот сощурил свои глазки и ответил ему взаимностью — высунул розовый язычок и мерзко заурчал.

— Не удивляйся, — пожалала плечами Хель. — Мы посылаем иногда Мора по разным поручениям, когда требуется быстрота и решительность. А этих качеств у нашего любимца хоть отбавляй. Правда он постоянно голоден и жрет за десятерых, особенно когда вымахает с избу размером. Но хватает его ненадолго, два-три дня максимум и он снова уменьшается, чтобы забиться под лавку, где и проспит до вечера. Правда, Мор?

Кот зловеще мяукнул и со значением поглядел на опешившего одноглазого.

— И вы натравили его на мальчишку?

— Почему это сразу «натравили»? — обиделась Хлоя. — Начнем с того, что этот мальчишка — самый наглый, гнусный и хитрый тип, которого когда-либо носила земля. Нет такого человека на Пограничье, который бы не слышал про Бесенка и не был бы жертвой его проказ. Пусть скажет спасибо, что вообще жив остался. Прокатиться в желудке Мора — это еще цветочки. Пусть спасибо скажет, что я его живьем в котле не сварила, поганца.

— За что?

— Знал бы ты Бесенка получше, не задавал бы глупых вопросов. Бедовый это мальчик и брехловатый с лихвой, пусть и далеко не глупый, а мы это ценим в мужчинах. Думали мы, мальчонка со своего несчастного сиротства такой злой — думали, даже приютить сиротку и научить его паре трюков, но он похоже решил покинуть Пограничье насовсем. Обворовал нас вместе с еще одной наглой девицей и был таков. Вот и пришлось отрядить за ним Мора, чтобы тот показал ему, где в жопе свищет ветер, и принес его сюда. Для профилактической беседы. Ванда давно просила отдать его ей — хотя бы на денек.

Немая колдунья радостно зазвенела своими колокольчиками.

— А Гриш? Откуда он у вас? Только не говорите, что его тоже принес ваш Мор у себя в желудке...

— О, нет, — хохотнула Хлоя. — Его принесла Ванда — истощенного, полуголого и замученного до обморока. Видать, приглянулся твой Гриш нашим подружкам, раз они намазали его мазью и потащили кататься. Знатно они повеселились с ним... ой.

Осознав, что сболтнула лишнего Хлоя, вжала голову в плечи и пропала в чарке с медом. У одноглазого не было слов.

— Ну вы и дуры, девочки, — вздохнула Хель. — Вроде как прожили на свете не один десяток зим, а ума в голове все с ложечку, — она повернулась к одноглазому. — Мы такими вещами не занимаемся, Гвин, сам знаешь.

— В конце концов, никто не умер... — буркнула Хлоя в стакан.

— Ага, слава всем святым и смелым, — недобро ухмыльнулся Каурай и поглядел на Ванду, улыбка которой стала еще шире. — Но за похищение детей положено наказание.

— Мы его не похищали, — защищалась Хлоя. — Ванда спасла его от этих... глупышек, которые не ведают что творят. Зуб даю, здесь не обошлось без наших знакомых прелестниц со своим ковриком.

— Хотелось бы мне поболтать с этими вашими “прелестницами”. А что если об этих штучках узнает Ковен?

— Хорошо же ты благодаришь нас за спасение твоего мальчишки, — хмыкнула Хлоя. — А твой Ковен давно погряз в собственных дрызгах, чтобы обращать внимания на что-то кроме интриг. Но ты сам пойми, талантливых детей сейчас днем с огнем не сыщешь, вот и

приходится некоторым дамам идти на риск, чуть ли не драться за них.

— Гриш не такой. Несмотря на то, что его сестра была... из ваших. Магического таланта в нем ни на грош.

— Вот я и говорю, что это какое-то недоразумение. Кому он нужен, если не может даже с метлой управиться? Ну, покатали его немного... Бывает.

— Ага. Бывает.

— Давно же тебя не было, раз ты все еще пеняешь на Ковен, — закатила глаза Хлоя. — Нынешний Ковен — одно название, и масса ведуний оттуда уже давно перебежала под крылышко Дикого Гона, а кто не перебежал, все равно поддерживают хорошие отношения...

— Хмм, Договор видимо их совсем не волнует?

— Договором твоим давно подтерлись, — ухмыльнулась Хель. — Какой к Сеншесу Договор, если давно нет тех, кто будет контролировать его исполнение? Раз Опричного братства больше нет, нет и Договора. Князь Владислав это не его отец, который тоже был не подарок, но с ним хотя бы можно было договориться. А сыну плевать на договоренности, он сажает на кол и жжет всех, кого только заподозрят в магическом таланте. И, судя по всему, закончится это не скоро. По крайней мере, до тех пор, пока Крустник жив и имеет хорошие отношения со Святым Престолом. Так что таких как мы, кто еще чтит эту никому ненужную бумажку, мало. И с каждым годом становится все меньше.

— И что же вас сдерживает? Совесть? Или теплые отношения со мной?

— Совесть — редкостная стерва. Но мы скорее за здравый смысл. И за чувство самосохранения. Пускай могущества Падчериц Сеншеса мы не достигнем никогда в жизни, но зато проживем тихую, мирную жизнь и скончаемся в один день. Не всем ведуньям нужно похищать младенцев из утроб их матерей, молоть их плоть и кости в ступе, и готовить из них особую, могущественную мазь, чтобы насыпать бури и болезни на недругов, жить, купаясь в радостях, чтобы в итоге сгореть как свечка на костре. Нам достаточно того, что мы с сестрами имеем, и большего нам и не надо. А враги... да и к Сеншесу их. Сами друг друга передушат и без нашей помощи. Ты же приехал из Пхеи? Чую, что после того, как туда пришел Владислав, в моей черной книжечке пора проводить ревизию.

— Позволь предположить, что у вас имеется и другая причина забираться в такую глушь, бросить интриги и заниматься сугубо огородом с курами. В Ковене снова летят головы, я прав?

— Отпираться не будем. Да, и поэтому тоже. Все больше наших сестер приглядывается к Дикому Гону, а кое-кто еще пытается ревностно придерживаться буквы Договора, от которого уже остались одни клочки. Но большая часть ведуний пока выжидает, чтобы поддержать тех, кто в итоге одержит победу. Но я не сомневаюсь, что победившая партия не придется мне по душе. Все что нам нынче нужно, это переждать бурю, а потом... Мы не знаем. Пока понатаскаем учениц, сварим побольше зелий, поможем здешним бабенкам с болячками и родами, поразводим курочек... Кто знает, может быть, кто из нас умудрится выскочить замуж за кого-нибудь из местных чубатых петушков и, возможно, даже принесет ему счастье... — а там видно будет.

— Что-то не видно у вас тут оравы прилежных учениц...

— А... — досадливо махнула Хлоя рукой. — Тутошняя молодежь вгоняет нас то в краску, то в глубокую тоску. Мало здесь действительно старательных девочек, а мальчиков считай и вовсе нет. Только борзые парубки, охочие до женского полу вне всякой меры, да дойные кобылы, для которых верх мечтаний это своя корова да целая крыша. Скука

смертная... Из тех, у кого действительно есть какой-то потенциал, разве что Малунья — та взбалмошная девка, которая тебя в волка обратила. Ее тоже Сеншес куда-то утащил, ну и черт с ней. Вот попадись она мне... Мигом отберу у нее сапоги, которые с таким трудом выправила для нее.

— Что на все Пограничье только одна талантливая девочка?

— Сажаешь тоже! Я никогда не ставлю все на голый талант. Ладно бы старание было, а она нахватается всему по вершкам, да и ищи ее, негодную. Метлу она пока не заслужила, ну и, чую я, до старости будет в сапогах прыгать. Так ей и надо.

— Тут ведуний много, Гвин, — отозвалась Хель. — Но в основном это любительницы из местных бабенок, что колдуют помаленьку да катаются на метлах. Кто-то ради того, чтобы потешить свою старость милыми фокусами, кто-то влюбить в себя молодого казачка, а кто-то и чтоб припугнуть своего не в меру ретивого муженька, которого когда-то сама и приворожила. Но тех, которым по плечу освоить что-то кроме приворотов и гаданий, всего две — Малунья да дочь воеводы, Божена.

— Шутишь?

— Нет, — положила она подбородок на ладони. — У пана воеводы дочка была талантливой курочкой.

— Была?

— Увы, — вздохнула Хель. — Принесла вам, сахарные мои, на хвосте вестушку, от которой у меня самой мурашки по коже.

— Что стряслось?.. — напряглась Хлоя.

— Божена таки сунула она нос не в тот котел и связалась с силами, с которыми связываться не след. Предупреждали ее, чтобы она бросила соваться в сундуки, к содержимому которых она была явно не готова ни способностями, ни духом, но все без толку. Похоже они с Малуньей и Бесенком основательно прошерстили наши закрома, из-за чего мы теперь имеем, что имеем. Спасибо, Хлоя.

— А я-то чего? — поперхнулась слепая колдунья. — Чего сразу Хлоя-то?!

— А ничего! Ты была за хозяйку, когда мы с Вандой в горы ходили. Ты, да этот вот! — Хель кивнула на притихшего кота, который со стыда опустил усы. — Лучше следить надо было за ученицами, чтобы они не тащили из дома чего под руку подвернется. В оба своих глаза следить, Хлоя Видящая! В стакане разве что...

— Слушай, я уже говорила, что не виновата! Она специально пришла в сундуке копать, а я, дура, тогда этой... ревизией занятая была, вот и не поняла, что у Божены на уме. Выманила она меня из избы, ну и...

— Да слышала я твои оправдания, — отвернулась от нее Хель. — снова будешь ревизией заниматься, вспоминать, что они у нас стянули. Я пока тут все с ног на голову переворачивала, не досчиталась пары склянок Дигрит, каменного и огненного порошка, Инфиса, еноховое зелье и целой баночки тернового чая.

— И зачем ей еноховое зелье?.. — прыснула Хлоя и стрельнула глазами в Каурая. За ней со смеху покатила и Ванда.

— Мало вам?! — сверкнула глазами Хель. — Вот для кучи, пока вы там веселились, где-то сгорела наш самая способная ученица! Я не удивлюсь, если от нее только угольки остались. Нам страшно повезет, если все свалят на Баюна.

— Ой, что начнется... — протянула Хлоя и хлюпнула медом. — Бедняжка Божена...

— Поговаривают, что Баюн сам с Ямой на короткой ноге ходит, — заметил одноглазый.

— Много, что поговаривают, — скривилась Хель. — Но тут виноват отнюдь не Баюн, хотя он на пана воеводу страсть как озлоблен, уж не знаю за что. А Божену сгубило ее неумное любопытство. Да, неумное даже для ведуньи. Малунья с ней горячую дружбу водила. Возможно, даже более горячую, чем следовало. Вот она сейчас переживает за нее, несчастная, и творит глупости...

— Ей раньше что-то не мешало глупости творить! — запротестовала Хлоя, но Хель лишь отмахнулась.

— Не думаешь, что к исчезновению мальчишек тоже она приложила руку? — спросил Каурай.

— Да на кой ляд они ей сдались? Она вообще про опричников накануне постоянно выпрашивала... Видать, поэтому она тебя из того табора и вытащила.

— Так, — хлопнула ладонью по столу Хель и обвела всех троих строгим взглядом. — А вот с этого места попрошу подробней. Откуда она тебя вытащила?.. Уж не из табора барона ли Вармея?!

— Его самого.

— А ты чего забыл среди таборщиков? — изогнула она отточенную бровь. — Только не говори, что хотел, чтобы тебе погадали там?

— Нет. Я искал свою лошадь, Красотку. Она пропала после набега колядников, и я все ноги стоптал, но удалось отыскать ее в таборе. А перешел дорогу местным и едва не оказался в петле.

— За конокрадство?! — прыснула было Хлоя, но смутилась и снова пропала в чарке с медом.

— Убийство, — помрачнел Каурай и быстро добавил: — Один из убитых мною разбойников оказался таборщиком. Дальше вы знаете.

Хель при этих словах стала мрачнее тучи.

— Плохо дело, — проговорила она. — Кто-кто, а таборщики обид не прощают. Если ты действительно виновен в смерти одного из них, то берегись — пока не отомстят, не успокоятся. Тебе придется убить всех, кто состоял в родстве с этим человеком. Или даже вырезать весь табор. Ой, в какую же лужу ты сел...

— Да, — ухмыльнулась слепая колдунья. — Ох, и повезло дурашке Малунье, что мы с Вандой в избе остались. Чуем мы — магией аж за версту сквозит, а злоба такая адская аж в висках отдаст. Только вышли мы за частокол, как из кустов вылезает одноглазый волчище — громадный и злющий, аж сами чуть наутек не бросились — а на спине у него еле живая от страха Малунья-Глазунья. И не успели мы понять что к чему, как оба к нам под ноги свалились — ты еле живой от ран, а она на коленях вокруг нас ползает — воеет да расколдовать тебя просит. И в какую заварушку она тебя втянула? Повезло же тебе, Гвин, что мы сразу тебя не прикончили, вовремя нас Малунья остановила, а то ж...

— Я вас не поранил?

— Плохо же ты нас знаешь, — блеснула она золотым зубом. — Не родился еще тот мужик, который Хлою Видящую оседлает. Я сама оседлаю кого угодно!

— Сейчас получишь, — осадил ее Хель. — Вообще нету у нас причин для веселья, девочки. Таборщики и так на нас зуб точат, их разве что авторитет Вармея сдерживал до сей поры. А после того, как Малунья помогла Гвину сбежать в шкуре волка, они еще порешат, что и мы замешаны в этой истории, и тогда сам Вармей их не удержит, а то и лично и с удовольствием решит зайти к нам на огонек. Ждите гостей, дорогуши.

— Пусть только попробуют сюда заявиться! Мигом повывлезают отсюда через дымоход, сверкая голыми косточками...

— Сестрицы-мастерицы, а не утомили ли вы старину Гвина своими болталками? — С этими словами Хель поднялась со стула. — Он-то поди из-за вас, ненасытных, еле ноги передвигает. Хлоя, допивай-ка свой медок, родная. Ванда, кончай уже лыбиться, слезай с сундука и помоги убрать все со стола! Гвин... закрой уже эту проклятую дверь!

Каурай послушался ее — захлопнул дверь, но с другой стороны, и вышел во двор, погруженный в мрачную думу. Из избы доносились приглушенные голоса, на улице веяло уходящим летом. Подрагивая одноглазый сошел с крыльца, где было намного теплее, словно изба дышала теплом горячих споров и полузабытых воспоминаний.

Прохлада скоро взяла свое, но он и не думал возвращаться, хотя желал этого больше всего на свете. Ночевать решил в бане, где несмотря на все усилия ведуний, еще несло псиной. Зажег небольшую лучину, запер дверь и, для верности, что его среди ночи не побеспокоит ни одна из полуночниц, заблокировал ее доской. Потом разостлал простыню, которую приготовил еще днем, и повалился прямо на пол, подложив под голову свернутое одеяло. Закрыл глаза и попытался отключиться от всех мыслей, но они, словно из чистого упрямства, полезли в его гудящую голову.

Следовало бы хорошенько отоспаться, прежде чем завтра срываться в дорогу — напрямик в острог воеводы. Знал, что придется отбиваться от увещаний Хель, которая в любом случае будет упрашивать его остаться, но дел у одноглазого было невпроворот. Он все еще помнил про обещание данное Кречету о том, что поможет ему с Баюном, и тогда по его словам пан воевода задолжает ему кругленькую сумму за хлопоты. Очень хотелось надеяться, что Кречет не обманул его и не продал его железяке на ближайшем рынке, иначе никому Каурай в своем теперешнем босячьем положении даже не приглянется. И своих порток не имеется, не говоря уже про лошадь.

Да уж, и в чем он отправится в острог, чтобы встретиться там с казаками? В сарафане и кокошнике Ванды? Молодцы Кречета точно поднимут такого «защитника» на смех, и поделом.

Да и Гриш с Бесенком сами себя не найдут. Пока у него нет ничего, кроме одеяла под головой, рассчитывать ему приходилось только на удачу. Однако Каурай по своему опыту знал, что удача, как впрочем и совесть, — крайне стервозная девка.

А вот Красотку как бы не пришлось разыскивать по ярмаркам всего Пениальского Союза и еще дальше, в Шатране, а то и в Альбии, в суровых просторах Дикой Тайги и так плоть до Пылающих гор. А то и в колбасных рядах.

За что одноглазый совершенно не переживал, так это за Куроук. Уж кто-то, а меч точно отыщет своего хозяина даже на Краю света.

Скрипнула половица, и Каурай проснулся.

Ночной глаз выхватил ее из темноты в мгновение ока, но она знала, что одноглазый видит ее. Она пришла не для того, чтобы скрываться.

— Пришла предъявить счет за услуги?

— Нет... Я пришла попросить прощения.

Каурай помолчал пару ударов сердца — спокойных и размеренных, которые не дали бы ей усомниться, что он ничуть не боится ее.

— В общем... — потупила глаза Малунья, избегая смотреть на одноглазого. — Ты прости уж...

— За что?

— Ну, за это... — она помялась, подбирая слова. — За волка. Больно это, наверное? А ну да... Я просто немного напутала. Заставила тебя сказать *Adi Abilis*, а нужно было произнести *Adi Adilis*, и тогда бы ты превратился в полевую мышь, я бы сунула тебя... куда-нибудь, и мы бы тихонько сбежали. А все вона как вышло...

— Да, мало мне того, что моей крови жаждет целый табор. Да еще я едва не погиб, пока оборачивался в волка — туда и обратно. И тебя едва не загрыз.

— За меня не волнуйся. Я умею за себя постоять.

— Хорошо. Тебе это умение пригодиться, когда по нашему следу явятся таборщики с факелами, чтобы спалить это место к едреной матери.

— Ой... Об этом я как-то не подумала...

— Может быть, хочешь сообщить об этом Хель?

— Нет! — в испуге ведьмочка попятилась и наткнулась на закрытую дверь. — Только не Хель!

— А вот стоит мне только встать, — сказал одноглазый, медленно поднимаясь с лежанки. — Взять тебя за ухо, юная ведунья, и отвести в избу, где мы оба расскажем всем троим, насколько искренне ты раскаиваешься.

Когда он приближался, девчонка уставилась на него одичавшим взглядом затравленного олененка и сделала нелепую попытку открыть дверь — но та была надежда заперта на крючок да еще и заложена доской. Одноглазому пришлось постараться, чтобы отвалить от себя похотливых женщин снаружи, но запор сгодился и для девчонки внутри.

Не сдерживаясь, Каурай грохнул кулаком о стену подле ее головы. Девчонка вздрогнула и со страху едва не осела на пол, придавленная его громадной, пугающе-черной фигурой.

— Я буду кричать... — задушено проговорила она. — Зараза!

— Вот именно, — зашептал одноглазый ей на ухо. — Ты полностью в моей власти. И радуйся, что перво-наперво я не заставил тебя оголить задницу и не всыпал тебе розог.

— Ты не посмеешь! Зверь!

— Именно, — ухмыльнулся Каурай крайне гнусно, что вкупе с сиянием его правого глаза, светящегося сквозь мрак подобно звезде, сделало его схожим с волком, которого ведуньи пытались укротить прошлой ночью. — Но не буду этого делать лишь из уважения к Хель и ее подругам. Ты даже представить не можешь, сколь многим им пришлось пожертвовать и что пришлось пережить, прежде чем они осели в этой дыре.

— Ты что мне отец, чтобы нотации читать?!

— Нет, я же не сгораю от стыда. Мне просто нравится унижать такую глупую девку, как ты. Которой дана капля власти, и теперь она думает, что всесильна и может делать со своим даром все, что ей заблагорассудится. Не слушать старших, летать, где вздумается, совать свой аккуратный носик в любую дырку, на которой написано «Не суйся!». Ну и конечно плевать на тех, кто отнесся к тебе по доброму и научил многому из того, чего знать ты явно не достойна.

— Все сказал, учитель?

— Нет. Это было первое. А теперь второе — чтобы между нами не было недомолвок. Я тебе не деревенский олух, которого стоит только поманить накрашенным ноготком, и он сразу бросится выполнять твои указания. Так что лучше оставь все эти “загадочные” появления для того, чтобы впечатлять местных свинопасов. Как ты сюда попала, кстати?

— Через дымоход пролезла! — хмыкнула Малунья и закатила глаза. — И вообще к чему все эти поучения? Я тебе никто, и ты ничего обо мне не знаешь. Ни обо мне, ни о моей жизни.

— Плевал я на тебя и на твою горе-судьбинушку. Не о ней я беспокоюсь. Та каша, что ты заварила, грозит затопить здесь вообще все.

— Так-то ты благодаришь меня за спасение?!

— Это «спасение» больше напоминает лавину. Лучше бы ты оставила меня привязанным к колесу — меня бы вытащил Ранко.

— Ага, твой Ранко не свет не заря помчался в Замок, когда узнал, во что вляпалась Божена! Как же! Никто бы тебя не спас, и если бы не я, осталось бы от тебя одно мокрое место, одноглазый!

— Слушай, — поджал губы Каурай, приблизившись к ее лицу на расстояние, не превышающее и пальца. Она в ответ только зашипела и отвернулась, стараясь не сталкиваться взглядом с блеском его правого глаза. — Если ты хотела сделки, то мы заключим сделку...

— Не тебе ставить условия! Если я захочу, то от тебя и мокрого места не останется!

— Да? И что те проблемы, из-за которых ты, рискуя собственной шкурой, вытащила висельника из петли, подставила своих подруг, натравила на них табор, а теперь заявила ко мне посреди ночи с “извинениями”, уже испарились точно роса? Не верю.

Малунью зажали в угол в прямом и в переносном смысле. Взгляд ведьмочки метался, лоб исходил ручьями пота, несмотря на то, что баня давно остыла. Лицо ведьмочки поблескивало в полумраке, словно ее только что натерли мылом.

— А теперь поговорим о деле. Правильно я понял, что работа по моему профилю подразумевает вытаскивание одной особы из того потустороннего дерьма, в которое она умудрилась сунуть свой миленький носик, а провалилась туда по уши?

— Правильно... — кисло отозвалась ведьмочка. — Я прошу тебя спасти Божену.

— И яма эта настолько глубока, что без помощи рубаки со стороны вам обоим никак не управиться? Что даже Хель не сможет помочь?

— Нет, — твердо ответила Малунья. — У них и мысли такой не возникнет. Ведь они твердо чтут эти свои глупые правила. Так что спасти Божену может только такой сказочный мудака, как ты.

— Какой именно «сказочный мудака»? Я про себя ничего не рассказывал.

— Ты же опричник Каурай, верно? — стрельнула она глазами, но тут же отвела их, слово обжегшись о сияние его глаза. — И тебе не раз приходилось убивать ведьм, жечь

колдунов, резать и громить все, на чем свет стоит? Ты же тот самый хмырь, который постоянно ходит за армиями, чтобы подчищать мусор, который нанесут они грабежом и убийствами. И мусор этот — твари и колдовство всех мастей?

— Ага, — кивнул одноглазый без тени насмешки в глазах. — Вижу, ты любознательная.

— Нет. Вернее, да, но нет. Про тебя мне рассказал Ранко, когда я поведала ему, что случилось с Боженой.

— Вот как? Ранко явно знает обо мне слишком много для казачьего повесы, я недооценил его. И откуда же, интересно?

— А мне почему знать... Он сказал, что тебя ожидает петля, и что ты опричник, вот я и решила вытащить тебя. Скажешь ему спасибо, когда вы снова встретитесь.

— Обязательно скажу. А теперь по поводу Божены... Я правильно понимаю, что твари, которые угрожают ей, это не простая нечисть, с которой ты каждый вечер ходишь пить чай?

— Правильно.

— И что же это?

— Она пыталась... вызвать демона.

— Обычное дело. Что же она настолько слаба и не удержит простого фамильяра, вроде того милого котика, который расхаживает по избе Хель?

— Нет, это кое-что... похуже. Не знаю, как это описать. Но это нечто такое, с чем даже Хель не справится. И оно хочет забрать Божену с собой. Душу Божены, чтобы растерзать ее в клочья.

— Ага. А как закончит, потом явится за тобой, я правильно понял? Или причина в чем-то другом?..

Она побродила затравленным взглядом по половицам бани, опасаясь снова заглядывать в его глаз, который за весь их разговор ни на мгновение не моргнул. По ее бледной щеке прокатилась одинокая слезинка, потом к ней присоединилась вторая. Малунья беспомощно всхлипнула, смазала слезы и закивала, не в силах произнести членораздельно ни слова.

— Знаешь, почему ты постоянно отводишь взгляд? — ощерился Каурай. — Боишься. Ведь в этом глазу ты видишь их. Тех, кто всегда наблюдает за вами, кто всегда ждет вас в темноте. Ждет, когда вы ошибетесь, зачерпнете слишком много и сами попадете им в руки. Но, не переживай. Они и за мной наблюдают, и также страстно желают утащить меня туда, где каждой из вас уготовано местечко.

— Иди к Сеншесу... — огрызнулась она. — Я не единственная, кого они могут сожрать.

— Да, — кивнул одноглазый. — Дай им волю, так они не успокоятся на одной жертве, а пожрут всякого, кого жертва знает и любит. В том числе и тех, кто ей ближе всего на свете. Именно поэтому мы и заключили Договор, чтобы всякие пустоголовые дуры не наломали дров. Но вас, похоже, ничто не способно унять. Готов об заклад биться, что ритуал проводили вы с Боженой на пару, а пострадала она одна. Не заставляй меня продолжать расспросы и выяснять как так получилось, что от нее остался лишь кусок визжащего мяса, а ты стоишь здесь — живая и здоровая, даже имеющая наглость хамить. Итак...

— Что?..

— Только чудо способно спасти душу Божены, и дать ей спокойно стать ничем.

— Это и есть твое спасение? Стать ничем?!

— А что ты хотела? Веришь в сказки попов о райском блаженстве в посмертии? Не ври, ты не такая глупая, чтобы верить в это. Ведь посмертие — это и есть ад, вечная жизнь в лапах страшных существ, которые не дадут твоей душе раствориться. Они порвут душу любой

ведуньи, которая только попробует заглянуть за грань, не принеся им человеческих жертв. Сами возьмут ее как жертву. Порвут и будут пытаться каждый клочок по-отдельности, разрывая на более мелкие клочки, и так до тех пор пока душа не превратится в пыль, а потом соберут ее заново, чтобы повторить круг. Это никогда не прекратится. Это судьба каждой глупой ведуньи — быстро сгореть и превратиться в вечно тлеющий уголь боли. Хель, Ванда и Хлоя хорошо усвоили этот урок и должны были объяснить вам, дурочкам, что у всякой силы есть цена. И некоторую и вовсе заплатить невозможно.

— Зря походу я обратилась за помощью к такому как ты... — пробурчала себе под нос Малунья. — Ты просто трус, который сочиняет страшилки и ищет оправдание.

— Разве я сказал “нет”? Я лишь сказал тебе правду, только и всего. Чтобы ты лучше понимала, что случится с Боженной, со мной, с тобой и с очень многими другими, если я потерплю неудачу. В худшем случае все Пограничье может превратиться в пылающий котел, и здесь еще очень и очень долго будет невозможно жить. Как когда-то случилось в славном городе Лурд, от которого ныне остались одни стены и толпы призраков, скитающихся по кущам мор-травы. А ты говоришь, оправдания. Итак, моя часть работы такова — я спасу Божену.

Он замолчал. Малунья сглотнула и забегала глазами, наспех разжевывая свалившиеся на нее лавиной сведения, заставившие ее сердце трепетать, слово адские твари уже поджаривают ее на медленном огне. Наконец она вырвалась из силков собственных мыслей:

— Что. Ты. Хочешь, — раздельно проговорила она, глубоко вздохнув, словно перед последним шагом на эшафот.

— Я хочу, чтобы ты сделала все, чтобы даже носа этих табунщиков не было не только на пушечный выстрел от избы Хель, но и на всем Пограничье. Пусть засунут свои обиды поглубже и утрутся моими искренними извинениями.

— Но... Но как ты себе представляешь, чтобы я заставила табурщиков отказаться от кровной мести? Хочешь, чтобы я передушила их в постелях, одного за другим?

— Нет. Но ты можешь напугать их. И страшно. Уж с этим, я думаю, такая неопытная дурында справится прекрасно. В сундуках Хель ты покопалась изрядно. Но я советую тебе придумать что-то получше еноховой мази...

— Слушай, ты!..

— И второе...

— Второе?!

— Найдешь моих мальчишек и приведешь их обратно к Хель. Гриша и этого Бесенка, или как там его...

— Прекрасно! — оттолкнула его Малунья изо всей силы и пошла в наступление, наставив на одноглазого свой миниатюрный пальчик. — Что ты еще хочешь от меня?! Чтобы я нашла твою трижды вы...ную кобылу?

— Еще чего, — закатил глаза Каурай. — Чтобы ты превратила Красотку в муху вместо того, чтобы по-тихому выгнать ее из загона? Нет, благодарю. Достаточно, чтобы ты просто держалась от моей лошади подальше. Она ведь денег стоит.

— Ну, ты и козел! Отправляешь меня, такую неладную, искать мальчишек, а самому жизнь лошади дороже!

— А ты дура, которая даже копыта моей кобылы не стоит. Мы идеальная пара.

— Умеешь же ты заключать сделки, одноглазый!

— Ну, так что? По рукам? — ощерился Каурай и подал ей раскрытую ладонь. Малунья

поломалась пару ударов сердца, но все же схватила его руку и пожалала.

— Отлично, — кивнул одноглазый и убрал доску с двери. — А теперь проваливай. Мне нужно поспать.

Освежающий холодок снаружи чуть остудил обоих. Буркнув на прощание какую-то гадость, Малунья побрела через пустынный двор, залитый мягким лунным светом — куда? Одноглазому было совсем не интересно. Он запер дверь на крючок, прошел к своей смятой лежанке и улегся, отвернувшись лицом к стене. Но уснуть так и не смог, как не пытался. В конце концов бросил напрасные попытки уговорить строптивый сон, вскочил на ноги и выбежал во двор.

Месяц продолжал свой неторопливый поход, оставляя за собой дорожку из мерцающих во тьме слезинок. Застыв посреди двора, одноглазый огляделся и прикинул, куда могла деваться взбалмошная ведьмочка. Избу он отмел сразу — не станет она заявляться к Хель посреди ночи, скорее всего в ближайшие недели вообще не рискнет показываться ведуньям на глаза. Лес выглядел уж слишком грозно и неуютно, чтобы в здравом уме отправляться туда в такую пору. Оставалось лишь хозяйственные постройки, где с отчаяния могла заночевать Малунья-Ревунья.

Поскрипев немного дверьми и не найдя ничего, кроме переполошившихся курочек с тройкой сонных лошадей, одноглазый ступил в хлев. И почти сразу заметил, что в стогу кто-то ворочается.

— Эй, — еле слышно позвал Каурай спрятавшуюся в сене ведьмочку. — Ты чего удумала ночевать здесь?

— А тебе какое дело, одноглазый? — обиженно хлюпнули носом из темноты. — Проваливай в свою баню.

— Ну, уж нет, — зашел он в рыдающую темноту, которая сразу окружила его и захлопнула за ним дверь. — Ступай в избу, глупая. Простынешь.

— Еще чего! — злобно шикнули на него. — Так они меня и ждут, чтобы вцепиться в меня и поедом заесть. И не подумаю! Проваливай уже, одноглазый, пока цел!

Но Каурай был сама неотвратимость — он запустил руки в стог сена и быстро нащупал там теплую и упирающуюся колдунью.

— Эй, ты чего творишь?! — зашипела она чуть громче. — Я сейчас закричу, мразь!

— Кричи на здоровье, — ответил одноглазый, поднял ее на руки и под куполом отборной брани, которой постеснялся бы и пан Рогожа, вынес негодяйку на воздух. Вместо того, чтобы звать на помощь, она принялась размахивать кулаками и пытаться его укусить, но Каурай мужественно вытерпел все попытки наставить ему синяков. Их и так было вдоволь — одним больше, одним меньше. На землю, вернее на пол, он опустил ее уже в бане — прямо на собственную лежанку, и, не слушая угроз и недовольного рычания, вышел наружу с доской под мышкой, прикрыл дверь и заложил ее уже снаружи. Не сбежит.

Рядом скрипнула лавка. Каурай уселся на нее почти по своей воле, как нечто вцепилось ему в рукав, а потом прижалось прямо к плечу.

— Ванда?.. — почувствовал он мягкие губы и устало вздохнул. Она еще немного потерлась об него своим носом, а потом...

Я ненадолго, Гвин, — раздалось прямо в голове, едва не заставив одноглазого подскочить на месте. Настолько неожиданно было снова слышать этот, казалось бы, давно забытый бархатный голосок.

Мне не спиться. Вы тут так сильно шумели, что отбили у меня всякую охоту

досматривать сон. А теперь я хочу просто посидеть и поглядеть на месяц. Составишь мне компанию? Твоя лежанка, кажись, занята.

Каурай не стал ее прогонять. Если Ванда говорила, что хочет побыть с ним один на один, помолчать и поглядеть на месяц — это значило, что так оно и будет. Так оно и было.

Он проснулся с первыми лучами рассвета. Скамья рядом пустовала.

— Ванда сказала, что эта чертовка приходила ночью?!

К нему шагала Хель — ее глаза метали молнии. Если бы из ушей колдуньи сейчас бы валили два столбика пара, он бы точно не удивился.

Каурай сидел на завалинке и вертел в руках подаренный Вандой кинжал. Пусть одноглазый и упирался как мог, но немая ведунья была крайне настойчива, и буквально силой заставила его принять подарок. Обнажив клинок на свету, Каурай присвистнул — дымно-темная сталь переливалось алыми прожилками. Вещь редкая и очень недешевая. Рядом стояла сумка, в которой были сложены склянки с порошками и зельями, которые Хлоя притащила, опорожнив пару своих сундуков и взяв у него обещание, что если снадобья закончатся, он обязательно вернется и возьмет еще.

— Заявилась ко мне в баню, — отозвался одноглазый, засовывая кинжал в сапог — подарок Хель, размер подошел только с ее ноги.

Это же касалось и штанов, и куртки, которая сейчас сидела на его плечах, едва сходясь на груди. Ванда и Хлоя остались при своих одежках, благо размеры у них были куда меньше в отличие от рыжей, которая всегда славилась и ростом, и статью, обгоняя большинство мужчин на голову, а то и на две. Одним из немногих, кто мог сравниться с ведуньей ростом был Каурай, но сейчас она смотрела на него сверху вниз.

— Вот сука, — сжала зубы ведунья. — Почему не сказал?! Я бы ее выдрала — у меня давно рука чешется познакомиться ее с розгами.

— Вчера и так был довольно насыщенный день. Не хотел вас будить по пустякам.

— И это ты называешь пустяками? И где она сейчас?

Каурай молча пожал плечами. Когда он заходил в баню утром, та пустовала, а доска стояла нетронутой. Очевидно Малунья вышла из бани тем же самым путем, которым и вошла ночью — а каким, ведал лишь Сеншес.

— Чего она хотела? — не отставала колдунья. — Только не говори, что ты и ее...

— Поговорить, — развеял ее страхи одноглазый. — Извинилась. Сказала, что сожалеет.

— Сожалеет она!

— Возможно, даже искренне. По крайней мере, мне так показалось. Решила загладить свою вину и привести мальчишек обратно.

— Она и собственную голову вряд ли найдет, если ее за нос не схватишь!

— Не слишком ли ты с ней строга, Хель?

— Это ей полезно. Когда в следующий раз захочет превратить кого-нибудь в волка, десять раз подумает.

— Чую, в следующий раз она решит обратить тебя — в муху, чтобы раздавить. Совсем затравила ты ее. Она даже от одного имени твоего трясется.

— Так, — уперла она руки в бедра. — Не учи меня воспитывать молодежь! Не в первый раз она уже сбегает и творит непотребства. Не в первый, и это не потому, что я, как ты изволишь выражаться, затравила нашу сахарную дурочку. Я сама беспокоюсь о девочке, ибо она пусть и глупышка, но глупышка талантливая. Пусть этому таланту и мешают раскрыться ее куриные мозги. Вернется, никуда она не денется. Поплачет и вернется.

— Она же злится не просто так. Сама говорила — после того, что произошло с Боженной... Наверное она винит во всем себя.

Она хотела выдать нечто колкое, но тут из избы послышался грохот, и о чем-то громко загомонила Хлоя. Хель помрачнела, оборвала речь на полуслове и схватила Кауряя за локоть, и не успел он опомниться, как она уже толкала его под крышу амбара.

— Божена это другой разговор, — заговорила Хель, когда их обоих скрыл полумрак. — Она была сильна, очень сильна как ведунья, но при этом крайне своевольна и горда. Иногда складывалось ощущение, что это не она наша «скромная ученица», а сама Божена считает нас своими слугами, которыми можно помыкать — вся в отца. Очень скоро она вовсе перестала бывать у нас, а если и появлялась, то только для того, чтобы что-то попросить, а когда не получалось достать это добром, начинала угрожать или просто брать без спроса. Ну, и я, в конце концов, не выдержала, надавала ей по щекам и просто прогнала нахалку со двора, лишив ее метлы и серёг. Но и это ее не остановило — она начала подсылать Малунью, чтобы та воровала для нее из сундуков.

— Малунья упомянула, что Божена пыталась вызвать какого-то демона. И провалилась.

— Да, — кивнула она с каменным лицом. — Вия.

— Вия? — переспросил одноглазый. От одного звучания этого имени у него отчего-то мурашки забегали по спине.

— Вий — это один гномьих королей Ямы. Странник, глаза которого способны видеть сквозь время и пересекать миры. Чудовищно сильное и древнее существо, которому лучше не переходить дорожку. Божена постоянно интересовалась такими сущностями, спрашивала, как их можно призвать, и что можно выторговать для себя. И я не удивлюсь, что именно Вия эта дуручка пыталась вытащить из Ямы. Глупая, несчастная душонка.

Она поглядела ему прямо в глаза и схватила за руку.

— Гвин, и ежу понятно, что от тебя нужно Малунье. Просто помни — правило “ведунья всегда умирает в одиночку” написано кровью. Это не моя блажь. Это кровь сотен ведьм, в том числе и моих подруг, которые пропали также — ни за что ни про что, только по собственной глупости и жадности. Но то, что подняла из Ямы эта наглая воровка настолько чудовищно, что мне и подумать страшно. Даже и не думай помогать Малунье!

— Ты боишься? Ты ли это, Хель?

— Да, твоя старая подруга Хель боится! Но свои силы нужно всегда верно оценивать, как также значится в одном из правил ведуний. Божена не рассчитала и поплатилась за это не просто жизнью, а еще и душой, которая уже по колено в Яме, а это самое страшное для ведуний — попасться. Попасться в лапы к кому-нибудь настолько голодному и сильному, что тебе не удастся не то, что сладить с ним, а просто удрать. Мы не ведьмы, Гвин, мы не служим Яме.

— Ага, вы у нее воруете.

— Сила на дороге не валяется! Но любая сила требует осторожности. Месяцев, а то и лет подготовки. Исследований, наблюдений и всего прочего, чтобы исключить даже вероятность провала. Божене все это было побоку, она всегда хотела больше и быстрее. Я ее предупреждала, но она не слушала. И теперь ее уже не спасти, Гвин. Я это знаю, лучше остальных. Не ходи. Божена сама выбрала свою судьбу. А ведунья всегда умирает в одиночку.

— Она же твоя ученица. Пусть и бывшая, но...

— Но, — сжала его руку Хель. — Божена сделала все, чтобы забраться на край Ямы, и не тебе ее оттуда вытаскивать, чтобы рухнуть вместе с ней.

— Я в любом случае поеду к воеводе, я уже дал обещание Кречету, что помогу им

сладить с Баюном. А там расспрошу и про Божену — если ничего и в самом деле поделаться нельзя, не стану рисковать.

— Воевода безумен, — проговорила она странным шепотом. — Он из тех людей, которые ухватятся за последнюю ниточку, но урвут свое. Если он узнает, кто ты, Гвин, то он скорее тебя в поруб бросит, но добьется, чтобы ты спасал его безнадежно увязшую дочь. А этот Кречет наверняка уже разболтал о тебе всему Пограничью. Лучше тебе даже и носа не показывай у Замка и даже не заикайся, что имел дело с нечистой силой — он возьмет тебя в оборот, ты даже глазом моргнуть не успеешь! Мне приходилось иметь с ним дело, и я не я, если снова стану ему помогать. Последнее время он совсем не выходит из своего Замка и давно повредился рассудком после смерти жены.

— Что же ты предлагаешь мне просто сбежать?

— Останься... — с надеждой в голосе проговорила ведунья, делая к нему нетвердый шаг. Каурай вздохнул и положил руки на ее чуть подрагивающие плечи.

— Нет, Хель, у меня еще есть незаконченные дела, — сказал он, мягко держа ее на расстоянии. — Мальчишки...

— Твоих засранцев мы найдем, — махнула рукой ведунья. — Мор уже один раз отыскал Бесенка — найдет и во второй.

— Ваш Мор легко может переварить их, пока добежит до избы! Но мне еще нужно вернуть Красотку и мою железку. Куроук в желудок к вашему любимцу точно не вместится.

— Ты про тот жуткий меч?! Ты еще не избавился от него?

— Нет. Если я не отыщу Куроук, то он с удовольствием сам отыщет меня. Только жертв будет втрое больше.

— Была бы я на твоём месте, уже давно закопала бы где-нибудь или выбросила в море...

— Поверь, я пытался. Но это не выход. Я не могу просто так оставить все на самотек и спрятаться здесь. Да и кто знает — к моему прибытию панночку уже сто раз схоронят. Думаю, минувшей ночью она уже отдала Спасителю душу. Вернее, этому Вию.

— Не знаю, Гвин, — опустила глаза ведунья. — Пан воевода легко выкопает жену из могилы, лишь бы все было по его хотению. Это очень страшный человек, а нынче, чую, он просто озверевает от горя. Совсем недавно он схоронил Ладу, с которой у них не было никакого счастья. Он держал жену взаперти с тех пор, как они насильно обвенчались, и в конце концов загнал в могилу. Если умрет и дочь — вернее когда она умрет — Серго станет настоящим монстром и тогда горе всем валашцам, кто не успеет сбежать. Я сама подумываю уехать отсюда, уж слишком опасно стало в Пограничье. Сначала этот Баюн, потом люди Кречета, которые ничуть не лучше, а теперь и таборщики. Не хватало нам еще и ярости воеводы, если он вдруг проведет ниточку от своей дочери к нам. Знаешь как его прозвали местные? Шкуродер. Только тсс... Даже не думай называть его так на людях.

— Хель... — поджал губы Каурай. — Пустое. У меня нет никаких обязательств перед этим человеком. Не факт, что он вообще согласится меня принять, раз безвылазно сидит в этом своем Замке. Головорезов у него целый острог. Зачем ему еще один?

— Я бы тоже хотела так думать, — пробормотала она. — Но, поверь... Воевода... проклят. Как и весь его чертов острог. Я знаю, о чем говорю.

— Проклят? — поднял бровь одноглазый. — Кем?

— Не знаю... Это очень сильные чары, и даже мне к ним не подступиться.

— Он нанимал тебя, чтобы ты сняла эти чары, и...

— Да, — еле слышно призналась она. — Я провалилась.

— Полагаю, Божена пыталась призвать демона, чтобы он снял проклятье с ее отца?

— Нет. Она ненавидела его всей душой. Такого как Серго невозможно любить. Тут только жадность и тщеславие... не более. Не ходи.

— Я пойду, — твердо проговорил Каурай. — Если ты говоришь, что Серго обязательно сорвется с цепи после смерти Божены, то представь, что это будет за чудовище, если его дочь не просто отойдет в мир иной, но и станет добычей Ямы? Кому он попробует отомстить в первую очередь?

Она долго сверлила его недовольным взглядом. Но сдалась и опустила плечи.

— Ладно, — вздохнула она. — Но как ты доберешься до Валашья? Тебе понадобится лошадь.

— Ни за что.

— Гвин...

— Я не стану обворовывать вас еще и на лошадь. Вы и так дали мне куда больше, чем нужно.

— Если бы ты остался здесь, тебе не пришлось бы нас обворовывать.

— Хель!

— Ладно... Но идти пешком до Валашья в такое время — крайне опасное занятие. Даже для такого как ты. Вот что! Выправим тебе Подорожную.

— Подорожную? Хель, это уже с лишком!

— Заткнись, я сама лучше знаю, что с лишком, а что нет, — отмахнулась она. — Ты только приехал, ты и понятия не имеешь, насколько тут все серьезно. Не пройдет и нескольких дней, как даже сюда могут заявиться либо головорезы Баюна, либо Кречет со своей ватагой, либо эти табунщики... Ох, и заварили мы кашу...

— Мы?

— Гвин...

— Да?

— Помолчи...

И тут она положила ладони одноглазому на предплечья и решительно согнула руки, разрушая преграду между ними.

— Хель... — проговорил он, когда она коснулась его грудью.

— Молчи, — произнесли эти сладкие губы, прежде чем сомкнуться на его устах и властно добиться ответа.

Она все еще была такая же — он не мог не отметить это, когда легко укусил ее пару раз. Она была не против, и с удовольствием куснула его в ответ, оплетая руками его шею, проходясь пальцами по его поседевшим волосам. Спустилась ниже и...

— Не надо, — остановил ее Каурай. Их близость длилась считанные удары обоих сердец, торопливо догоняющих друг друга в унисон.

— Мы можем его убрать, — не отпускала она его. — Это не так сложно... Всего лишь горб. Зачем он тебе? Остайся.

Но спустя пару вязких мгновений он снял ладони с ее плеч, в последний раз вдохнул аромат сирени, пройдясь носом по влажной щеке, и, не оглядываясь, вышел во двор.

* * *

Ушел он без лишних церемоний. Только обнял каждую ведунью на прощанье и звонко поцеловал в прохладную щеку. Больше всех отчего-то растрогалась Хлоя — она чуть ли не рыдала, когда он присаживался на дорожку, а потом принялась водить руками вокруг себя,

чтобы еще раз потрогать «недотепу Гвина», как она выразилась.

Но Каурай только скрипнул дверью и быстро зашагал в сторону леса, стараясь не оглядываться. Не хотелось снова сталкиваться с ними взглядом — ни с нервно кусающей губы Вандой, ни с зареванной Хлоей, ни с внешне невозмутимой Хель. Он чувствовал, что все трое застыли на крыльце, глотали слезы и что-то бормотали ему вслед, выжидая пока широкая спина их старого друга не утопнет в массе скудеющей листвы. Ему тоже было невмоготу — запоздало скатившуюся слезу он вытер только тогда, когда изба затерялась среди деревьев.

Хоть ведуньи и объяснили ему как выйти из леса, но он все равно довольно долго плутал по окрестному бурелому, прежде чем набрел на хоть какое-то подобие тропы. Идти по ней было не в пример легче, чем лазить по кустам.

— Спешешь? — неожиданный вопрос разбил тишину лесной глуши. Одноглазый потянулся к кинжалу — он жутко ненавидел, когда к нему вот так подкрадываются — и огляделся, но кроме сотен березок вокруг глаз его поймал лишь зелень, трепещущую на ветерке.

— Да тут я, глазик свой выше подними!

Каурай выругался, когда задрал голову — ухмыляющаяся Малунья сидела прямо на ветке и болтала своими гигантскими сапожищами.

— Вижу я, как ты выполняешь свою часть сделки, — буркнул одноглазый и пошел дальше.

Скрипнула ветка, сверху донеслось:

— Эй, даже не снимешь меня?

— Еще чего, — хмыкнул Каурай и пошел дальше. — Как сама забиралась, так и слезешь.

— Ну, одноглазый, погоди!

Ветка снова скрипнула и на землю рухнуло нечто тяжелое, громко пискнув при этом. Каурай даже не подумал обернуться. Быстро зашелестела трава — удар кулачком пришелся прямо в горб. Одноглазый скривился, но сделал вид, что даже не заметил.

— Ты даже не спросишь, что мне от тебя нужно? — бросила она ему в спину.

— Я думал все кристально ясно, — вздохнул он, но остановился и устало поглядел на ведьмочку. — Я помогаю тебе, ты — мне. Проблемы?

— Ага, — надулась она. — Ты так и не сказал, где я должна найти этих твоих оболтусов?

— Ты же ведунья?

— Да. И что?

— Мальчишки это что иголки в стоге сена? Мне что объяснять тебе, как ведуньи ищут людей, если им сильно нужно?

— Нет... но...

— Или нам пойти прогуляться до наших общих знакомых и попросить их?

— Нет, — надула она губы. — Ты издеваешься надо мной!

— Совсем немного. Но ты хорошо знаешь этого Бесенка, значит, найти его будет куда проще, чем мне. Что совсем не знаешь, куда он может направиться?

— Догадываюсь...

— Вот, значит ты уже на шаг впереди, — кивнул одноглазый и зашагал по лесу дальше, надеясь, что дурочка отвяжется. Напрасно.

— Постой...

— Что еще? — скосил он глаз на непутевую ведьмочку. И как она могла ему показаться настолько таинственно-пугающей в лагере таборщиков? По тропинке бежала невысокая, тоненькая девчушка. Большие постоянно бегающие глазки навывкате и вздернутый носик-кнопка грозно выглядывали из-под низко надвинутого капюшона. Глупый несформировавшийся подросток — даже груди еле намечались под плотно прилегающей тканью короткого плащика.

— Просто скажи — ты правда направляешься в Валашье? Не врешь?

Одноглазый лишь хмыкнул на такое подозрение. Бойтся, что он обманет ее? Что ж, не на пустом месте — ради нее бросаться с головой в пылающее горнило у него и вправду нет ни одной видимой причины.

— Чего молчишь?

— Правда, — отозвался он, не замедляя шаг. Его уже начинало раздражать ее присутствие.

— Почему? Не боишься?

— Работа такая.

— Какая?

— Очень опасная.

— Ты же опричник?

— Какая смышленная.

— Дурак! — обиделась она; и добавила: — Я думала, вас почти не осталось.

— Ты была недалеко от истины.

— Тогда почему? Раз вас пустили под нож, и люди больше в вас не нуждаются...

— Вот тут ты ошибаешься.

— В чем? Вас же так мало? Ни разу не приходилось видеть ни одного опричника. Знаю о вас только по рассказам... не очень хвалебным.

— То что нас мало — ты права. Ты ошибаешься, что люди в нас больше не нуждаются. Хотя это и вправду спорный вопрос.

— Ты сам-то знаешь на него ответ?

— Не буду врать — люди сами не знают, хотят ли они избавиться от порождений тьмы или им удобнее жить с ними бок о бок. Ведь это только в сказках чудовище может ураганить по округе и жрать всех без разбору. И нужно лишь найти смельчака, который не побоится отправиться с ним на бой и прикончит чудовище прямо в логове. Дальше всеобщее ликование, красавица жена и полцарства в придачу. В жизни... бывает всякое.

— Чудовища более разборчивы? Предпочитают девственниц?

— Нет, но есть и такие. Я про людей. Некоторые настолько успешно уживаются со злом, что оттенки темного размываются. Всегда сложно определить к добру ты убил чудовище или с его смертью станет еще хуже. Вот ты, например?

— Что я? По-твоему я порождение тьмы?!

Одноглазый ухмыльнулся.

— Скажешь, нет?

— С ума сошел! Я ведунья!

— А в чем разница?

— Мы не убиваем людей, не насылаем болезней, не вызываем бури, не ворует детей. Договор, и все такое прочее...

— Лишь пользуетесь плодами рук убийц.

— Но сами не убиваем!

— Не убиваете... Но без смертей вам не прожить. В том числе и без насильственных.

— И что из этого? Я за всю свою жизнь не убила ни одного человека!

— Зато наверняка покопалась во внутренностях десятков, дождавшись, пока те не откинут копыта. Как там? Кажется, четвертое правило ведуний: “ведунья не убивает без причины”. Верно?

— Верно. И что?

— То есть все-таки убиваете?

— Да, но по причине! Например, самозащита.

— Какая удобная логика.

— Сказал человек, который не умеет ничего больше, кроме как убивать!

— Я же не придумываю себе кодексов. Хотя тут ты права, мы едва ли сильно отличаемся друг от друга.

— К чему ты клонишь, одноглазый?

— К тому, что для обычного крестьянина между ведьмами Гона, которые могут забрать целую деревню, чтобы скормить ее жителей Яме, и девчонкой, которая обмазывается кровью убитого на дороге, нет никакой разницы. И то, и другое вы делаете ради Силы. Вы обе стороны одной монеты. И силу вы выкачиваете из одного источника — из Ямы.

— Какое мне дело до того, что про нас думают крестьяне? Для них и ты мало чем отличаешься от ведьмаков... хотя в чем-то они правы.

— Я видел достаточно людей, которые пользовались услугами прислужниц Ямы и слышать не хотели, чтобы изгонять их или тащить на костер, как того требует Кодекс Пламени. Опричников они сразу встречали вилами, и такие деревни мне приходилось объезжать десятой дорогой и ночевать в лесу.

Я видел места, где ведуньи имели настоящую власть, им посвящали баллады, строили в их честь храмы и только огнем и железом их можно было сбросить с трона и заставить местных вспомнить догмы Пламенной длани. И если князьям это и удавалось, то не проходило и пары лет, чтобы крестьяне снова не привечали к себе новую ведьмочку, и все шло по новой. Впрочем, видал и тех, кто и слышать не хотел о ведовстве и любого, кто только помыслит о том, чтобы просить помощи у колдуна, живо располосует на площади. Но таких мало. Гораздо больше тех, кто живет и тем, и другим. Верит в Спасителя, но ходит на поклон к ведьмакам. Как ты думаешь, почему?

— Догадываюсь... Догмы догмами, а жизнь жизнью.

— Верно, — кивнул Каурай. — Иначе им не выжить. Моровое поветрие, неурожай, война, голод... После нескольких месяцев на лебеде и крапиве кто угодно поменяет свои взгляды на колдовство и Падчериц Сеншеса. Если общение с нечистой силой поможет вырастить новый урожай и накормить детей, то даже человеческие жертвоприношения — не такая уж большая цена. Да и ведьмами чаще всего становятся не пришлые чужаки, а родная кровь, такие же забитые крестьянки, помыслы которых куда ближе и понятнее, чем заумная брань духовенства. Между одним злом и другим, немного поразмыслив, они всегда выберут меньшее, и не мне их винить.

— Странно, что все это говоришь мне ты, — хмыкнула ведьмочка. — Человек, который призван истреблять наш род... Хладнокровно решаешь за других, какой выбор им сделать. Кому жить и продолжать творить, как тебе кажется, зло, а кому пора в мир иной.

— Иной раз требуется, чтобы кто-то сделал этот выбор за других. Кто-то, кто способен

заглянуть в будущее и ужаснуться последствиям.

— И это ты? — спросила ведьмочка с иронией в голосе. — Ты определяешь меру необходимого зла, чтобы ужаснуться?

— И это я, — не моргнув глазом, кивнул Каурай. — Одна из причин, почему мы с вами до сих пор ходим по этой земле и до сих пор не поубивали друг друга.

— Я знаю, одноглазый — именно поэтому вы и пошли на Договор! Вместо того, чтобы пролить реки крови и выкорчевать ведьм на корню, опричники решили просто договориться. И сэкономить силы, надеясь, что среди нас станет больше тех, кто пойдет на компромисс. Так появился Ковен и Дикий гон. Две стороны одной монеты, как ты изволил выразиться.

— Вижу, Хель не просто учила тебя делать пассы и плясать вокруг костра...

— Сейчас получишь!

Одноглазый хохотнул. Он знал, что это не так.

До пепелища — все, что осталось от почившей шинки — они добрались к полудню. Там и разошлись.

— Еще раз, одноглазый, — остановила она Каурая, коснувшись его предплечья. — Обещай, что отправишься в Валашье и спасешь душу Божены.

— Ничего я обещать не могу, — мягко одернул руку одноглазый. — Вполне возможно, что Божена уже мертва и спасать будет некого.

— Если она уже мертва, — опустила глаза Малунья и поджала губы. — Это очень хорошо. Но все равно обещай, что попытаешься.

— Обещаю. А ты...

— А я позабочусь о табунщиках и найду твоих глупых мальчишек, — проговорила ведьмочка себе под нос и, не оглядываясь, зашагала в другую сторону.

Угли пострадавшей шинки едва теплились, а вокруг не было ни души, чтобы рассказать одноглазому, куда направились казаки после того, как разбили разбойников Баюна и нарубили голов. Стоило ему только задаться этим вопросом, как ответ пришел сам собой — вдоль дороги, уводящей путника дальше от шинки, по деревьям за ноги были развешаны обезображенные тела разбойников. Вокруг них металась тучи воронья, гудели мухи всех форм и размеров, уже на подходе с ног сшибающий смрад заставил Каурая прибавить шагу и побыстрее покинуть окрестности сгоревшей шинки.

Шел он, впрочем, недолго.

Казачий разъезд встретил его на перекрестке. Стоило одноглазому только вздохнуть полной грудью и порадоваться, что последнее из гниющих тел осталось за его спиной, как к нему уже неслись трое всадников, недружелюбно покачивая копьями.

— Стой же! — кликнул его престарелый предводитель с люлькой в зубах и в сбитой набекрень шапке. — Кто таков?

— Опричник я, направляюсь во Валашье, — ответил одноглазый, когда все трое обступили его со всех сторон. — Можете называть меня Каурай.

— Опричник? — поморщился казак, оглядывая путника с ног до головы. — Тут голытьбы всякой как волков не резанных по лесам ползает. Опричник! Где ж черепушка твоя, пан опричник? Нету?! Ну-ка признавайся, кто таков? Дезертир? Мародер? Своих подельничков пощупать пришел, а? Или ты с заданием от самого Баюна?!

— На службу хочу наняться к пану воеводе, — спокойно отозвался Каурай. — Бить этого самого вашего Баюна и его свору.

На эту его фразу сразу трое прыснули разухабистым смешком.

— Ржа у тебя самого как пить дать бандитская, — поморщился второй всадник, рябоватый и безусый. — Самое оно для Баюна! Псиной несет за версту!

— Чой ты думаешь пану воеводе лишние люди навроде тебя нужны? — весело заулыбался предводитель троицы, не выпуская люльку из зубов. — Да ты погляди на себя, каков красавец! И одежда явно не с твоего плеча — чуть тесновата будет на твоём горбу. И ножик явно лишком. Кинжал-то тебе зачем, мил человек? Зайцев панских резать?

— От бандитов отбиваться. Коих тут и впрямь с избытком.

— Но-но, не хами нам, мил человек опричник, а то мы тебя быстренько за ноженьки подвесим!

— У меня дело к пану воеводе, — Каурай уже терял терпение. — За меня поручится и пан Кречет. Слыхали про такого?

— Про пана Кречета вся округа слыхала, — махнул рукой предводитель. — Нашел чем удивлять! Чем докажешь, что ты не из людей Баюна?

Тут Каурай хлопнул себя по лбу, вспомнив про Подорожную, которой одарила его милая Хель, и сунулся в сумку. Тубус из телячьей кожи сам прыгнул в руку — внутри лежал свернутый в трубочку лист пергамента, перевязанный тесьмой. Каурай даже не спросил ведунью откуда у нее эта Подорожная и напрочь забыл о ней, пока прощался с растрогавшимися подругами.

— Вот, — протянул он пергамент предводителю, — помогайте мне, добрые паны, добраться до Валашья и отыскать там пана голову. Он вам еще и спасибо скажет, что не

отказали его близкому другу в помощи.

— Дружбу водишь с Кречетом? — удивился казак, но принял пергамент.

Двое подручных переглянулись, когда их предводитель дрогнувшей рукой распустил тесемки, и Подорожная важно раскрылась перед их озадаченными лицами. Все трое сунули носы в лист, принявшись что-то сосредоточенно там рассматривать, вертеть так и эдак, да совещаться вполголоса, подозрительно поглядывая в сторону одноглазого. А он ждал. Каурай умел ждать.

— А не брешешь ли ты часом, одноглазый? — наконец оторвался от пергамента предводитель. — Подорожная у тебя вроде верная, но что-то я не припомню такого прощальгу как ты...

— Нам не можно в эдакие времена врать, паны, не можно, — ухмыльнулся Каурай. — А ежели вру, то Кречет сам найдет удовольствие в том, чтобы подвесить меня за ноженьки и покуражиться. Не хотите проводить до Валашья, то дайте мне дорогу. Не задерживайте меня, служивые!

* * *

Ночь Каураю пришлось провести в лесу, отгоняя тучи комарья и осыпая новых знакомцев десятками солдатских баек и пошлых анекдотов, которые только приходили ему в голову. К тому моменту, как солнце окончательно простилось с лесами и полями Пограничья, одноглазый со своими негаданными попутчиками сделались закадычными приятелями, и те напрочь забыли о своих подозрениях вкупе со злосчастной Подорожной. Довольно быстро ей на замену в пальцах образовалась фляга с горилкой, и вечерок заурчал в совсем ином русле. Над трескучим костром качался булькающий котелок, казаки с расстановкой зевали и деловито пыхтели люльками.

— Вон оно как, пан Каурай, — вздыхая, зачищал яйцо в руку предводитель, звавшийся Чарбыном. — Нашли нашу панночку Божену не где-нибудь, на дороге али в другой какой канаве. А в церкви.

— Неужто?

— Сами поверить не можем, но гутарят прямо на алтаре и наши. Поп местный нашел — Кондратом кличут. Страшно набожный человек и вот... Сначала подумали шутка какая? Где же это видано, чтобы такие злодеяния в божьей обители творились. И я не верил. Пока не увидел как ее из церкви выносят. Всю окровавленную.

— Ее убили?

— Баюн был бы не Баюн, если бы просто убил, — сплюнул он в костер. — Нет, пан, живой ее наши, но чуется мое сердце ненадолго это. Там аж мясо ключьями свисало... Помню, кричала она страшно. Живая. Ее крики даже за стенами острога слышать. Как страдает.

Он чуть помолчал и продолжил:

— Я сколько живу, никогда такого сраму не видал... В божьей обители! В храме Спасителя! Куда еще Баюн в следующий раз наведается?

— А пан воевода Кречету прямо сказал: найдешь Баюна или сам голову свою на колоду положишь, — добавил безусый казак по прозвищу Зяблик — тот самый, лицо которого было испещрено оспинами.

— Мы и так носимся как неприкаянные по всему Пограничью, света белого не видим, — покачал головой Чарбын. — Каждый куст уже облазили, каждый камешек перевернули, без числа людей положили с обеих сторон, а все без толку. Удастся негодяю

выскользнуть из рук, не скатывается с плеч Баюнова головушка, точно заговоренная она.

— Так может и впрямь заговоренная? — предположил одноглазый. — Поговаривают же, что Баюн душу свою нечистому продал.

— Бабье нашенское на всякую порожную чушь гораздо. На то их природа и поставила! А вот не верю я ни в какие заговоры и колдунства. Нет, они-то конечно на свете имеются, но списывать все на магию, когда сам себе в штаны навалил — дело последнее. Когда враг твой дьявольски хитер, то тут одно из двух: либо ты его перехитришь, либо он тебя. Вот в чем, брат, штука. Баюн-то не дурак — много кого на Пограничье подкармливает, чтобы хранили его нечистую душу и вовремя прятали, когда на горизонте покажется разъезд. Некоторые за него прямо Спасителю молятся, чтобы не погубил его пан воевода.

— В самом деле?

— Истинно говорю тебе — так и есть! Для кого он злодей, а для кого и заступник от панских поборов. Но ежели что, этого я тебе не говорил.

— И давно он на Пограничье орудует?

— Не то, чтобы давно, но и не вчера — уж года три, не меньше, — почесал за ухом Чарбын. — До этого, как гутарят, что он со степняками дружбу водил. Да так водил, что добрался аж до самого шатранского хана! — полюбился ему и тот сделал его своим личным хагеном, нарядил в шелка, дарил тому подарки, и иной раз стал захаживать к нему в опочивальню, — при этих словах Чарбын хихикнул и почесал свои покладистые усы. — Но вскоре Баюн оставил его и поехал колесить по Пенеальскому Союзу и другим землям, но видать нигде не оставался надолго, и так пока не осел на Пограничье. Лихая у него душа, неприкаянная. Вот нигде и не способна найти себе пристанища. Ежели так, как народ рассказывает, то не поймай его Кречет, попомните мое слово, надоест ему здешнюю гольтьбу щупать, он и отсюдава сбежит — куда-нибудь за море, или вообще на самый север, в услужении альбийским демоницам.

— Интересно, откуда такие подробности?

— А ты как думаешь? — Чарбын надул пухлые губы и поплотнее закутался в свой зипун. — Баюн он, считай, наш родной уже — вот и ходят об нем самые разномастные слухи да рассказы. Правдивые или нет, этого мы никогда не узнаем. Я так разумею — он же про себя эти слухи и распространяет, дабы нашего пана воеводу позлить.

— Это уже напоминает нечто личное. Я прав?

— А кто ж его знает, — покачал головой пан Чарбын. — Много разговоров ходит про отношения воеводы и Баюна. Иные языки дохлестываются даже до того, что Баюн есть ублюдок воеводы али сынок его почившей женушки, которого она заделала с чертом. За что он ее и пришиб... Но это уж совсем не в какие ворота.

— Видать, у воеводы непростой характер, раз про него столько сутолок ходит.

— Ты главное знай одно, пан, — наставил казак на одноглазого палец. — Ты когда приедешь в Валашье, помалкивай обо всем, что услышал про воеводу и Баюна — не любит от энтих слухов, ой как не любит, а соглядатаев у него масса. Дойдет до его ушей, что болтают про него всякое — ты не смотри, что он из Замка не показывается — снимут голову, и моргнуть не успеешь! Недавно вот дурачок наш, Рябчик, прозванный Подмышкой, ляпнул, дурень, что, мол, Баюн-то пропавший жених панночки Божены, которого воевода когда-то обманул, а когда тот пришел к нему своего требовать, в поруб бросил гнить. Но тот не сгнил, выбрался, собрал банду обиженных да и принялся мстить воеводе смертной мезьей. Не успел дурак рот свой закрыть, как взяли его под белые рученьки кречетовы молодчики да и в

мешок! Теперь Рябчик Подмышка русалкам да пиявкам свои сказки рассказывает — со дна речки Смородинки. Вот так.

— Недавно вот приказ вышел, — объяснил Зяблик. — Про Баюна вообще разговаривать запрещается. Даже поносить и бранить нельзя, не то что слухи распускать. Всякому, с чьих губ имя Баюна слетит близ Валашьих стен, того плетью бить велено, а то и ноздри вырвут.

— Так-то! — кивнул Чарбын. — Вообще в нехорошее время живем. Тока-тока нашествия шатранских степняков отстроились и начали нормально жить. Тогда кое-как отбились, силами нашего пана воеводы, а вот на тебе! Кое-то уже, видать, и позабыл во что нам обошлось Запустение.

— Балуют поди степняки?

— А то как! Сейчас-то присмирели, только пару раз за годик, как шило у них в жопе засвербит, так они побалуют по пограничным хуторам. Но в прежние времена давали они нам перцу. Я когда еще молодым был, прошлись они по Пограничью из конца в конец, все пожгли да потоптали. В полон увели всех, до кого могли их загребущие лапы дотянуться! На то оно и Запустенье, что после него хоть шаром покати. Если б воевода людей не собрал да и не дал им в подбрюшьи как следует, так и паслись бы тут их табуны до скончания веков. Но отбились, милостью Спасителя. Нам бы только радоваться, но беспокойный тут шибко люд — ему мало мира, так еще волю подавай! И вот поди то разбойники шастают, как у себя дома, то ведьмы с песнями по небу летают, то твари лесные у добрых людей глотки рвут. Слыхали небось? Третьего дня нашего пана Чубеца загрызли прямо у нужника. Да еще и как загрызли?! Из живота все потроха наружу, голову едва нашли — так далеко она от туловища откатилась — а на ней только зубов осталось десять штук. Словно специально бедолагу хотели побольше погрызть.

— Волки? — побледнел Зяблик и опасно поглядел в темноту за плечами.

— Куда там, волки... бери больше! Соседи гутарят, видели, как по округе носился здоровенный вервольф, злющий, аки сам Сеншес! Гигантский, шкура словно иглами выложена, зубищи, когтищи — такими он с одного удара Чубецу голову да и отсек! Потом прыг через плетень и во двор, где жинка его с ведрами таскалась, и ее напополам! Уж как он до детишек ихних не добрался, тут явственно сам Спаситель сироток уберег. И пока лакомился он потрошками Чубеца и жинки евоной, на спине той адовой псины восседала ведьма, колола того волчару иголкой в бок и только распалая его изуверство, разогревала в нем аппетит. Налакался тот волк теплой кровушки бедняги Чубеца и решил он с этой своей пассией, значица, покувыркаться немного, но тут набросился на них сам Сеншес!

— Сеншес? Ну ты сочинять горазд, пан Чарбын!

— Истинно говорю тебе, Зяблик! — упирался Чарбын. — Сеншес и никто иной, точнс из самого пекла восставший, чтоб с собой изуверов утащить. Собой он черен, как уголь, а морда у него страшная, словно тесто на одну сторону башки сквашенная, а во лбу глазище горит! Бросились они друг на дружку и покатались клочки по закоулочкам. То вся округа по хатам затаилась и слыхала, как вервольф страшно рычал, но Сеншес напротив — ни звука не проронил, хоть и тварь от него кусок за куском выдирала. Он ей тоже знатно бока намял, однако вервольф тот победителем из той схватки вышел. Подхватил свою ведьмочку и поминай как звали. Вот так!

— А что ж Сеншес?..

— А он сам себя из кусочков, гутарят, собрал да и ушел, понунив голову. Бедолага. То-то его жинки со свету сживут, когда узнают, что он ту животину упустил. Эх, не хотел бы я

быть на его месте, чтоб так опростоволоситься!

— Страшные времена, — покачал головой третий казак, который до этого не произнес ни слова. Звали они его просто Молчун, да он и не спорил.

— Да, тут с тобой как всегда не поспоришь. Одной напасти нам с Баюном мало, так теперь и ведьмы пожаловали со своим чудищем, чтоб их Сеншес к себе в берлогу утащил! Как бы теперь Кречету не придется наряду с Баюном еще и на оборотня охотиться, и на ведьм в этом их леснице, где они верно окопались. Если сам Сеншес не смог с той тварью сладить, то нам, походу, попотеть придется. Ты, случаем, не по части заупокойных тварей к Кречету на службу наняться порешил, уважаемый пан?

— Как раз, — кивнул Каурай. Он бы мог немало рассказать им и про оборотня, и про ведьму, и про одноглазого Сеншеса, но благоразумно смолчал. На зубах чувствовался стальной привкус крови, и он сплюнул в костер. Их с Малуньей ждал очень серьезный разговор.

— Славно! — довольно потер ладони Чарбын. — То-то нам с опричных дел мастером сподручней будет нечистого гонять.

— Но так что, паны, а не пора ли нам на боковую? — предложил Каурай. — А-то ж нехорошие вещи обсуждаем. Как бы не привлечь кого, недоброго.

Все покивали его справедливым словам, и тут же завалились спать, даже не удосужившись потушить люльки.

В этой тихой, почти безветренной ночи, когда даже кузнечики пиликали из травы как-то неважно, а облака на бездонном небе ползли, словно из последних сил карабкаясь по еле намеченным звездам, сердце одноглазого было неспокойно. Может, и не стоило покидать убежище ведуний, бросать троицу на произвол судьбы, как ему теперь виделось? — колола его упрямая мысль после того, что услышал он из уст словоохотливых казаков.

Но и мысли о том, что по этим самым лесам сейчас где-то бродит Гриш на пару с неугомонным Бесенком, а по чьим-то жадным рукам путешествует окровавленный Куроук, срубая одну голову за другой, тоже не давали одноглазому спокойно раскурить табачок и забыться скоротечным сном. Увы, сидя под гостеприимной крышей Хель, он только закроет дела в долгий ящик и отсрочит неизбежное.

Но не успел он затолкать неприкаянные мысли подальше и задремать, как уха коснулся отдаленный колокольный звон. Поначалу Каурай подумал, что это лишь отголосок намечающегося сна. Однако шло время, а колокол все не унимался, и с новой силой распевался на вершине невидимой колокольни — все громче и громче, оглашая округу каким-то замогильным боем, от которого стонало сердце и бегали мурашки по спине. Вот и казаки заворочались на своих местах, беззлобно поругиваясь в сторону неотесанного звонаря, который на кой-то ляд решил помучить колокола глубокой ночью.

— Ишь, заливаается, проклятый, — пробурчал себе под нос Чарбын, попыхивая пахучей люлькой. — Так же всю ночь греметь будет...

— Это что за поп у вас усердный такой образовался? — поинтересовался Каурай, заинтригованный ночным концертом и подозрительно будничным отношением к нему казаков.

— А кто ж его знает... — устало вздохнул Чарбын и перевернулся на другой бок. — Никто этого попа и не видел.

— Как так?

— А вот так, — зевнул казак. — Давно уже эта колокольня по ночам трезвонит, а кто

там орудует и спать людям не дает — никто не знает. Старая она, полузаброшенная церква — стоит себе глубоко в Рыжем лесу и дряхлеет. Когда-то давным-давно ее поставили, еще и меня на свете не было. Но, гутарят, то ли в плохом месте поставили, то ли потом уже проклял ее кто, а вести службы в ее стенах стало дюже опасно — мол, бесы в ней завелись, и никто их вытравить оттуда так и не смог. Вот до сих пор и стоит она, заросшая мор-травой, и уже мало кто помнит туда дороги. А если и вспоминают, то в такую ночь как эта, когда колокол одиноко бьется — там в темноте. А чьи это проказы — шутника ли какого, или самого Сеншеса, этого мы не ведаем.

— Слыхивал я, там уже давно никакого колокола нету, — подал голос Зяблик. — Сняли его, еще я малой был...

— А что ж это звонит посреди ночи?

— А я знаю? — пожал плечами казачок. — Кто недалеко от Рыжего лесу живет, поговаривают, мол, когда колокол бьет, кажется, что звук идет из самой толщи земли.

Они подошли к башням Валашья на следующий день, к вечеру, когда острог заливало кровавое закатное солнце. Вокруг земляной насыпи, на которой и уселось бревенчатое укрепление, широкими кольцами разбросало дымящие домики — в пару сотен дворов, не меньше. Целый город. По местным меркам, естественно.

Встретил пришельцев, как водится, захлебывающийся собачий брех.

— Но-но, паскудный! — заворчал Чарбын, похлестывая нагайкой у собак перед мордами. — Неча на родное бряхаться, чай не узнали?!

Собаки еще погавкали для порядку, и, виляя хвостами, разбежались кто куда, неодобрительно поглядывая на Каурая. Он шел пешим ходом в кольце всадников, не упуская из виду угловатые грани острога, одинокую маковку церкви с Пламенеющей дланью и покатую крышу панского терема, распростершую над частоколом расписные крылья. Завидев чудного гостя, встречные бабы осеняли себя пламенным знаком, а мужики заинтригованно подкручивали усищи, поплеывая табачком им вслед. Мальчишки тоже не упускали возможности ткнуть в его горб пальцем и припустить следом. Тут и там до ушей доносилось сказанное полупшепотом — “Баюна окаянного привели”.

Первыми, кто вышел поприветствовать гостей, оказались отнюдь не стражники неприступной обители. Еще на подступах к островерхим стенам Каурай услышал противное карканье, а следом разглядел окровавленные, выеденные глазницы и чуть приоткрытые беззубые рты. Отсеченных голов, нанизанных на заостренные прутья, над зубцами были наверное сотни. Вокруг них тучами носилось чернокрылое воронье.

На мосту через ров, забитый кольями и острыми камнями, хищно выглядывающими из-под воды, казаков не стали долго держать — скучающая стража перебросилась с ними парой неутешительных новостей и оценивающе поглядела на пленника.

— А энтот хто будет? — хитро ухмыльнулись в русые усы. — Неужто сам Баюнок пожаловал?

— Пан голова решит, что за зверь, — пожал плечами Чарбын. — Сам твердит, что пришел на службу наниматься и знает с Кречетом. Вот и поглядим, правду говорит аль брешет.

Стражи на это только покачали чубами и раскрыли воротину, чтобы туда могли друг за дружкой проехать всадники.

Хоромы пана воеводы оказались острогу под стать: трехэтажный бревенчатый сруб, опоясанный лестницами и переходами, увенчанный “глазастым” теремом. Гигантский, расписной чудо-корабль, нависающий над частоколом размахистой крышей, башнями и всем, что могла изобрести зодческая фантазия. Настоящая крепость в крепости, от которой веяло холодком и неприступностью. Несмотря на великолепие резных балконов и обилие разноцветных окошек, радующих глаз, дом воеводы неуловимо напоминал укрепленную темницу с золочеными прутьями.

Замок. Точнее названия и не придумаешь.

Стоило казакам вывести коней из-под стен, как на них накинудся залиvistый бабий вой — на крытое крыльцо выбежала женщина в сбитом на затылок платке. Едва не скатившись по крутым ступенькам, она схватилась за расписной столбик и вне себя от горя принялась безутешно выть. Вышедшие следом девушки не без труда уговорили бабенку вернуться

обратно под крышу мощного строения.

Всадники, тем временем, миновали богато изукрашенную деревянную церковь и пресекли половину двора, но навстречу им никто не вышел — дворня бегала от одной клетки к другой, низко пригнув головы, а то и мелькали по углам точно тени в подземном царстве.

— Да уж, вовремя мы приехали... — почесал затылок Чарбын. — Эй, Усман!

— Чавой? — возрился на них коренастый казак с перевязанной головой, который сидел под окнами панских хором.

— Вот это у тебя пробоина! Кто ж тебя так?!

— Да нам вчера Ранко кобылу откуда-то притащил на наши головы. А она весь острог тут на уши поставила — ее десять мужиков удержать не может! Уже парочку перекусала, пятерым лбы порасшибала, — во, видал? — наклонил он перевязанную голову. — Меня, самого коменданта не пожалела! Не лошадь, черт с копытами! Но, да, красotka, каких поискать...

— Понятно, а где нынче пан Кречет? Мне нужно ему конвоируемого показать, а тут... Эх!

— Известно где — с паном воеводой. Но придется тебе обождать чуток, скорее всего, до завтра. Им уж точно не до твоего конво... когда... тьфу ты! В общем, заняты они, серьезные дела обсуждают.

— Какие?

— Как будто ты не знаешь, какая беда к нам пришла? В воеводиных покоях нынче все — пан голова, отец Кондрат и прочие достойные лица. Так что, ежели этот тип не сам атаман Баюн, то даже не заявляйся!

— А ты чего тут? Ты ж комендант!

— А у меня раненья! Во! — снова подставил он забинтованную голову. — Все трещит да расплывается, уж не знаю как сегодня усну.

— И куда ж мне его девать?

— А я знаю? Бумаги какие у этого хлопца имеются? Ой, и несет от него псиной страсть!

— Имеются, — кивнул Чарбын и вытащил из-за пазухи Подорожную.

Усман принял пергамент, с сомнением поджав губы и откашлявшись. Затем деловито развернул лист и начал напряженно всматриваться в буквы, отчего-то сильно сощутив правый глаз.

— Ну, я так мудрено не разумею, — наконец отлип он от пергамента и с облегчением отдал Чарбыну. — Всяко придется обождать голову. А этого ты пока можешь в поруб определить! Мы с вечера туда еще одного негодяя засадили. Будет ему компанья.

— А вот этого не надо, — выступил вперед Каурай. — Я не для того по лесам окрестным валандался, чтобы тут в порубе высиживать. Лучше скажи, где мне найти пана Рогожу, или Повлюка, на худой конец?

— А не слишком ли он много хочет для конво... конвор...

— Кон-во-и-ру-е-мо-го! — подсказал ему Чарбын. — А ты лучше на его вопрос ответ дай, он дело говорит. Вместо того чтобы тут булками тереться, хорошо бы найти кого, кто подтвердит его, так сказать, праведную личность.

— Как по мне денек в порубе любого настроит на праведную личность! Но раз ты настаиваешь... Пан Рогожа тоже с Кречетом — он его последнее время от себя не отпускает. А вот Повлюк в конюшне — воюет.

— Воюет? В конюшне? С кем?

— Да все с нечистью той хвостатой! Мы ее насилу в денник поставили, там и ищи Повлюка.

— Понятно, — поджал губы Каурай, чтобы не рассмеяться. — Веди меня в конюшню.

— А винца тебе не налить, мил человек? Аль еще чего? В поруб, в поруб — самое дело! Дай кликну ярыжку и дело в шляпе!

— Винца мне кликни плеснуть, а то мы с дороги дюже усталые, — хмыкнул Чарбын, спешился и повел лошадь в конюшню. Каурай и два его подручных двинулись следом.

Конюшни у воеводы были просторные, и, несмотря на позднее время, через ворота постоянно водили лошадей. Стоило только одноглазому зайти под крышу, как ушей его коснулось знакомое ржание, а за ним послышалась знакомая брань. Повлюка он нашел у денника — толстый казак стоял, перевалившись через ограждение, и мрачно переглядывался со злющей кобылой, которая отвечала ему взаимностью. Красотка порхала по деннику из конца в конец, и если бы Повлюк вовремя не отпрыгнул, то та точно откусила бы ему нос.

— Но-но, полегче, — с трудом удержал его Каурай, когда толстяк едва не рухнул на пол. — С ней надо жестко, но с любовью.

— Ты! — побледнел Повлюк, когда обернулся и увидел ухмылку одноглазого. — Живой?!

— Еще бы. А я гляжу, ты тут за моей лошадью приглядываешь?

— Ах, так это твоя егоза! А я-то думаю дюже знакомая кобыла, — рассмеялся толстяк, отряхиваясь от опилок. — Э, нет, это она тут за нами приглядывает. Эта сатана либо орет, как оглашенная, либо пытается забить конюхов копытами, когда те пытаются ее урезонить. О том, чтобы оседлать ее, и речи нет! И как Ранко на ней сюда прискакал, ума не приложу. Необъяснимо, но факт!

— Хорошо, я с удовольствием избавлю вас от этой обузы. Найдешь мне Кречета, когда он освободится?

— Скажу, но с тебя пиво. Кречет он нонче нервный и под горячую руку ему не попадайсь. Слышал уж, что у нас стряслось?

— Еще бы. Бедная, бедная пани Божена.

— И это тоже, — кивнул толстяк. — Но я-то про другое. Ранко нашего — в поруб усадили!

— Шутишь? — свел брови одноглазый. — Это за что?

— А он на пана воеводу с саблей кинулся, — развел руками Повлюк. — Уж не знаю с чего. Он взмыленный весь как приехал на энтой твоей демонице, поводья мне кинул и стремглав в хоромы бросился. Чего уж там меж ним и паном воеводой случилось, я не ведаю. Только дикие крики, ругань да грохот... А потом Ранко всего побитого с крыльца стаскивали — и в поруб. Так он там и сидит, а с утра на кол, я так разумею. К ни го ед . нет

— Да, дела... — протянул Каурай.

— Мало нам одних бед, да вот вам еще с горкой — факт! Эх, пойду за Кречетом, — хлопнул он Каурая по плечу и отправился вон из конюшни.

Одноглазый проводил его взглядом и подошел к деннику, где все еще бушевала неугомонная кобыла. Не успел он коснуться створки, как Красотка со всего маху влетела в них и только чудом не вынесла ворота вместе с забором.

— Вот чудо! — сплюнул подходящий конюх. — Всем двором с ней сладить не можем. В нее словно сам Сеншес вселился. Таковую только на колбасу и пускать! Жаль, конечно, такую красавицу, но у нее в голове явно насрано... А ты хто будешь, мил человек?

— Хозяин этой взбалмошной девки, — сверкнул глазом в его сторону Каурай. — Давай, отец, открывай ворота и тащи сюда головку сахару. Укрощать будем.

* * *

Когда Каурай закончил успокаивать Красотку, острожный двор затопило темнотой, которую едва разгоняли огни факелов и фонарей. Конюхи были несказанно удивлены, когда бешеная лошадь внезапно начала слушаться, дала поставить себя в стойло и накормить. Под их пораженными взглядами, Каурай направился на свежий воздух, раздумывая, где бы ему отыскать дармовой жбан с пивом и лежанку, и тут столкнулся с вислыми усами, а затем и с остальным паном Кречетом.

— Ты?! — опешил Кречет с таким лицом, точно увидел призрака. — Живой?!

За его плечами пытел Чарбын с люлькой в зубах на извечно спокойной физиономии, да Молчун с Зябликом. На улице ждал Повлюк, тихонько переговариваясь с Усманом, который так жаждал посадить одноглазого в поруб.

— Как видишь, пан, — развел руками Каурай. В одежде с чужого плеча выглядел он, как не крути, дерьмово.

— А Ранко гутарил, мол, тебя табунщики порешить собирались за жизнь какой-то разбойничьей швали, которая им, видите ли, в родственниках ходит!

— Собирались, но видимо Спаситель мне благоволил...

Не успел одноглазый кончить фразу, как Кречет с хохотом заключил его в крепкие объятия и принялся ощупывать, словно и не верил, что тот в самом деле не призрак. Каурай был рад такому бурному проявлению чувств, однако быстро освободился от его железных ручищ — еще чуть-чуть и пан Кречет рисковал переусердствовать и помять ему бока. При виде повеселевшего Кречета, в чубе у которого угадывалась новая пара седых волос, Чубец с извинениями сунул одноглазому его Подорожную, пыхнул люлькой на прощание и удовлетворенно пошагал прочь, забрав с собой своих подручных и страшно разочарованного любителя сажать людей в поруб.

Спустя пару радушных мгновений Кречет, Каурай и Повлюк вышагивали по двору в направлении интендантской. По пути голова поносил таборщиков на чем свет стоит и сулил, когда история с Баюном, наконец, отыщет свой конец, вешать и пороть уже этих “трижды проклятых коне...ов”, как он выразился, ведь они еще и, по слухам, ведут с разбойниками самую сердечную дружбу.

Злого и непрестанно ворчащего интенданта с пепельно-серым лицом Кречет вытолкал наружу почти волоком, ткнул в одноглазого и приказал: “тащи ему все до последней заклепки!” Интендант задумчиво почесал плешистый затылок, оглядев Каурая сверху донизу взглядом плотника, готовящегося соорудить ему крепкий дубовый гроб, и скрылся за дверью. Отсутствовал он недолго, и вскоре в руки одноглазого упала знакомая ему связка с гремучим добром.

Каурай разложил железяки прямо на месте и придирчиво сосчитал все штыки, баночки и пузырьки под глубоко уязвленным взглядом интенданта. Его пластинчатая броня с наплечниками и наручами очень уж сильно мозолила скупой интендантский взор.

— Черепа нету, — скривился одноглазый. Зараза.

— Какого такого черепа? — недовольно спросил интендант, щуря близорукие глаза.

— Какого такого? — передразнил интенданта Кречет. — Того самого, с которыми опричники при седлах ездят. Доставай, куда подевал опричную черепушку!

— Мы тута черепов не держим, — покачал острым подбородком интендант. — Черепа

на кладбище у попа Кондрата ищи.

— Врешь! Сказывает хозяин, нету черепушки, вот и подавай сюда черепушку. Поди закатилась куда. Я тебя, собаку, знаю!

— Ты, голова, — постучал себя пальцем по голове интендант, — когда сунул мне эту связку, мол, сосчитай барахло да опиши, а как одноглазый явится, сдай все в целости. Вот я и сдал. Все до последнего штыка, до последней заклепки, как наказывал.

С этими словами он сунул ему под нос толстый журнал, затопивший усы Кречета облаком пыли. Кречетов чих прозвучал на весь острог.

— Считаю, коль не веришь! — упер интендант острый ноготь в строчку с описью. — Твой крестик стоит? Ага. Ты сдал: связку штыков суммой в надцать штук, самострел с рычагом одну штуку, два колчана с болтами числом в надцать штук, суму с декоктами числом в одну штуку, пару наручей, пару поножей, нагрудник ламеллярный с наплечниками одну штуку, носовой платок одна штука, иголка с ниткой, смена белья... и проч и проч. Я принял — вот роспись моя. Никакой черепушкой тут и не пахло. А если б и пахло, на кой ляд мне в арсенале эта гадость?

— Поди собакам на поругание бросил! — встрял в перебранку Повлюк.

— Собаками псарь занимается, а я оружием ворочаю. — Интендант и глазом не моргнул. — Череп что оружие? Нет, вот и не ищи в арсенале того, чего там бывать не может.

С этими словами он смачно захлопнул свой журнал и убрался восвояси.

— Апчхи! Ну, старый бес! — воскликнул Кречет, пытаясь прочихаться от тучи пыли, которую поднял интендант своей книжищей, и повернулся к одноглазому. — Справим тебе новую черепушку, пан! Айда на псарню!

— Нет, благодарю, — покачал головой Каурай, силясь припомнить, когда он видел свой череп в последний раз.

— Поди пропала та черепушка в стенах шинки, факт! — сказал Повлюк. — Или прибрала ее к рукам проклятущая стерва Малашка, так ее и рас так. Она твою рогатую башку с копытцами тоже уволокла, знал?

— Нет, куда?

— Да сюда и уволокла — к воеводе, чтобы стребовать с него денег за пожженную шинку. А воевода дуру на порог не пустил, сразу собаками стал травить. Но башку фавнову — забрал. В хоромах его нынче на самом видном месте висит. Красивая.

— Негоже оставлять тебя с пустыми руками, пан Каурай, — хлопнул его по плечу Кречет. — Закатилась куда-то твоя черепушка, так и черт с ней. Мы тебе медаль выправим, когда голова баюнская на пике окажется. За заслуги перед народом Пограничья. С собачьей черепушкой!

С тяжелой ношей на горбу Каурай с казаками двинулись к воротам. Щелкун, конечно, был страшным занудой — особенно, когда проводил пару дней в отключке — однако, ничего хорошего его потеря не несла. Одни проблемы, если он попадет не в те руки. Сначала Куроук. Теперь Щелкун. Что дальше, Гвин? Голову потеряешь?

По дороге Кречет страшно ругал уже интендантское племя, припоминая им всяческие самые страшные грехи:

— Такой это народ, пан! Все норовят потерять и запутать...

— Истинно загадочное явление. Факт! — поддержал его Повлюк.

— Крестик у него стоит, ишь! — отводил душу Кречет. — Что он думает, раз крестик стоит, так ему можно вещи терять? Ах, мерзавец, пусть погодит он у меня! Крестики у него

х...естики одни на уме. А у самого не крестик, а на полстраницы закорючка стоит. Ох, подлец!

Каурай же решил затронуть более насущный вопрос:

— Что за беда с Ранко?

Было расслабившийся Кречет резко помрачнел и, прежде чем ответить, оглянулся с таким видом, словно они обсуждали вещи, за которые немудрено было оказаться на виселице. Но во дворе им было бояться не кого, если не считать немногочисленных стражников, которые при виде пана головы вытягивалась в струнку, одаривая озадаченными взглядами одноглазого.

— Скверно все, пан, — повесил Кречет усы и заговорил торопливым полусшепотом. — Дуралей этот в порубе сидит, а через пару деньков глядишь с головой попрошнется. Воевода клянется на кол его посадить. И посадит, будь уверен. После того, что с панной Боженой произошло, он уже троих девок насмерть заперол за то, что не уследили. Эх, хороший казак был, а кончил плохо, как и все мы, я так чую.

— Пан Повлюк мне сказал, что он напал на воеводу?

— Правду Повлюк гутарит, — кивнул Кречет толстяку. — Уж не ведаю, какой бес в него вселился. Ранко вчера сам не свой был, когда от этих таборщиков приехал, и воевода тоже вне себя от ярости и горя. Вот они и сцепились — насилу оттащили. Зачем и почему — хочешь сам расспрашивай, но очевидно, что влюблен он в нее был по самые уши, как и половина парубков на хуторе. Панну Божиену все любили, и такое известие многих выбило из колеи. Вот так. Сначала мать ее представилась, панна Ладила, а теперь и до дочурки добралась, костлявая...

— Ее правда нашли в церкви? На алтаре?

— Да, — кивнул Кречет. — Священник Кондрат нашел рано утром. Я когда сам туда прибежал, там все кровью было залито и запах стоял такой... чем-то гнилым несло. А чем и понять не могу. Трупы перележалые так пахнут, а панночка живой была, пусть и страшно покалеченная. Не пожалел этот Баюн ни пяди ее белого, молодого тела, словно нарочно пытал ее. Эх, а какая прелестница она была, неземной красоты дивчина... Знал о ней, негодяй, знал, вот и решил как следует отыгаться. И до сих пор еще не отошла, бедняжка. Лекарь гутарит, что надежды нет никакой, и Божена со дня на день... — он прочистил горло и торопливо зашагал к воротам острога, ни на кого не глядя и не отзываясь, когда его кликали. — Или даже уже сегодня ночью, я смею надеяться... Отмучается, бедная, отойдет к Спасителю, и слава всем Святым и Смелым и Неопалимому Лику.

Они выбрались за стены, миновали ров и быстро зашагали по откосу вдоль темных улочек, окруженные белеными стенами хат и недовольной собачьей перекличкой. Внезапно поднявшийся могучий ветрище едва не сорвал шапку с головы Кречета, так что им троим пришлось идти, чуть пригнувшись, и говорить громче, сясь перекричать вой ветродуя.

— Воевода места себе не находит, — рассказывал Кречет, засунув руки в отвороты зипуна. — Одичал совсем, постарел лет на сорок, не меньше! Даже не поглядел на связку, которую мы ему притаранили, да еще и выбранил — мол, я виноват во всем. Так долго с Баюном вожусь, и прав он, как ни крути. В самое сердце пролез — в острог! Схватил бедняжку, приволок ее в божье место и там разделал как свинью, на радость всем демонам, которым этот мерзавец служит...

Он не закончил, а только махнул рукой и замолк.

— Хотелось бы мне на панну Божиену поглядеть, хотя бы мельком, — сказал Каурай. —

Есть у меня подозрение, что не Баюн ее так...

— А кто? — стрельнул в него глазами Кречет. — Кондрат?!

— Нет. Тот, с кем не сладить обычной казацкой сталью.

— Не понимаю тебя, пан...

— Вот и я разувериться хочу, что не рука Баюна. А нечто большее.

— Загадками говоришь ты! Но насчет поглядеть на панночку, это у воеводы спроситься надо, а он нынче совсем не в духе. Как бы в поруб к Ранко не бросил, если ты к нему с такими вопросами... Лучше всего на нее глядеть только тогда, когда мучения ее подойдут к концу, и ее понесут отпевать в церкву.

— Мне этого и надо. Сам же сказал — недолго осталось.

— Что правда, то правда... Слушай, а ты сегодня где ночуешь?

Одноглазый не нашелся что сказать. Его опередил Повлюк:

— Ежели тебе некуда податься, пан опричник, то айда со мной к пани Перепелихе! — сказал он, указывая рукой направление. — Дальняя хата, совсем у околицы — идти недалече. А там и пиво, и лежанка, и веселая компания, пусть в худое время придется собраться. А то эта твоя зараза из меня последнюю душу вытрясла — факт!

— Ах, эта ваша негодная Перепелиха... — нахмурился Кречет. — У нее вся окрестная шаболта собирается. И чего ты туда ходишь? Ей богу, разгоню я этот ваш гадюшник когда-нибудь!

— Но Кречет, куда ж идтить та, раз Малашкину шинку баюновы молодчики пожгли? А насчет Перепелихи ты это зря — радушная бабенка, пусть и с придурью чуток — факт.

— А то гляди, пан Каурай, могу тебя и в своей хате устроить, — сказал Кречет. — Я сам с дочуркой поживаю, и она как раз нам стол накроет, ежели к Перепелихе опять не убежала. А так она тихая у меня, аки кошечка.

— Нет, спасибо, очень уж мне хочется нынче пива выпить, — ответил одноглазый. — Поглядим, что там за компания у Перепелихи, а потом видно будет.

— Как хошь, — сказал Кречет и наставил палец на Повлюка. — А ты, пан, ежели мою кошечку тама застукаешь, взашей ее домой гони, понял? Неча ей там с этими баловнями делать. Сам хошь шо хошь делай, а сделай так, шоб пан Каурай выпался как следует, слышал?! Это мой тебе приказ!

— Будет сделано, пан голова! Мы толечка погуляем и сразу спать, как с горилки соснуть вздумается.

— Так, завтра поведу тебя к воеводе, — повернулся Кречет к одноглазому. — Ты главное ночью у Перепелихи не удивляйся ничему, и ежели что — плюй ей под юбку, и тогда она от тебя отстанет. Запомнил?

— Запомнил, пан, благодарствую, — немедленно решил Каурай ничему не удивляться.

С этими словами они подошли к перекрестку, где и расстались. Кречет на прощание хлопнул одноглазого по плечу, махнул рукой в направлении хаты Перепелихи и зашагал в противоположную сторону, на ходу пытаясь разжечь люльку. Каурай с Повлюком чуть постояли, провожая его сгорбленную спину, и двинулись вдоль дороги.

Домом у околицы оказалась ничем не примечательная одинокая хатенка, крытая соломенной кровлей. Ее труба подобно соседкам пыхла черным кривым столбом. Изнутри раздавался веселый смех, музыка да звон посуды. Одноглазый чутка помялся, приглядываясь к радушно горящим оконцам. Скрипнула калитка, и они прошли двор. Повлюк хотел было постучаться, но дверь раскрылась сама собой, и какая-то неведомая сила заволокла обоих

внутри запахом похлебки и теплотой жарко растопленной печи.

В перепелихиной хате было не продохнуть от люлек, вспотевших чубов, покрасневшихся девок и сшибающего с ног духа горилки. Комната была освещена парой лучин, которые давали достаточно света, чтобы видеть почти каждого из компании.

— Ага! Вот и наш дорогой Повлюк пожаловал! — блеснули улыбки, когда толстяк перешагнул порог. Однако при виде его горбатого друга их радушие немного поубавилось, и они, кто с интересом, а кто с опаской, принялись рассматривать Каурая с головы до пят.

— Присаживайся, дорогой, и пусть друг его не стесняется, — пригласили их к столу. — Налейте-ка ими обоим пива!

— Благодарствую, — принял Каурай пенную кружку у девушки в цветастой шали, которая стрельнула в него пугливыми глазками и мигом растворилась среди клубов дыма, которыми была залита крохотная хатенка.

По углам комнаты подвывал ветрище, словно его спустили с поводка, стены ветхой постройки скрипели под ударами ненастья, но вечеру это никак не мешало. Каурай с вещами занесло за стол в углу, подальше от трескучих лучин и лишних глаз — в компанию Зяблика с Молчуном, Повлюка, Воробья, Абая и еще парочки парубков. Поздоровавшись со всеми, одноглазый пригубил свою кружку.

Недурно — оценил он пивоваренные дарования Перепелихи, слизал пену с губ.

— Нэ могу найти, — хлопал себя по карманам Абай. — Хот вша ешь менэ, нэ могу!

Перед ним веером разлеглась целая колода разноцветных карт рубашками вниз — на Каурая уставились лукавые глаза Ведьмы с ослом на поводу, бессердечного Монаха с удавкой, безголового Джокера с собственной башкой под мышкой и еще кучи разных персонажей, от которых мороз гулял по коже.

— Может под стол закатилась? — предположил Зяблик.

— Нэт, — покачал головой степняк. — Карта просто так нэ пропадает. Как говэривала моя матушка: худэ время — худыэ карманы. А без этой карты игра нэ игра.

— Да пес с ними, с картами. Может, в кости схлестнуться? — предложил Повлюк, роясь в собственных карманах. — Пан Каурай, как насчет партейки в кости?

По столу покатались две засаленные костяшки и хлопнулись о полупустую чарку.

— Азартным игроком меня не назовешь, — почесал подбородок одноглазый, наблюдая как кости путешествуют по столу туда-сюда. — Да и богатым тоже. Пока на службу к воеводе не наймусь, скучно вам со мной играть, панове.

— Так можно сыграть в долг, — предложил Повлюк. — Думаешь, мы тут все мошну с собой носим? Как отблагодарит тебя воевода за службу, так и уважишь.

— Эх ты, хитрый Повлюк! — хохотнул Абай. — Сам уж который мэсяц мнэ долг дэржишь. Поди отыграться захотэл?

— А провались ты пропадом, Абай со своими деньгами, — махнул на него рукой Повлюк. — Верну я тебе долг, верну! Тока срок дай, как воевода с жалованием держать перестанет — все выплачу!

— Да нэ тороплю я тэбя! — всплеснул руками Абай. — Сам в долгах как в шэлках хожу!

— Нет, благодарю, паны, — отмахнулся Каурай. — Я и не планировал задерживаться здесь надолго. А долги копить — только вшей кормить.

— Ну, раз так, мы для интересу, — поджал пухлые губы Повлюк, умоляюще глядя на

одноглазого. — А должок я тебе прощу. Так уж и быть.

— Какой же тут интерес? — сделал кислую мину Воробей. — Просто так на воздух играть, за дите что ли нас держишь?

— Ишь казаком стал, поглядите на него! — хлопнул по столу ладонью Повлюк. — Щас еще дядьке твоему прознать, где ты вечера проводишь! Мигом уши рогаликом скрутит! Факт!

— А чего это ему? — позеленел Воробей. — Что я мальчик?..

— Мальчик, — хмыкнул Повлюк и провел ему по губам пальцами. — Усы еще не отросли! А саблю носишь!

— Ну ты! — вспыхнул Воробей, вскакивая на ноги. — Ты руки свои при себе держи, толстяк!

— А то что? — подпер кулаком мясистый подбородок Повлюк. — Дядьке жаловаться пойдешь?

Воробей не нашелся с ответом — разочарованно сплюнул себе под ноги и был таков. Компания засвистела ему вслед, упрашивая вернуться, но Воробей быстро скрылся за порогом. Скрипнули ворота.

— А и пес с ним, — откинулся к стене Повлюк, перекладывая кости из ладони в ладонь. — Ну что, паны, раз тут тока казаки остались, сыграем в кости? Все правила знают?

— Угу, — покачали чубами Зяблик с Абаем. Одноглазый пропал в кружке с пивом, но и он утвердительно качнул головой. А Сеншес с ними. Чем еще занять себя этим скучным вечером?

Когда все повернулись к Молчуну, он только неопределенно пожал плечами.

— Слухай сюда, дружище, — пододвинулся к нему Повлюк. — Правила игры в кости простые как козье вымя. Два кубика — на каждой стороне по числу. Ты считать, я думаю, разумеешь как? Вот. Кидаешь и смотришь, сколько выпадет.

С этими словами он бросил кости. После недолгого путешествия по столешнице они шлепнулись одна о другую и выпали цифрами 6 и 3.

— Девять! — поднял палец Повлюк. — Это хорошее число. Но лучше, если бы выпало 7 или 11, так бы ты победил без всяких яких. А вот если 6 тебе не свезло, и Сеншес подсунул бы тебе 2, 3 или 12, то пиши пропало — мигом вся ставка ушла бы твоему сопернику. Понял?

Молчун сосредоточенно поглядел на кости, лежащие прямо у него перед носом. Поджал губы и осторожно кивнул.

— Хорошо! — удовлетворенно качнул усами Повлюк. — Но раз тебе выпало 9, то и это неплохо. Теперь тебе нужно выкинуть еще раз такое же число. Кидай сколько хошь: либо выпадет снова 9, и ты заберешь барыш, либо 7, и тогда, увы, ты проиграл. Любое другое число не засчитывается. Понял?

Молчун вздохнул и почесал себя за ухом. Смотрел он почему-то на Каурая, который споро расправлялся со своей кружкой и не лез в педагогические дела.

— Как-то ты шибко мудрено объясняешь, Повлюк, — почесал затылок Зяблик. — Дядька Чарбын так и эдак пояснит, ударит один раз кулаком по столу — и сразу понятно.

— Ну, что тут непонятного! — отчаянно дернул Молчуна за плечо Повлюк. — Сначала кидаешь кубики. Выпало 7 или 11 — ты победил. 2, 3, 12 — проиграл, уступай ход сопернику. Другое число — кидаешь еще раз. Выпадет тоже самое число — ура! Выбросил семерку, так полезай под стол и кукарекай. Ну?!

— Ну? — насел на него Зяблик, нетерпеливо оттопырив губу. Оба они смотрели на Молчуна с такой надеждой во взгляде, словно он готовился родить божественное

откровение. Или рассказать, где можно изловить коварного и неуловимого Кудлатого Уя.

Но Молчун не спешил, думал. Не стерпев, Абай начал в голос ржать.

— У... — наконец выдал Молчун, сверкнув глазами.

— Слава Спасителю! — выдохнул Зяблик. — Кидай уж.

— Да погоди ты! Ща мы поглядим как ему понятно, — пробурчал Повлюк и сунул Молчуну кости. — Кидай, шоб тебя!

Изнывая от жара ответственности, Молчун бросил кости дрогнувшей рукой и тут же упустил их под стол. Разразившийся гром с молнией едва не повалили Молчуна наземь, а казаки бросились искать выпавшие кости, но под столом их отчего-то не оказалось. Тогда грязно ругающийся и поносящий неловкого Молчуна Повлюк полез под лавки, но и там отчего-то кости не попались его цепкому взгляду. Поволандавшись так впустую, шуруя руками по полам и углам хаты, он отыскал только пару заноз и надкусанный вареник. Пока они ползали под столами, Каурай огляделся и заметил еще одни знакомые глаза, которые глядели на него из-под непослушной пепельной челки и, похоже, довольно давно. Мило улыбающаяся Малунья прижималась к плечу незнакомого парубка, поигрывая завязками его рубахи, но зрачки ее видели одного Каурая. Он тоже скопил на нее глаз, и спокойно потягивал пиво, мысленно пообещав побольней выдрать вруню, как только представится такая возможность.

Не солоно хлебавши Повлюк, Абай с Зябликом вернулись на свои места. Молчун не двигался с места, стараясь не глядеть на разочарованных товарищей. Взглядами они давно расплосовали его от плеча до пупа. Требовалась лишь искра, чтобы вся буря эмоций превратила Молчуна в дымящийся огарок. Но они смолчали — запалили люльки и пропали в плотном дыму. Вечер был безнадежно испорчен.

Допивая пиво, одноглазый откинулся на стул и прислушался к голосам остальной компании. Далась им эта игра.

— Слыхали вчера ночью, как колокол надрывался? — раздался осторожный вопрос, когда голоса стали на порядок ниже.

— А кто ж его не слыхивал, — хмыкнули в хмельные усы. — Валашье до основания дребезжало, когда долбить начали. У нас все кошки под лавки юркнули. Хоть окна все закрывай, задыхайся или уши паклей затыкай!

— Давненько так громко не били... Вернее никогда. У меня изба ходуном ходила, я уж было подумала, что она в тартарары провалится. Хуже было в ту ночь, когда отец Кондрат не стерпел и решил сам с бесовским колоколом в усердии попрактиковаться да и начал среди ночи в ответ ему на местной звоннице в набат бить. Помните, все тогда на улицы высыпали и едва не померли со страху?

— Попа тогда с колокольной насильно сняли, чтобы не пугал людей почем зря.

— Колокол-то до сих пор бьет и с каждым днем все сильней. Интересно, к чему бы это?

— Сеншес в старые колокола бьет, всех ведьм к себе на пир зовет... Церквушку давно прокляли после того, как в ней попик от тоски повешался, вот и беснуются в ней черти да ведьмаки по ночам. А мы слушай их, пока не умаются и по норам не расползутся. Мне мамка рассказывала — давненько приключилось...

— Какой там! Отец Кондрат гутарит, что безобразники какие-то балуются, чтобы волновать народ. Или те же хлопчики Баюна поселились недалеко от церквушки, да и знай себе веселятся назло воеводе, зная его несчастье.

— Вот это похоже на правду. А то все на нечистого кивают!

— А чего ж сам Кондрат туда ходить опасается? Взял бы с собой с десяток молодцов с Кречетом в главе, да и очистили бы церквушку от всякой погани разбойничьей, если нету там никаких сеншесовых сил?! Видать есть, раз у самого Кондрата коленки трясутся даже вспоминать про ту церкву, которую он сам и освящал, как поговаривают! Видать и вправду проклята она, и колокол черти дергают.

— Хоть ты плюнь, а отец мой поминает, как колокол оттуда снимали и подводами увозили. В Волах он сейчас — там на колокольне раскачивается. А в старой церкви уже годков-то двадцать никакого колокола нету.

— Ага, что же ты думаешь, разбойнички с собой новый колокол притарабанили, да еще и такого размеру, который по всей округе слышно? Брехота! Верь больше.

— Все вы ерунду мелете, дурачье, — внезапно вздохнула Малунья, мягко отстранила свою милого друга и со скучающим видом выпорхнула в сени, громко хлопнув дверью.

Компания не обратила на ее выходку ни малейшего внимания, всецело занятая горячим спором:

— А я вообще слыхал, его на пушки расплавили, еще когда с Альбией война была...

— Или сам он рухнул, да и лежит там у алтаря...

Одноглазый проводил “приятельницу” взглядом, устало вздохнул и отставил недопитую кружку. Протолкнуться сквозь тесно сидящую компанию, не передавив им ноги, было непросто, но вскоре он выбрался в сени, а оттуда и во двор.

Раскаленный добела месяц плыл по неоглядному небу, округлившимися боками раздвигая звезды. Было холодно и зябко; одноглазый выдохнул облачко пара и огляделся — Малуньи как след простыл, только две качающиеся березы попались его взгляду. Он зашел за угол и тут увидел невысокую фигурку, кутующуюся в плащик. Ага.

— Ты чего тут делаешь? — подошел Каурай к ведьмочке.

— Не видишь? — подняла она недовольные глаза. — Стою.

— Это-то я вижу. А как же наш уговор?

— Ты что считаешь, что я должна вытащить твоего Гриша из рукава? Как отыщу, так отыщу.

— Не очень-то ты стараешься...

— Я, между прочим, вчера все кусты облазила, под каждый камешек заглянула, всех знакомых порасспрашивала! — вздернула носик-кнопку ведьмочка. — Нет нигде твоих оболтусов. Как в воду канули!

— Будешь мне это рассказывать, когда все ноги стопчешь, а ты тут на гулянке с каким-то хером обжимаешься...

— А ты чего тут делаешь, позволь узнать? Горилки что ли пришел попить, да с девочкой какой помиловаться поди?

— Я так-то свою часть договора соблюдаю, — скрипнул зубом Каурай. — Мы в Валашье, как ты изволишь видеть. А завтра к воеводе. Вот что ты тут забыла — вопрос.

— У меня тут дело...

— Оно и видно.

— Эй! Я тоже завтра не семечки щелкать собираюсь. Знаю я еще одно место, куда пока соваться я побаивалась...

— Вот и займись этим, — махнул на нее рукой одноглазый и потопал прочь, коря себя за глупость. Не стоило полагаться на эту полоумную ведьмочку. Правильно говорила Хель, что от ее бедовой головушки больше проблем, чем пользы.

— Эй, ты! — кликнула его ведьмочка. — Нечего на меня рукой махать, слышишь?! Я попрощаться сюда пришла!

— С кем?

— С Боженой, с кем же еще, дурень! — прошипела она. — Поди только по бабам ходить и можешь, а я только что из терема Шкуродера! Слышал небось как она кричит?!

Выпалив это, она булькнула на последнем слове. Глаза ее полезли на лоб и она закрыла ладонью дрогнувший рот.

— Ты чего? — остановился Каурай, когда увидел как крохотное лицо ведьмочки буквально поплыло. Вот проказа, не хватало еще и слез тут...

— Ничего, — простонала она дрожащим голосом, закрываясь рукавом.

— Эй... — решил вернуться одноглазый, чувствуя себя до крайности паршиво. Ну, вот довел эту дуреху до слез. — Прекращай.

— Я и не начинала! — поджала ведьмочка губы и через силу поглядела на него исподлобья, блеснув глазами полными горьких слез. — Ничего ты не знаешь про нас, одноглазый! И про Божену ты тоже ничего не знаешь. Она, между прочим, сама этого хотела! И вот...

— Этого? — поднял бровь Каурай. — Чего этого?

— Я выполню свою часть уговора, понял! — проигнорировала Малунья его вопрос и бросилась бежать в темноту.

Одноглазый остался на месте, ругаясь себе под нос и поминая всех известных ему дочерей и жен Сеншеса — от Чумы до Проказы.

— Не сомневаюсь, — сплюнул он, когда силуэт ведьмочки растворился во мгле. Повернулся и зашагал обратно под крышу.

Пересуды про загадочную церковь все не умолкали. Каурай с трудом протиснулся между спорящих к своему месту и обнаружил, что его кружку уже осушили до дна. Прекрасно.

— Сами вы давно в церкву ту не заглядывали? — журчал звонкий девичий голосок. — Собрались бы, смельчаки, да и поглядели, кто это там ночью в колокола бьет. Говорят, росписи там страшнющие, но красивые, глаз не отвести. Какого-то художника еще в стародавние времена из-за границы выписывали, а он так расстарался, что аж попа едва удар не хватил, когда вошел он и углядел, что за страсть тот на стенах его церквушки намалевал по заграничной моде. Но стирать было поздно да и жалко. Художника того — в мешок да в прорубь, а церковь закрыли от греха. Вот там до сих пор неприкаянный дух художника по залам и носится, в колокол бьет и воет со злобы, что с ним так несправедливо злые люди поступили.

— Хотела бы я пойти и поглядеть на эти иконы... — мечтательно протянула другая деваха, но глянула на святой угол с изображением Спасителя с Пламенной дланью и пугливо осенила себя знаменем.

— Так и пойдём! Ну, кто готов сегодня?

В ответ ей раздалось недовольное бурчание, но охочих до похода в проклятую церковь не нашлось.

— Ну что? Эх вы, козаки!

— Ты бы, Груша, меньше языком болтала! Охота нам по старым церквам расхаживать. Чего мы паломники какие чтоле? А вдруг там и вправду разбойники окопались? Или еще кто похуже...

— Ну, вот и срубите голову Баюну. На радость воеводе, отомстите за бедняжку Божену.

— Потихе, Грушенька, ротик свой раскрывай, а то и моргнуть не успеешь, как в Смородинку отправишься, к Рябчику нашему пустомеле. Разбойничками пусть Кречетовы хлопчики занимаются — их это ремесло. А ежели это и впрямь нечистая сила, то это для попов да опричников самая работа. А нам и так покойно, благодарствую! Может, мне и нравится, как колокол играет, можа оно и так засыпать удобней... Ой...

— Чего это ты ойкаешь? Струхнул поди?

— Иди ты, куда подальше со своими вопросами. Не слышите что ли?

— Да чего?

— Звук какой-то... Как будто кто-то... хрюкает.

Все молодые с этих слов покатались с хохоту.

— Ахаха, вот она казачья удаль! — запела все та же Грушенька. — Боишься, что сам воевода под окном сидит, наши речи про себя слушает?

— Нет, боюсь, как бы чье-нибудь ушко мимо не проплывало, а потом чей-нибудь ротик твой словечки в панское ушко их не повторил. За тебя радею, родненькая Грушенька, за твое счастье с молодым мужем, а не с русалками в речке Смородинке.

И в подтверждении его слов откуда-то снова донесся приглушенный хрюк. На этот раз его уловили практически все и затихли.

— Глупости какие! — зашептала Груша в напряженной тиши. — И кому нужны наши разговоры?!

— А вот выйди под окошко и погляди, нет ли там ушек да язычков чужих.

Хрюк повторился. Все собравшиеся задрожали, переглянулись, а потом уставились на побледневшую Грушу.

— Нету там ничего...

— Сходи-сходи!

— Ах, так?! И схожу, — зажглась пухлая ладная Грушенька и, расталкивая прыснувших девок, бросилась к окну искать там источник таинственных звуков. Не успела она освободить щеколду, как порыв ветра выбил громыхнувшее окно. Разом налетевшая стихия бросилась под рубахи и платки, защекотав каждого холодными коготками, задула все три огонька, которые скупенько освещали вытянувшиеся лица. Изба потухла и окунулась во тьму, мигом распугав и улыбки, и поднявшиеся было смешки.

— Ну, ты и дура, Грушенька, мое тебе слово! Я ж пошутил, а ты...

— А я-то чего?! Ты меня заставил идти смотреть! — запричитала Груша, изо всех сил силясь закрыть упирающееся окно, но ветер рвал ставни и отталкивал девушку. — Помоги, чего встал?!

Ей бросились помогать, и уже двое налегли на окно, но тут нечто здоровое и черное полезло на них с улицы, громко хрюкнув в их вытянувшиеся физиономии. Оба с криком отпрянули, закрываясь руками, и попадали на пол, а из окна в комнату уже лезла громадная свиная харя. Миг, пару десятка сердец пропустили один удар, а волосатый хряк потянул скользким пяточком, открыл зубастую пасть и чудовищно завизжал. Истошный крик ужаса следом поднялся такой, что едва не сорвал крышу и не раскатал хату по бревнышку. Казаки с казачками, распихивая друг дружку, полетели вон из избы — кто бросился в двери, гуляя по головам, а кто сломя голову полез в окна, лишь бы подальше от монстра, который пытался дотянуться до них зубами и пяточком. Очень скоро крики затихли на улице, а чудище всю хрюкало, давилось смехом и радостно подпрыгивало на подоконнике. Нож и пара вилок,

торчащих из пяточка, ничуть не мешали ему получать удовольствие от своей проделки, но вскоре рыло устало веселиться и без сил упало на пол, оставив вместо себя, мокрого от слез и красного как свекла пана Повлюка.

— Ты... видел это? — задыхался он, сам не свой от счастья. — Как они улепетывали?..

— Ага, — отозвался Каурай и швырнул пустую кружку тому прямо в лоб. Та отскочила, словно снаряд от крепких крепостных стен.

— Эй! — схватился толстяк за голову. — Так же убить недолго?! Факт!

— Радуйся, что в этот раз мне под руку не попало что поострее.

— Ишь какой ты! — потер ушибленное место Повлюк. — А я между прочим выполняю приказ пана головы! Чтобы нам с тобой быстрее соснуть пойти. Ой... Помоги мне выбраться отсюда! Кажется, я застрял...

— Сам выберешься как-нибудь, — поднялся Каурай и наступил на хрустнувшую тарелку. Комната представляла собой пугающее зрелище: столы перевернуты, лавки тоже, посуда была расколошмачена и разбросана по углам. Видно не было ни зги, ветер похозяйски прогуливался от печи до сеней и обратно. Повлюк все пыхтел и стонал в окне, и Каурай сжалился над непутевым казаком.

Он выбрался во двор и тут же нашел здоровенную задницу Повлюка, которая двумя яркими полукружиями торчала из окна, дрыгала ногами и пыталась выбраться, но узкое оконце никак не давало продвинуться ни назад, ни вперед. Каурай сплюнул, повыше поднял сапог и от души пнул своего несносного знакомца прямо промеж ягодиц. Повлюк вскрикнул и повалился на пол, загремев всеми своими костями и недобитой посудой заодно.

— А полегше нельзя? — заворчал он, когда одноглазый хлопнул дверью. Посуда отчаянно хрустела под его сердито гремящими сапогами.

— В следующий раз помогу выбраться с обратной стороны.

— Нет уж!

— Вот и не ной, а лучше помоги мне убрать весь этот бардак, который оставили твои дружки!

— А, — махнул рукой Повлюк. — Тетка Перепелиха вернется и все здесь выметет. Ей не впервой.

— Вижу «ответственного» квартиранта, — хмыкнул одноглазый, переворачивая стол. На полу он заметил пару потерянных повлюковых костяшек, которыми так и не смогли поиграться казаки. Пытаясь их поднять, он неловко пнул кости носком сапога, и они покатались к стене. Когда кубики остановились, на него смотрели «глаза змеи». Одноглазый хмыкнул и снова пнул их сапогом. Через пару ударов сердца две черные точки вновь уперлись в потолок.

“Вот жирный негодяй”, — ухмыльнулся Каурай, сдул с костяшек пыль и сунул в карман. Чем черт не шутит.

— Пустое! — все балаболит Повлюк. — Она иной раз не меньший переполох устраивает, когда чертей всю ночь катает.

Каурай решил, что ослышался, и нахмурил брови. На его озадаченный взгляд Повлюк только хохотнул и, охая, поднялся с пола.

— Кого катает?!

— Чертей! — повторил он и помог поднять еще пару лавок и стульев. — Забираются они к ней на спину, и скочут с Перепелихой по комнате до рассвета. И не уймешь ее, бедную. Ох, и плачет она потом наутро — вся спина и колени в синяках. Факт!

— Интересно...

— Тетка Перепелиха известная затейница! Гутарят, бывшая колдунья, которую почему-то невзлюбили демоны и теперь измываются над ней, почти каждую ночь. Но она крепкая — терпит. Да ты не бойсь! Главное комнату перед этим запереть, а то и на тебя вскочит, не оторвешь потом.

— Кто, черти?..

— Не, — махнул он рукой. — Тетка!

— Еб... твою...

— Вот то-то и оно! — подмигнул ему толстяк. — Так что давай побыстрее заканчивать и на боковую, пока она от подруги не вернулась. Браниться начнет, а то и кочергой огреет — подумает сослепу, что черти снова набедокурили.

— Подруга тоже из бывших?

— А ты думал! Все бабы на хуторе, хоть и немного, но ведьмы. Факт!

Глубокой ночью он проснулся и сразу же потянулся к ножу.

Запоздало подумалось о привычках Перепелихи и о том, а не забыл ли он запереть дверь, как предупреждал Повлюк. Следом осознал, что гнетущий звон, который он принял за отголосок кошмара, раздаётся за стенами хаты и заставляет каждую половицу хаты дребезжать. За дверью тем временем вышагивали и пререкались на все лады, а потом загрохотали дверью об опущенный крючок, и заговорили осипшим голосом Кречета:

— Пан Каурай? Извини, что беспокою так поздно, но дело срочное. Пан воевода хочет тебя видеть. Немедля!

Чертыхаясь, одноглазый вылез из теплой постели — если лежанку, разложенную на полу, можно было назвать постелью — и в чем был бросился отпираться. Кречет стоял с фонарем в руке, стряхивая с плаща мокрый снег. Плечи казака, усы и закругленные концы сапог были усыпаны тающей снежной крошкой. Его лицо было мертвецки серьезным.

— Отмучилась, пан, — проговорил он в печально повисшие усы. — Панна Божена преставилась.

Сзади что-то звонко шлепнулось об пол. К ним вылез заспанный Повлюк, впустую хлопая глазами.

— Собирайся! — нетерпеливо мотнул усами Кречет и зашагал вон из хаты.

Одноглазый не стал заставлять голову долго ждать. Не успел казак разжечь свою люльку и как следует затянуться, как сапог Каурая уже переступил порог, а сам он сходил с крыльца, затягивая ремень с кинжалом.

— Почему такая срочность? — спросил он, хлюпая сапогами по слякоти и кутаясь в плащ. С неба и впрямь валил снег — большими, крупными хлопьями, которые, стоило им коснуться земли, мигом таяли и превращались в кашу.

— Не знаю, — поднял на него заплывшие глаза Кречет и еще раз глубоко втянул в себя дым; кончики пальцев заметно подрагивали. — Приказ.

И, не говоря более ни слова, они пошаркали по дороге на вал.

Колокольный бой встречал их как огромное гулкое сердце, каждый удар отбивая грустную поминальную оду. По дороге обоим не встретилось ни души, ни огонька, ни шепотка. Спутником оставался лишь одинокий фонарь, что покачивался в руке Кречета в то время, как старый казак торопливо переваливался с ноги на ногу, попыхивая люлькой в такт своим мыслям. Даже собаки отчего-то забыли взвыть и разразиться лаем вслед двум одиноким полуночникам. Никто не заступил им дорогу, пока они поднимались по насыпи к мрачному и грозному острогу, который в этой ветреной ночи виделся вратами в иной мир. Они миновали частокол, похлопали по нарождающимся лужам внутреннего двора к Замку и поднялись по скрипучей лестнице до накрепко запертых дверей, ведущих в сени.

Внутри их пустили без разговоров — очевидно никто и подумать не мог, чтобы этой ночью чужак посмел бы вторгнуться к мертвой без приглашения.

— Это я у тебя заберу пока, — указал Кречет на кинжал на поясе Каурая. — В дом к воеводе запрещено заходить с оружием. Особенно чужакам.

Тревожно. Непокойно. Жарко в хоромах пана воеводы. И холодно одновременно. Докрасна натопленные печи и пушистые ковры не спасали от сквозняков, которые бродили вдоль половиц и щекотали за пятки всякого, кто не успевал юркнуть с дороги Кречета и его

мрачного гостя. Пока они пересекали полутемный коридор, по стенам жались напуганные тени со свечами в руках, торопливо осеняя себя Пламенным знаком и шепча наговоры.

Каурай пронзил темноту “ночным” глазом, и заметил ровно то, что ожидал. Проклятье. Злое, коварное и дурное. В каждой комнате, кладовке, сундуке и за каждой печью. От него некуда деться в этом мрачном доме, прозванном Замком. Проклятье скреблось под полами, ворочалась в стенах, подвывало в щелях, сопело, гремело и ухало в самых темных углах.

Ждало. Захлебываясь от предвкушения.

Остановила обоих плотно закрытая дверь из красного дерева. Прежде чем толкнуть ее. Кречет кротко постучался, но ответили ему лишь молчанием.

Богато обставленную горницу освещали три огонька. Первый покоился в пальцах женщины, распростертой на массивном ложе, устеленном простынями и пышными подушками. Ее лицо покрывал полупрозрачный саван. Второй озарял иконостас с грозным Неопалимым ликом Спасителя, вечно молодой Богоматери, святого Ансельма-заступника и прочих Святых и Смелых, несущих службу в головах у покойницы. Пылающие очи оглядели вошедших, всем своим видом осуждая пришельцев за то, что те посмели нарушить покой горницы.

Третий огонь держал бородач, облаченный в черную рясу. Нашептывая молитву себе под нос, он замер подле смертного ложа и самозабвенно чертил вокруг себя и головы покойницы твердой рукой, и только скрип половицы заставил его оглянуться и неодобрительно поглядеть на вошедших. Стоило глазам из-под густых бровей задержаться на Кречете, а потом скакнуть к одноглазому, как строгое лицо мигом исказилось:

— Это еще кто такой?! — басистым голосом пророкотал священник. В увешанной коврами горнице его неудовольствие прозвучало особенно громко и пробудило третью фигуру, которая располагалась в ногах у покойницы, прижав седой чуб к недвижимым стопам.

Лицо грузного старика, высушенное и изодранное скорбью, еще хранило необузданный огонь в глубоко посаженных ярко-голубых глазах. Сжавшиеся в нитку губы и не думали разомкнуться и поприветствовать гостей. Лишь правая щека, заросшая грубой щетиной, слегка дернулась — помеченная страшным шрамом, совсем свежим и еще кровоточащим.

Повисло молчание, вполне естественное в сложившейся ситуации, где каждый из лиц, находящихся в коконе свернувшейся тьмы, готовился вступить в игру, либо уйти в тень, согласно уготованной ему роли. Нравилось ему это или нет.

Пан воевода выпрямился на стуле и оглядел Каурая с головы до пят немигающим ледяным взором, которым можно было дробить камни. Этот взгляд Каурай знал слишком хорошо. Так обычно глядели безумцы, утопшие в бездне отчаяния и решившиеся нанять одноглазого на работу. Иной исход обещал слишком высокую цену, которую ни один не соглашался платить.

Значит, не ошиблась Хель. Как в воду глядела.

Священник тоже заметил спокойную решимость воеводы, которым он пометил визит незнакомца, и ужаснулся:

— Кто этот нечистый?! — наставил он палец Каураю прямо в лоб. — Зачем он здесь? Неужели ты опять, Серго?..

— Я сам решу, зачем он здесь, — отозвался воевода голосом, ничем не уступающим басу попа, но более глубоким, привыкшим к беспрекословному подчинению и не прощающему обид. — И я буду говорить с ним. Если ты так боишься его, Кондрат, покинь

нас. Не доводи до греха.

— Это опричник! — шипел дрожащим голосом поп и все держал вскинутый палец, словно хотел проткнуть им одноглазого. — Слуга Сеншеса! Шпион Крустника! Такие как он...

— Я знаю, чем знамениты такие как он, — прервал его речь воевода. — Видал парочку, когда воевал. И ведомо мне, на что они способны. Для того и позвал. Покинь нас, отче.

— Ты сошел с ума! Я простил тебе ту рыжую тварь, но этот?! Подумай о...

Но под сердитым взглядом воеводы поп внезапно поник, зыркнул на одноглазого и торопливым шагом бросился вон из горницы. Хлопнула дверь, они остались втроем.

— Возможно... — пробормотал воевода, склонил было отяжелевшую голову к груди, но вновь поднял усталые глаза. — Ты тот опричник, который прибыл ко мне в Валашье вчера на закате?

— Я, пан, — склонил голову одноглазый, не прерывая зрительного контакта. — Можешь называть меня Каурай.

— Твое имя мне без надобности, — проговорил воевода. — Мне лишь важно тот ли ты человек, которому моя почившая дочь завещала исполнить ее последнюю волю.

— Последнюю волю, пан? — переспросил одноглазый, на мгновение усомнившись, правильно ли он понял воеводу.

Но тот кивнул.

— Именно, — еле заметно качнулась его голова. — Моя дочь... Божена, накануне кончины исповедовалась отцу Кондрату, испуганную персону которого ты только что имел честь наблюдать, и заявила, что хотела бы во спасение своей грешной души видеть подле себя человека, который придет в острог в последнюю ночь на закате. “Одноглазый черт”, как она выразилась. “Вы узнаете его, он «одноглазый черт» и ездит повсюду с метлой”, так она сказала, — при этих словах воевода хохотнул, пройдясь пятерней по седым усам. — И вправду, глаз у тебя действительно один, если повязку ты носишь не шутки ради. Только метлы с собой нет, но да ладно. Неприлично это как-то — приходить в гости со своей метлой. Скажи мне, пан опричник, откуда моя дочь могла знать таких как ты?

— Не ведаю, пан воевода, — еще ниже склонил голову Каурай, не мигая и упрямо не отводя глаз. — В ваших краях я раньше не бывал, спроси любого здесь.

— Так может, о твоих подвигах она наслышана? — не отступал воевода. — Моя девонька всегда была излишне любопытна. Не по годам, я бы сказал, любила влезать во всякие взрослые дела. Раньше я радовался, что растет подле меня такая смышленная пташка, но потом смутился, когда она начала совать свой носик в какую угодно книжку, кроме Писания, а его если и открывала, то насмешки ради. И горазда была водить дружбу с разными сомнительными личностями, коих приходилось мне гнать со двора собаками, и не раз. Уж не свела ли вас где кривая дорожка? Ты погоди отнекиваться, пан — подумай хорошенько. Я ведь все равно узнаю. Есть много способов добиться правды. И далеко не все из них безболезненные.

— Я родился в Брундрии, пан воевода.

— Брундрии, шутишь? — удивился Кречет.

— Если бы.

— Слышал я, Брундрия полностью заросла мор-травой, — покачал головой Кречет. — Там бродят призраки, и никто не живет уже очень давно.

— Нет, кое-кто там еще живет, — задумчиво почесал нос одноглазый. — Хотя насчет

мор-травы ты прав — ее там вдоволь. Все детство я провел в зарослях мор-травы. С тех пор мне пришлось покататься по разным сторонам света, но я еще помню, какова она на вкус. Иногда служба доводила меня даже до империи Дагудай. Но ни разу судьба не заносила меня на Пограничье, чтобы знакомиться со здешними панночками.

— Поверю на слово, — хмыкнул воевода. — Впрочем, и неважно это — случайно ли моя дочь призвала тебя перед смертью, или же сам Сеншес вложил ей в уста этого “одноглазого черта с метлой”. В любом случае, ты исполнишь ее волю. А я щедро заплачу тебе за работу. Отказа я не приму.

— О какой работе идет речь?

— Выстоять пред ее гробом службу в течение трех ночных бдений. От заката до рассвета, как и сказано в Писании. Таково и есть желание моей дочери. Начиная с этой минуты.

— Несложная задача. Но не лучше ли обратиться к обычному дьячку, нежели к опричнику?

— И я так подумал, и в иной ситуации я бы не то, что не позвал тебя в сей поздний час из-за такой ерунды, а приказал бы выволочь на дорогу и травить собаками, пока душа не выпрыгнет. Но отец Кондрат наотрез отказался даже открывать книгу подле ее гроба, если ее внесут в церковь. Но и это не причина обращаться к такому как ты, ибо с упертым Кондратом я слажу, не словом — так кнутом. Слышал ли ты о том, что случилось с моей дочерью?

— Слышал, но боюсь оскорбить твои уши глупыми слухами, которыми полнится округа.

— Не знаю, о каких слухах ты ведешь разговор, но поговаривают, что над моей дочерью покуражился сам Баюн. Чудовище, которое уже третий год терроризирует Пограничье и не дает людям спокойно спать по ночам. Такие разговоры ты слышал?

— Именно.

— Так вот, пан опричник. Я не глупая трескучая старуха, которой кровь из носу нужно посудачить обо всем на завалинке. Я знаю, на что способны человеческие руки, уж поверь. Знаю, как виртуозно хороший пыточных дел мастер может поработать с истязаемым, чтобы он оставался в сознании и не умирал, пока этого не захочет палач. Ничего подобного не могло произойти с Боженой. Ее увечья это... не плоды человеческих рук, я знаю это наверно. Это когти Сеншеса, демона...

— Кондрат боится демона, который изувечил ее?

— Этот трус боится самой Божены. Он верит в то, что она будучи ведьмой сама поплатилась за свой распутный образ жизни.

— А ты, пан? Ты веришь в то, что она в самом деле была ведьмой?

После этих слов встала неловкая тишина.

— В иной ситуации за такое я приказал бы высечь тебя до щенячьего писка. Но ежели бы речь шла о простой девочке, у которой в мыслях лишь побыстрее выскочить замуж и нарожать старику кучу внуков. Но моя дочь, Божена, была другой, всегда отличалась от прочих. В худшую сторону. И эта сторона всегда беспокоила меня и не давала мне спать по ночам. Слухи, одноглазый, пересуды. Ими полнятся уста каждого на хуторах, кто только открывает рот на завалинке. А слухи о моей дочери ходили самые гнусные. И я вынужден признаться, что не каждый из них был ложью, как бы мне того не хотелось... Мои казачки и впрямь часто видели ее в компании падших женщин. На капищах, кладбищах, в ногах рожающих женщин, умирающих стариков, больных детей. Сначала я не верил тому, что мне

рассказывали танцах вокруг костров, в которых она с радостью принимала участие, и приказывал сечь каждого, кто только подумает нашептать мне нечто подобное, но время шло, а таких разговоров становилось слишком много. Сама же Божена жила слишком разгульной жизнью, почти не появляясь в церкви. Даже убежала из дому, чтобы вернуться вся перемазанная застарелой кровью, в земле и в странных рисунках, покрывающих ее тело...

— Можете не рассказывать...

— Я буду говорить только то, что считаю нужным, опричник. Врать у гроба моей дочери я не намерен. Возможно, она заслужила это. Но в своих грехах она будет раскаиваться перед Спасителем, и только перед ним.

— Могу я взглянуть на нее?

— Зачем?!

— Иногда чтобы понять, что в действительности произошло, нужно поглядеть самому.

— Поглядеть?.. — зажглись глаза воеводы яростью. Каурай уже решил, что старик сейчас набросится на него с кулаками, но ярость схлынула так же быстро, как и возникла.

Он тяжело поднялся и молча отошел к стене:

— Гляди.

Каурай шагнул к изголовью и склонился над усопшей. Саван плотно обволакивал точеные черты. Он аккуратно подцепил пальцами тонкую материю и приподнял полотно, открыв лицо панночки трепещущему свету лампы.

— Нагляделся уж? — нетерпеливо спросил старик, стоя к Кураю вполоборота.

— Да, — распрямился тот и снова покрыл мертвую невесомой тканью. — Ты прав, воевода. Тут поработали не простые смертные.

Ответом на эти слова стал тяжелый вздох и скрип стула, когда воевода вновь устроился в ногах усопшей.

— Сталкивался уже с таким?..

— Да, пару раз, — уклончиво ответил одноглазый. — Но, признаюсь, жертва обычно быстро умирала. Она долго мучилась?

— Почти сутки, — глухо отозвался старик и зашипел, едва сдерживая рыдания. — Обещаю, что доберусь до той силы, которая это сделала с ней. Из-под земли достану...

— Он не закончил. За ней вернуться.

— Кто? — дрогнула скула у убитого горем старика.

— Тот, кто истязал ее. Демон.

— Зачем? За ее телом?

— С телом он закончил. А вот с духом, нет. Что-то помешало ему вцепиться в ее душу и утащить в Яму. Скорее всего, вскоре он попытается завладеть ею уже окончательно. И, возможно, нынче ночью. Пан, лучше принеси сюда побольше свечей.

С этими словами одноглазый приподнял повязку посмотрел в самый темный угол, которого не касался ни один лучик света. Самый темный и самый холодный. Каурай давно подозревал, что там кто-то сидел. И ждал. Ждал, когда воеводу оставят силы.

— Сейчас каждая тень — наш враг.

— Свечей я не пожалею... Но что же делать? Не может же она лежать здесь до скончания времен?..

— Делай все так, как задумал — уговори отца Кондрата провести ночное бдение по умершей. Но завтра, сегодня он пришел в одиночку.

Каурай ухмыльнулся, встречаясь с чертом глазами, и издевательски подмигнул

разозлившейся твари. Ему было с чего беситься — он давно облюбовал “черный” угол, в который на Пограничье не было принято ставить ничего кроме метлы, и упорно выжидал своего часа, когда в горнице не останется никого кроме мертвых, чтобы исполнить задуманное. Напротив такого угла всегда располагались лики святых и смелых, но нынче иконы были практически бесполезны. Слишком велики ставки.

Воевода проследил за его взглядом. Но не увидел ничего, кроме чернеющей в углу темноты.

— Ты справишься с ним?.. — спросил он севшим голосом.

— Да, — кивнул Каурай. — Тут выбор не велик — либо сразить демона, либо разделить участь несчастной Божены. Но мне нужно кое-что...

— Ты получишь все, что нужно, опричник. Кречет!

— Да, пан воевода? — склонил голову казак, пораженный всем, что услышал.

— Дашь ему все, что он ни попросит. В разумных пределах, конечно.

— Арсенал в твоём распоряжении, пан Каурай!

— Благодарю, — кивнул Каурай. — Распорядитесь насчет свечей и, прошу, уходите отсюда. Оба.

— Еще чего! — округлились глаза воеводы, но тут он снова поглядел в угол и скрипнул зубами. — Погань...

— Именно. Посему уходите, и чтоб никто даже не думал соваться сюда до рассвета. Моя работа начинается сейчас.

Не говоря более ни слова, воевода поднялся со стула и, сжав на прощание ногу своей покойной дочери, направился к выходу. Кречет без разговоров вернул Каураю его кинжал и последовал за хозяином.

— И еще одно, опричник, — оглянулся воевода на одноглазого, прежде чем покинуть горницу. — Справишься с работой, дам тебе столько серебра, сколько сможешь увезти на этой своей безумной кобыле. Не справишься...

— Об этом позаботится ваш гость, пан воевода, — поклонился Каурай.

И он не разгибал спину, пока воевода с тяжелым сердцем не захлопнул дверь, оставив одноглазого с чертом один на один.

— А ты большой... Переваривать долго.

— Я горький на вкус.

Каурай перевернул стул и уселся, положив локти на спинку. В руке сверкнул кинжал, один удар которого обещал доставить черту массу проблем. Но вот насчет второго удара Каурай был не уверен.

Черт был не дурак, и не спешил вылезать из своего угла. Свечей наносили полную горницу, но горели они из рук вон плохо и постоянно тухли. Угол как был чернее черного, так и оставался. И несло оттуда гнилью.

— Беги отсюда, опричник, пока цел, — сверкнули два глаза из темноты. — Она сама выбрала свою судьбу. Это не твое дело.

— Напротив, — сказал одноглазый, проходясь пальцем вдоль изящного обнаженного лезвия. — Ведьмы и их проблемы — это всегда мое дело. Так уж повелось. Поверь, я сам страдаю.

— Будет проще, если ты отступишь, — сощурились глаза. — И дашь нам наказать эту воровку.

— И что же она украла у вас?

— Это дело Ямы.

— Вот с Ямой я и буду вести беседы. А ты можешь проваливать, черт.

— Яма не ведет беседы. Яма берет свое.

— Пусть заберет другую жертву. Эта под моей защитой.

— Ты хочешь, чтобы мы забрали другую? Кого?

— Разве на Пограничье мало душ? — ухмыльнулся одноглазый. — В этом страшном доме, в котором в каждой комнате по “черному” углу и где даже печи не могут разогнать могильный холод? Зачем Яме одна невинная душа, если весь острог скован вашей паутиной.

— И ты готов отдать ни в чем не повинную душу в обмен на эту грешницу, которая пограла все человеческие законы? Не так ли, опричник? В своем ли ты уме?

— Ты что вправду взываешь к моей совести? Интересные пошли времена, раз даже черти становятся гуманнее.

— Думаешь обмануть обманщика? Души падают в Яму каждый удар твоего напуганного сердца, — вещал черт из угла. — Пока мы с тобой разговариваем, в этом самом доме одна безумная душа уже готовится стать нашей. Вот-вот ее шею стянет петля, и она предстанет пред вратами в Пандемониум. А в селении за стенами одна особа скоро отравит пищу своей матушки — по ее мнению та уж слишком зажилась на этом свете. Их обеих поджидает Яма, одну раньше, другую позже. Кое-кто на той же улице в сильном подпитии рвет глотки из-за кобылы — Яма примет и их. И таких десятки, сотни — тысячи каждый день скатываются по гладким ступеням, по которым невозможно подняться. Колесо вертится, и нет ему покоя. Это естественный порядок вещей. За преступление следует расплата, а ты пытаешься встать на пути у справедливости.

— Истинно так, — склонил голову одноглазый. — Но с этого места я не сойду, так и знай. Давай лучше сыграем.

— Во что?

— В кости. Выиграешь ты — заберешь душу Божены. Выиграю я — удовлетворишься

“естественным порядком вещей”.

— Ха, желаешь немного поторопить события? — хохотнул черт. — Хорошо. Но на каждый твой промах я заберу одну жизнь в этом доме. Каждая случайность будет стоить жизни кому-то, кто сейчас трясется за стенами и ждет своей участи. И так мы будем играть, пока не взойдет солнце, или пока ты не проиграешь. Согласен?

— Это честно.

И тут же из угла выкатились две белые костяшки. Ударились о сапог одноглазого и встали намертво. Два и пять. В сумме выпало семь.

Следом дом сотряс протяжный женский визг. Вскоре стены Замка снова погрузились в тревожную тишину.

— Она давно напрашивалась, — довольно хохотнул черт. — Теперь твоя очередь, мой добрый друг. Постарайся сразу не выбросить “глаза змеи”. А то станет совсем не интересно.

Одноглазый пару раз встряхнул кубики, почувствовав прохладу старых, истертых костяшек, и раскрыл ладони. Костяшки, подскакивая и вращаясь полетели на пол — одна костяшка замерла показав цифру шесть, другая — четыре. Десятка.

— Неплохо, — хмыкнул черт. — Чтобы победить, тебе придется выбить снова это число. Но остерегайся семерок. Семь — мое число.

Ладонь Каурая снова кольнули прохладные костяшки. Из чьих именно костей были вырезаны эти кубики, можно было даже не спрашивать. Он бросил их, слегка подув в кулак. Шестерка и единица. Выпало семь.

Снова завизжала женщина — но на этот раз визг перешел с надрывный плач. И он оборвался, и снова настала тишина. Дом замер в ожидании следующих слов черта.

— А вот эта всегда много болтала. Достаточно смертей на сегодня? Или, может быть, повысим ставки?

— Для меня ставка одна. Бросай, твой черед.

Кубики пропали в “черном” углу. Черт не стал долго мучить одноглазого — дрожащий свет высветил две тощие миниатюрные руки, заросшие черным волосом. Сложенные ладони слегка качнулись и разошлись в стороны. Кости полетели на пол. “Глаза змеи”.

— Прискорбно, — покачал головой Каурай. — Ты проиграл.

— Эту ставку, — погрозили острым когтем из угла. — Что ж, пусть старый Рогожа мирно спит в своей постели. Пока что.

— Моя очередь, — сказал одноглазый, теребя кубики в кулаке. Встряхнул пару раз и высыпал на пол. На этот раз они долго не могли успокоиться — все катались по полу и вращались вокруг своей оси, как заговоренные.

— Хватит кривляться, — закатил глаза Каурай. — Играй честно.

— Ха, хорошо! — засмеялся черт.

Кубикам наконец надоело вращаться и они упали каждый на свою грань. Одна костяшка показала пятерку, другая — шесть. В сумме одиннадцать. Стены сохранили молчание.

— Удача на твоей стороне, опричник. Поздравляю. Пусть птенчик и дальше мирно спит и видит сны.

— Удача? Или случай?

— Сие лишь две грани одного и того же кубика. Подтолкни их мне, будь другом. Уж больно далеко тянутся.

Не успели кубики прокатиться по полу, как снова оказались в волосатых лапах. Черт деловито переложил их из одной ладони в другую, размял, щелкнул костяшками и бросил на

пол.

Три и три. Шестерка.

— Неудачно, — цыкнул зубом черт. — Я рассчитывал побыстрее разделаться с этой негодницей.

— Кидай сколько влезет, — ухмыльнулся одноглазый, подталкивая кубики в угол. — Но остерегайся семерок. На этот раз твое любимое число играет против тебя.

Черт на это только что-то проворчал, забрал кубики и, не встряхивая, бросил обратно. Кубики подскочили, стукнулись один о другой и бросились в разные стороны.

— Полегче, пан! — всплеснул руками одноглазый, когда костяшки полетели к противоположным стенам. Из угла последовали робкие извинения, которым Каурай не поверил ни на грош.

— Двенадцать, — поглядел он на выпавшее число. — Сам посмотришь?

— Мне отсюда хорошо видно, — проворчала темнота. — Давай их сюда, стервцов. Благодарю.

Черт предпринял новую попытку справиться с вертлявой удачей и выбросить шестерку, чтобы забрать душу “негодницы”. Но, покатавшись немного по полу, костяшки снова поглядели на игроков “глазами змеи”.

— Может быть, “два” твое число? — поджал губы Каурай.

— Смейся-смейся, но кидать кости я буду до тех пор, пока не выброшу шесть, и не возьму ласточку Серго за пяточки. Она как раз ждет не дождется.

— Ласточку? — спросил одноглазый. — Что за ласточку?

— Постель воеводы всегда должна быть согрета молодым женским телом, — хохотнул черт. — Не успела затихнуть в могиле его старая жинка, панна Ладила, как Серго мигом взгромоздился на новую. Но жинка хоть и новая, а Серго остается тем же самым. Птичка и радовалась поначалу, что пролезла в золотую клетку, но прутья ее холодны, вершки острее бритвы, а от одной стены к другой бродит старый вечно голодный лев.

Со смехом он выбросил руку с гремучими костями. Один удар, другой — они покатались по полу, вращаясь и отсчитывая последние удары сердца “ласточки”. Выпало семь.

— Зараза! — воскликнул черт. — Чтоб вам провалиться, проклятые!

— Спокойней, пан, — осадил его одноглазый. — Это всего лишь кости.

— Кости оставляют за собой лишь горести, — подмигнули ему. — Но ничего. Я к ней наведуясь в другой раз. Бросай же, твой черед решать чужую судьбу.

— Если не секрет, чья голова на этот раз ляжет на сукно?

— Отчего ж секрет? Пусть будет пани Малунья, дочка сотенного головы, пана Кречета. Рыбка хоть куды. Сам ее знаю, ведовством увлекается... Ты чего это помрачнел, пан? Жалко такую срезать, дело ясное, — она, глядишь, и на нашу сторону перебраться может. Но что подделаешь? Игра! Бросай кости, не терзай душу.

— Не знал, что у вашего брата есть душа, — проговорил Каурай, взвешивая на ладони кубики. Одна костяшка была тяжелей, чем обычно.

Выбросил горсть. Кости забегали, запрыгали, закружились, застучали по полу.оборот — один, другой. Кости встали. Шестерка.

— Повезло курочке — поживет чуть подольше, — разочарованно клацнули зубами. — До тех пор, пока ты не выбросишь семь.

— Не выброшу, — закусил губу одноглазый. — У меня будет шесть.

— Что я слышу?! — удивился черт. — Тебя что волнует судьба этой малышки? Славно, что одни души ты ставишь выше других. Одни жизни ты не задумываясь бросаешь в печь, а за другие играешь до последнего. Ох, хорошее дело мы затеяли, пан!

— Прикуси язык, дьявол.

— Ох, как грубо!

Первый бросок ничего не дал — костяшки выбили один и два, тройку. Следующий показал две четверки — восемь. “Совсем близко”, — захохотали из темноты, когда одноглазый собирал кубики для нового броска. Ему нужно было выбить шесть, и тогда Малунья спасена. Если же сумма окажется равна семи, то девушку ничто не спасет от коварного случая. Она навернется вниз с метлы, станет добычей голодных волков, напорется на нож, поскользнется и свернет себе шею. Все что угодно, удача обернется к ней обратной стороной и утопит в крови.

Каурай вздохнул, растирая костяшки в ладонях. Одна была столь же холодной, как и в первый раз, когда он сомкнул на ней пальцы. Он вскинул руку и выронил кости. Кубики весело запрыгали по половицам, с каждым разом подскакивая все тяжелее, пока не покатались одна костяшка против другой. Первый кубик замер на числе пять. Второй откатился немного дальше, чуть покрутился, раззадоривая сердце одноглазого.

Успокоился.

И застрял между щелью в половице, уткнувшись в нее гранью. На игроков смотрели две цифры: единица лукаво подмигивала одноглазому, а двойка поглядывала в рыло черту.

— Бывает и такое, пан. Не часто — один раз из миллиона. Но результат не засчитан.

— Я не буду перебрасывать, — проговорил Каурай, — она клонилась к единице.

— Увы, костяшка стоит на ребре, сам видишь. Но я не хочу с тобой ссориться из-за такого пустяка, — неожиданно легко согласился черт и щелкнул пальцами. — Пусть девонька еще поживет, а я возьму себе другую душу. Побольше и поздоровее. И позначительней. Так даже интересней.

— Что ты имеешь в виду?..

Крик проснувшегося петуха не дал им продолжить игру. В углу недовольно завозились.

— Жаль, — вздохнул черт. — Меня уже прогоняют, пан. И каков итог?

— Я выиграл, — сказал Каурай. Однако победителем он себя не чувствовал ни на пядь.

— Что ж раз ты так уверен, — противно хихикнул его оппонент. — Твоя взяла! Я удаляюсь ни с чем. Пусть пани Божена полежит тут еще денек.

— Еще денек? Уговор был...

— Уговор был, что я удовлетворюсь естественным порядком вещей, — довольно оскалил зубы черт. — И я удовлетворюсь тремя внеочередными душами взамен одной. Но последнюю, пожалуй, оставлю на завтра. А ты прощай, пан опричник. Торжествуй. Зализывай раны. Оплакивай усопших, которых этой ночью было много. И передавай привет моей родне. Они долго собираются, но завтра придут в полном составе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net